

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ
АКАДЕМИЯСЫНЫҢ
ЖАРШЫСЫ

2025

№4(38) 12+

ISSN 2518-7252 (print)
ISSN 3079-4609 (online)

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫНЫҢ
ЖАНЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ
АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«THE BULLETIN OF
LAW ENFORCEMENT ACADEMY»**

№ 4 (38) 2025

Қосшы 2025

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ
2025 № 4 (38)**

Құрылтайшы:

«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясы» ММ

2016 жылдан бастап шығады.

Жылына 4 рет шығарылады.

Жарияланымдар тілі – қазақ, орыс, ағылшын.

Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін
ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізілген
(ҚР БҒМ БСБК 17.04.2019 ж. № 396 бұйрығы (күші жойылды),
08.09.2025 ж. № 1531 бұйрығы),
«Ресейлік ғылыми дәйексөз индексі» (РГДИ) Ресейлік
библиографиялық мәліметтер базасына,
Қазақстандық дәйексөз қорына (ҚазДҚ) енгізілген.

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және коммуникациялар министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру
және бұқаралық ақпарат құралдары саласындағы мемлекеттік бақылау комитетінде тіркелген.
№ 16600-ЖБ тіркеу куәлігі 2017 жылдың 1 шілдесінде берілген.

Редакциялық кеңестің құрамы:

Н.М. Әбдіров – з.ғ.к., философия докторы (PhD);
Е.Б. Абдрасулов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
С.В. Аракелян – з.ғ.д., профессор (Армения);
И.Ш. Борчашвили – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
М.М. Бринчук – з.ғ.д., профессор (Ресей);
В.А. Бублик – з.ғ.д., профессор (Ресей);
Ә.К. Бұрханов – саяси ғ.к., (Қазақстан);
Г.А. Василевич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
Т.Е. Қаудыров – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.П. Кирица – құқық докторы, доцент (Молдова);
Қ.С. Лақбаев – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.А. Малиновский – з.ғ.д., доцент (Қазақстан);
В.В. Марчук – з.ғ.к. (Беларусь);
Қ.Қ. Сейтенов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.Г. Татарян – з.ғ.д., профессор (Ресей);
С.Т. Тыныбеков – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
А. Трунк – құқық докторы, профессор (Германия);
Т.А. Ханов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.М. Хомич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
О.А. Ястребов – з.ғ.д., профессор (Ресей).

Редакциялық алқаның құрамы:

Е.Қ. Қайрулла – з.ғ.к. – **Бас редактор**;
Е.Т. Әбеуов – з.ғ.к., доцент;
Ә.М. Әлібекова – з.ғ.к.;
Р.А. Әмірханов – з.ғ.к.;
Ұ.Қ. Жанатаева – саяси ғ.д.;
Н.Ш. Жемпиісов – з.ғ.к.; қауымдастырылған
профессор;
А.Б. Қазбекова – заң ғылымдарының магистрі;
Д.Б. Қайназарова – з.ғ.к.;
Т.Ғ. Маханов – заң ғылымдарының магистрі;
Р.А. Медиев – философия докторы (PhD),
қауымдастырылған профессор;

Д.Х. Найманова – аға әділет кеңесшісі;

Г.Ғ. Нубаева – з.ғ.к.;

Р.Р. Нұғманов – з.ғ.к.;

Н.Б. Рахимов – құқық магистрі;

Ж.С. Сейтаева – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;

Н.А. Сулейменов – философия докторы (PhD);

О.Б. Филипец – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;

В.В. Хан – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;

Ә.Р. Шегебаева – философия докторы (PhD),
қауымдастырылған профессор.

Редакцияның құрамы:

Ж.І. Есімхан – педагогикалық ғылымдарының магистрі;

З.Ж. Калмурзина – заң ғылымдарының магистрі;

К.А. Мұқанова – кіші әділет кеңесшісі;

Р.Ч. Рахметчанов – аға әділет кеңесшісі;

М.Б. Садықов – философия докторы (PhD);

Ж.Х. Тайшықов – ұлттық қауіпсіздік және әскери іс
магистрі.

Редакцияның мекенжайы:

010078, Ақмола облысы, Қосшы қ., Республика көшесі,
94-құрылыс.

Эл. пошта: 7340718@prokuror.gov.kz,

7340719@prokuror.gov.kz.

Қолжазбалар қайтарылмайды. Авторлардың пікірлері
редакцияның көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.
Материалдарды басқа басылымдарда қолдануға
редакцияның жазбаша келісімінен кейін ғана рұқсат
етіледі. Ұсынылған материалдардың шынайылығына
автор жауапты. Журнал ақпараттарын пайдаланған
кезде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

© Құқық қорғау органдары академиясы, 2025 ж.

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»
№ 4 (38) 2025**

Учредитель:

ГУ «Академия правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан»

Издается с 2016 года.

Выпускается 4 раза в год.

Языки публикаций – казахский, русский, английский.

Включен в Перечень изданий, рекомендуемых для публикации
основных результатов научной деятельности

(приказ ККСОН МОН РК № 396 от 17.04.2019 г. (утратил силу),
№ 1531 от 08.09.2025 г.),

Российскую библиографическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ),
Казахстанскую базу цитирования (КазБЦ).

Журнал зарегистрирован в Комитете государственного контроля в области связи, информатизации и средств
массовой информации Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 16600-СИ от 1 июля 2017 года.

Состав Редакционного совета:

Абдиров Н.М. – к.ю.н., доктор философии (PhD)
(Казахстан) – **Председатель**;
Абдрасулов Е.Б. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Аракелян С.В. – д.ю.н., профессор (Армения);
Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Бринчук М.М. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бублик В.А. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бурханов А.К. – к.полит.н. (Казахстан);
Василевич Г.А. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Каудыров Т.Е. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Кирица В.П. – доктор права, доцент (Молдова);
Лакбаев К.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Малиновский В.А. – д.ю.н., доцент (Казахстан);
Марчук В.В. – к.ю.н. (Беларусь);
Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Татарян В.Г. – д.ю.н., профессор (Россия);
Тыныбеков С.Т. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Трунк А. – доктор права, профессор (Германия);
Ханов Т.А. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Хомич В.М. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Ястребов О.А. – д.ю.н., профессор (Россия).

Состав Редакционной коллегии:

Кайрулла Е.К. – к.ю.н. – **Главный редактор**;
Абеуов Е.Т. – к.ю.н., доцент;
Алибекова А.М. – к.ю.н.;
Амерханов Р.А. – к.ю.н.;
Жанатаева У.К. – д.полит.н.;
Жемпиисов Н.Ш. – к.ю.н., ассоциированный
профессор;
Казбекова А.Б. – магистр юридических наук;
Кайназарова Д.Б. – к.ю.н.;
Маханов Т.Г. – магистр юридических наук;
Медиев Р.А. – доктор философии (PhD),

ассоциированный профессор;
Найманова Д.Х. – старший советник юстиции;
Нубаева Г.Г. – к.ю.н.;
Нугманов Р.Р. – к.ю.н., доцент;
Рахимов Н.Б. – магистр права;
Сейтаева Ж.С. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Сулейменов Н.А. – доктор философии (PhD);
Филипец О.Б. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Хан В.В. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Шегебаева А.Р. – доктор философии (PhD),
ассоциированный профессор.

Состав Редакции:

Есімхан Ж.І. – магистр педагогических наук;
Калмурзина З.Ж. – магистр юридических наук;
Муканова К.А. – младший советник юстиции;
Рахметчанов Р.Ч. – старший советник юстиции;
Садыков М.Б. – доктор философии (PhD);
Тайшыков Ж.Х. – магистр национальной
безопасности и военного дела.

Адрес редакции:

010078, Акмолинская область, г. Косшы,
ул. Республики, строение 94.
Эл. почта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения редакции. Использование
материалов в других изданиях допускается только с
письменного согласия редакции. За достоверность
предоставленных материалов ответственность несет
автор. Ссылка на журнал обязательна.

© Академия правоохранительных органов, 2025 г.

**«THE BULLETIN OF LAW ENFORCEMENT ACADEMY»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 4 (38) 2025**

Founder:

GA «The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's
Office of the Republic of Kazakhstan»

Published since 2016.

Issued 4 times a year.

Publication languages – Kazakh, Russian, English.

Included to the List of publications recommended for publication of the main results of scientific activity.
(Order of the CCSM MES RK No. 396 of 17.07.2019 (has lost its force),
No. 1531 of 08.09.2025),
Russian bibliographic database «Russian science citation index» (RSCI),
Kazakhstan Citation Base (KazCB).

The journal is registered with the Committee for State Control in the Field of Communications, Informatization and
Mass Media of the Ministry of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan.
Registration Certificate № 16600-SI dated by July 1, 2017.

Members of the Editorial Council:

Abdirrov N.M. – Candidate of Law, Doctor of Philosophy (PhD) – **Chairman** (Kazakhstan);
Abdrasulov E.B. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Arakelyan S.V. – Doctor of Law, Professor (Armenia);
Borchashvili I.Sh. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Brinchuk M.M. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Bublik V.A. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Burkhanov A.K. – Candidate of Political Sciences (Kazakhstan);
Vasilevich G.A. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Kaudyrov T.E. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Kiritsa V.P. – Doctor of Law, Associate Professor (Moldova);
Lakbayev K.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Malinovsky V.A. – Doctor of Law, Associate Professor (Kazakhstan);
Marchuk V.V. – Candidate of Law (Belarus);
Seitenov K.K. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Tataryan V.G. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Tynybekov S.T. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Trunk A. – Doctor of Law, Professor (Germany);
Khanov T.A. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Khomich V.M. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Yastrebov O.A. – Doctor of Law, Professor (Russia).

Members of the Editorial Board:

Kairulla E.K. – Candidate of Law – **Chief Editor**;
Abeuov E.T. – Candidate of Law, Associate Professor;
Alibekova A.M. – Candidate of Law;
Amerkhanov R.A. – Candidate of Law;
Zhanatayeva U.K. – Doctor of Political Science;
Zhempiisov N.Sh. – Candidate of Law, Associate professor;
Kazbekova A.B. – Master of Law;

Kainazarova D.B. – Candidate of Law;
Makhanov T.G. – Master of Law;
Mediev R.A. – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor;
Naimanova D.Kh. – senior Counselor of Justice;
Nubaeva G.G. – Candidate of Law;
Nugmanov R.N. – Candidate of Law, Associate professor;
Rakhimov N.B. – Master of Laws;
Seitayeva Zh.S. – Candidate of Law, Associate Professor;
Suleimenov N.A. – Doctor of Philosophy (PhD);
Filipets O.B. – Candidate of Law, Associate Professor;
Khan V.V. – Candidate of Law, Associate Professor;
Shegebaeva A.R. – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor.

Editors:

Yessimkhan Zh.I. – Master of Education;
Kalmurzina Z.Zh. – Master of Law;
Mukanova K.A. – Junior Counselor of Justice;
Rakhmetchanov R.Ch. – Senior Counselor of Justice;
Sadykov M.B. – Doctor of Philosophy (PhD);
Taishykov Zh.H. – Master of National Security and Military Affairs.

Editorial address:

010078, Akmola region, Kosshy c., Republic st.,
building 94.
E-mail: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Manuscripts are not returned. Opinions of the authors may not be the same with editors view. The use of materials in other journals is allowed only with the written consent of the publisher. The author is responsible for the accuracy of the materials provided. A link to the journal is required.

© Law Enforcement Academy, 2025.

МАЗМҰНЫ

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ

Е.Б. Ахметов, Д.Б. Тебаев. МӨЛШЕРЛЕСТІК ҚАҒИДАТЫ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК АКТІНІ ОРЫНДАУ ИНСТИТУТЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ПОСТКЕҢЕСТІК ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРИБЕСІ.....	11
Л.К. Еринбетова, А.А. Гаитов. БІЛІМ БЕРУ МЕКЕМЕЛЕРІНДЕ БУЛЛИНГТІҢ АЛДЫН АЛУ БОЙЫНША ОТАНДЫҚ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ТӘСІЛДЕРДІҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ: ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК АСПЕКТІЛЕР.....	18
Т.Ш. Исмаилбаев. ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ КАДР САЯСАТЫНДАҒЫ ЗАМАНАУИТӘСІЛДЕР.....	28
А.А. Мұқашева, Э.Ф. Нигматуллина. ЦИФРЛЫҚ КЕҢІСТІКТІ МЕМЛЕКЕТТІК РЕТТЕУ ТЕТІГІ.....	37
Н.Б. Рахимов. ДІНИ ҚЫЗМЕТТІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ.....	46
М.Б. Садықов, Д.В. Воронков. ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ЖҮЙЕЛЕРІН ПАЙДАЛАНУ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ЭТИКАЛЫҚ НЕГІЗДЕР.....	54

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ

Д.Б. Қайназарова. АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАҒЫ АДАЛДЫҚ ИНСТИТУТЫ.....	63
Ө.Қ. Кусаинова, Р.Ө. Жақсылықов. ҚАЗАҚСТАН ЗАҢНАМАСЫ КОНТЕКСТІНДЕ АЗАМАТТЫҚ ТӨРКІЛЕУ ИНСТИТУТЫН ДАМУ.....	72
Э.С. Хабиева. АЗАМАТТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША СОТ ШЕШІМДЕРІНІҢ ЗАҢДЫЛЫҒЫН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ҮШІН ПРОКУРОРЛЫҚ ҚАДАҒАЛАУДА ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	78

ОТБАСЫ ҚҰҚЫҒЫ

Ж.Б. Шаяхметова, Б.К. Тажгарина. АТА-АНА ҚҰҚЫҒЫНАН АЙЫРУ НЕГІЗДЕРІ ЖӘНЕ АТА-АНА ҚҰҚЫҒЫНАН АЙЫРУ ТУРАЛЫ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	87
--	----

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ

Ж.М. Аблаева. ҚОҒАМДЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ БОЙЫНША ТУРИСТІК ПОЛИЦИЯ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ҚЫЗМЕТІНДЕ ҰШҚЫШСЫЗ ҰШУ АППАРАТЫН ПАЙДАЛАНУДЫ ЖЕТІЛДІРУ БОЙЫНША ҰСЫНЫСТАР.....	96
Д.Ж. Белхожаева, Қ. Тұрлыханқызы. ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ПӨНДЕРДІ ОҚЫТУДА ЖАППАЙ АШЫҚ ОНЛАЙН-КУРСТАРДЫ ҚОЛДАНУ.....	104
А.М. Жусипбекова, Е.М. Хакимов. ТЕНДІКСІЗ ҚҰҚЫҚ: КОЛЛИЗИЯ СТАЛКИНГ ПЕН ОТБАСЫЛЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТА.....	114
З.Т. Жусупова, А.Р. Шегебаева. КӨМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАР МЕН ЖАСТАР АРАСЫНДАҒЫ ЕСІРТКІГЕ ТӘУЕЛДІЛІКТІҢ АЛДЫН АЛУ: ӘЛЕУМЕТТІК, ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ БІЛІМ БЕРУ АСПЕКТІЛЕРІ.....	123
С.С. Қаржаубаев, Д.С. Қажмұратова. ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ МЕН БЕЙІМДЕЛГІШТІГІ ҮШІН НОРМАШЫҒАРМАШЫЛЫҚТЫҢ ЖЕКЕЛЕГЕН ҚАҒИДАЛАРЫНЫҢ МАҢЫЗЫ.....	132
А.Е. Сарбасов. ЖОҒАРЫ ТЕХНОЛОГИЯЛАР САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСКЕР ТҰЛҒАСЫ: КРИМИНОЛОГИЯЛЫҚ АСПЕКТ.....	143

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ

Ш.Қ. Айтжанов. ҚЫЛМЫС ҚҰРБАНДАРЫНА ЗИЯНДЫ ӨТЕУДІҢ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕРІ: АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ КОНТЕКСТІНДЕГІ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	150
А.А. Аскараров, Р.А. Медиев. ЦИФРЛЫҚ МЕНШІК ЖАҢА ДӘЛЕЛ РЕТІНДЕ: ҚАЗАҚСТАН КРИМИНАЛИСТИКАСЫНДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ ОБЪЕКТІЛЕРДІ ЗЕРТТЕУДІҢ ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ.....	160
Б.Д. Еркенаров, А.С. Букенесов. ҚЫЛМЫСТЫҚ КІРІСТЕР ТӨРКІЛЕНГЕН КЕЗДЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ЗАҢНАМАСЫНДАҒЫ ТЕРМИНОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЙШЫЛЫҚТАР.....	170
А.А. Қалиев. КИБЕРҚЫЛМЫСТЫ ТЕРГЕУ МАМАНДАРЫН ОҚЫТУДАҒЫ ГЕЙМИФИКАЦИЯ ЖӘНЕ СИМУЛЯЦИЯЛЫҚ ТРЕНАЖЕРЛЕР.....	180
Д.Ж. Муканов, Е.А. Омаров. КҮДІКТІЛЕРДІ ҚОРҒАУ КЕПІЛДІКТЕРІН ІСКЕ АСЫРУ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕ АЗАПТАУДЫҢ АЛДЫН АЛУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	188
Г.Г. Нубаева, Ж.А. Құранбек. АЛҚАБИЛЕРДІҢ ҚАТЫСУЫМЕН ҚЫЛМЫСТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУ КЕЗІНДЕ МЕМЛЕКЕТТІК АЙЫПТАУШЫ МӨРТЕБЕСІНДЕГІ ПРОЦЕСТІК ДУАЛИЗМ ЖӘНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ҚАЙШЫЛЫҚТАР: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ЖАҢАНДЫҚ ҮРДІСТЕР.....	196
М.Е. Тулеуова. ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУДІ ДӘЛЕЛДЕУДЕ АШЫҚ ДЕРЕКТЕР КӨЗДЕРІН (OSINT) ҚОЛДАНУ.....	207
Ш.Ш. Шаяхметов, Е.А. Смаилов. ШЕТЕЛ МЕМЛЕКЕТТЕРІНДЕГІ ЖЕКЕ ДЕТЕКТИВТІК ҚЫЗМЕТІН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ҮЛГІЛЕРІ ЖӘНЕ ОНЫ ҚАЗАҚСТАҢДА БЕЙІМДЕУ ПЕРСПЕКТИВАСЫ.....	217

ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫ

Г.Б. Телеуев, А.С. Молдағалиева. ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫҢ ҚАУІПСІЗДІГІН ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	227
--	-----

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ

А.В. Плотников, Н.А. Биекенов. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ПОЛИЦЕЙЛЕРІН ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ҚОЛДАУ ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ОНЫ ҚАЗАҚСТАН ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ЖЕКЕ ҚАУІПСІЗДІГІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ЖҮЙЕСІНДЕ ПАЙДАЛАНУ МҮМКІНДІКТЕРІ.....	236
--	-----

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ

Д.Н. Бекежанов, С.А. Алжанкулова. ГИБРИДТІ СОҒЫС ЖАҒДАЙЫНДА ЖЕКЕ ӨСКЕРИ КОМПАНИЯЛАР.....	246
А.А. Прокопова, Е.А. Байжанаров. ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ САЛАСЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЭТИКАЛЫҚ КОДЕКСТЕРДІҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ: ҚАҒИДАТТАР, АЙЫРМАШЫЛЫҚТАР, ҚҰҚЫҚТЫҚ ЕНГІЗУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	256
Н.М. Суиндиков. АЗАМАТТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДЕГІ АКТИВТЕРДІ ҚАЙТАРУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ҚАЗАҚСТАҢДА ЕНГІЗУДІҢ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	266
Т.А. Токтыбеков, С.Р. Буранбаева. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚАРУЛЫ ҚАҚТЫҒЫСТАРҒА ҚАТЫСУШЫЛАРДЫҢ МӨРТЕБЕСІ.....	274

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Е.Б. Ахметов, Д.Б. Тебаев. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ СОРАЗМЕРНОСТИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО АКТА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН.....	11
Л.К. Еринбетова, А.А. Гаитов. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	18
Т.Ш. Исмаилбаев. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	28
А.А. Мукашева, Э.Ф. Нигматуллина. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА.....	37
Н.Б. Рахимов. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ.....	46
М.Б. Садыков, Д.В. Воронков. ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	54

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Д.Б. Кайназарова. ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	63
А.К. Кусаинова, Р.А. Жаксылыков. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОЙ КОНФИСКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КАЗАХСТАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	72
Э.С. Хабиева. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ.....	78

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Ж.Б. Шаяхметова, Б.К. Тажгарина. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И НЮАНСЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ЛИШЕНИЮ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ.....	87
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ж.М. Аблаева. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	96
Д.Ж. Белхожаева, К. Турлыханкызы. ПРИМЕНЕНИЕ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН.....	104
А.М. Жусипбекова, Е.М. Хакимов. ПРАВО БЕЗ РАВЕНСТВА: СТАЛКИНГ И СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В ЛОВУШКЕ КОЛЛИЗИЙ.....	114
З.Т. Жусупова, А.Р. Шегебаева. ПРОФИЛАКТИКА НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	123
С.С. Каржаубаев, Д.С. Кажмуратова. ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ НОРМОТВОРЧЕСТВА ДЛЯ СТАБИЛЬНОСТИ И АДАПТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	132
А.Е. Сарбасов. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	143

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ш.Қ. Айтжанов. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	150
А.А. Аскарлов, Р.А. Медиев. ЦИФРОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ КАЗАХСТАНА.....	160
Б.Д. Еркенов, А.С. Букенесов. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПРИ КОНФИСКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ.....	170
А.А. Калиев. ГЕЙМИФИКАЦИЯ И СИМУЛЯЦИОННЫЕ ТРЕНАЖЕРЫ В ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	180
Д.Ж. Муқанов, Е.А. Омаров. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЫТОК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	188
Г.Г. Нубаева, Ж.А. Құранбек. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРИ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	196
М.Е. Тулеуова. ПРИМЕНЕНИЕ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ (OSINT) В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ.....	207
Ш.Ш. Шаяхметов, Е.А. Смаилов. МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОГО СЫСКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ АДАПТАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ.....	217

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Г.Б. Телеуев, А.С. Молдагалиева. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ.....	227
--	-----

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

А.В. Плотников, Н.А. Биекенов. ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗАХСТАНА.....	236
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Д.Н. Бекежанов, С.А. Алжанкулова. ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ.....	246
А.А. Прокопова, Е.А. Байжанов. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРИНЦИПЫ, РАЗЛИЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ВНЕДРЕНИЯ.....	256
Н.М. Суиндиқов. ВОЗВРАТ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВНЕДРЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ.....	266
Т.А. Токтыбеков, С.Р. Буранбаева. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СТАТУС УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	274

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

E.B. Akhmetov, D.B. Tebaev. ON THE ISSUE OF THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY AND THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF THE EXECUTION OF THE ADMINISTRATIVE ACT: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND POST-SOVIET COUNTRIES.....	11
L.K. Erinbetova, A.A. Gaitov. COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN APPROACHES TO BULLYING PREVENTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: LEGAL AND SOCIAL ASPECTS.....	18
T.Sh. Ismailbayev. MODERN APPROACHES IN THE PERSONNEL POLICY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES.....	28
A.A. Mukasheva, E.F. Nigmatullina. STATE MECHANISM OF REGULATING THE DIGITAL SPACE.....	37
N.B. Rakhimov. CONCEPTUAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF RELIGIOUS ACTIVITY: KAZAKHSTANI AND INTERNATIONAL EXPERIENCE.....	46
M.B. Sadykov, D.V. Voronkov. LEGAL AND ETHICAL FOUNDATIONS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS.....	54

CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

D.B. Kainazarova. INSTITUTE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW.....	63
A.K. Kussainova, R.A. Zhaxylykov. DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CIVIL CONFISCATION IN THE CONTEXT OF KAZAKHSTANI LEGISLATION.....	72
E.S. Khabiyeva. PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROSECUTORIAL SUPERVISION TO ENSURE THE LEGALITY OF COURT DECISIONS IN CIVIL CASES.....	78

FAMILY LAW

Zh.B. Shayakhmetova, B.K. Tazhgarina. GROUNDS FOR DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS AND NUANCES OF COURT PROCEEDINGS FOR DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS.....	87
--	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Zh.M. Ablayeva. PROPOSALS FOR IMPROVING THE USE OF UAVS IN THE ACTIVITIES OF TOURIST POLICE OFFICERS TO ENSURE PUBLIC SAFETY.....	96
D.Zh. Belkhozhayeva, K. Turlykhankyzy. THE APPLICATION OF MASSIVE OPEN ONLINE COURSES (MOOCs) IN THE TEACHING OF CRIMINAL LAW DISCIPLINES.....	104
A.M. Zhussipbekova, E.M. Khakimov. RIGHT WITHOUT EQUALITY: STALKING AND DOMESTIC VIOLENCE TRAPPED IN COLLISIONS.....	114
Z.T. Zhussupova, A.R. Shegebayeva. PREVENTION OF DRUG DEPENDENCE AMONG MINORS AND YOUTH: SOCIAL, LEGAL, AND EDUCATIONAL ASPECTS.....	123
S.S. Karzhaubayev, D.S. Kazhmuratova. THE SIGNIFICANCE OF CERTAIN PRINCIPLES OF RULE-MAKING FOR THE STABILITY AND ADAPTABILITY OF CRIMINAL LEGISLATION.....	132
A.E. Sarbassov. THE PERSONALITY OF A CRIMINAL IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGIES: CRIMINOLOGICAL ASPECT.....	143

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

Sh.K. Aitzhanov. MODERN APPROACHES TO COMPENSATION OF HARM TO VICTIMS OF CRIMES: CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF HUMAN RIGHTS PROTECTION.....	150
A.A. Askarov, R.A. Mediyev. DIGITAL PROPERTY AS NEW EVIDENCE: CONCEPTUAL BASES FOR THE INVESTIGATION OF DIGITAL OBJECTS IN CRIMINALISTICS IN KAZAKHSTAN.....	160
B.D. Yerkenov, A.S. Bukenessov. TERMINOLOGICAL INCONSISTENCIES IN THE CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF CONFISCATION OF CRIMINAL PROCEEDS.....	170
A.A. Kaliyev. GAMIFICATION AND SIMULATORS IN THE TRAINING OF CYBERCRIME INVESTIGATORS.....	180
D.Zh. Mukanov, Y.A. Omarov. PROBLEMS OF IMPLEMENTING GUARANTEES OF PROTECTION OF SUSPECTS AND PREVENTING TORTURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....	188
G.G. Nubaeva, Z.A. Kuranbek. PROCEDURAL DUALISM AND INSTITUTIONAL CONTRADICTIONS IN THE STATUS OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH JURY PARTICIPATION: THE KAZAKHSTANI EXPERIENCE AND GLOBAL TRENDS.....	196
M.Ye. Tuleuova. THE USE OF OPEN DATA SOURCES (OSINT) IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE.....	207
Sh.Sh. Shayakhmetov, Y.A. Smailov. MODELS OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE INVESTIGATION IN FOREIGN COUNTRIES AND PROSPECTS FOR THEIR ADAPTATION IN KAZAKHSTAN.....	217

ENVIRONMENTAL LAW

G.B. Teleuyev, A.S. Moldagalieva. PROBLEMS OF LEGAL SECURITY OF HYDRAULIC STRUCTURES.....	227
--	-----

THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES

A.V. Plotnikov, N.A. Biyeckenov. THE EXPERIENCE OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR BRITISH POLICE OFFICERS AND THE POSSIBILITY OF ITS USE IN THE SYSTEM OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF KAZAKHSTAN.....	236
---	-----

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

D.N. Bekezhanov, S.A. Alzhankulova. PRIVATE MILITARY COMPANIES IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF HYBRID WARFARE.....	246
A.A. Prokopova, Y.A. Baizhanov. COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL ETHICAL CODES IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PRINCIPLES, DIFFERENCES, AND LEGAL IMPLEMENTATION PROSPECTS.....	256
N.M. Suindikov. RETURN OF ASSETS IN CIVIL PROCEEDINGS: INTERNATIONAL STANDARDS AND PROSPECTS FOR THEIR IMPLEMENTATION IN KAZAKHSTAN.....	266
T.A. Toktobekov, S.R. Buranbayeva. INTERNATIONAL LAW AND THE STATUS OF PARTICIPANTS IN ARMED CONFLICTS.....	274

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

ӨОЖ 342.924
ХҒТАР 10.17.31

Е.Б. Ахметов, Д.Б. Тебаев

*Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институты,
Астана қ., Қазақстан Республикасы*

МӨЛШЕРЛЕСТІК ҚАҒИДАТЫ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК АКТІНІ ОРЫНДАУ ИНСТИТУТЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ПОСТКЕҢЕСТІК ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРИБЕСІ

Аннотация. Мақалада мөлшерлестік қағидатының әкімшілік процестің негізгі элементі ретіндегі маңызы, сондай-ақ оның Қазақстан Республикасында және басқа посткеңестік елдерде әкімшілік актілердің орындалуын құқықтық реттеудегі рөлі қарастырылады. Мөлшерлестік қағидаты әкімшілік органдардың өкілеттіктерін жүзеге асыру кезінде қалай қолданылатыны, сондай-ақ оның Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік–процестік кодексінде бекітілген заңдылық пен әділеттілік қағидаттарымен байланысы талданады. Әкімшілік рәсімдерді салыстырмалы талдауға және оларды Қазақстанда және континенттік құқықтық жүйесі бар елдерде іске асыру ерекшеліктеріне, сондай-ақ шетелдік тәжірибенің ұлттық заңнаманы қалыптастыруға ықпалына ерекше назар аударылады.

Мөлшерлестік қағидатын тиімді қолдану мемлекет мүдделері мен азаматтардың құқықтары арасындағы тепе-теңдікке ықпал етеді, сондай-ақ әкімшілік сот төрелігінің сапасын арттырады. Қорытындылай келе, посткеңестік мемлекеттердің озық тәжірибелерін және сот бақылауын одан әрі жаңғырту қажеттілігін ескере отырып әкімшілік актілердің орындалуын құқықтық реттеуді жетілдіру жөнінде ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: әділеттілік; заңдылық; әкімшілік акт; әкімшілік сот ісін жүргізу; әкімшілік рәсімдер; өкілеттіктер; әкімшілік сот.

Е.Б. Ахметов, Д.Б. Тебаев

*Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан*

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ СОРАЗМЕРНОСТИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО АКТА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Аннотация. В статье рассматривается значение принципа соразмерности как ключевого элемента административного процесса, а также его роль в правовом регулировании исполнения административных актов в Республике Казахстан и других постсоветских странах. Анализируется, как принцип соразмерности применяется при осуществлении полномочий административных органов, а также его связь с принципами законности и справедливости, закрепленными в Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. Особое внимание уделяется сравнительному анализу административных процедур и особенностям их реализации в Казахстане и странах с континентальной правовой системой, а также влиянию зарубежного опыта на формирование национального законодательства.

Отмечается, что эффективное применение принципа соразмерности способствует балансу между интересами государства и правами граждан, а также повышает качество административного правосудия. В заключение выдвигаются предложения по совершенствованию правового регулирования исполнения административных актов с учетом лучших практик постсоветских государств и необходимости дальнейшей модернизации судебного контроля.

Ключевые слова: справедливость; законность; административный акт; административное судопроизводство; административная процедура; полномочия; административный суд.

E.B. Akhmetov, D.B. Tebaev

*Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan*

ON THE ISSUE OF THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY AND THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF THE EXECUTION OF THE ADMINISTRATIVE ACT: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND POST-SOVIET COUNTRIES

Abstract. The article examines the importance of the principle of proportionality as a key element of the administrative process, as well as its role in the legal regulation of the execution of administrative acts in the Republic of Kazakhstan and other post-Soviet countries. The article analyzes how the principle of proportionality is applied in the exercise of the powers of administrative bodies, as well as its relationship with the principles of legality and fairness enshrined in the Administrative Procedural and Process-related Code of the Republic of Kazakhstan. Special attention is paid to the comparative analysis of administrative procedures and the specifics of their implementation in Kazakhstan and countries with a continental legal system, as well as the influence of foreign experience on the formation of national legislation.

It is noted that the effective application of the principle of proportionality promotes a balance between the interests of the state and the rights of citizens, as well as improves the quality of administrative justice. In conclusion, proposals are put forward to improve the legal regulation of the execution of administrative acts, taking into account the best practices of post-Soviet states and the need for further modernization of judicial control.

Keywords: justice; legality; administrative act; administrative proceedings; administrative procedure; authority; administrative court.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_11

Кіріспе. Елімізде әкімшілік әділет құрудың бастапқы нүктесі болып Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлығымен бекітілген 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық саясат тұжырымдамасы саналуы тиіс. Себебі, бұл Тұжырымдаманың мәтінінен Қазақстанда әкімшілік сот ісін жүргізу қылмыстық және азаматтық сот ісін жүргізумен қатарлы сот төрелігін жүзеге асырудың толыққанды формасы болуы тиіс екендігін көруге болады¹.

Қазіргі кезеңде отандық және халықаралық ғылыми ортамен әкімшілік әділет жүйесіне көп көңіл бөлінеді. Қазақстан Республикасында бұл жүйенің заңды түрде қалыптасуы үшін шамамен екі онжылдық керек болды. Аталған

құқықтық институтты құру мен нығайтудың қажеттілігі құқық үстемдігін қамтамасыз етуге және сот төрелігінің сапасын арттыруға бағытталған. Сонымен қатар, бұл қажеттілік туралы Қазақстан Республикасының Президенті Қ.-Ж.К.Тоқаев 2022 жылғы 1 қыркүйектегі Жолдауында ерекше атап өткен².

ҚР Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінің қабылдануымен 2020 жылғы 29 маусымда Қазақстан Республикасында әкімшілік әділет жүйесінің заңнамалық түрде ресімделуі соңына жетті, алайда әкімшілік әділет жүйесін одан әрі жетілдіру бойынша теориялық және тәжірибелік әзірлемелер белсенді түрде жалғасуда.

Осы контексттегі өзекті мәселелердің бірі

¹ Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлығы. Қазақстан Республикасының 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық саясат тұжырымдамасы туралы: Қазақстан Республикасы Президентінің 2009 ж. 24 тамыздағы № 858 Жарлығы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U090000858_/history (жүгінген күні: 01.03.2025).

² Әділетті мемлекет. Біртұтас ұлт. Берекелі қоғам: мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2022 ж. 1 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K22002022_2 (жүгінген күні: 01.03.2025).

– Қазақстан Республикасының әкімшілік сот ісін жүргізудегі мөлшерлестік қағидаты. Бұл рәсімдер туралы мәселенің өте маңызды болуымен байланысты, өйткені ұлттық сот ісін жүргізу жүйесі тек іс жүргізу нормаларының мазмұны мен сапасына ғана емес, сонымен қатар оларды қолдану тәсілдерімен де ерекшеленеді.

Демек, қоғам мен мемлекет арасындағы қатынастардың жылдам өзгеруін ескере отырып, мөлшерлестік қағидаты мен әкімшілік актіні орындау институттарын зерттеу аса өзекті болып табылады. Атап айтқанда, посткеңестік елдердің әдебиетінде жоғарыда көрсетілген институттарды зерттеуі фрагменттік сипатқа ие.

Материалдар мен әдістер. Таңдалған тақырыпты тереңірек зерттеу мақсатында отандық және шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектері, уәкілетті органның статистикалық деректері талданды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының заңнамасына талдау жүргізілді.

Әдіснамалық негізін диалектикалық, логикалық, талдау, синтез, индукция, дедукция, сонымен қатар логикалық, тарихи, жүйелік, салыстырмалы-құқықтық сияқты жалпы ғылыми әдістер құрайды.

Зерттеу барысында жеке ғылыми әдістер де қолданылды, атап айтқанда, техникалық-құқықтық, формальды-құқықтық, кешенді, салааралық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық және т.б.

Қазақстан Республикасының әкімшілік сот ісін жүргізу қағидаттарын зерттеуге келесі қазақстандық ғалымдардың үлкен үлес қосқанын атап өткен жөн. Олар: Б.Е. Абдрахманов, Е.Б. Абдрасулов, М.Т. Әлімбаев, С.Н. Досымбеков, Б.З. Елчібаев, Б.А. Жетпісбаев, М.И. Жұмағұлов, С.З. Зиманов, Е.А. Нұрманова, Р.А. Подопригора, А.И. Худяков және т.б.

Нәтижелер, талқылау. Мөлшерлілік қағидаты Германия заңнамасының нәтижесі екенін атап өткен жөн. Алғаш рет бұл

қағидатты неміс әкімшілік соттары әзірледі.

Әкімшілік қарауды жүзеге асыру кезінде әкімшілік орган, лауазымды тұлға, әкімшілік рәсімге қатысушы мен қоғам мүдделерінің әділ теңгерімін қамтамасыз етеді³.

Жоғарыда баяндалғанды негізге ала отырып, мөлшерлестік қағидаты қандай да бір түрде әкімшілік рәсімге тартылған азаматтардың құқықтары мен бостандықтарының әділ теңгеріміне бағытталуға тиіс.

Әкімшілік акт ұғымын қарастырайық. Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 29 маусымдағы № 350-VI Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексіне (бұдан әрі – ҚР ӘРПК) сәйкес әкімшілік акт бұл жария-құқықтық қатынастарда әкімшілік орган, лауазымды адам қабылдайтын, белгілі бір тұлғаның немесе жеке-дара айқындалған тұлғалар тобының Қазақстан Республикасының заңдарында белгіленген құқықтары мен міндеттерін іске асыратын шешім болып табылады⁴.

Әкімшілік актінің орындалу тәртібі мен мерзімдеріне бір ғана бап арналған (ҚР ӘРПК 86-бабы). Онда әкімшілік актінің барлығы үшін міндетті екендігі, оны қабылдаған орган немесе лауазымды адам (егер құқықтық актіде өзгеше көзделмесе, ескеріле отырып) 5 жұмыс күні ішінде орындайды.

Атап кету керек, әкімшілік акт мөлшерлес ретінде қарастырылуы мүмкін.

Посткеңестік мемлекеттердің құқықтық жүйелерінде Қазақстан Республикасының тәжірибесімен салыстырғанда әкімшілік актіні орындау институтын құқықтық реттеуде ұқсастықтар да, айырмашылықтар да байқалады. Мысалы, Беларусь Республикасында әкімшілік актінің орындалу тәртібі мен мерзімі туралы мәліметтер (заңда әкімшілік шешім немесе әкімшілік шағым бойынша шешім көрсетілген) екі бапта орналастырылған⁵. Алайда, бұл Беларусь Республикасының тәжірибесін қазақстандық тәжірибеден біршама ерекшелендіреді.

Грузиядағы әкімшілік актіні орындау

³ Қазақстан Республикасының әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі: 2020 ж. 29 маусымдағы № 350-VI ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000350> (жүгінген күні: 01.09.2025).

⁴ Сол жерде.

⁵ Об основах административных процедур: закон Республики Беларусь от 28 окт. 2008 г. № 433-З [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800433> (жүгінген күні: 20.05.2025).

институты басқаша түрде жүзеге асырылады. Біріншіден, заңнамада жеке әкімшілік-құқықтық актіні орындау институты нақтыланған (әкімшілік актінің түрі көрсетіледі). Екіншіден, жеке әкімшілік-құқықтық актіні орындау тәртібі мен мерзімдері заңмен бекітілген. Үшіншіден, орындауды қамтамасыз ету құралдарын көрсете отырып, жеке әкімшілік-құқықтық актінің орындалуын қамтамасыз ету рәсімі бар: «а) жеке әкімшілік-құқықтық актінің орындалуын басқа тұлғаға тапсыру; б) айыппұл; в) тікелей мәжбүрлеу»⁶.

Әзірбайжан Республикасында әкімшілік іс жүргізу туралы заңда VII тарау жоғарыда аталған институтқа арналған⁷. Жалпы алғанда, Грузия мен Әзірбайжан заңнамаларында әкімшілік актіні орындау бөлігінде айтарлықтай ұқсастықтар бар. Мысалы, Әзірбайжан мен Грузияда әкімшілік актінің орындалуын қамтамасыз ету шараларының айтарлықтай айырмашылығы жоқ.

Армениядағы әкімшілік актіні орындау институтының Әзірбайжан мен Грузияның тәжірибесімен айтарлықтай ұқсастығы бар. Сонымен қатар, әкімшілік актіні мәжбүрлеп орындату бойынша іс жүргізу «Әкімшілік және әкімшілік іс жүргізу негіздері туралы» Армения Республикасы Заңының жеке бөліміне шығарылды.»⁸.

Қырғыз Республикасында көрсетілген ережелердің болуын ескере отырып, жария-құқықтық ақшалай қатынастар (мемлекеттік немесе жергілікті бюджетке төленуі қажет ақша қаражаты) қосымша реттеледі⁹. Ресей Федерациясында кейбір авторлар әкімшілік актіні орындау институты туралы құқықтық ережелердің өз нұсқаларын ұсынады. Мысалы, Қ.В. Давыдов әкімшілік рәсімдер мен әкімшілік актілер туралы федералдық заң жобасын әзірледі. Жобада автор жоғарыда аталған мысалдардың тәжірибесі бойынша

әкімшілік актіні мәжбүрлеп орындату шараларының әртүрлі нұсқаларын ұсынады [1].

Өзбекстан Республикасында әкімшілік актіні орындау институты әкімшілік актіні орындау тәртібін, мерзімдері мен тәсілдерін қоса алғанда, әртүрлі мәселелерді қамтитын жеке тарауға «Атқарушылық іс жүргізу» шығарылды. Сондай-ақ заңнамада мәжбүрлеп орындау шаралары егжей-тегжейлі регламенттелген («ақшалай мәжбүрлеу; әкімшілік органның немесе өзге тұлғаның борышкер есебінен әкімшілік актіде көзделген әрекеттерді жүзеге асыру; тікелей мәжбүрлеу») ¹⁰.

Демек, Қазақстан Республикасының заңнамасында әкімшілік актіні орындау институтына тиісті назар аударылмаған. Әзірбайжан, Грузия, Өзбекстан және басқа да елдердің тәжірибесін алу әкімшілік іс жүргізудің тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді және көрсетілген әкімшілік-құқықтық қатынастарды қисынды реттеуді қамтамасыз етеді.

Сот тәжірибесінен мөлшерлестік қағидаты бойынша мысалды қарастырайық:

«Астана қаласының мамандандырылған ауданаралық сотының шешімімен борышкердің Қазақстан Республикасынан тыс жерлерге шығуына уақытша шектеуді тоқтата тұру туралы сот орындаушысының қаулысының күші жойылды.» [2].

Одан әрі: «Сот осыны негізге алды: егер мақсатқа жету үшін әкімшілік акт қолайлы болса, әкімшілік акт және әрекет жарамды деп есептеледі. Бұл жағдайда жауапкердің қолданатын шарасы заңнамалық реттеу мақсатына қол жеткізуге бағытталуына байланысты болып табылады.

Әкімшілік акт және іс-әрекет әкімшілік рәсімге қатысушылардың құқықтарын, заңды мүдделерін барынша аз дәрежеде шектеген

⁶ Law of Georgia General Administrative Code of Georgia [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/16270?publication=42> (жүгінген күні: 20.05.2025).

⁷ İnzibati icraat haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://www.constcourt.gov.az/az/legislation/8> (жүгінген күні: 18.06.2025).

⁸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆԵՐ ՎԱՐՉԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ ՀԻՍՈՒՆԴՆԵՐԻ ԵՎ ՎԱՐՉԱՎԱՆ ՎԱՐՈՒՅԹԻ ՄԱՍԻՆ [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1937&lang=arm&enc=utf8> (жүгінген күні: 18.06.2025).

⁹ Кыргыз Республикасынын Мыйзамы «Административдик иштин негиздери жана административдик жол-жоболор жөнүндө» 2015-жылдын 31-июль № 210 [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://cbd.minjust.gov.kg/111254?refId=1198322> (жүгінген күні: 20.07.2025).

¹⁰ Ўзбекистон Республикасининг қонуни маъмурий тартиб-таомиллар тўғрисида 08.01.2018 № 457 [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://lex.uz/docs/3492199> (жүгінген күні: 29.07.2025).

жағдайда ғана қажет деп есептеледі. Демек, егер игілік осы шектеулерден келтірілген зияннан көп болса әкімшілік акт пен әрекет пропорционалды болып табылады.

Борышкердің емделуден өту мақсатында елден тыс жерге кету қажеттілігі борышкердің шығуын уақытша тоқтата тұру жөніндегі әкімшілік актімен келіспеген жағдайда өндіріп алушының ерік-жігеріне байланысты бола алмайды».

Жоғарыда баяндалғанды негізге ала отырып, әкімшілік актіні орындау институттың құқықтық реттеу контексіндегі мөлшерлестік қағидаты туралы мәселені талдауы оның қазіргі заманғы әкімшілік құқық үшін іргелі мәні туралы қорытынды жасауға мүмкіндік беретінін атап өтеміз.

Саралау және әкімшілік рәсімдердің күрделенуі жағдайында мөлшерлестік қағидаты мемлекеттің жеке құқықтық мүдделер саласына араласуына жол берілуін бағалауға мүмкіндік береді. Алайда, Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасында осы қағидатты іске асыру тетіктерінің нормативтік айқындылығының жеткіліксіздігі байқалады. Бұл өз кезегінде оны іс жүзінде қолдануды қиындатады, әкімшілік шараларды теріс пайдалану тәуекелін тудырады және құқықтық белгісіздікке әкеледі.

Заңдылық қағидатына байланысты тағы бір аспект бар – егер де бұл акт адамның және азаматтың құқықтары мен бостандықтарын бұзады деген қорытындыға келсе, Қазақстан Республикасының Конституциялық сотына жүгіну міндетіне қатысты заңның немесе өзге де нормативтік құқықтық актінің Конституцияға қайшы келетіндігін тану туралы сұрау салу арқылы жүзеге асырылады [3].

Сонымен қатар, кінәлілік қағидаты әділеттілікті, заңдылықты және азаматтардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз ететін әкімшілік сот ісін жүргізудің маңызды элементі болып табылады. Оны сақтау әкімшілік әділеттің тиімді жұмыс істеуін қамтамасыз ету және қоғамда құқықтық тәртіпті сақтау үшін қажетті шарт. Осыған байланысты кінәлілік қағидатындамыту және қолдануды жетілдіру

қазіргі мемлекеттің әкімшілік әділет үшін өзекті міндет [4]. Құқықтық принциптер қазіргі сот төрелігінің мақсаттары мен міндеттерін жүзеге асыруға ықпал ететін құқықтық ұйғарымдар ретінде әрекет етеді [5].

Ресей конституциялық сот тәжірибесінде мөлшерлестік тестінің элементтері қолданылады, бірақ оның құрылымдық және жүйелі қолданылуы әлі де жетілдіруді қажет етеді. Қағидаттың екі негізгі функциясы жүзеге асырылады: артық шектеулерге және жеткіліксіз әрекетке тыйым салу болып табылады [6].

Еуропадағы адам құқықтары соты да құқықтарды шектеуде мөлшерлестік қағидатын қолданады, ол мемлекеттік араласудың заңдылығы мен қажеттілігін, сондай-ақ қоғамдық және жеке мүдделердің тепе-теңдігін бағалайды [7].

Төтенше жағдайларда, мысалы пандемия кезінде, мөлшерлестік қағидатының тиімділігі нақты фактілік белгісіздік жағдайында сыналады, сондықтан оның жетілдірілуі және құқықтық бақылаудың күшейтілуі қажет [8].

Қорытынды. Әкімшілік актіні орындау институттың құқықтық реттеудің тиімділігін арттыру мақсатында келесі шаралар орынды көрінеді:

1. Әкімшілік-рәсімдік заңнамаға мөлшерлестік қағидатын қолданудың мазмұны мен шарттарын нақтылауға бағытталған өзгерістер мен толықтырулар енгізу.

2. Мәжбүрлеп орындау шараларының мөлшерлігін бағалаудың бірыңғай әдіснамалық тәсілдерін және құқықтық өлшемдерін әзірлеу.

3. Мөлшерлестік қағидатын ескере отырып, әкімшілік актілерді орындауға байланысты лауазымды адамдардың іс-әрекеттерінің заңдылығының сот және ведомстволық бақылауды күшейту.

4. Мемлекеттік басқару мақсаттары мен азаматтардың құқықтары арасындағы теңгерімді сақтауға баса назар аудара отырып, әкімшілік іс-әрекеттер мен шешімдерді сотта қайта қарауды қолдану практикасын кеңейтуге міндетті.

5. Озбырлықты болдырмау және әкімшілік шешімдердің болжамдылығын қамтамасыз

ету үшін құқықтар мен бостандықтарды шектеу кезінде мөлшерлестік қағидатың қолданудың нақты критерийлері мен алгоритмдерін әзірлеу.

6. Мөлшерлестік қағидатының және оның әкімшілік актілердің әділдігі мен заңдылығын қамтамасыз етудегі рөлі туралы лауазымды адамдардың құқықтық мәдениеті мен хабардар болу деңгейін арттыру.

7. Әкімшілік орган істің нақты мән-жайлары тұрғысынан барлық ықтимал балама шараларды (шешімдерді) талдауға

және жеке тұлға үшін қолда барларының ішінен ауыртпалығы аз шешімді таңдауға тиіс.

Демек, әкімшілік актілердің орындалуын құқықтық реттеудегі мөлшерлестік қағидатының рөлін нығайту тиімділігі және орнықтылығы әкімшілік-құқықтық жүйені қалыптастыруға ықпал етіп қана қоймай, құқықтық мемлекетте жеке адамның конституциялық құқықтарын мен бостандықтарын іске асырудың маңызды шарты болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Давыдов, К.В. Административная реформа и административные процедуры: перспективы развития Российского законодательства / К.В. Давыдов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 1. – С. 99-109.
2. Жумагулов, А.М. Применение принципов административных процедур административного судопроизводства в Республике Казахстан: прак. пос. / А.М. Жумагулов. – Астана, 2023. – 121 с.
3. Akhmetov, Y. Analyses of the principles of legality and justice in administrative proceedings of the Republic of Kazakhstan / Y. Akhmetov, Y. Abdrassulov, A. Akhmetova // Public Law and Policy. – 2024. – Vol. 10. № 5. – Pp. 1-11.
4. Макулбеков, Б.Д. Судебная власть в системе государственной власти в Республике Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук / Б.Д. Макулбеков. – Алматы, 2010. – 250 с.
5. Allen, R.J. The Nature of Discretion / R.J. Allen // Law &Contemp. Probs. Autumn Journal. – 1984. – № 1. – Pp. 2-3.
6. Подмарев, А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А.А. Подмарев // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – № 21 (1). – С. 83-91.
7. Trykhlil, K. The principle of proportionality in the Jurisprudence of the European Court of Human rights / K. Trykhlil // EU and Comparative Law Issues and challenges series. – 2020. – № 4. – Pp. 128-154.
8. Borja, S.B. Beyond the Principle of Proportionality: Controlling the Restriction of Rights under Factual Uncertainty / S.B. Borja // Oslo Law Review. – 2023. – № 1. – Pp. 74-91.

References:

1. Davydov, K.V. Administrativnaja reforma i administrativnye procedury: perspektivy razvitiya Rossijskogo zakonodatel'stva / K.V. Davydov // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA). – 2018. – № 1. – S. 99-109.
2. Zhumagulov, A.M. Primenenie principov administrativnyh procedur i administrativnogo sudoproizvodstva v Respublike Kazahstan: prakt. pos. / A.M. Zhumagulov. – Astana, 2023. – 121 s.
3. Akhmetov, Y. Analyses of the principles of legality and justice in administrative proceedings of the Republic of Kazakhstan / Y. Akhmetov, Y. Abdrassulov, A. Akhmetova // Public Law and Policy. – 2024. – Vol. 10. № 5. – Pp. 1-11.
4. Makulbekov, B.D. Sudebnaja vlast' v sisteme gosudarstvennoj vlasti v Respublike Kazahstan: dis. ... kand. jurid. nauk / B.D. Makulbekov. – Almaty, 2010. – 250 s.
5. Allen, R.J. The Nature of Discretion / R.J. Allen // Law &Contemp. Probs. Autumn Journal. – 1984. – № 1. – Pp. 2-3.
6. Podmarev, A.A. Sorazmernost' kak konstitucitnyj princip ogranichenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii / A.A. Podmarev // Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija:

Jekonomika.Upravlenie. Pravo. – 2021. – № 21 (1). – S. 83-91.

7. Trykhlіb, K. The principle of proportionality in the Jurisprudence of the European Court of Human rights / K. Trykhlіb // EU and Comparative Law Issues and challenges series. – 2020. – № 4. – Pp. 128-154.

8. Borja, S.B. Beyond the Principle of Proportionality: Controlling the Restriction of Rights under Factual Uncertainty / S.B. Borja // Oslo Law Review. – 2023. – № 1. – Pp. 74-91.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ерік Булатұлы Ахметов – Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының аға ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), e-mail: ahmetov.er-0507@mail.ru.

Ахметов Ерик Булатович – старший научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: ahmetov.er-0507@mail.ru.

Akhmetov Erik Bulatovich – Senior Researcher at the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: ahmetov.er-0507@mail.ru.

Дидар Болатұлы Тебаев – Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), e-mail: tebdidar@gmail.com.

Тебаев Дидар Болатович – ведущий научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: tebdidar@gmail.com.

Tebaev Didar Bolatovich – Leading Researcher at the Department of Constitutional, Administrative Legislation and Public Administration of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: tebdidar@gmail.com.

Л.К. Еринбетова¹, А.А. Гаитов²

¹Евразийский технологический университет, г. Алматы, Республика Казахстан

²Казахский национальный аграрный исследовательский университет, г. Алматы, Республика Казахстан

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В данной статье исследуются различные способы борьбы с буллингом в учебных заведениях стран зарубежья и Казахстана. Понятия буллинг и кибербуллинг в Кодексе об административных правонарушениях Казахстана появились относительно недавно. С развитием технологий травли в современных школах имеет место не только прямое действие в отношении жертвы, но и опосредованное – через применение девайсов и гаджетов. Кибербуллинг так же опасен для психического здоровья учащихся, как и буллинг. Последствия от травли в учебных заведениях могут быть разные, в т.ч. и тяжкие, такие, например, как доведение лица до самоубийства. Ввиду того, что количество случаев суицида в Казахстане, совершаемых подростками, не имеет тенденции к уменьшению, мы предлагаем принять как законодательные, так и программные меры по борьбе с насилием в стенах общеобразовательных школ на всей территории нашей страны.

Ключевые слова: буллинг; кибербуллинг; травля; программа; законодательство; уголовная ответственность; учебные заведения.

Л.К. Еринбетова¹, А.А. Гаитов²

¹Еуразиялық технологиялық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

БІЛІМ БЕРУ МЕКЕМЕЛЕРІНДЕ БУЛЛИНГТІҢ АЛДЫН АЛУ БОЙЫНША ОТАНДЫҚ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ТӘСІЛДЕРДІҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ: ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК АСПЕКТІЛЕР

Аннотация. Бұл мақалада шетел және Қазақстан оқу орындарында буллингке қарсы күресудің әртүрлі тәсілдері қарастырылады. Буллинг және кибербуллинг ұғымдары Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексінде салыстырмалы түрде жақында ғана пайда болды. Технологиялардың дамуына байланысты қазіргі мектептердегі қудалау тек тікелей ғана емес, сонымен қатар құрылғылар мен гаджеттерді қолдану арқылы жанама түрде де жүзеге асырылады. Кибербуллинг те оқушылардың психикалық денсаулығына буллинг сияқты қауіпті. Оқу орындарындағы қудалаудың салдары әртүрлі болуы мүмкін, оның ішінде адамның өзін-өзі өлтіруге дейін жеткізу сияқты ауыр жағдайлар да кездеседі. Қазақстанда жасөспірімдер арасындағы суицид жағдайларының азаю үрдісі байқалмағандықтан, біз еліміздің барлық оқу орындарында зорлық-зомбылыққа қарсы күрес бойынша заңнамалық және бағдарламалық шаралар қабылдауды ұсынамыз.

Түйінді сөздер: буллинг; кибербуллинг; қудалау; бағдарлама; заңнама; қылмыстық жауаптылық; оқу орындары.

L.K. Erinbetova, A.A. Gaitov²

¹Eurasian Technological University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

²Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN APPROACHES TO BULLYING PREVENTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: LEGAL AND SOCIAL ASPECTS

Abstract. This article examines various methods of combating bullying in educational institutions in foreign countries and Kazakhstan. The concepts of bullying and cyberbullying appeared relatively recently in the Code of Administrative Offenses of Kazakhstan. With the development of technology, harassment in modern schools occurs not only directly toward the victim but also indirectly through the use of devices and gadgets. Cyberbullying is just as dangerous to students' mental health as traditional bullying. The consequences of harassment in educational institutions can vary, including severe cases such as driving a person to suicide. Since the number of suicides committed by adolescents in Kazakhstan shows no tendency to decrease, we propose adopting both legislative and programmatic measures to combat violence within the walls of general education schools.

Keywords: bullying; cyberbullying; insult; program; legislation; criminal liability; educational institutions.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_18

Введение. Буллинг как способ проявления насильственных действий в настоящее время является наиболее распространенным явлением в мире в отношении всех категорий людей, но особенно широко ему подвержены дети и подростки школьного возраста. С появлением новых технологических возможностей и их стремительным развитием в среде учащихся появляется ранее неизвестный вид притеснения и психологического насилия как кибербуллинг. Опосредованный способ давления и проявления насилия между детьми школьного возраста стал возможен при помощи девайсов и гаджетов, которые позволяют это сделать практически без особых усилий и в короткий промежуток времени [1, 516 стр.].

По инициативе ЮНЕСКО по всему миру каждый год в ноябре отмечается Международный день против насилия и буллинга в школе и Интернете. Все страны-участницы ЮНЕСКО поддерживали данную инициативу с тем, чтобы обратить внимание мирового сообщества на проблему насилия в детско-подростковых учреждениях и на необходимость совместной организации борьбы с новым видом насилия из-за которого возрастает количество попыток и совершения суицида в обозначенном возрасте¹.

Буллинг как явление в течение длительного времени оставался без внимания общественности. Однако к концу прошлого столетия специалисты в разных областях: в психологии, социологии, педагогике, сфере медицины, в своих исследованиях отмечали существование такой латентной формы насилия, как буллинг. Буллинг и его разновидность – кибербуллинг, способны не обнаруживать себя довольно длительное время, не проявляясь явно и открыто, но от того становясь более опасными, т.к. все неявное не берется во внимание общественностью, а значит и не искореняется своевременно. Такая форма насилия как антисоциальное явление может выражаться в виде распространения дезинформации, угрозы, шантажа, оскорблений, физических воздействий и т.д., как непосредственно, так и с помощью девайсов [2, 8 стр.].

Жертвами буллинга в школьной среде, как правило, становятся дети и подростки, чем-либо отличающиеся от своего окружения, имеющие какие-то особенности и др. Так, например, причиной для притеснения могут стать: физические недостатки или особенности; низкий уровень интеллекта; психоэмоциональные состояния; национальная и религиозная принадлежность и т.д. Физическое превосходство,

¹ Международный день против насилия в школе и Интернете и проект VK по борьбе с кибербуллингом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iite.unesco.org/ru/news/den-protiv-nasiliya-kiberbulling-unesco-vk/> (дата обращения: 28.05.2025).

высокие интеллектуальные способности, одаренность и талант, перевод ученика из одного образовательного учреждения в другое, где последний оказывается в новом окружении, также могут стать причиной для бойкотирования и применения других форм насилия на фоне зависти [3, 45 стр.].

Процесс виктимизации детей школьного возраста, как правило, сопровождается страхом оказаться отверженным в среде одноклассников. Повышенная застенчивость и комплексы неполноценности, внушаемые сверстниками, становятся в последствии предикторами устойчивого недоверия к людям, с последующей социальной дезориентацией. Оказавшись в агрессивной среде, становясь жертвами травли, дети испытывают сложности в учебе, общении. Они стараются не привлекать к себе внимания ни со стороны сверстников, ни со стороны учителей.

Согласно данным Национального центра общественного здравоохранения Министерства здравоохранения Республики Казахстан (далее – РК) за 2024 год, кибербуллинг подверглись 13% казахстанских школьников подросткового возраста (показатели среди мальчиков выше относительно девочек на 3%). Об участии в кибербуллинге в отношении сверстников сообщили 11% подростков и данный показатель также варьируется относительно количества мальчиков и девочек, участвовавших в кибербуллинге, где первых на 8% больше.

Согласно второму докладу Всемирной организации здравоохранения, в рамках проекта «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC) исследованию на предмет буллинга в учебных заведениях подверглись 44 государства и среднеазиатский регион в т.ч. В 2022 году были проведены исследования в образовательных учреждениях Казахстана Национальным центром общественного здравоохранения Министерства здравоохранения РК при поддержке Странового офиса ВОЗ в нашей стране, по результатам которых было выявлено следующее:

- 17,5% детей и подростков иногда подвергались буллингу;

- 6,8% подвергались буллингу систематически;

- 14% в возрасте до 15 лет сами буллили других детей или становились свидетелями травли².

Как правило, повышенная агрессия свойственна больше мальчикам, чем девочкам, хотя последние также часто являются участницами групповых буллингов. Жертвы школьного насилия имеют, как правило, возраст 11 лет и по мере взросления становятся способными противостоять насилию в различных его проявлениях. С окончанием периода изоляции в связи с пандемией коронавируса число жертв буллинга в стенах школ резко возросло на 3,7%, что явно демонстрирует тревожную тенденцию, связанную с возрастанием подростковой агрессии [4, 249 стр.].

Материалы и методы. Для всестороннего раскрытия темы представленной работы был использован диалектический метод изучения девиантного поведения среди несовершеннолетних. Методологической основой исследования послужили: обобщение, сравнение, анализ фактов и статистических данных, синтез. Склонность к совершению насилия в виде травли в среде лиц моложе 18 лет – это не случайная совокупность противоправных деяний, а сложное и устойчивое явление, что, в свою очередь, обуславливает использование системно-структурного метода исследования для достижения поставленных целей в данной статье.

В работе подверглись анализу и тщательному изучению: антибуллинговые программы, принятые на государственном уровне в ряде европейских стран; законодательные акты, принятые в Швеции, США, Японии, Казахстане для борьбы с буллингом в образовательных учреждениях.

Результаты, обсуждение. Многие государства мира ведут борьбу с буллингом различными способами. Наиболее эффективными из них являются добытые

² Каждый восьмой ребенок школьного возраста в Казахстане подвергается кибербуллингу. Данные международного исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» HBSC [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hls.kz/ru/archives/42861> (дата обращения: 28.05.2025).

опытным путем результаты ряда стран, с которыми целесообразно ознакомиться для возможного их применения в Казахстане.

Норвежским общественным деятелем Д. Ольвеусом в начале 80-х гг. прошлого столетия была разработана программа против травли в школах под названием «Olweus Bullying Prevention Programme», что переводится как «Программа профилактики Ольвеуса против травли». Особенностью данной Программы является то, что буллинг как проблема постоянно обсуждается на школьных собраниях и конференциях. Он не укрывается и не замалчивается школьной администрацией, более того, о каждом негативном происшествии сообщается родителям и совместно с ними решается вопрос об устранении любых форм травли. В стороне не остаются ни жертвы, ни зачинщики травли, а также другие школьники, которые вовлекаются в процесс разбора факта буллинга. Кроме того, в рамках данной программы организуются мероприятия, где осуждению подвергается такое явление, как буллинг, и ведется активная пропаганда жизни в школе без насилия [5].

Цель данной программы – это обеспечение безопасного пребывания детей и подростков в учебных заведениях, где минимизируется физическое и психологическое насилие как со стороны сверстников, так и со стороны преподавателей и школьной администрации. Посредством ролевых игр с участием родителей отрабатываются различные способы выхода из буллинговых отношений, а также в школьных учреждениях создаются советы, где обсуждается каждый негативный факт и пути выхода из него.

Норвежская программа легла в основу антибуллинговых программ в некоторых учебных заведениях в таких странах, как Франция, США, Швеция, Канада, Англия, Германия, в ряде латиноамериканских стран и др.

В число наиболее эффективных способов борьбы со школьной травлей можно отнести финскую антибуллинговую программу «KiVa» («Kiusaamista Vastaan»).

Данный способ имеет свои особенности, которые нашли свое выражение в том, что примирение конфликтующих сторон является второстепенной задачей. Воспитательное воздействие в основе своей, согласно целям данной программы, оказывается на зрителей, т.е. не на непосредственных участников конфликта, а на сторонних очевидцев. Для достижения положительных результатов программа разделена на две составляющие части. Первая часть направлена на решение профилактических задач, т.е. на то, чтобы предотвратить буллинг в тех классах, где имеются напряженные отношения между школьниками, которые, в свою очередь, отслеживаются учителями. Вторая часть программы направлена на работу с имеющимися фактами буллинга³.

Для решения профилактических задач применяются следующие методы: ролевые и компьютерные игры с имитацией возможных ситуаций травли в среде детей и подростков и выхода из таких отношений; просветительская работа с родителями; выпуск печатных материалов и создание интернет-сайтов; организация собраний и конференций с целью освещения текущей ситуации и т.д.

Работа с имеющимися фактами буллинга предполагает подключение: квалифицированных детско-подростковых психологов; команду школьных учителей, которые организуют встречи с буллерами, жертвами травли, с родителями школьников, которые так или иначе вовлечены в процесс буллинга. Групповые встречи проводятся для всех учеников, которые стали свидетелями буллинга или узнали о нем посредством социальных сетей с тем, чтобы разобрать и дать правовую оценку ситуации.

В Англии в систему образования внедрена бесплатная программа «United Against Bullying» («Объединение против травли»), которая нацелена на снижение буллинговых отношений между школьниками. Программа разработана и финансируется Министерством образования Великобритании. Программа помогает улучшить общее психологическое состояние учащихся в процессе получения

³ KIVA KOULU anti-bullying program («KIVA») [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eucpn.org/document/kiva-koulu-kiva-anti-bullying-program> (дата обращения: 28.05.2025).

образования и уделяет особое внимание группе риска, которая в большей степени подвержена притеснениям и травле [6, 11 стр.].

В качестве метода воздействия на буллеров программа предполагает проведение очных ставок, т.е. встречи буллера и его жертвы за одним столом, для подробного разбора ситуации. Цель встречи – не воздействие на чувство стыда притеснителя или на иные чувства, связанные с нареканиями, наказаниями, нападениями и т.д. Встреча организуется для улучшения отношений между учащимися путем постановки целенаправленно задаваемых вопросов, на которые должны отвечать конфликтующие стороны. В ходе выяснения ситуации или разбора каких-либо негативных обстоятельств, вызывающих психологическое напряжение, есть высокая вероятность прихода сторон к общей договоренности о построении дальнейших отношений в рамках правил поведения в учреждении.

Разработанная в Испании программа «SAVE» большое внимание уделяет профилактической работе по предотвращению случаев буллинга. Так, в стенах учреждений могут проводиться ролевые игры, разборы с учащимися различных ситуаций, связанных с травлей, проводятся тематические конкурсы и конференции воспитательного характера [7].

Цель создания антибуллингового пространства в учебных заведениях Испании достигается путем индивидуальных работ с учащимися, начиная с начальных классов. Воспитательное воздействие в случаях обнаружения факта травли оказывается как на всех непосредственных участников, так и на тех, кто выступил в качестве свидетеля инцидента. Психологическая помощь оказывается школьному агрессору, жертве буллинга, а также тем, кто потенциально может оказаться объектом травли.

Интересным для нас представляется опыт Канады, где работает национальная программа против буллинга под названием «Promoting Relationships and Eliminating Violence Network» («Объединение по развитию взаимоотношений и искоренению насилия»).

Данное объединение включает в свой состав большой коллектив ученых и практиков, разрабатывающих антибуллинговую стратегию страны. Особенность канадского подхода заключается в том, что разрешение проблемы травли в школах они видят в тесном сотрудничестве педагогического коллектива с родителями. Их совместная деятельность дает отличный профилактический результат по предупреждению развития детско-подростковой агрессии и последующих противоправных действий [8].

Нидерланды имеют видимый успех в борьбе с буллингом посредством внедрения в школах программы «Pestweb». Эта интернет-платформа предназначена для анонимного сообщения о случаях травли среди учащихся. Платформа также дает возможность предотвратить готовящиеся акты насилия, когда об этом поступает своевременное сообщение [9].

В ряде скандинавских стран еще с конца 70-х гг. прошлого столетия противостояние насилию над детьми в системах образования осуществляется путем принятия специальных законодательных актов. Так, например, в Швеции были приняты законы «Об образовании» и «О запрете дискриминации», на основании которых родителям гарантируется, что их дети, оказавшись в стенах школ, не будут подвергаться какому-либо насилию, в т.ч. буллингу и кибербуллингу. Школьная инспекция следит за соблюдением внутреннего порядка и своевременно реагирует на факты правонарушений [10].

В Японии с буллингом борются на законодательном уровне. В связи с ростом случаев суицида среди школьников в 2013 году был принят закон против травли в учебных заведениях, согласно которому каждое учебное заведение обязано разработать свои эффективные программы по предотвращению травли, физического и психического насилия. За деятельностью школ в данном направлении ведется контроль со стороны государственных органов [11].

В Соединенных Штатах Америки первым штатом, который начал борьбу с буллингом на законодательной основе, стал штат Джорджия в 1999 году. В настоящее

время в штате Невада предусматривается уголовная ответственность за применение насилия в отношении детей и подростков. «Bully Police USA» («Полиция против буллинга США»), будучи общественной организацией, ведет контроль за качеством принятых законов по обозначенной проблеме и их надлежащим исполнением, а также организует психологическую поддержку жертвам буллинга. Во всех штатах США, где нет специального закона против буллинга, администрация учебного заведения о фактах дискриминации по различным признакам сообщает правоохранительным органам. Дискриминация в США квалифицируется как нарушение конституционных прав и свобод человека [12].

В борьбе с травлей, имеющей место в учебных заведениях, не остался в стороне и Казахстан. Наша страна в качестве наиболее действенной меры пресечения фактов буллинга выбрала законодательное воздействие [13, 116 стр.]. С 16 июня 2024 года вошли в законную силу поправки в закон, предусматривающий ответственность за применение травли в стенах школ. Степень наказания школьного агрессора будет зависеть от последствий противоправных деяний, минимальное наказание предусматривает 10 МРП за буллинг, а максимальное – 9 лет лишения свободы в случае доведения жертвы до самоубийства.

Кодекс об административных правонарушениях РК пополнился новыми терминами – буллинг и кибербуллинг. Ответственность за данные правонарушения регулируются статьей 127-2:

«1. Травля (буллинг, кибербуллинг) несовершеннолетнего –

влечет предупреждение или штраф в размере 10 МРП;

2. Действие, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания, –

влечет штраф в размере 30 МРП;

3. Действие, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи,

совершенное несовершеннолетним лицом в возрасте от 12 до 16 лет, –

влечет предупреждение или штраф на родителей или лиц, их заменяющих, в размере 10 МРП».

Согласно подпункту 49 части 1 статьи 804 КоАП РК, уполномоченные органы в сфере образования, а также уполномоченный орган в сфере защиты прав ребенка (пп. 65 ч. 1 ст. 804 КоАП РК) имеют право составлять протоколы по факту буллинга. За первое совершение противоправного деяния (буллинга) лицом от 18 лет и выше законом предусматривается взыскание в размере 10 МРП, за повторное (в период 1 года) – 30 МРП. Буллинг, совершаемый лицом от 16 и до 18 лет, наказывается взысканием в 10 МРП. Так как административная ответственность наступает по достижению 16 лет, сумма взыскания оплачивается самим подростком. В случае неплатежеспособности последнего сумму взыскания оплачивают родители или опекуны. Если буллингом занимаются дети в возрасте от 12 до 16 лет, взыскание направляется родителям или их заменяющим лицам. Закон предполагает также такую меру воздействия, как предупреждение, если факт травли имел место впервые⁴.

В тех случаях, когда буллинг имел тяжкие последствия, в отношении правонарушителя применяются статьи уголовного законодательства. Следует отметить, что в УК РК такой дефиниции, как буллинг не существует. Однако есть статья 110 УК (Истязание), по которой лиц привлекается к уголовной ответственности за совершение следующих противоправных деяний: «Причинение физических или психических страданий путем насильственных действий, совершенных с особой жестокостью, издевательствами с целью доставить мучения потерпевшему, если это деяние не повлекло причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью». Из данной формулировки следует, что причинение легкого вреда здоровью, будь то нервный срыв или иной легкий вред здоровью школьника, может оказаться уголовно наказуемым деянием. За истязания детей,

⁴ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. по сост. на 15.09.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 28.05.2025).

не достигших возраста совершеннолетия, УК предусматривается только лишение свободы от 4 до 7 лет.

Кроме того, в статье 105 УК РК предусматривается уголовная ответственность (лишение свободы от 5 до 9 лет) за доведение до самоубийства лица, не достигшего возраста совершеннолетия. Однако, следует отметить, что ответственность по вышеприведенным статьям УК РК, согласно уголовному законодательству Казахстана, наступает по достижению лицом шестнадцатилетнего возраста⁵.

Заключение. Таким образом, в настоящее время проблема буллинга в учебных заведениях во всех государствах мира стоит остро. Каждая страна пытается решить вопрос безопасного пребывания детей в стенах школы по-разному. Одни принимают программы по устранению буллинга в учебных заведениях на национальном уровне, другие прибегают к более жестким законодательным мерам, а третьи берут на вооружение и первый, и второй способы.

В нашей стране, по нашему мнению, нет недостатка в законодательном обеспечении защиты прав ребенка, т.к. безопасность детей регулируется рядом законодательных актов, в числе которых УК РК, Кодекс РК об административных правонарушениях, Закон «О правах ребенка»⁶, Кодекс РК о браке (супружестве) и семье⁷, Закон РК «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности»⁸. Кроме того, в Казахстане с 16 июня текущего года начал свое действие Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и

безопасности детей»⁹.

Однако искоренить буллинг в школах нам так и не удалось, т.к. главная проблема притеснений и травли заключается в том, что этим занимаются не только взрослые, а в большинстве своем сверстники жертв буллинга. По словам омбудсмена по правам ребенка в Казахстане Д. Закиевой, «...по данным ЮНИСЕФ, 66% детей в Казахстане сталкиваются с насилием в школе. По данным ВОЗ, наша страна занимает 10-е место в мире по количеству самоубийств среди подростков. По мнению специалистов, элементы издевательств и вымогательства формируют у детей суицидальное и девиантное поведение»¹⁰.

Малолетние буллеры (не достигшие возраста уголовной и административной ответственности) остаются вне поля зрения законодателя, в силу чего они могут совершать абсолютно безнаказанно травлю разной степени тяжести, нанося непоправимый ущерб психическому и физическому здоровью перманентно терпящему буллинг.

Согласно статье 131 (Оскорбление) уголовного законодательства, ответственность лица наступает по достижению 16 лет. Оскорбление признается уголовным проступком, за совершение которой не предусматривается жесткое наказание и в целом мало кто привлекается к ответственности по данной статье. Мы считаем, что по статье 131 необходимо снизить возраст правонарушителя до 14 лет так же, как по тяжким и особо тяжким статьям, что, в свою очередь, позволит за совершение буллинга и кибербуллинга привлекать лиц к уголовной ответственности с упомянутого возраста. Кроме того, статью необходимо перевести из частного обвинения (ст. 32 УПК РК) в публичное или частно-публичное

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 20.06.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 28.05.2025).

⁶ О правах ребенка в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 8 авг. 2002 г. № 345 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_ (дата обращения: 28.05.2025).

⁷ О браке (супружестве) и семье: кодекс Республики Казахстан от 26 дек. 2011 г. № 518-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518> (дата обращения: 28.05.2025).

⁸ О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности: закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 591 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000591_ (дата обращения: 28.05.2025).

⁹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: закон Республики Казахстан от 15 апр. 2024 г. № 72-VIII [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34339586 (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁰ Как в Казахстане борются с буллингом, рассказала детский омбудсмен [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/kak-v-kazakhstan-boryutsya-s-bullingom-rasskazala-detskii-ombudsmen> (дата обращения: 28.05.2025).

обвинение. Данные меры помогут выявлять больше правонарушений в образовательных учреждениях и оформлять их в соответствии с процессуальными нормами.

Что касается малолетних правонарушителей, то мы предлагаем активно внедрять в казахстанские школы проверенные десятилетиями программы по предотвращению буллинга, разработанные в зарубежных странах. В данном направлении в системе образования Казахстана намечается положительная тенденция. С 1 сентября 2024 года финская программа KiVa пилотно реализуется в 110 школах Казахстана. В 2025-2026 учебном году начато поэтапное расширение KiVa на все общеобразовательные школы страны с ежегодным охватом примерно 1 500 школ. Сообщается, что уже в пилоте KiVa есть данные о снижении доли детей, подвергшихся буллингу, а также доли тех, кто участвует в буллинге. Например, снижение с 3% до 2,1% в одной метрике¹¹.

Однако, важно понимать, что буллинг – это явление, корнями уходящее в социальные, материальные, культурные и духовные проблемы общества. Не разрешив причинные вопросы, лежащие в основе детско-подростковой агрессии, борьба только лишь с последствиями не даст положительных результатов.

Опыт зарубежных стран за долгие годы борьбы с буллингом на национальном уровне показал, что наиболее действенными мерами оказались программы, нацеленные на формирование духовного стержня среди детей и подростков, основанных на системе морально-нравственных ценностей. Такие неизменно высокие человеческие качества как: доброта, забота, любовь, уважение, внимание должны оказаться не абстрактными понятиями, а теми жизненными ориентирами для наших детей, которые приведут, по большому счету, к построению законопослушного, гражданского общества в Казахстане.

Список использованной литературы:

1. Kelly, E.V. A novel approach to tackling bullying in schools: personality-targeted intervention for adolescent victims and bullies in Australia / E.V. Kelly, et al. // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 2020. – Vol. 59. № 4. – Pp. 508-518.e2.
2. Peng, Z. A pilot intervention study on bullying prevention among junior high school students in Shantou, China / Z. Peng, et al. // BMC Public Health. – 2022. – Vol. 22. № 262. – Pp. 1-9.
3. Gaffney, H. What works in anti-bullying programs? Analysis of effective intervention components / H. Gaffney, M.M. Ttofi, D.P. Farrington // Journal of School Psychology. – 2021. – Vol. 85. № 142. – Pp. 37-56.
4. Riordan, D.V. The scapegoat mechanism in human evolution: an analysis of René Girard's hypothesis on the process of hominization / D.V. Riordan // Biological Theory. – 2021. – Vol. 16. № 4. – Pp. 242-256.
5. Olweus, D. Bullying at School: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program / D. Olweus // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 1994. – № 35 (7). – Pp. 1171-1190.
6. Kidwai, I. Analysis of the content of school anti-bullying policy in England: signs of progress / I. Kidwai, P.K. Smith // Educational Psychology in Practice. – 2023. – № 40 (1). – Pp. 1-16.
7. Gaffney, H. Effectiveness of school-based to reduce bullying perpetration and victimization: An updated systematic review and meta-analysis / H. Gaffney, M. Ttofi, D. Farrington // Campbell Syst Rev. – 2021. – № 17 (2). – e1143.
8. Pepler, D. Promoting relationships and eliminating violence in Canada / D. Pepler, W. Craig // International Journal of Behavioral Development. – 2011. – № 35 (5). – Pp. 389-397.
9. J. Zwaan, C.M. Jonker, V. Dignum. Corpus-Based Validation of a Dialogue Model for Social Support // Conference: Proceedings of the 24th Benelux Conference on Artificial Intelligence, 2012. – Pp. 258-265.
10. Cederborg, A.-Ch. Research Expanding Current Understandings of Bullying in Sweden / A.-

¹¹ Антибуллинг-программы стартуют с сентября в школах Казахстана [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://er10.kz/read/it-novosti/antibullingovye-programmy-startujut-s-sentjabrja-v-shkolah-kazahstana/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 28.05.2025).

Ch. Cederborg, K.R. Sylwander, K.A. Blom // Pensamiento Psicológico. – 2016. – Vol. 14. № 1. – Pp. 131-146.

11. Yoneyama, Sh. Theorizing School Bullying: Insights from Japan / Sh. Yoneyama // Confero Essays on Education Philosophy and Politics. – 2015. – № 3 (2). – Pp. 1-37.

12. Klein, R. Sexual violence on US college campuses: history and challenges / R. Klein // Gender Based Violence in University Communities. – 2018. – Pp. 63-82.

13. Еринбетова, Л.К. Современное состояние преступности среди детей и молодежи Казахстана / Л.К. Еринбетова, А.Н. Кулажанова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 115-125.

References:

1. Kelly, E.V. A novel approach to tackling bullying in schools: personality-targeted intervention for adolescent victims and bullies in Australia / E.V. Kelly, et al. // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 2020. – Vol. 59. № 4. – Pp. 508-518.e2.

2. Peng, Z. A pilot intervention study on bullying prevention among junior high school students in Shantou, China / Z. Peng, et al. // BMC Public Health. – 2022. – Vol. 22. № 262. – Pp. 1-9.

3. Gaffney, H. What works in anti-bullying programs? Analysis of effective intervention components / H. Gaffney, M.M. Ttofi, D.P. Farrington // Journal of School Psychology. – 2021. – Vol. 85. № 142. – Pp. 37-56.

4. Riordan, D.V. The scapegoat mechanism in human evolution: an analysis of René Girard's hypothesis on the process of hominization / D.V. Riordan // Biological Theory. – 2021. – Vol. 16. № 4. – Pp. 242-256.

5. Olweus, D. Bullying at School: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention Program / D. Olweus // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 1994. – № 35 (7). – Pp. 1171-1190.

6. Kidwai, I. Analysis of the content of school anti-bullying policy in England: signs of progress / I. Kidwai, P.K. Smith // Educational Psychology in Practice. – 2023. – № 40 (1). – Pp. 1-16.

7. Gaffney, H. Effectiveness of school-based to reduce bullying perpetration and victimization: An updated systematic review and meta-analysis / H. Gaffney, M. Ttofi, D. Farrington // Campbell Syst Rev. – 2021. – № 17 (2). – e1143.

8. Pepler, D. Promoting relationships and eliminating violence in Canada / D. Pepler, W. Craig // International Journal of Behavioral Development. – 2011. – № 35 (5). – Pp. 389-397.

9. J. Zwaan, C.M. Jonker, V. Dignum. Corpus-Based Validation of a Dialogue Model for Social Support // Conference: Proceedings of the 24th Benelux Conference on Artificial Intelligence, 2012. – Pp. 258-265.

10. Cederborg, A.-Ch. Research Expanding Current Understandings of Bullying in Sweden / A.-Ch. Cederborg, K.R. Sylwander, K.A. Blom // Pensamiento Psicológico. – 2016. – Vol. 14. № 1. – Pp. 131-146.

11. Yoneyama, Sh. Theorizing School Bullying: Insights from Japan / Sh. Yoneyama // Confero Essays on Education Philosophy and Politics. – 2015. – № 3 (2). – Pp. 1-37.

12. Klein, R. Sexual violence on US college campuses: history and challenges / R. Klein // Gender Based Violence in University Communities. – 2018. – Pp. 63-82.

13. Erinbetova, L.K. Sovremennoe sostojanie prestupnosti sredi detej i molodezhi Kazahstana / L.K. Erinbetova, A.N. Kulazhanova // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 115-125.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Лаззат Калдыбековна Еринбетова – Еуразиялық технологиялық университетінің Экономика және құқықтық технологиялар мектебінің қауымдастырылған профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: sattilik02@mail.ru.

Еринбетова Лаззат Калдыбековна – ассоциированный профессор Школы экономики и правовых технологий Евразийского технологического университета, кандидат юридических наук, e-mail: sattilik02@mail.ru.

Erinbetova Lyazzat Kaldybekovna – Associate Professor at the Schools of Economics and Legal Technologies Eurasian Technological University, Candidate of Legal Sciences, e-mail: sattilik02@mail.ru.

Алишер Анаитович Гаитов – Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: gaitov.alisher@mail.ru.

Гаитов Алишер Анаитович – ассоциированный профессор кафедры права Казахского национального аграрного исследовательского университета, кандидат юридических наук, e-mail: gaitov.alisher@mail.ru.

Gaitov Alisher Anaitovich – Associate Professor of the Department of Law of Kazakh National Agrarian Research University, Candidate of Legal Sciences, e-mail: gaitov.alisher@mail.ru.

УДК 342.9.07
МРНТИ 10.17.25

Т.Ш. Исмаилбаев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В результате проведенных в период независимости реформ определены общие принципы построения и функционирования системы государственной службы. В частности, закреплены основные постулаты организации и деятельности системы, сформированы реестры должностей государственных служащих, а также прописан их правовой статус (*четко регламентирован порядок поступления, прохождения и увольнения с государственной службы*) и т.д.

Автором проводится анализ роли правоохранительных органов в конституционно-правовом механизме обеспечения верховенства права и защиты прав и свобод граждан. Предлагается совершенствование кадровой политики посредством цифровизации процесса отбора кандидатов на правоохранительную службу, внедрения института «безупречной репутации», а также нормативного урегулирования диспропорций между кандидатами, проходящими первоначальную профессиональную подготовку, и выпускниками высших образовательных учреждений правоохранительных органов.

Ключевые слова: правоохранительный орган; верховенство права; защита прав и свобод; правовое государство; профилактические меры; кадровая политика; безупречная репутация; цифровизация отбора; первоначальная профессиональная подготовка; информационные технологии; реформирование государственной службы.

Т.Ш. Исмаилбаев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ КАДР САЯСАТЫНДАҒЫ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕР

Аннотация. Тәуелсіздік кезеңінде жүргізілген реформалардың нәтижесінде мемлекеттік қызмет жүйесін құру мен оның жұмыс істеуінің жалпы қағидаттары айқындалды.

Атап айтқанда, жүйені ұйымдастыру мен қызметінің негізгі ұстанымдары бекітіліп, мемлекеттік қызметшілер лауазымдарының тізілімдері жасалды, сондай-ақ олардың құқықтық мәртебесі белгіленді (мемлекеттік қызметке қабылдау, өту және одан босату тәртібі нақты регламенттелді) және т.б.

Мақалада автор құқық қорғау органдарының құқық үстемдігін қамтамасыз ету мен азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғаудың конституциялық-құқықтық тетігіндегі рөліне талдау жасайды.

Кадрлық саясатты жетілдіру ұсынылады: кандидаттарды құқық қорғау қызметіне іріктеу процесін цифрландыру, «мінсіз бедел» институтын енгізу, сондай-ақ бастапқы кәсіби даярлықтан өтетін кандидаттар мен құқық қорғау органдарының жоғары оқу орындарының түлектері арасындағы алшақтықтарды нормативтік тұрғыда реттеу.

Түйінді сөздер: құқық қорғау органы; құқық үстемдігі; құқықтар мен бостандықтарды қорғау; құқықтық мемлекет; профилактикалық шаралар; кадрлық саясат; мінсіз бедел; іріктеуді цифрландыру; бастапқы кәсіби даярлық; ақпараттық технологиялар; мемлекеттік қызметті реформалау.

T.Sh. Ismailbayev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

MODERN APPROACHES IN THE PERSONNEL POLICY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Abstract. As a result of the reforms carried out during the period of independence, the general principles of building and functioning of the civil service system have been defined.

In particular, the fundamental postulates of the organization and functioning of the system have been established, registers of civil service positions have been formed, and the legal status of civil servants has been determined (with a clearly regulated procedure for entry, service, and dismissal from the civil service), among others.

In the article, the author analyzes the role of law enforcement agencies in the constitutional and legal mechanism of ensuring the rule of law and protecting the rights and freedoms of citizens.

It is proposed to improve personnel policy through the digitalization of the process of selecting candidates for law enforcement service, the introduction of the “impeccable reputation” institute, as well as the regulatory settlement of disproportions between candidates undergoing initial professional training and graduates of higher educational institutions of law enforcement bodies.

Keywords: law enforcement agency; rule of law; protection of rights and freedoms; rule-of-law state; preventive measures; personnel policy; impeccable reputation; digitization of selection; initial professional training; information technology; civil service reform.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_28

Введение. В современных условиях особое значение приобретают обеспечение верховенства права и защита прав и свобод личности, что является краеугольным камнем общественного развития и демократизации государства. В этой связи возникает необходимость в пересмотре существующих процедур при поступлении и прохождении правоохранительной службы.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания социально-правовых явлений (*сравнительно-правовой, конкретно-социологический, логико-системный, формально-логический и др.*), а также законодательство Республики Казахстан (далее – РК), регламентирующее вопросы в сфере правоохранительной службы [1]; [2]; [3].

Результаты, обсуждение. В РК данные вопросы закреплены не только в Конституции¹, но и в ряде специализированных законодательных актов, которые определяют правовое положение правоохранительных

органов, а также их задачи в сфере обеспечения общественной безопасности, правопорядка и защиты граждан.

В условиях глобальных и внутренних изменений правоохранительные органы занимают ключевое место, поскольку именно они обеспечивают соблюдение законодательства, а также предупреждают и пресекают правонарушения. Исторически сложилось так, что институт правоохранительных органов в Казахстане эволюционировал в соответствии с изменяющимися общественными вызовами. Становление современной системы правоохранительных органов сопровождалось реформированием механизмов обеспечения безопасности и защиты прав граждан, что привело к разработке современных нормативных актов.

Правовая система Казахстана предусматривает широкую дискретизацию полномочий, что позволяет правоохранительным органам не только эффективно противодействовать преступности, но и обеспечивать реализацию конституционных принципов

¹ Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 14.04.2025).

– верховенства права, законности и защиты прав человека.

С.А. Потапов определяет правоохранительные органы как «специально созданные для реализации правоохранительных функций государства, формируемые и функционирующие в особом установленном законом порядке органы исполнительной власти, обладающие правом на применение юридических мер воздействия и наделенные определенным комплексом специальных полномочий, сил и средств» [4].

В соответствии со статьями 3 и 4 Закона РК «О правоохранительной службе» (далее – Закон) к правоохранительным органам относятся органы прокуратуры, внутренних дел, государственной противопожарной службы, антикоррупционная служба и служба экономических расследований. Служба в правоохранительных органах осуществляется в соответствии со специальными принципами правоохранительной службы (защита прав и свобод граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и т.д.)².

Правоохранительные органы наделены широким спектром полномочий, начиная с оперативно-розыскной деятельности и заканчивая исполнением решений судебных органов. Такой комплексный подход позволяет не только эффективно реагировать на уже совершенные противоправные действия, но и предупреждать их появление, тем самым способствуя укреплению правового порядка.

Эффективное взаимодействие между государственными структурами, общественными организациями и гражданским обществом является залогом успешного функционирования правовой системы Казахстана. При этом структура правоохранительных органов характеризуется наличием специализированных подразделений, каждое из которых выполняет определенные функции в рамках общей системы государственной безопасности. Каждый из этих институтов имеет свою специфику, что позволяет эффективно распределять ресурсы и координировать усилия

в борьбе с различными проявлениями преступности.

Законодательное обеспечение деятельности правоохранительных органов предусматривает применение современного оборудования, использование новых технологий и методов расследования, что значительно повышает эффективность проводимых операций. В связи с этим особое внимание необходимо уделять формированию высококвалифицированного кадрового состава, способного оперативно реагировать на вызовы времени и реализовывать поставленные задачи.

Глава государства К-Ж.К. Токаев на заседании Национального курултая подчеркнул, что государственные служащие, в т.ч. должны сочетать в себе два основных качества – профессионализм и патриотизм, честно и добросовестно работать, чтобы заслужить доверие и уважение граждан³.

Д.А. Крутских отмечал, что в государстве функционирует специально созданный аппарат, необходимый для государственного управления, который не может действовать без специальной основы – государственных служащих, являющихся ключевым элементом государственной службы. В то же время от успешного и эффективного построения системы государственных органов зависит успешное развитие государства [5]. То есть эффективность государственного управления, в т.ч. в правоохранительных органах и учреждениях, несомненно, во многом зависит от качественного кадрового состава.

При этом нельзя не согласиться с П.П. Сергуном, который высказался о том, что с созданием обновленной системы государственного управления появилась потребность в профессиональных государственных служащих, которые в современных условиях могут успешно осуществлять полномочия в тех органах и учреждениях, где они проходят службу. Причем осуществлять их приходится уже в сфере информационных коммуникаций,

² О правоохранительной службе: закон Республики Казахстан от 6 янв. 2011 г. № 380-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380> (дата обращения: 14.04.2025).

³ Национальный доклад о состоянии государственной службы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/640535?lang=ru> (дата обращения: 14.04.2025).

предъявляющих дополнительные требования к кандидатам при поступлении на службу [6].

Статья 33 Конституции РК закрепляет конституционную гарантию равного доступа граждан к государственной службе.

Опыт Кореи, Сингапура, Брунея-Даруссалама, Аргентины⁴, Великобритании, США, ОАЭ⁵, Турции⁶, Бангладеш, Швейцарии⁷ показал, что отбор кандидатов в два этапа (оценка личных качеств и общий конкурс) позволил минимизировать коррупционные риски, что подтверждает необходимость сочетания формального равенства доступа с содержательной оценкой профессиональной и личностной пригодности кандидатов [7]; [8].

Квалификационные требования к кандидатам должны быть прямо закреплены законом и обуславливаться исключительно характером должностных обязанностей (образование, стаж, профессиональные компетенции, состояние здоровья, отсутствие конфликта интересов, соблюдение этических стандартов).

Так, в 2023-2024 гг. законодательными и судебными органами был принят ряд нормативно-правовых и судебных актов, направленных на упрощение процесса поступления на службу, сокращение бюрократии, внедрение автоматизированных систем отбора кадров и т.д.

В 2023 году из шести обращений о проверке ограничений и запретов в сфере государственной службы на соответствие Конституции четыре удовлетворены (66,6%), по двум (33,3%) дано официальное толкование. Совокупность этих данных указывает на изъяны нормотворческой практики, а также недостаточный учет требований части 1 статьи 39 Конституции РК [9].

Суд в своих правовых позициях подчеркнул, что любые ограничения должны соответствовать принципам законности, преследовать легитимную цель, быть необходимыми и соразмерными, при

этом недопустимо заменять реальную оценку деловых качеств формальными фильтрами; вместо автоматизма требуется индивидуализированная оценка рисков с учетом специфики каждой должности. Тем самым был восстановлен конституционный баланс между публичными интересами и правом граждан на доступ к службе и задан ориентир для ревизии нормативных актов и кадровых процедур [10].

При таких обстоятельствах одним из эффективных инструментов, служащим барьером для проникновения на государственную службу лиц, не соответствующих профессиональным, моральным и нравственным качествам, может стать институт «безупречной репутации», широко применяемый в таких странах, как Китайская Народная Республика, Франция, Польша, Молдова, Российская Федерация, Кипр, Литва и др.

Так, Законом Польши «О государственной гражданской службе» от 21 ноября 2008 года определен круг лиц (чиновники и сотрудники гражданской службы), входящих в состав корпуса, а также обязанности, права и ответственность его членов. Требования к кандидатам на государственную службу закреплены в статье 4 указанного закона. Государственными служащими могут быть граждане Польши, пользующиеся всеми публичными правами, не имеющие судимостей за умышленное преступление или умышленное налоговое преступление, имеющие квалификацию, требуемую в гражданской службе, пользующиеся «безупречной репутацией» [9].

Национальный институт юстиции Молдовы финансируется из государственного бюджета и является учреждением, осуществляющим подготовку и обучение специалистов в сфере правосудия. Основные его функции – начальное обучение кандидатов на должности судьи и прокурора, непрерывное обучение действующих судей и прокуроров, а также других специалистов

⁴ Stellenportal Bund [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.stelle.admin.ch/stelle/de/home.html> (дата обращения: 26.07.2025).

⁵ Dubai Careers [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dubaicareers.ae/en/pages/default.aspx> (дата обращения: 26.07.2025).

⁶ Kariyer Kapısı [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kariyerkapisi.cbiko.gov.tr/> (дата обращения: 26.07.2025).

⁷ Designing the Future of ASEAN: Towards a modern, agile, and citizen-centric civil service [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://theaseanmagazine.asean.org/article/designing-the-future-of-asean-towards-a-modern-agile-and-citizen-centric-civil-service/> (дата обращения: 14.04.2025).

в сфере юстиции (пп. «а» п. 1 ст. 4 Устава учебного заведения)⁸.

Изучение Устава учебного заведения показало, что преподаватели для работы в нем отбираются на конкурсной основе из числа лучших (профессионалов) судей, прокуроров, представителей профессорско-преподавательского состава системы высшего юридического образования и других специалистов, работающих в областях, являющихся объектом организованных курсов начального и непрерывного обучения. При этом одними из критериев отбора преподавателей являются безупречная репутация в сфере деятельности и неподкупность (пп. «д» п. 5 ст. 11 Устава). Аналогичные требования распространяются и на руководителя стажировок (п. 4 ст. 24 Устава).

При приеме на работу преподаватель или руководитель стажировки подвергается анкетированию на «честность», «добропорядочность» и «деловую репутацию», которое проводится в соответствии с разработанным Положением о тренерах и Методикой его реализации.

В Российской Федерации, Республике Кипр, Лите обладание безупречной репутацией – одно из требований к судьям Конституционного суда [11].

Требование о наличии «безупречной репутации» в казахстанском законодательстве предъявляется на протяжении почти 25 лет к кандидатам в судьи (ст. 29 Конституционного Закона РК «О судебной системе и статусе судей в Республике Казахстан»)⁹, лицам, рекомендованным в состав Квалификационной комиссии при Совете (ст. 11 Закона РК «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан»)¹⁰, а также к руководящим работникам Государственного фонда социального страхования (п.п. 1 п. 3 ст. 33 Социального кодекса РК)¹¹ [10].

Некоторые авторы «безупречную репутацию относят к моральным вопросам, т.е. к правилам и ценностям, повсеместно соблюдаемым обществом. Понятие безупречной репутации они рассматривают сквозь призму эталона профессиональной этики. Определение этого невыразительного понятия принадлежит в каждом индивидуальном случае органам, применяющим право, особенно судам» [2].

Представитель научного сообщества Е.Г. Гуличева считает, что внедрение института «безупречной репутации» для кандидатов на государственную должность и действующих сотрудников позволит сформировать корпус государственных служащих из квалифицированных и добросовестных специалистов [12].

Проведенное анкетирование показало, что из 4 608 респондентов (4 204 сотрудника и 404 госслужащих) 2 717 человек (2 491 сотрудник и 226 госслужащих), или 59% (60% сотрудников и 57% госслужащих), положительно отзывались о внедрении института «безупречной репутации» при приеме кандидатов на государственную и правоохранительную службу.

Несмотря на то, что данное требование предъявляется в национальном законодательстве, до настоящего времени не раскрыто понятие этого ограничения. В связи с этим по результатам исследования национальных и зарубежных теоретических, а также практических материалов предлагаем имплементировать в нормы действующего законодательства дефиницию «безупречная репутация – совокупность критериев, включающих в себя высокий уровень знаний и профессиональную компетентность, а также высокие морально-нравственные качества и добропорядочность».

Предложенная дефиниция обладает универсальностью и неизменностью. При этом допускается корректировка

⁸ О Национальном институте юстиции: закон Республики Молдова от 8 июня 2006 г. № 152-XVI [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30497816 (дата обращения: 26.08.2025).

⁹ О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 дек. 2000 г. № 132 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_ (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁰ О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 4 дек. 2015 г. № 436-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000436> (дата обращения: 14.04.2025).

¹¹ Социальный кодекс Республики Казахстан: от 20 апр. 2023 г. № 224-VII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 14.04.2025).

критериев для кандидатов (*необходимый уровень знаний и высокие морально-нравственные качества*) и действующих сотрудников правоохранительных органов (*профессиональная компетентность и доброспорядочность*). Такие изменения могут быть обусловлены динамичным развитием общественных отношений и изменением требований, предъявляемых при поступлении и пребывании на государственной (*правоохранительной*) службе [10].

Другим вопросом, представляющим научный интерес, является статус лиц, проходящих первоначальную профессиональную подготовку и получающих высшее специальное образование.

В соответствии со статьей 7 Закона первоначальное поступление на службу в правоохранительные органы осуществляется:

- через учебу в организации образования правоохранительных органов лиц, имеющих среднее образование (*ст. 9 Закона*);
- через первоначальную профессиональную подготовку в организациях образования правоохранительных органов (*ст. 11 Закона*).

Однако при равных условиях отбора и требований к обучению статус лиц, проходящих первоначальную профессиональную подготовку, и лиц, получающих высшее образование, существенно различается. Так, если лица, поступившие на очное обучение, принимаются на должность в правоохранительные органы в тот же день, то лица, прошедшие отбор на первоначальную профессиональную подготовку, назначаются на должность в течение месяца после ее прохождения (*п. 1 ст. 8 Закона*).

Несмотря на это пунктом 9 статьи 11 Закона на обе категории налагаются практически одинаковые обязанности и ограничения (*психологическое освидетельствование; полиграфологическое исследование; специальная проверка; проверка кандидата и его родственников по учетам информационных сервисов, сдача декларации и т.д.*). Вследствие этого лица, проходящие первоначальную профессиональную подготовку, не могут

воспользоваться гарантиями, закрепленными статьями 14 и 15 Закона (*государственная защита, посещения родственниками, защита персональных данных и т.д.*).

Более того, в случае их гибели (*смерти*) или получения увечья (*ранения, контузия, травмы*) в период обучения или прохождения стажировки их семьи лишаются получения единовременной компенсации (*ст. 66 Закона «О правоохранительной службе»*).

В этой связи представляется целесообразным нормативно уравнивать в правах лиц, проходящих первоначальную профессиональную подготовку, и лиц, обучающихся по программам высшего образования в учебных организациях правоохранительных органов, закрепив единый статус обучающегося правоохранительного профиля с сопоставимым объемом социальных гарантий и единообразным дисциплинарно-аттестационным регулированием. Такое решение соответствует принципам равенства и устраняет искусственные различия притождественности целей подготовки.

Заключение. Эффективная государственная служба возможна только при условии доверия со стороны общества. Этим диктуется необходимость дальнейшего укрепления этических требований и объясняются ожидания общества относительно безупречной репутации должностных лиц.

Несмотря на это, как указано выше, в законодательстве нерешенным остается вопрос «безупречной репутации». Считаем, что внедрение данного института позволит укомплектовать государственный аппарат квалифицированными и добросовестными специалистами.

Для обеспечения прозрачности предлагается имплементировать в действующее законодательство четкое определение «безупречной репутации», что станет инструментом для работодателей при отборе кандидатов, выдвижении на вышестоящие должности и поощрении.

В частности, предлагаем включить в статьи 1 и 6 Закона РК «О правоохранительной службе» и статьи 16 и 18 Закона РК «О

государственной службе Республики Казахстан» дефиницию безупречной репутации, а также обязательность проверки ее наличия у кандидата на государственную и правоохранительную службу.

Аналогичные дополнения внести в нормативные правовые акты, регламентирующие отбор и условия прохождения первоначальной профессиональной подготовки для лиц, поступающих на службу в органы прокуратуры, антикоррупционную службу и службу экономических расследований¹², органы внутренних дел¹³ и государственную противопожарную службу¹⁴, а также прием на обучение в военные, специальные учебные заведения МВД и МЧС, реализующие образовательные программы высшего образования.

Также видится необходимым внесение изменений в статью 8 Закона РК «О правоохранительной службе», уравнивая в

правах лиц, проходящих первоначальную профессиональную подготовку, и тех, кто получает высшее образование в учебных организациях правоохранительных органов, что позволит последним, при необходимости, воспользоваться гарантиями (*государственная защита, защита персональных данных и т.д.*), а в случае их гибели (*смерти*) или получения увечья (*ранения, контузии, травм*) в период обучения или прохождения стажировки – получить единовременную компенсацию.

Реализация данных идей способствует не только повышению оперативности и эффективности работы правоохранительных органов, но и укреплению доверия населения к государству, что является важнейшим условием для дальнейшей модернизации правовой системы и устойчивого развития общества.

Список использованной литературы:

1. Amagoh, F. Public Sector Reform in the Republic of Kazakhstan / F. Amagoh, Sh. Bhuiyan // Central Asia Business Journal. – 2010. – № 3. – Pp. 12-20.
2. Szewczyk, H. Zatrudnienie w służbie cywilnej: monografia / H. Szewczyk. – Bydgoszcz Katowice 2006. – 217 s.
3. Смагулова, Ш.А. Совершенствование организации государственной службы в Казахстане / Ш.А. Смагулова, Л.М. Науқанбай // Central Asian Economic review. – 2019. – № 3. – С. 51-64.
4. Потапов, С.А. Проблемы выявления и раскрытия экономических и налоговых преступлений / С.А. Потапов // Вестник ТГУ. – 2015. – № 4 (144). – С. 92-99.
5. Крутских, Д.А. Ограничения и запреты, связанные с государственной гражданской службой: морально-этическое поведение государственного гражданского служащего / Д.А. Крутских // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11. – С. 561-570.
6. Сергун, П.П. Оптимизация ограничений при поступлении на государственную службу иных видов как фактор профилактики коррупции / П.П. Сергун, А.М. Бобров // Правовая культура правотворчества. – 2019. – № 3/38. – С. 30-37.
7. Momen, N., Ferdous, J. Governance in Bangladesh Innovations in Delivery of Public Service // New Frontiers in Regional Science: Asian Perspectives 18. Springer, 2023. – С. 15-28.
8. Osman, A. Road to e-governance and public service delivery in Bangladesh. How long is the journey? / A. Osman. – Public Policy and Governance in Bangladesh, 2016. – 17 p.
9. Исмаилбаев, Т.Ш. Проблемные вопросы развития государственной и правоохранительной

¹² Об утверждении Правил отбора на первоначальную профессиональную подготовку и условия ее прохождения для лиц, поступающих на службу в органы прокуратуры, антикоррупционную службу и службу экономических расследований, а также основания их отчисления от первоначальной профессиональной подготовки: совместный приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 26 июня 2020 г. № 80, Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 29 июня 2020 г. № 199 и Министра финансов Республики Казахстан от 14 июля 2020 г. № 675 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020984> (дата обращения: 09.12.2025).

¹³ Об утверждении Правил отбора на первоначальную профессиональную подготовку и условий ее прохождения для лиц, поступающих в органы внутренних дел, а также оснований их отчисления от первоначальной профессиональной подготовки: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 13 марта 2020 г. № 211 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020123> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁴ Об утверждении Правил отбора на первоначальную профессиональную подготовку и условия ее прохождения для лиц, поступающих в органы государственной противопожарной службы, а также основания их отчисления от первоначальной профессиональной подготовки: приказ Министра по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан от 15 нояб. 2022 г. № 207 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200030570> (дата обращения: 26.08.2025).

службы Республики Казахстан / Т.Ш. Исмаилбаев // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есболатова. – 2024. – № 4 (81). – С. 149-155.

10. Богданская, Э. Гражданская служба в Польше / Э. Богданская // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – С. 153-160.

11. Королева, П.Р. Требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей высших судов в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование / П.Р. Королева // Право и образование. – 2017. – № 9. – С. 156-165.

12. Гуличева, Е.Г. Актуальные проблемы реализации кадрового обеспечения деятельности судов // Фундаментальные и прикладные науки сегодня. Morrisville: Lulu Press, Inc., 2020. – 115 с.

References:

1. Amagoh, F. Public Sector Reform in the Republic of Kazakhstan / F. Amagoh, Sh. Bhuiyan // Central Asia Business Journal. – 2010. – № 3. – Pp. 12-20.

2. Szewczyk, H. Zatrudnienie w sluzbie cywilnej: monografia / H. Szewczyk. – Bydgoszcz Katowice 2006. – 217 s.

3. Smagulova, Sh.A. Sovershenstvovanie organizacii gosudarstvennoj sluzhby v Kazahstane / Sh.A. Smagulova, L.M. Nauqanbaj // Central Asian Economic review. – 2019. – № 3. – S. 51-64.

4. Potapov, S.A. Problemy vyjavlenija i raskrytija jekonomicheskikh i nalogovyh prestuplenij / S.A. Potapov // Vestnik TGU. – 2015. – № 4 (144). – S. 92-99.

5. Krutskih, D.A. Ogranichenija i zaprety, svjazannye s gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhboj: moral'no-jeticheskoe povedenie gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashhego / D.A. Krutskih // Voprosy rossijskoj justicii. – 2021. – № 11. – S. 561-570.

6. Sergun, P.P. Optimizacija ogranichenij pri postuplenii na gosudarstvennuju sluzhbu inyh vidov kak faktor profilaktiki korrupcii / P.P. Sergun, A.M. Bobrov // Pravovaja kul'tura pravotvorchestva. – 2019. – № 3/38. – S. 30-37.

7. Momen, N., Ferdous, J. Governance in Bangladesh Innovations in Delivery of Public Service // New Frontiers in Regional Science: Asian Perspectives 18. Springer, 2023. – S. 15-28.

8. Osman, A. Road to e-governance and public service delivery in Bangladesh. How long is the journey? / A. Osman. – Public Policy and Governance in Bangladesh, 2016. – 17 p.

9. Ismailbaev, T.Sh. Problemnye voprosy razvitija gosudarstvennoj i pravoohranitel'noj sluzhby Respubliki Kazahstan / T.Sh. Ismailbaev // Uchenye trudy Almatinskoj akademii MVD Respubliki Kazahstan imeni M. Esbolatova. – 2024. – № 4 (81). – S. 149-155.

10. Bogdan'skaja, Je. Grazhdanskaja sluzhba v Pol'she / Je. Bogdan'skaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – № 1. – S. 153-160.

11. Koroleva, P.R. Trebovanija, predjavljaemye k kandidatam na dolzhnosti sudej vysshih sudov v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah: sravnitel'no-pravovoe issledovanie / P.R. Koroleva // Pravo i obrazovanie. – 2017. – № 9. – S. 156-165.

12. Gulicheva, E.G. Aktual'nye problemy realizacii kadrovogo obespechenija dejatel'nosti sudov // Fundamental'nye i prikladnye nauki segodnja. Morrisville: Lulu Press, Inc., 2020. – 115 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Тимурлан Шамильевич Исмаилбаев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, e-mail: ismailbayevtimurlan@mail.ru.

Исмаилбаев Тимурлан Шамильевич – главный научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: ismailbayevtimurlan@mail.ru.

Ismailbayev Timurlan Shamilevich – Chief Researcher at the Center for the Study of Problems in the Field of Protection of Public Interests of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: ismailbayevtimurlan@mail.ru.

A.A. Mukasheva¹, E.F. Nigmatullina²

¹Narxoz University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

²Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, the Russian Federation

STATE MECHANISM OF REGULATING THE DIGITAL SPACE

Abstract. This article is devoted to the legal understanding of the role of the state in the context of contemporary digital transformation. Particular attention is paid to institutional and regulatory mechanisms through which the state exercises its regulatory functions and participates in the operation of the digital environment. The article analyses relevant initiatives, including the draft Law of the Republic of Kazakhstan “On Artificial Intelligence” (2025), as well as selected foreign approaches implemented within the European Union and the United States. Special focus is given to the legal status of the state in the digital space and the challenges of ensuring the protection of individual digital rights.

Two main approaches to the implementation of the digital transformation of the public administration system are analyzed, “the pros” and “cons” of the approaches under consideration are identified.

The main issues that should be focused on by civil society and government agencies have been identified. These include: the likelihood of algorithmic bias that will lead to AI making wrong decisions; digital inequality among various segments of the population of Kazakhstan; vulnerability of government digital systems in cases of cyber attacks on government information resources; fragmentation of digital solutions.

Also a serious problem is the lack of an appropriate regulatory framework to protect the digital rights of individuals, ensure responsible behavior in the digital environment, and regulate the mechanisms of state and public control over the functioning and development of artificial intelligence systems. The authors of the article propose ways to solve the above-mentioned problems of regulating the digital space.

Keywords: state; artificial intelligence; draft law; Republic of Kazakhstan; digital transformation; digital rights.

A.A. Мұқашева¹, Э.Ф. Нигматуллина²

¹Нархоз университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазан (Еділ) федералды университеті, Қазан қ., Ресей Федерациясы

ЦИФРЛЫҚ КЕҢІСТІКТІ МЕМЛЕКЕТТІК РЕТТЕУ ТЕТІГІ

Аннотация. Мақала қазіргі заманғы цифрлық трансформация жағдайында мемлекеттің рөлін құқықтық тұрғыдан пайымдауға арналған. Онда мемлекет цифрлық ортада реттеу функцияларын жүзеге асыру және қатысу мақсатында қолданатын институционалдық және нормативтік тетіктерге ерекше назар аударылады. Қазақстан Республикасының «Жасанды интеллект туралы» (2025) заң жобасы және Еуропалық одақ пен Америка Құрама Штаттарында іске асырылып жатқан кейбір шетелдік тәсілдер талдауға алынады. Сонымен қатар, цифрлық ортада мемлекеттің құқықтық мәртебесі және жеке тұлғалардың цифрлық құқықтарын қамтамасыз ету мәселелері қарастырылады.

Мемлекеттік басқару жүйесін цифрлық трансформациялауды іске асырудың екі негізгі тәсілі талданып, қарастырылып отырған тәсілдердің «артықшылықтары» мен «кемшіліктері» анықталды.

Азаматтық қоғам мен мемлекеттік органдарға назар аудару керек негізгі проблемалар анықталды. Оларға мыналар жатады: жасанды интеллект дұрыс емес шешімдер қабылдауға әкелетін алгоритмдік бейімділіктің ықтималдығы; Қазақстан халқының әртүрлі топтары арасындағы цифрлық теңсіздік; мемлекеттік ақпараттық ресурстарға кибершабуылдар жағдайында мемлекеттік цифрлық жүйелердің осалдығы; цифрлық шешімдердің фрагменттілігі.

Сондай-ақ маңызды мәселе жеке тұлғалардың цифрлық құқықтарын қорғау, цифрлық ортада жауапты мінез-құлықты қамтамасыз ету және жасанды интеллект жүйелерінің жұмыс істеуі мен дамуын мемлекеттік және қоғамдық бақылау тетіктерін реттеу үшін тиісті нормативтік-құқықтық базаның болмауы.

Мақала авторлары цифрлық кеңістікті реттеудің жоғарыда аталған мәселелерін шешу жолдарын ұсынады.

Түйінді сөздер: мемлекет; жасанды интеллект; заң жобасы; Қазақстан Республикасы; цифрлық трансформация; цифрлық құқықтар.

А.А. Мукашева¹, Э.Ф. Нигматуллина²

¹Университета Нархоз, г. Алматы, Республика Казахстан

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Статья посвящена правовому осмыслению роли государства в условиях современной цифровой трансформации. Особое внимание уделено институциональным и нормативным механизмам, с помощью которых государство осуществляет регулирование и участвует в функционировании цифровой среды. Анализируются актуальные инициативы, включая проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» (2025), а также отдельные зарубежные подходы, реализуемые в рамках Европейского союза и Соединенных Штатов Америки. Отдельно рассматриваются вопросы правового статуса государства в цифровой среде, а также проблемы обеспечения цифровых прав личности.

Проанализированы два основных подхода к реализации цифровой трансформации системы государственного управления, выявлены «плюсы» и «минусы» рассматриваемых подходов.

Определены основные проблемы, на которых следует сосредоточить внимание гражданскому обществу и государственным органам. К ним можно отнести: вероятность алгоритмической предвзятости, которая приведет к принятию ИИ неверных решений; цифровое неравенство среди различных слоев населения Казахстана; уязвимость государственных цифровых систем в случаях кибератак на государственные информационные ресурсы; фрагментарность цифровых решений.

Также серьезной проблемой является отсутствие надлежащей нормативно-правовой базы для защиты цифровых прав физических лиц, обеспечения ответственного поведения в цифровой среде и регулирования механизмов государственного и общественного контроля за функционированием и развитием систем искусственного интеллекта.

Авторами статьи предлагаются пути решения вышеуказанных проблем регулирования цифрового пространства.

Ключевые слова: государство; искусственный интеллект; проект закона; Республика Казахстан; цифровая трансформация; цифровые права.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_37

Introduction. Digital transformation and the rapid spread of artificial intelligence, the platform economy, and global networks are creating new challenges for the public legal order. As the key subject of legal regulation, the state is now compelled not only to adapt to the digital environment, but also to actively shape it. This is expressed in the development of new legal norms (indeed, a new branch of legislation), institutional reform (the creation of a dedicated ministry), and a strategic policy of digital development (the Information Doctrine of the Republic of Kazakhstan)¹.

The question of the state's participation in the digital realm has become especially pressing

in the context of sustainable governance, the protection of rights and freedoms, and the safeguarding of the public interest. "Today, the world is entering a new stage of development. Globalization continues, accelerated by the increasingly dynamic growth of the information sphere. Technological advances and the mass penetration of new digital tools have fundamentally transformed the modern media landscape"².

Materials and methods. The study, the results of which are presented in this article, was conducted using standard general scientific methods as well as specific private-law methods.

General logical methods such as – analysis,

¹ Об утверждении Информационной доктрины Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2023 г. № 145 [Electronic resource] – Access mode: <https://akorda.kz/ru/ob-utverzhdenii-informacionnoy-doktriny-respubliki-kazakhstan-2025248> (Access date: 21.10.2025).

² In the same place.

synthesis, induction, deduction, analogy were used in the examination of monographs and dissertations, scholarly articles, media materials, and other sources.

Among the discipline-specific methods, we used the formal-legal method (which made it possible to identify the legal component of forming a state mechanism for regulating the digital environment) and the comparative-legal method (which enabled a comparison of various systems of state-legal regulation of digitalization abroad with the domestic system).

A large number of sources were studied: scholarly works by domestic³ [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7] and foreign [8]; [9]; [10]; [11]; [12]; [13]; [14]; [15]; [16] researchers, sources of international law, strategic documents, domestic normative legal acts, as well as the draft Law of the Republic of Kazakhstan “On Artificial Intelligence.” We also analyzed the practices of Estonia and other EU states, the USA, Singapore, and the UAE in building a digital state.

Results, Discussion. The state is a multifaceted actor in the digital space, performing functions of legal regulation, ensuring digital sovereignty, data governance, and active participation in international digital processes.

The concept of digital sovereignty covers control over infrastructure, data, digital flows, and software under a state's jurisdiction. The European Commission emphasizes the importance of “technological non-dependence” as the foundation of digital sovereignty⁴.

In Kazakhstan, the development of digital sovereignty is reflected in the Concept for Digital Transformation, the Development of the Information and Communication Technology Sector, and Cybersecurity for 2023-2029⁵.

According to this Concept, Kazakhstan's digital transformation shows positive dynamics and holds leading positions internationally.

“According to UN studies, Kazakhstan ranks 28th (+1) in the ‘E-Government Development Index’ and 8th in the ‘Online Services’ index (1,208 government services 92% are provided electronically, of which 484 are exclusively digital and 724 are available both digitally and otherwise)”⁶. This became possible thanks to the construction of e-government infrastructure key databases and sectoral information systems, data-exchange buses (the “e-government gateway”, Smart Bridge), as well as a wide range of services (the e-government portal, the E-License system, Smart Data Ukimet, the digital projects “Digital Family Map” and “e-Otinish”, and the eGov Mobile application).

The transition to a digital-state model entails not only the automation of administrative processes but also a transformation in the very nature of public administration. In Kazakhstan, the eGov.kz platform is an example of integrated digital services, delivering more than 90% of government services in digital form. The eGov Mobile app also operates, offering services such as an electronic medical record, registration at one's place of residence, filing court applications, and more.

Kazakhstan's experience is comparable to that of countries such as Estonia, Singapore, and the UAE, where the digital state has become the foundation for modernizing public institutions. For example, in Estonia the X-Road platform enables secure interagency data exchange, ensuring the legal robustness of digital transactions.

With respect to data governance, “government bodies have accumulated vast data sets contained in more than 400 information systems”. The Concept notes that metadata for 128 databases across 32 government bodies (21 central and 11 local) were analyzed, encompassing a total of 84,523 tables and 969,203 fields. The analysis showed that in 107

³ Цифровое общество и право. – Алматы: «Институт философии, политологии и религиоведения» КН МНВО РК, 2024. – 520 с.

⁴ White Paper on Artificial Intelligence. A European approach to excellence and trust, 2020 / European Commission [Electronic resource] – Access mode: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (Access date: 12.11.2025).

⁵ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (Access date: 21.10.2025).

⁶ In the same place.

of 128 databases, metadata quality reached 90% or higher⁷.

Key priorities include the creation of national data processing and storage centers, and limitations on the cross-border transfer of personal information (Law of the Republic of Kazakhstan of May 21, 2013 No. 94-V “On Personal Data and Their Protection”)⁸. There is also active development of initiatives to localize critical digital infrastructure, including threat-monitoring centers and “cyber shields” based at JSC “TsARKA”.

Kazakhstan has achieved substantial results in building a digital state; however, the country still faces the task of moving from its current level of digital maturity to a higher level aligned with the concept of a “smart” state.

Below is a Gartner chart that reflects

Kazakhstan's path in developing a digital state (Diagram 1)⁹.

“To ensure the maximum effect, Kazakhstan will need: (1) digital transformation across industries to maximize data collection and provide seamless services; (2) a transition to a platform model of digitalization; (3) AI and advanced analytics; (4) systemic and sustainable engagement and integration of all sectors and regions into the national innovation system; (5) systematization, structuring, and digitization of the national innovation system and its processes to increase efficiency and user convenience; (6) creating favorable conditions for developing the venture market, including through rule-making; (7) developing a secure national digital infrastructure; (8) ensuring the security of individuals, society, and the state in the use of ICTs”¹⁰.

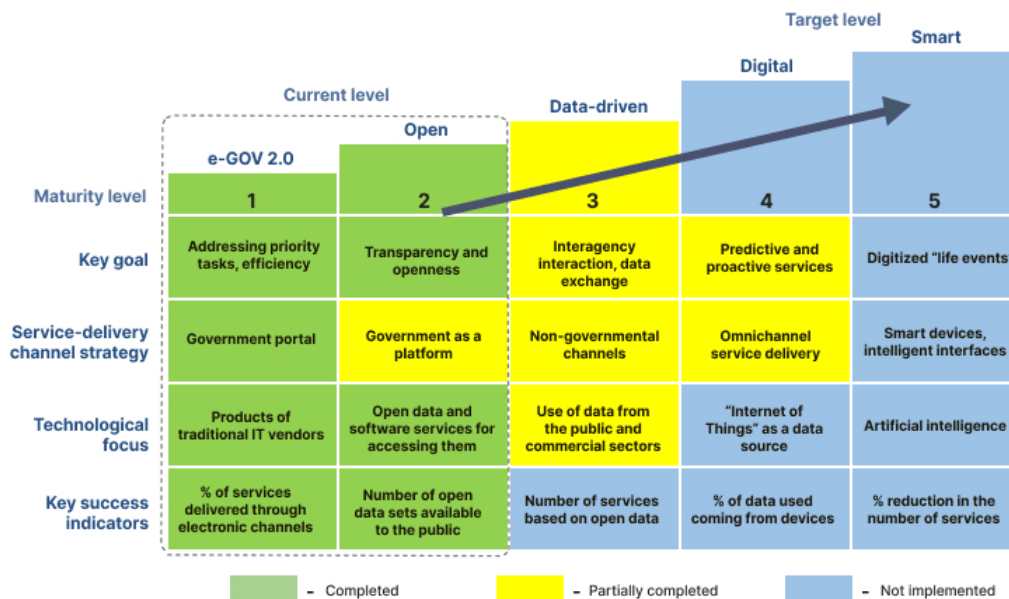

Diagram 1. Development of the digital state in the Republic of Kazakhstan

Digital transformation of public administration today is not merely the introduction of technology but a change in the logic by which public institutions function. In practice, there are

two principal approaches to implementing this transformation.

The first – conventionally “traditional” – path is to preserve existing departmental information

⁷ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (Access date: 21.10.2025).

⁸ О персональных данных и их защите: закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z130000094/z13094.htm> (Access date: 21.10.2025).

⁹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (Access date: 21.10.2025).

¹⁰ In the same place.

systems while gradually improving them. This can include improving inter-system interaction, creating new solutions, and phased integration. The advantage is that it does not require abrupt institutional changes. However, it also has serious drawbacks. In particular, it preserves outdated management models that limit the state's ability to process data, make decisions quickly, and scale digital services.

Another problem with the traditional approach is the so-called “digital feudalism”¹¹. In this situation, each agency designs and maintains its own digital solutions solely according to internal needs. As a result, the architectures and logics of different agencies' systems diverge significantly, data are not interoperable, and the state loses the ability to pursue a unified digital policy.

Over time, the fragmentation of these solutions makes it difficult to expand the range of public services: rollout times for new services increase substantially, and by the time they launch the services may already be losing relevance for users.

The second option is a platform approach based on rethinking digital processes and implementing architectural solutions that ensure end-to-end integration. This means creating a single digital space that guarantees data compatibility, procedural flexibility, and the rapid deployment of new solutions.

In practice, the new digital ecosystem should be introduced in stages, without destroying the existing infrastructure but gradually replacing it. This approach maintains the stable functioning of public bodies during the transition and minimizes risks associated with the implementation of new technological solutions.

At present, the most topical development is the draft Law of the Republic of Kazakhstan

“On Artificial Intelligence”, which lays the groundwork for special regulation in the field of AI¹². The document defines types of AI systems, establishes their classification by level of autonomy and purpose, and introduces principles of responsibility and oversight in the use of these technologies.

Of particular interest is the proposed definition of artificial intelligence as an information and communication technology that enables the imitation of, or surpasses, human cognitive functions in order to perform intellectual tasks and search for solutions.

The draft law also contains a separate Chapter 2 devoted to public administration in the field of AI. According to Article 12 of the draft, the Government of the Republic of Kazakhstan: (1) develops the main directions of state policy in the sphere of artificial intelligence; (2) determines the operator of the national artificial intelligence platform; (3) approves the list of priority sectors of the economy for the introduction of artificial intelligence; and (4) exercises other powers provided by this Law, other laws of the Republic of Kazakhstan, and acts of the President and Government of the Republic of Kazakhstan¹³.

The bill is based on principles proposed by international organizations, in particular the OECD and the Council of Europe. Among them are: algorithmic transparency, protection of human rights, and the predictability and accountability of AI-assisted decisions. These approaches align with the provisions of the European Union's Artificial Intelligence Act¹⁴, which also provides for risk categories and bans certain types of AI.

In conditions of digital interdependence, the state faces cross-border challenges: cloud computing, the transfer of big data, the hosting of servers in other jurisdictions. The European

¹¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (Access date: 21.10.2025).

¹² Об искусственном интеллекте: досье на проект Закона Республики Казахстан (сентябрь 2025 г.) [Electronic resource] – Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071 (Access date: 21.10.2025);

О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам искусственного интеллекта и цифровизации: досье на проект Закона Республики Казахстан (сентябрь 2025 г.) [Electronic resource] – Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32933085 (Access date: 21.10.2025).

¹³ In the same place.

¹⁴ High-level summary of the AI Act, 27 Feb, 2024 [Electronic resource] – Access mode: <https://artificialintelligenceact.eu/high-level-summary/> (Access date: 12.11.2025).ysfcdnwsdgajshdnxkihiw

Union is developing the concept of a digitally strategic autonomous space¹⁵ (EU Data Governance Act, 2022). In the United States, similar approaches are embedded in Executive Order 14110 of October 30, 2023¹⁶, which recognizes AI as a strategic priority requiring trust, safety, and international interoperability.

Kazakhstan, advancing a digital foreign-policy agenda, has signed cooperation agreements on digitalization within the OECD, WTO, CSTO, and SCO. Within the Eurasian Economic Union, initiatives are being promoted to create a single trust space, exchange digital signatures, and develop unified identification standards.

Government bodies are introducing AI- and big-data-based analytical platforms to forecast social and economic dynamics. For example, the Enbek.kz analytical system identifies labor trends and automates the provision of social assistance. In addition, the Smart Data Ukimet platform operates to analyze macroeconomic and demographic indicators in real time.

In the United States, a similar approach is implemented in projects such as Predictive Policing and AI-powered Social Benefits, where algorithms are used to identify crime risks or automate social payments. Such systems require clear regulation of responsibility, adherence to explainability standards, and bans on algorithmic discrimination.

Digital diplomacy requires the development of a new foreign-policy agenda. Kazakhstan participates in global digital security projects and advances proposals for harmonizing digital legislation among Central Asian countries. Consultations are underway on recognizing digital signatures, enabling interaction between blockchain registries, and exchanging normative legal acts in digital form.

A promising area is Kazakhstan's participation in the Open Government Partnership, where digital transparency and access to open data are viewed as the foundation of trust in public institutions.

Based on the foregoing, we consider it possible to identify the following problem points

in the development of the state and state institutions as subjects of digital relations:

1. One of the key challenges in the development of digital technologies is ensuring strict compliance of AI systems with fundamental human rights. The problem of algorithmic bias, well known in Western legal scholarship [10], raises serious concerns in Kazakhstan's legal system, especially in the context of automated justice.

2. The rapid spread of digital technologies intensifies the problem of digital inequality. A lack of adequate access to quality internet, coupled with low digital literacy among certain groups, inevitably exacerbates social injustice.

3. Cyberattacks on government information resources (for example, the high-profile incidents of 2021 in Kazakhstan and Kyrgyzstan) vividly demonstrate the vulnerability of state digital systems.

4. The shift from disparate, fragmented digital solutions to a comprehensive digital state necessarily entails reform. Public authorities must be prepared to regulate new forms of digital interaction, including issues of electronic identification, the functioning of virtual digital environments, the handling of sensitive personal information, and the operation of autonomous digital technologies. At the same time, there is a need to develop regulatory mechanisms that can not only respond adequately to emerging digital challenges but also form a sustainable legal environment with anticipatory regulation.

5. The draft Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" is only the initial stage in establishing a new legal regime aimed at adapting public law to digital reality. Going forward, it is necessary to work out core constitutional guarantees to protect digital rights, develop principles of responsible behavior in the digital environment, and institutionalize mechanisms for government and public oversight of the operation and development of AI systems.

Conclusion. Thus, the state in the digital space is not only a guarantor of legal order but also

¹⁵ Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза 2022/868 от 30 мая 2022 г. О европейском управлении данными, а также об изменении Регламента (ЕС) 2018/1724 (Акт об управлении данными) [Electronic resource] – Access mode: <https://base.garant.ru/405860337/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (Access date: 12.11.2025).

¹⁶ Executive Order 14110 of October 30, 2023. Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence [Electronic resource] – Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence> (Access date: 12.11.2025).

a regulator that ensures digital justice in public and private legal relations. It simultaneously acts as a developer, user, and regulator of digital technologies.

Kazakhstan demonstrates a readiness to build a well-considered digital strategy that takes into account international experience and local context. However, further development requires both strengthening the regulatory framework and cultivating a culture of responsible digital governance based on transparency, accountability, and the primacy of human rights.

We believe that the state mechanism for regulating the digital space should ensure the following:

1. Elimination of algorithmic bias (recurrent AI errors leading to violations of citizens' rights) in the development of AI systems through maximally complete training data, diverse development teams, etc.

2. Ensuring inclusiveness in digital processes, with special support measures for residents of small settlements, persons with disabilities, senior citizens, and other socially vulnerable groups.

3. International cooperation in cybersecurity; the development of multilateral legal mechanisms for responding to cyberthreats; and the robust protection of critical information infrastructure.

4. Reform of the entire public (civil) service through architectural solutions that provide end-to-end integration and create a single digital space.

5. Development of an appropriate regulatory framework to protect digital rights, ensure responsible conduct in the digital environment, and regulate mechanisms for governmental and public oversight of the operation and development of AI systems.

The article was prepared as part of the implementation of the grant project «Problems of regulation of the legal regime of big data: Domestic and International experience», funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN AP23489796).

List of used literature:

1. Амангельды, А.А. Внедрение норм о цифровых технологиях в законодательство Республики Казахстан / А.А. Амангельды // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2021. – № 3 (66). – С. 34-43.
2. Даулиева, Г. Государственное управление цифровой экономикой в Республике Казахстан / Г. Даулиева, М. Исламоглу, А. Ералиева // Казахстан-Спектр. – 2021. – № 100 (4) [Electronic resource] – Access mode: <https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/85> (Access date: 12.11.2025).
3. Дуйсебаева, М. Цифровая трансформация государственного управления реформа / М. Дуйсебаева // Вопросы документооборота. – 2021. – № 6. – С. 48-55.
4. Дуйсен, Г.М. Формирование цифрового пространства Казахстана и стран Центральной Азии в условиях индустриальной революции / Г.М. Дуйсен, Д.А. Айтжанова // Экономика. – 2018. – № 4 (92). – С. 77-90.
5. Идрышева, С.К. О Цифровом кодексе Казахстана / С.К. Идрышева // Право и государство. – 2022. – № 3 (96). – С. 72-87.
6. Сарыбаев, М. Цифровая трансформация стран Центральноазиатского региона: перспективы сферы государственного управления Казахстана / М. Сарыбаев, Е. Чукубаев, А. Малтабаров // Казахстан-Спектр. – 2022. – № 4 (104). – С. 83-101.
7. Mukanov, A. The main indicators of the state program «Digital Kazakhstan» // Current Issues and Prospects for The Development of Scientific Research: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (April 19-20, 2023). – Orléans, France, 2023. – Pp. 25-38.
8. Ламзин, Р.М. Трансформация системы публичного управления в условиях цифровизации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Р.М. Ламзин. – Курск, 2024. – 24 с.
9. Муштаков, В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / В.Е. Муштаков. – Омск, 2024. – 238 с.
10. Barocas, S. Big Data's Disparate Impact / S. Barocas, A. Selbst // California Law Review. –

2016. – № 671. – Pp. 671-732.

11. Burlacu, S. Digital Public Administration for Sustainable Development / S. Burlacu, M. Loredana, A. Diaconu // *European Journal of Sustainable Development*. – 2021. – № 10 (4). – Pp. 33-40.

12. Dunleavy, P. New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance / P. Dunleavy, H. Margetts, S. Bastow, J. Tinkler // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 2006. – № 16 (3). – Pp. 467-494.

13. Lyakhova, N.I. Gis technology role and place in russian economy digitalization / N.I. Lyakhova // *Independent Journal of Management & Production (IJM&P)*. – 2022. – Pp. 503-513.

14. Rastoropov, S.V. Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development. On legal policy and legal practice relations in the ERA of digitalization / S.V. Rastoropov, A.P. Korobova, D.A. Karev // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. – 2020. – Pp. 1151-1155.

15. Rezaul, K. The State Economical Regulation Practice Modernization in Terms of Business Digitalization / K. Rezaul, D. Ushakov // In book: *Strategic and Pragmatic E-Business*. – Pp. 352-376.

16. Sidorenko, E.L. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities / E.L. Sidorenko, P. von Arx // *Digital Law Journal*. – 2020. – № 1 (1). – Pp. 24-38.

References:

1. Amangel'dy, A.A. Vnedrenie norm o cifrovyyh tehnologiyah v zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan / A.A. Amangel'dy // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informacii RK*. – 2021. – № 3 (66). – S. 34-43.

2. Daulieva, G. Gosudarstvennoe upravlenie cifrovoy jekonomikoj v Respublike Kazakhstan / G. Daulieva, M. Islamoglu, A. Eralieva // *Kazakhstan-Spektr*. – 2021. – № 100 (4) [Electronic resource] – Access mode: <https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/85> (Access date: 12.11.2025).

3. Dujsebaeva, M. Cifrovaja transformacija gosudarstvennogo upravlenija reforma / M. Dujsebaeva // *Voprosy dokumentooborota*. – 2021. – № 6. – S. 48-55.

4. Dujsen, G.M. Formirovanie cifrovogo prostranstva Kazakhstana i stran Central'noj Azii v uslovijah industrial'noj revoljucii / G.M. Dujsen, D.A. Ajtzhanova // *Jekonomika*. – 2018. – № 4 (92). – S. 77-90.

5. Idrysheva, S.K. O Cifrovom kodekse Kazakhstana / S.K. Idrysheva // *Pravo i gosudarstvo*. – 2022. – № 3 (96). – S. 72-87.

6. Sarybaev, M. Cifrovaja transformacija stran Central'noaziatskogo regiona: perspektivy sfery gosudarstvennogo upravlenija Kazakhstana / M. Sarybaev, E. Chukubaev, A. Maltabarov // *Kazakhstan-Spektr*. – 2022. – № 4 (104). – S. 83-101.

7. Mukanov, A. The main indicators of the state program «Digital Kazakhstan» // *Current Issues and Prospects for The Development of Scientific Research: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (April 19-20, 2023)*. – Orléans, France, 2023. – Pp. 25-38.

8. Lamzin, R.M. Transformacija sistemy publichnogo upravlenija v uslovijah cifrovizacii: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk / R.M. Lamzin. – Kursk, 2024. – 24 s.

9. Mushtakov, V.E. Prava cheloveka v uslovijah cifrovizacii obshhestva: konstitucionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk / V.E. Mushtakov. – Omsk, 2024. – 238 s.

10. Barocas, S. Big Data's Disparate Impact / S. Barocas, A. Selbst // *California Law Review*. – 2016. – № 671. – Pp. 671-732.

11. Burlacu, S. Digital Public Administration for Sustainable Development / S. Burlacu, M. Loredana, A. Diaconu // *European Journal of Sustainable Development*. – 2021. – № 10 (4). – Pp. 33-40.

12. Dunleavy, P. New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance / P. Dunleavy, H. Margetts, S. Bastow, J. Tinkler // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 2006. – № 16 (3). – Pp. 467-494.

13. Lyakhova, N.I. Gis technology role and place in russian economy digitalization / N.I. Lyakhova // *Independent Journal of Management & Production (IJM&P)*. – 2022. – Pp. 503-513.

14. Rastoropov, S.V. Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development. On legal policy and legal practice relations in the ERA of digitalization / S.V. Rastoropov, A.P. Korobova,

D.A. Karev // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – Pp. 1151-1155.

15. Rezaul, K. The State Economical Regulation Practice Modernization in Terms of Business Digitalization / K. Rezaul, D. Ushakov // In book: Strategic and Pragmatic E-Business. – Pp. 352-376.

16. Sidorenko, E.L. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities / E.L. Sidorenko, P. von Arx // Digital Law Journal. – 2020. – № 1 (1). – Pp. 24-38.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Анор Абайханкызы Мұқашева – Нархоз университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің профессоры, заң ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор, e-mail: anor.mukasheva@narхоз.kz.

Мукашева Анор Абайханкызы – профессор Школы права и государственного управления Университета Нархоз, доктор юридических наук, ассоциированный профессор, e-mail: anor.mukasheva@narхоз.kz.

Mukasheva Anor Abaikhankyzy – Professor of the School of Law and Public Administration at Narхоз University, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: anor.mukasheva@narхоз.kz.

Эльмира Фаатовна Нигматуллина – Қазан (Еділ) федералды университетінің экологиялық, еңбек құқығы және азаматтық іс жүргізу кафедрасының доценті, заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: elm71@mail.ru.

Нигматуллина Эльмира Фаатовна – доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, доцент, e-mail: elm71@mail.ru.

Nigmatullina Elmira Faatovna – Associate Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure at Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: elm71@mail.ru.

Н.Б. Рахимов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ДІНИ ҚЫЗМЕТТІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Аннотация. Мақалада адамның табиғи құқықтарының біріне жататын діни сенім бостандығын іске асырудың өзекті құқықтық мәселелері қарастырылады. Діни қызметті заңнамалық реттеудің отандық және шетелдік тәжірибесіне шолу жасалып, осы саладағы негізгі тенденциялар мен проблемалар ашып көрсетілді. Олардың қатарына діни азшылықтар құқықтарының сақталуына кепілдіктерді күшейту, діни сенім бостандығы мен экстремизмге қарсы күрес міндеті арасында оңтайлы тепе-теңдікті сақтау жатқызылды. Қазақстанның ар-ождан бостандығына құқықтың сақталуы мен қорғалуын қамтамасыз ету моделі халықаралық стандарттарға тұтастай алғанда сәйкес, алайда оның тетіктерінде кейбір олқылықтардың бар екендігі анықталды. Зерттеу нәтижесінде автор діни материалдарды таратуға қатысты Қазақстан Республикасының «Діни қызмет және діни бірлестіктер туралы» Заңындағы кейбір нормаларды өзгертіп, қазіргі заман талабына сай бейімдеу қажеттілігін алға тартады.

Түйінді сөздер: дін; діни қызмет; ар-ождан бостандығы; діни іс-шара; діни бірлестік; діни азшылық; экстремизм; адам құқықтары.

Н.Б. Рахимов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные правовые вопросы реализации свободы вероисповедания, относящейся к естественным правам человека. На основе обзора отечественного и зарубежного опыта законодательного регулирования религиозной деятельности раскрываются основные тенденции и проблемы в этой сфере. К ним отнесены усиление гарантий соблюдения прав религиозных меньшинств, сохранение оптимального баланса между реализацией свободы вероисповедания и задачей борьбы с экстремизмом. Сделан вывод о том, что казахстанская модель обеспечения соблюдения и защиты права на свободу совести в целом соответствует международным стандартам, в то же время имеются отдельные недостатки в механизме этой деятельности. По результатам исследования относительно распространения религиозных материалов автор приходит к выводу о необходимости адаптирования отдельных норм Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» современным реалиям и изменениям в социуме.

Ключевые слова: религия; религиозная деятельность; свобода совести; религиозное мероприятие; религиозное объединение; религиозное меньшинство; экстремизм; права человека.

N.B. Rakhimov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

CONCEPTUAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF RELIGIOUS ACTIVITY: KAZAKHSTANI AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. The article discusses current legal issues related to the implementation of freedom of religion, which

is a natural human right. Based on a review of domestic and foreign experience in legislative regulation of religious activities, the article reveals the main trends and challenges in this area. These include strengthening guarantees for the rights of religious minorities, maintaining an optimal balance between the implementation of freedom of religion and the task of combating extremism. It is concluded that the Kazakhstani model of ensuring compliance with and protection of the right to freedom of conscience generally complies with international standards, but there are certain shortcomings in the mechanism of this activity. As a result of the study, the author draws attention to the need to adapt to modern realities and change certain provisions of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Religious Activities and Religious Associations" regarding the distribution of religious materials.

Keywords: religion; religious activity; freedom of conscience; religious event; religious association; religious minority; extremism; human rights.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_46

Кіріспе. Дін – адамзат өмірінің маңызды бөлігі, тамырын тереңге жайған рухани құндылық. Оның адамгершілік, ізгілік, көркем мінез, әділдік жөніндегі қағидалары, теріс қылық пен қылмыстарға қарсы ырым-тыйымдары қазіргі заңдардың ережелерімен үндеседі. Бұл жағынан дәстүрлі дін мен құқықтың түпкі мақсаты бір – жалпыға ортақ жағымды мінез-құлық үлгісін белгілеп, қоғамдық тәртіпті қорғау екенін аңғарамыз.

Қазақстанда діндердің таралу тарихына үңілсек, бұл істе мәжбүрлеу болмаған. Негізінен адамдар оны өз еркімен, саналы түрде қабылдаған. Мұның себебі дәстүрлі діндердің бейбітшілік, татулық идеяларына негізделуінде жатыр.

Қазіргі заманда заң талаптарымен салыстырғанда, діни ережелер мен рәсімдердің міндеттілік күші жоқ. Дегенмен, олардың көптеген өмірлік мәселелерді әлеуметтік реттеуші рөлі сақталып келеді. Мысалы, қоғамдық денсаулық пен неке, отбасы институтын сақтауға бағытталған алкогольді өнімдерді тұтынуға, зина жасауға тыйымдарды тек дін қарастырады.

Осыған байланысты, ар-ождан бостандығының құрамдас бөлігі болып табылатын діни сенім бостандығы адамның басты конституциялық құқықтарының бірі ретінде әрқашан заңның қорғауында болмақ.

Қолданыстағы «Діни қызмет және діни бірлестіктер туралы» Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 11 қазандағы Заңының 3-бабына сай, ар-ождан бостандығына құқық әркімнің заң нормаларын сақтай отырып діни немесе өзге де нанымдарды ұстану, оларды тарату, діни бірлестіктердің қызметіне қатысу

және миссионерлік қызметпен айналысу мүмкіндігін білдіреді. Еліміздің зайырлы сипатын ескерсек, бұл демократиялық қағиданың мазмұны дінге сену не сенбеу, заңға қайшы келмейтін басқа идеологиялық көзқарасты ұстану еркіндігін қамтиды.

Мемлекетіміздің аталған саладағы салмақты саясаты жеке тұлға және ұйым деңгейінде конституциялық кепілдіктер бере отырып, конфессияаралық татулық пен төзімділікті сақтауға және нығайтуға бағытталған.

Бұл бір жағынан, Қазақстанның ар-ождан бостандығының сақталуын және қорғалуын қамтамасыз ету жөніндегі халықаралық міндеттемелерінен туындаса, екінші жағынан, дінді қате ұғынып, деструктивті көзқарастар мен іс-қимылдарға алып келетін экстремизм және терроризм қатерлеріне қарсы тұру қажеттілігімен байланысты.

Әйтсе де, қарастырылып отырған тақырып бойынша ғылыми-талдау материалдарына және кейінгі ресми-мемлекеттік дереккөздерге зер салсақ, бұл демократиялық институтты іске асырудың заңды тетіктерінде бірқатар шектеуші факторлардың бар екендігін, оларды шетелдік тәжірибе негізінде еңсеру қажеттілігінің пісіп-жетілгенін байқауға болады.

Материалдар мен әдістер. Ғылыми ізденіс барысында тақырыпты тереңірек ашу үшін салыстырмалы-құқықтық талдау, синтез, жалпылау әдістері және логикалық тәсіл қолданылды.

Бұл қарастырылып отырған мәселелердің маңызды жақтарын анықтауға және теориялық тұрғыдан негіздеуге, атап айтқанда, саяси-құқықтық құжаттарды, мамандардың

көзқарастарын зерделеу нәтижесінде діни қызметпен байланысты қоғамдық қатынастарды реттеудің халықаралық тәжірибесімен танысуға және оны біздің елдегі жағдаймен салыстыруға, бірқатар тұжырымдар жасауға және ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік берді.

Зерттеу пәні арнайы нормативтік құқықтық актілер, ғылыми әдебиеттер және басқа да ақпараттық-талдау материалдары болды.

Нәтижелер, талқылау. Еліміздегі діни қызмет пен діни бірлестіктерге қатысты құқықтық саясаттың кейбір тұстарын қайта қарау туралы пікірлер ғылыми ортада айтылып келеді.

Л.С. Шыңғысбаев Қазақстандағы мемлекеттік-конфессиялық қатынастардың қалыптасуы мен даму кезеңдерін талдай келе, халықаралық сарапшылар тарапынан айтылып жүрген сынға байланысты қазіргі заңнаманы діни бірлестіктердің заң алдындағы теңдігі тұрғысынан әрі қарай жетілдіру қажеттілігін алға тартады [1].

Н.В. Филина мемлекеттің діни бірлестіктер қызметін жіті бақылауын қоғамды сырттан келетін дәстүрлі емес, кері бағыт ұстанатын ағымдардан, радикализмнен қорғау қажеттілігімен түсіндіре келе, осы саладағы проблемаларды қатаң әкімшілік шаралармен шешу мүмкін емес, мұндай тәсіл заңға бағынатын ұйымдардың мүдделерін бұзады, сондықтан азаматтардың діни сенім бостандығын қорғауға баса назар аудару керек деген пікір айтады [2, 417 б.].

Осыған ұқсас көзқарасты Р.А. Подопригора да білдірген, ол дін саласын заңнамалық реттеудің екі кезеңін (либералды және тыйым салу) қарастыра отырып, қазіргі уақытта көбінесе біржақты әкімшілік тәсілден алшақтап, мәселелерді демократиялық жолмен шешуге бетбұрыс жасауға итермелейтін келесі факторларды көрсетеді: Қазақстанның абыройы мен беделіне ықпал ететін халықаралық міндеттемелері (соның ішінде бірінші кезекте адам құқықтарымен байланысты) және аймақтық бәсекелестік, атап айтқанда, көрші елдердегі либерализация үрдістері [3].

Діни қызметтің құқықтық негіздерін әрі қарай реформалау қажеттілігі туралы жоғарғы

республикалық деңгейде де айтылды.

Қазақстан Республикасы Президентінің басшылығымен 2025 жылғы 14 наурызда өткен Ұлттық құрылтайдың қорытындысы бойынша өкілетті мемлекеттік органдарға діни бірлестіктер қызметін реттеудің халықаралық практикасын зерделеу және заңнамаға өзгерістер енгізу жөніндегі ұсыныстар әзірлеу тапсырылды.

Осыған орай, қарастырылып отырған тақырып төңірегінде отандық және шетелдік тәжірибеге шолу жасап, қоғам үшін маңызды іске қолдан келгенше ат салысуды жөн көрдік.

Мұндағы мақсат – діни қызметті құқықтық реттеу практикасының тұжырымдамалық мәселелерін, осы бағытта қалыптасқан тенденцияларды анықтап, заңнаманы жетілдіру перспективаларын пысықтау.

Талдау көрсеткендей, Қазақстан Республикасының діни қызмет саласындағы заңнамасы халықаралық стандарттарға айтарлықтай сәйкес келеді.

1948 жылғы 10 желтоқсандағы Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы (бұдан әрі – АҚЖБД) ар-ождан мен дін бостандығы құқығын жариялаған алғашқы халықаралық құжат болып табылады.

АҚЖБД-ның 18-бабында былай делінген: «Әр адамның ой-пікір, ар-ождан және дін бостандығына құқығы бар; бұл құқық өз дінін немесе наным-сенімін өзгерту еркіндігін, өз дінін, наным-сенімін жеке өзі, немесе басқа адамдармен бірігіп тұтып, жария түрде, немесе жеке жолмен уағыздау, құдайға құлшылық ету, діни салт-жораларын орындау бостандығын да қамтиды.»

Осы бап ар-ождан мен дін бостандығы құқығын халықаралық деңгейде танудың негізін қалап, келесі халықаралық құжаттарды әзірлеудің бастамасы болды.

1966 жылғы Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің (бұдан әрі – АСҚХП) 18-бабына сәйкес «әрбір адамның ой-пікір, ар-ождан және дін бостандығына құқығы бар. Бұл құқық дінге сену немесе дінді қабылдау және наным-сенімін өз қалауынша тандап алу еркіндігін, өз дінін, наным-сенімін жеке өзі немесе басқа адамдармен бірігіп тұту бостандығын, жария түрде немесе жеке жолмен уағыздау, құдайға құлшылық ету, діни

және наным-сенім мен ілім салт-жораларын орындау бостандығын да қамтиды.».

Пактіде сонымен қатар өз дінін немесе наным-сенімдерін ұстану құқығына шектеулер тек заңмен және қоғамдық қауіпсіздікті, тәртіпті, денсаулықты, адамгершілікті немесе басқа адамдардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау үшін қажет болған жағдайда ғана қойылуы мүмкін екендігі қарастырылған.

Осыған ұқсас ережелер 1950 жылғы Адам құқықтары мен негізгі бостандықтарын қорғау туралы Еуропалық Конвенцияда да бар.

1981 жылы 25 қарашада БҰҰ Бас Ассамблеясы қабылдаған Дін немесе наным-сенім негізіндегі шыдамсыздықтар мен кемсітушіліктердің барлық түрлерін жою туралы БҰҰ Декларациясының 1-бабына сай, әрбір адамның ой, ұят және дін бостандығына құқығы бар. Бұл құқық өз таңдау бойынша кез келген сипаттағы дінге немесе наным-сенімге ие болу бостандығын және өз дінін тұту бостандығын және дін ғұрыптарын ұстануда, діни және салттық дәстүрлер мен оқуларды орындауда жария түрде немесе жеке тәртіпте дербес немесе өзгелермен бірігіп, наным-сенімін білдіру құқығын қамтиды. Ешбір адам өз қалауы бойынша дінді немесе наным-сенімді ұстану бостандығын кемсітетін зорлыққа душар болмауы тиіс. Дінді ұстану немесе наным-сенімді білдіру бостандығы заңмен бекітілген және өзге адамдардың негізгі құқықтары мен бостандықтарын қоса алғанда, қоғамдық қауіпсіздікті, тәртіпті, денсаулық пен моральді қорғау үшін қажетті шектеулерге ғана жатады.

Декларацияның 3-бабына сай, дін немесе наным-сенім негізінде адамдарды кемсіту адами тұлғаның абыройын қорлау және БҰҰ Жарғысының принциптерін мойындамау болып табылады және АҚЖБД-да жария етілген және Адам құқықтары туралы халықаралық пактілерде егжей-тегжейлі мазмұндалған адам құқықтарын және негізгі бостандықтарын бұзу ретінде, сонымен қатар мемлекеттер арасындағы достық әрі бейбіт қарым-қатынастардың кедергісі ретінде кінәратталады.

Қазақстан Республикасы Конституциясының 22-бабына сай, әркімнің ар-ождан

бостандығына құқығы бар. Осы құқықты жүзеге асыру жалпы адамдық және азаматтық құқықтар мен мемлекет алдындағы міндеттерге байланысты болмауға немесе оларды шектемеуге тиіс.

Негізгі Заңымыздың 39-бабының 3-тармағында көрсетілгендей, белгілі бір дінді немесе өзге де көзқарастарды ұстану мүмкіндігін қамтитын ар-ождан бостандығына құқық ешбір жағдайда шектелуге жатпайды.

Осылайша, халықаралық құжаттарға қарағанда, Қазақстан Республикасында қарастырылып отырған конституциялық құқық абсолютті сипатқа ие. Десек те, ҚР Конституциясының 5, 14, 20-баптарының нормаларына сүйенсек, діни қызметке конституциялық құрылысты, мемлекеттің тұтастығын, қоғамдық қауіпсіздікті қорғау, діни алауыздықты қоздыруға жол бермеу мақсатында талаптар мен шектеулер белгіленуі мүмкін.

Ой, ар-ождан және дін бостандығы құқығы әлемнің көптеген елдерінің ұлттық заңнамаларында бекітілген.

Алайда, оны сақтауды қамтамасыз етудің құқықтық моделі әр өңірде әртүрлі және тарихи, мәдени, діни және құқықтық дәстүрлерге, әлеуметтік-экономикалық жағдайларға, демократия деңгейге және халықаралық міндеттемелерге байланысты.

Мысалы, АҚШ-та (американдықтардың 70%-ы дінді өмірінің маңызды бөлігі деп санайды) дін бостандығы құқығы Конституцияға бірінші түзетуде бекітілген. Бұл құқық еркіндік пен тәуелсіздік қағидаттарына негізделген елдің тарихымен тығыз байланысты. АҚШ дәстүрлі түрде өзін діни бостандық деңгейі жоғары қоғам ретінде көрсетеді, бұл көптеген қоныс аударушылар діни қуғын-сүргіннен пана іздеген отарлау тарихымен түсіндіріледі. Діни төзімділік пен плюрализмнің қалыптасқан мәдениеті АҚШ-ты әлемдегі ең көпұлтты және көпконфессиялы елдердің біріне айналдырды. Діннің саяси өмірге және заң шығаруға әсерін азайтатын шіркеу мен мемлекеттің бөліну (секуляризация) принципі маңызды рөл атқарады.

Германияда (халықтың шамамен 55%-ы христиан дінін ұстанады) діни

сенім бостандығына құқық Негізгі Заңда бекітілген (Grundgesetz) және екінші дүниежүзілік соғыстан кейін қалыптасқан өткен трагедиялардың қайталануын болдырмауға деген ұмтылысты көрсететін адам құқықтарын қорғаудың кең жүйесінің бөлігі болып табылады. Неміс тәжірибесі діни азшылықтарды қорғауға және теңдікті қамтамасыз етуге деген күшті ниетті көрсетеді.

Франция (француздардың 40%-ы өздерін дінге сенбейтіндерге жатқызады) 1905 жылғы секуляризм (зайырлылық) туралы заңда бекітілген шіркеу мен мемлекеттің қатаң бөліну қағидатымен танымал. Бұл - француз революциясынан бастап мемлекет пен шіркеу арасындағы ұзақ қақтығыстардың нәтижесі. Ар-ождан бостандығына Конституция кепілдік береді, бірақ сонымен қатар мемлекет зайырлылық идеясын белсенді түрде қолдайды, бұл кейде мектептерде діни рәміздерді ұстап жүру сияқты діни нанымдардың жария көріністеріне қатысты шектеулерге әкеледі. Осындай жағдай дін бостандығының шекаралары және жеке құқықтар мен қоғамдық тәртіп арасындағы тепе-теңдікті қалай сақтау керектігі туралы пікірталастарға әкеледі.

Үндістан (халқының 79,8%-ы индуизмді ұстанады) – әлемдегі ең көпұлтты және көп конфессиялы елдердің бірі, онда діни сенім бостандығына құқық әлеуметтік тұрақтылықты сақтау үшін өте маңызды. Үндістан Конституциясы бұл құқыққа кепілдік береді, бірақ күрделі әлеуметтік құрылым мен тарихи мұра жиі дінаралық қақтығыстарға әкеледі. Үндістан барлық діни топтарға, әсіресе мұсылман азшылығына тең құқықтарды қамтамасыз етуге және діни бостандықтарды жүзеге асыруға әсер ететін касталық жүйеге қатысты мәселелермен бетпе-бет келіп отырады.

Түркия (халықтың 99%-ы исламды ұстанады) – бұл Конституциямен дін бостандығына кепілдік берілген, бірақ ислам қоғамдық және саяси өмірде доминантты рөл атқаратын ерекше жағдай. 1923 жылдан

бастап зайырлылықтың (лаицизм) тарихи қалыптасқан принципі мемлекеттік саясаттың маңызды элементі болды, бірақ соңғы жылдары саясаттағы діни ықпалдың күшеюі байқалды.

Ой, ар-ождан және дін бостандығы құқығы заңнамада бекітілмеген немесе айтарлықтай шектелген елдер де бар, бұл әдетте бір діннің (көбінесе исламның) үстемдігімен және оны мемлекеттік идеологияның негізгі элементі ретінде қолданумен байланысты. Мұндай мемлекеттер діни бостандықты өздерінің діни және саяси құрылымына (Сауд Арабиясы, Ауғанстан және т.б.) қауіп деп санайды¹.

Діннің маңыздылығын көптеген елдер әртүрлі жолдармен атап көрсетеді, (мысалы белгілі бір діннің мемлекеттік (ресми) мәртебесін конституцияда бекіту арқылы). Тіпті бірқатар мемлекеттердің атауы да (Пәкістан Ислам Республикасы, Мавритания Ислам Республикасы, Комор Федералды Ислам Республикасы) дінмен байланысын көрсетеді.

Мысалы, Пәкістан Конституциясының кіріспесінде бұл елдің шариятқа негізделген ислам мемлекеті екендігі жарияланған. Сондықтан шынайы өмірде қоғамның мұсылман емес топтарының сенім бостандығына жеткілікті көңіл бөлінбей, кей жағдайда діни азшылықты (халықтың 2-4%) қудалау жағдайлары да орын алған [4].

Сауд Арабиясының 1992 жылғы Мемлекеттік басқару туралы негізгі заңында ислам ресми дін деп танылып, сенім бостандығы қарастырылмаған. Бұл елдің терроризмге қарсы заңнамасы атеистік идеяларды насихаттауға, ислам дінінің негіздеріне қандай да бір күмән келтіруге тыйым салып, мұндай әрекеттер үшін жауаптылық белгілейді².

Ұлттық заңнамаға тағылған сын және проблемалар. Қазақстан Республикасының діни қызмет саласындағы мемлекеттік-құқықтық саясатына қатысты жарияланымдар мен пікірлерді талдау ең жиі көтерілетін мәселелер діни ұйымдарды тіркеу, діни іс-шараларды өткізу тәртібі, сондай-ақ діни

¹ Свобода религии и убеждений в Казахстане: векторы законодательного обновления [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://nepfund.org/tpost/dbr817jmk1-svoboda-religii-i-ubezhdenii-v-kazahstan> (жүгінген күні: 16.06.2025).

² 2021 Report on International Religious Freedom: Saudi Arabia // USDOS – US Department of State (Author) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.ecoi.net/en/document/2074109.html> (жүгінген күні: 16.06.2025).

материалдарды тарату екендігін көрсетеді.

Діни ұйымдарды міндетті түрде тіркеу – әлемнің көптеген елдерінде кең таралған стандартты тәжірибе. Бұл тіркеу заңды тұлға мәртебесін және діни қызметті жүзеге асыру, мүлікке иелік ету және діни рәсімдерді өткізу құқықтарын алу үшін қажет. Тіркеілмеген діни ұйымдар, әдетте, ресми түрде жұмыс істей алмайды және сәйкесінше санкцияларға ұшырауы мүмкін.

Сонымен бірге әлемдегі кей елдерде, мысалы, Австралия, Ұлыбритания, АҚШ, Канада, Нидерланды, Жаңа Зеландияда діни ұйымдар міндетті мемлекеттік тіркеусіз жұмыс істей алады және жиналыстар өткізе алады. Мұндай елдерде мемлекет діни бірлестіктерге ресми тіркеуден өтпей-ақ конституциямен немесе басқа заңдармен кепілдендірілген құқықтар негізінде әрекет етуге мүмкіндік береді. Тіркеу тек заңды тұлға мәртебесін және салық жеңілдіктерін алу үшін қажет.

Көптеген елдерде діни ұйымдарды тіркеу мерзімі талаптардың күрделілігіне, мемлекеттік бюрократия деңгейіне және ұсынылған құжаттардың толықтығына байланысты бірнеше аптадан бір жылға дейін созылады.

Қазақстан Республикасында мемлекеттік тіркеуден өткен діни бірлестіктер қызметіне рұқсат етіледі. Бұл орайда айтылатын негізгі сын – оларды құру тәртібінің қиындығы, атап айтқанда, оған қажетті азаматтар санының тым көптігі (мысалы, жергілікті діни бірлестік құру үшін кем дегенде 50 адамның бастамасы қажет).

Біздің ойымызша, бұл айтарлықтай өткір проблема емес. Қандай да бір дінді насихаттап, тарату әлеуметтік топтар арасында жеткілікті сұраныс болған жағдайда ұйымдастырылған түрде жүргізіле алады.

Қазақстандағы діни ахуал дамуының басты үрдістерінің бірі – қоғамның діндарлығының өсуі. Ақпарат және мәдениет министрлігінің Дін істері комитеті 2024 жылы жүргізген

зерттеулердің нәтижелеріне сәйкес, халықтың 86,3%-ы өздерін сенушілер деп анықтады.

2021 жылғы санақ деректері халықтың 69,3%-ы исламды, ал 17,2%-ы христиандықты ұстанатынын көрсетті. Елде 18 конфессияның мүддесін білдіретін 3980 діни бірлестік тіркелген. Оның ішінде: 2832 – ислам, 347 – православие, 93 – католик, 593 – протестант және басқалар³.

Қазақстанда жиі талқыланатын тағы бір мәселе – діни іс-шараларды өткізуге заңда көзделген рұқсатты алу қажеттілігі.

Мұндай рұқсатты алу туралы талап бірқатар елдердің (Франция, Ресей, Түркия, Египет, Сауд Арабиясы, Қытай және т.б.) заңнамасында жазылған.

Жапонияда ғибадатханалар мен қасиетті орындар сияқты ресми ғибадат орындарында діни іс-шараларды өткізуге рұқсат қажет емес. Егер іс-шаралар қоғамдық тәртіпті бұзбаса, заңнама діни бостандықтарды қорғайды.

Австралияда егер іс-шаралар қоғамдық орындарда өткізілсе, жергілікті билік органдарына хабарлау қажет болуы мүмкін, бірақ жеке кеңістіктерде рұқсат қажет емес. Австралия Конституциясы кез-келген дінді енгізу немесе еркін қабылдауға кедергі жасау туралы заңдар шығаруға тыйым салады⁴.

Діни іс-шараларды өткізу тәртібіне қатысты осындай ережелер біздің елде де бекітілген.

Сонымен, жүргізілген салыстырмалы шолу көрсеткендей, демократиялық жүйелер арасында Қазақстан діни қызмет бостандығын жүзеге асыруды құқықтық реттеудің тұжырымдамалық ерекшеліктерімен күрт дараланбайды.

Алайда, адамның аталған құқығын іске асыру тетіктеріне келгенде, эволюциялық жолмен қайта қарап, түзету енгізетін тұстар да бар. Кейінгі кезде қалыптасқан сыни көзқарасқа сай, Қазақстан және өзге де бұрынғы кеңестік елдер үшін ортақ проблема – дінді саяси құрылымға және мәдени бірегейлікке қауіп төндіреді деп түсіну⁵.

³ Развитие религиозной ситуации в Казахстане: основные тренды [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: (<https://religions-congress.org/ru/news/novosti/2727>) (жүгінген күні: 16.06.2025).

⁴ Свобода религии и убеждений в Казахстане: векторы законодательного обновления [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://nepfund.org/tpost/dbr817jmk1-svoboda-religii-i-ubezhdenii-v-kazahstan> (жүгінген күні: 16.06.2025).

⁵ Что не так с законодательством о религии в Казахстане? [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://cabar.asia/ru/chto-ne-tak-s-zakonodatelstvom-o-religii-v-kazahstane> (жүгінген күні: 16.06.2025).

Мұндай ұстаным діни сенім бостандығы құқығын өркениетті шеңберде барынша іске асыруда кедергілер туғызады.

Солардың бірі діни материалдарды таратуға қатысты. Бұл салада құқықтық сипаттағы мынадай проблемаларға назар аудардық.

1. «Діни қызмет және діни бірлестіктер туралы» Қазақстан Республикасы Заңының (бұдан әрі – Заң) 9-бабының 2-тармағы бойынша діни әдебиетті, діни мазмұндағы өзге де ақпараттық материалдарды, діни мақсаттағы заттарды мына жерлерде ғана таратуға жол беріледі:

- ғибадат үйлерінде (ғимараттарында);
- діни білім беру ұйымдарында;
- облыстардың, республикалық маңызы бар қалалардың және астананың жергілікті атқарушы органдары арнайы белгілеген тұрақты үй-жайларда.

Біздің ойымызша, бұл норма ескірген және қазіргі ақпараттық технологиялар дамыған заман талабына толық жауап бермейді.

Мәселен, Заңның аталған ережесін қатаң басшылыққа алсақ, дәстүрлі дін қағидаларын көпшілікке онлайн-платформалар арқылы түсіндіру, имамның теле-, аудиосұхбат беруі немесе интернетте діни заттарды сатуға қою күмәнді, тіпті құқыққа қайшы болуы мүмкін.

Себебі осы іс-әрекеттер рұқсат етілмеген үй-жайларда орын алған болып саналады.

Сондықтан, діни материалдарды тарату құқығы арнайы субъектілерге берілгенін және олардың мазмұны сараптамада алдын ала тексерілетінін ескеріп, аталған заң нормасын қазіргі өмірге бейімдеп, жаңартқан дұрыс деп санаймыз.

2. Заңның аталған бабындағы және 1-бабы 4)-тармақшасындағы «діни мазмұндағы ақпараттық материал» ұғымын кеңінен түсіндіруге болады («кез келген материалдық жеткізгіштегі діни сипаттағы баспалық, электрондық және өзге де ақпарат») – формалды-заңды түрде бұған діни сипаттағы кез-келген ақпарат жатады.

Заңның 9-бабының ережелеріне сай, діни мазмұндағы ақпараттық материалды таратуға дінтану сараптамасының оң қорытындысын алынғаннан кейін жол беріледі.

Біздің пікірімізше, осы жағдай адамның

ойлау, ар-ождан және дін бостандығына құқықтарын шектейді, өйткені, діннің көпшілікке мәлім ырым-тыйымдарын, ізгілікке шақыратын тұжырымдарын жариялау, тіпті діни мерекемен құттықтап сөйлеу де діни мазмұндағы ақпараттық материалға жатады.

ҚР Конституциясының 20-бабының 3-тармағына сүйенсек, қарастырылып отырған жағдайларда пікір білдіру мүмкіндігі діни артықшылықты насихаттауға немесе үгіттеуге жол бермеу үшін шектелуі мүмкін.

Біздің ойымызша, діни мазмұндағы материалға дінмен байланысты кез келген ақпарат емес, оның негізгі догмалары, идеялары, көзқарастары мен тәжірибелері туралы ақпарат жатуы керек. Яғни, бұл – Заңның 1-бабы 4-1)-тармақшасында анықтамасы берілген «діни ілімді тарату» ұғымын сипаттайтын элементтер. Мазмұнында осындай белгісі жоқ және экстремизмге, кемсітушілікке қарсы заң талаптарына қайшы келмейтін ақпараттарды таратуға шектеу қою қисынсыз әрі сөз бостандығын бұзады.

Діни сипаттағы кез келген мәліметті таратуға тыйым дінге сенетін не сенбейтін азаматтардың тең құқылығын бұзады, өйткені атеистік көзқарастарды тарату үшін заңды жауаптылық жоқ, ал діни ақпарат тарату жағдайлары ҚРӘҚБТК-нің 490-бабы 1-тармағының 3)-тармақшасымен қамтылады.

Баяндалғанның негізінде, Заңның 1-бабының 4)-тармақшасын мынадай жаңа редакцияда жазу орынды болып көрінеді:

«4) діни мазмұндағы ақпараттық материал – діни ілімді таратуға бағытталған кез келген материалдық жеткізгіштегі діни сипаттағы баспалық, электрондық және өзге де ақпарат;».

Қорытынды. Сонымен, жоғарыда келтірілген деректер мен ой-пікірлерді былайша түйіндеуге болады.

Қазіргі уақытта діни қызмет саласында әлемде мынадай негізгі тенденциялар байқалады: діни азшылықтар құқықтарының күшеюіне, діни төзімділіктің, конфессияаралық қатынастарда үйлесімнің өсуіне ерекше көңіл бөлу; осы бағытта қандай да бір кемсітушілікке қарсы тұру; діни сенім

бостандығы мен экстремизмге қарсы күрес міндеті арасында оңтайлы тепе-теңдікті сақтау.

Түрлі ұлттық деңгейде діни экстремизм мен кемсітушіліктің алдын алуға бағытталған стратегиялар әзірленіп, жетілдірілуде. Қазақстан бұл үдерістен тыс қалған жоқ: заңнамада діни бірлестіктерді және

миссионерлік қызметті мемлекеттік тіркеу, діни жоралар мен рәсімдер атқару, ғибадат үйлерінен тыс жерлерде діни іс-шаралар өткізу институттары және т.б. қарастырылған. Бүгінгі таңда олардың кейбір тұстарын халықаралық демократиялық стандарттарға жақындату бағытында бастамалар көтеріп, ізденістер жүргізу – заман талабы.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Шынгысбаев, Л.С. К вопросу о развитии государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан // 2020 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://bulletin-socpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/132/398> (жүгінген күні: 16.10.2025).
2. Филина, Н.В. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан / Н.В. Филина // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 412-418.
3. Подопригора, Р.А. Правовое регулирование в сфере религии в постсоветском Казахстане: подходы и последствия / Р.А. Подопригора // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. – 2020. – № 1. – С. 323-329.
4. Zaman, T. Freedom of Religion for Non-Muslims in Islam: A Pakistani Affair / T. Zaman // Law and Humanities Quarterly Reviews. – 2022. – Vol.5. № .2. – Pp. 127-134.

References:

1. Shyngysbaev, L.S. K voprosu o razvitii gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Respublike Kazahstan // 2020 [Jelektrondyq resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://bulletin-socpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/132/398> (zhygingen kyni: 16.10.2025).
2. Filina, N.V. Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Respublike Kazahstan / N.V. Filina // Obrazovanie i pravo. – 2021. – № 9. – S. 412-418.
3. Podoprighora, R.A. Pravovoe regulirovanie v sfere religii v postsovetskom Kazahstane: podhody i posledstviya / R.A. Podoprighora // Reformy konca XX – nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyj aspekt. – 2020. – № 1. – S. 323-329.
4. Zaman, T. Freedom of Religion for Non-Muslims in Islam: A Pakistani Affair / T. Zaman // Law and Humanities Quarterly Reviews. – 2022. – Vol.5. № .2. – Pp. 127-134.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Нұрғали Берікұлы Рахимов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіби оқыту институты жаһандық қауіп-қатерлерге қарсы іс-қимыл бойынша арнайы даярлау кафедрасының доценті, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: nurgali.83@inbox.ru.

Рахимов Нурғали Берикович – доцент кафедры специальной подготовки по противодействию глобальным угрозам Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: nurgali.83@inbox.ru.

Rakhimov Nurgali Berikovich – Associate Professor of the Department of Special Training in Countering Global Threats at the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: nurgali.83@inbox.ru.

УДК 342.1; 321.011; 34.03:004.73(100); 34:[002:004.7]
МРНТИ 10.15.41; 10.19.51; 10.19.25

М.Б. Садықов¹, Д.В. Воронков²

¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

²Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и этические основы использования систем искусственного интеллекта в сфере обработки персональных данных, ответственности за возможный вред, а также условий признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права.

Концептуальное моделирование позволяет провести анализ правовых и этических подходов к искусственному интеллекту на стыке технологической автономии и институциональной ответственности. Подчеркиваются требования к прозрачности и объяснимости обработки данных, справедливому распределению ответственности за ошибки, гибкому регулированию и этическим кодексам, а также к общественному участию, обеспечивающему легитимное и социально устойчивое внедрение искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; этика; прозрачность; субъектность; управление; цифровое рабство.

М.Б. Садықов¹, Д.В. Воронков²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

²В.Ф. Яковлев атындағы Урал мемлекеттік заң университеті, Екатеринбург қ., Ресей Федерациясы

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ЖҮЙЕЛЕРІН ПАЙДАЛАНУ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ЭТИКАЛЫҚ НЕГІЗДЕР

Аннотация. Мақалада жеке деректерді өңдеу саласында жасанды интеллект жүйелерін пайдаланудың құқықтық және этикалық негіздері, ықтимал зиян үшін жауаптылық, сондай-ақ жасанды интеллектті құқық субъектісі ретінде тану шарттары қарастырылады. Тұжырымдамалық модельдеу технологиялық автономия мен институционалдық жауаптылықтың қиылысында жасанды интеллектке құқықтық және этикалық тәсілдерді талдауға мүмкіндік береді. Деректерді өңдеудің ашықтығы мен түсіндірілуіне, қателіктер үшін жауаптылықты әділ бөлуге, икемді реттеуге және этикалық кодекстерге, сондай-ақ жасанды интеллектті заңды және әлеуметтік тұрақты енгізуді қамтамасыз ететін қоғамдық қатысуға қойылатын талаптарға баса назар аударылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; құқықтық реттеу; этика; ашықтық; субъектілік; басқару; цифрлық құлдық.

M.B. Sadykov¹, D.V. Voronkov²

¹ The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan

²Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, the Russian Federation

LEGAL AND ETHICAL FOUNDATIONS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Abstract. The article discusses the legal and ethical foundations of the use of artificial intelligence systems in

the field of personal data processing, liability for possible harm, as well as the conditions for recognizing artificial intelligence as a subject of law.

Conceptual modeling makes it possible to analyze legal and ethical approaches to artificial intelligence at the intersection of technological autonomy and institutional responsibility. The requirements for transparency and explainability of data processing, fair distribution of responsibility for errors, flexible regulation and ethical codes, as well as for public participation ensuring legitimate and socially sustainable implementation of artificial intelligence are emphasized.

Keywords: artificial intelligence; legal regulation; ethics; transparency; subjectivity; governance; digital slavery.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_54

Введение. Эволюция вычислительных технологий, сопровождающаяся существенным ростом производительности компьютерных систем, предопределила появление систем искусственного интеллекта (далее – ИИ). Под такими системами понимаются программные или программно-аппаратные комплексы, наделенные способностью к автономному принятию решений без непосредственного участия человека-оператора.

В феврале 2017 года Европейский парламент инициировал обсуждение возможности установления для сложных робототехнических систем особого правового статуса – «электронной личности», функционирование которой связано с самостоятельным выбором поведенческих алгоритмов. Первоначально эта идея была поднята в контексте использования автономных транспортных средств, однако на практике сфера применения ИИ значительно шире. В научной литературе и в правовых дискуссиях отмечается его активное внедрение в банковской сфере¹, в военной области², а также в рекламе и страховании³.

Любая мощная технология перестраивает общество, изменяя не только способы жизни и труда людей, но и то, как человек осмысляет собственную сущность. Сегодня ИИ стимулирует экономическое развитие, трансформирует социальные структуры и влияет на функционирование государственных институтов. В отличие от прежних технологических прорывов,

таких как Интернет, который в основном революционизировал коммуникацию, ИИ затрагивает более глубокие вопросы, связанные с личностью, поведением и даже сознанием.

ИИ выполняет не просто задачи и не только оптимизирует процессы – он ставит под вопрос границу между человеческим и искусственным. Имитация решений и эмоций, ранее считавшихся исключительно человеческими, заставляет задуматься о природе действия, знания и свободы. В этом смысле ИИ выступает не только как двигатель прогресса, но и как зеркало, отражающее наши представления о человеческом существовании.

Подобные трансформации неизбежно влияют на человеческое сознание и общественное восприятие новых технологий, одновременно создавая вызовы для защиты фундаментальных прав и поддержания правовой определенности. Решение этих вызовов требует не только этической рефлексии, но и построения всеобъемлющей системы правового регулирования взаимодействия «человек – искусственный интеллект» на основе принципов законности, соразмерности и ответственности.

На современном этапе комплекс правовых и этических вопросов можно обозначить следующим образом:

- пересмотр индивидуальных и коллективных этических рамок в целях соблюдения фундаментальных прав и демократических ценностей;

¹ Сбербанк предпочел искусственный интеллект рекомендациям «Базеля» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/24/10/2017/59ede6029a79472245493e73> (дата обращения: 10.10.2025).

² Why we must not build automated weapons of war [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://time.com/4948633/robots-artificial-intelligence-war/> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Artificial Intelligence in Insurance – Three Trends That Matter [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://emerj.com/ai-sector-overviews/artificial-intelligence-in-insurance-trends/> (дата обращения: 10.10.2025).

- разработка качественных и количественных критериев для оценки этического поведения с возможностью их юридического применения;

- создание механизмов этического выбора, поддерживаемых юридически закрепленными критериями принятия решений, включая гарантии надлежащей правовой процедуры;

- регулирование взаимодействия человека с интеллектуальными системами с особым вниманием к режимам ответственности, распределению вины и стандартам подотчетности;

- формирование механизмов управления общественным взаимодействием с ИИ, включая меры предосторожности в высокорисковых секторах – безопасности, финансах, здравоохранении и публичном администрировании;

- выработка обязательных правовых норм, регулятивных механизмов и процедур надзора, обеспечивающих законность, прозрачность и подотчетность функционирования систем ИИ.

Большинство современных систем ИИ демонстрирует тенденцию к антропоморфизму. Это относится не только к гуманоидным роботам, но и к более широкому спектру задач, которые выполняет ИИ, ускоряя или совершенствуя человеческую деятельность. На более глубоком уровне такие системы отражают субъективные установки их создателей, а архитектура искусственных нейронных сетей, наиболее распространенной формы ИИ, метафорически воспроизводит топографию человеческого мозга. Еще в 1996 году Барретт и Кайл показали, что, сталкиваясь с представлением о «всемогущем ИИ», люди инстинктивно наделяют его человеческими чертами [1]; [2].

До XX века человек признавался единственным предсказуемым субъектом в рамках человеческой деятельности. Сегодня же можно говорить о возникновении условных субъектов, способных оказывать ощутимое влияние на отдельную личность и общество в целом. Эти сущности не являются людьми, хотя созданы человеком. Как

программные продукты интеллектуальные системы способны удерживать внимание и побуждать к определенным действиям. Такое влияние может способствовать позитивным социальным изменениям, но при неосторожном применении способно привести к негативным последствиям.

Поведение человека в обществе традиционно регулируется множеством нормативных систем: правовыми нормами, этическими принципами, религиозными предписаниями, корпоративными кодексами и обычаями. Сосуществование этих разнородных норм нередко порождает противоречия и конфликты, создавая неопределенность в регулировании и правоприменении. С правовой точки зрения, минимизация таких расхождений является ключевой задачей правотворчества и развития законодательства, направленной на гармонизацию нормативных систем, обеспечение согласованности в защите прав и поддержание правовой определенности в управлении как человеческими, так и искусственными агентами.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили законодательство Республики Казахстан (далее – РК) (Закон РК «О персональных данных и их защите», Кодекс РК «Об административных правонарушениях» (далее – КоАП РК) и иные акты, регулирующие цифровые технологии и ИИ), Российской Федерации (далее – РФ) (Федеральный закон «О персональных данных», Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ), акты Европейского союза (GDPR и Регламент об искусственном интеллекте), а эмпирическую базу – статистические и аналитические материалы международных организаций, а также отчеты о цифровой трансформации.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ученых в области философии функционирования цифровых систем, этике ИИ, правовому регулированию ИИ.

Основным методом исследования выступает моделирование, поскольку этот подход позволяет представить

различные сценарии интеграции систем ИИ в функционирование общества и государства. Разработанные в рамках исследования модели основаны на трех ключевых критериях. Первый связан с возможностями и ограничениями ИИ при обработке информации, доступ к которой ограничен. Второй касается вопросов юридической ответственности за действия физических объектов, управляемых системами ИИ. Третий критерий направлен на изучение потенциальной субъектности и правоспособности ИИ, включая сопоставление и различие между человеческой личностью и ИИ.

Кроме моделирования применены: сравнительно-правовой метод для сопоставления подходов РК, РФ и Европейского союза к регулированию ИИ; доктринальный анализ для систематизации подходов к этическому регулированию ИИ.

Результаты, обсуждение.

ИИ и информация с ограниченным доступом

В РК правовое регулирование обработки персональных данных осуществляется в соответствии с Законом «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав граждан при использовании автоматизированных систем в банковской, медицинской, образовательной и иных сферах, где принимаемые решения могут влиять на законные интересы человека. В случаях выявления незаконных действий, связанных со сбором, обработкой либо несанкционированным доступом к персональным данным, а также при установлении фактов утечки информации или несоблюдения требований законодательства РК в области электронных документов и электронной цифровой подписи граждане могут направлять обращения в уполномоченный государственный орган по вопросам защиты персональных данных (Комитет информационной безопасности Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития РК). Согласно

части 1 статьи 692-2 КоАП РК, Комитет по информационной безопасности наделен полномочиями рассматривать дела, относящиеся к нарушениям законодательства в обозначенных сферах, ответственность за которые установлена статьями 79, 640 и 641 КоАП РК.

Основным нормативным актом, регулирующим обработку персональных данных в РФ, является Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных». Статья 16 закрепляет правовые основания автоматизированной обработки, включая использование систем ИИ. Она запрещает принятие решений, основанных исключительно на автоматизированной обработке данных, если такие решения создают юридические последствия для субъекта, и требует обеспечения защиты его прав и интересов, а также предоставления понятных разъяснений и рассмотрения возражений.

Применение ИИ для сбора и обработки персональных данных допускается только при наличии предварительного, добровольного и информированного согласия субъекта. За нарушения установлена административная (ст. 13.11 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 137 УК РФ). ИИ в этой сфере может играть двойственную роль – как инструмент получения данных и как механизм их защиты⁴. Так, отдельные решения позволяют выполнять идентификацию личности без хранения полной копии документа: система ИИ разделяет изображение паспорта на фрагменты и проводит проверку на их основе, ограничивая доступ операторов к исходной базе⁵.

С 25 мая 2018 года в странах ЕС действует Общий регламент по защите данных (GDPR), который заменил Директиву 95/46/ЕС. Среди ключевых нововведений – увеличение штрафов, требование явного согласия субъекта, признание IP-адресов и идентификаторов устройств персональными данными, включение биометрической и генетической информации в особую

⁴ A powerful solution to manage privacy data [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elinar.com/ai/privacy-gdpr/> (дата обращения: 31.08.2025).

⁵ KYC Brain. Simple, Efficient, Secure Solution for Compliance [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kycbrain.com/#About> (дата обращения: 31.08.2025).

категорию, расширение «права на забвение» до «права на удаление» данных.

В июле 2024 года принят Регламент об искусственном интеллекте (Regulation (EU) 2024/1689), ставший первой комплексной правовой рамкой регулирования ИИ. Он направлен на обеспечение безопасности, прозрачности, прослеживаемости и недискриминационности систем ИИ, сохраняя при этом инновационный потенциал Европы. Акт вводит риск-ориентированный подход: запрещенные, высокорисковые и низкорисковые категории систем.

В контексте обработки данных можно выделить два противоположных подхода. Первый основан на доверии к автоматизированной обработке: пользователи считают, что «без участия человека данные остаются в безопасности». Второй – на недоверии, которое может усилиться после масштабных утечек данных, вызвавших общественный резонанс.

Отдельную проблему представляет использование пользовательских данных для обучения систем ИИ. В 2019 году стало известно, что IBM применила миллионы изображений из социальных сетей для обучения нейросети распознавания лиц [3]. Хотя данные распространялись по лицензии Creative Commons, допускающей технологическое использование без отдельного разрешения, такие практики остаются спорными, поскольку интересы инноваций и защиты частной жизни могут вступать в конфликт.

Ответственность за действия физических объектов, находящихся под автоматизированным управлением

Главная особенность современных интеллектуальных систем заключается в способности к обучению и адаптации. Эффективность таких систем зависит от качества исходных данных, на основе которых они выявляют закономерности и формируют алгоритмы поведения. Однако, как и в случае с человеческим обучением, ни один процесс подготовки не способен предусмотреть все возможные сценарии, вследствие чего ошибки остаются неизбежными. Наибольшие риски возникают тогда, когда подобные

системы управляют физическими объектами, от функционирования которых зависит безопасность людей. Примером могут служить транспортные средства с автоматическим управлением или автономные технические комплексы военного назначения.

Сложность правового регулирования обусловлена тем, что механизмы принятия решений остаются закрытыми для анализа. Разработчики, ссылаясь на коммерческую тайну, не раскрывают алгоритмы, использованные при обучении и принятии решений. Первые инциденты, связанные с тестированием автономных транспортных средств, продемонстрировали, что ошибка распознавания препятствий или неверная реакция системы может привести к тяжким последствиям [4]. Эти риски принято разделять на технические (ошибки идентификации объектов) и этические, возникающие в ситуациях, где выбор между альтернативами предполагает ущерб в любом случае. Исследователи отмечают, что в чрезвычайных обстоятельствах такие системы, как человек, вынуждены принимать решения в условиях ограниченного времени и неполной информации [5].

Особое значение приобретают вопросы ответственности. Предлагается несколько моделей распределения вины: возложение ее на производителя, владельца, оператора либо установление совместной ответственности. В некоторых предложениях рассматривается возможность внедрения механизма «этической настройки», когда владелец системы заранее выбирает режим поведения – от нейтрального до альтруистического [6]. Однако для военной техники подобный подход невозможен. Автономные системы, способные самостоятельно применять силу, создают серьезные правовые и моральные вызовы. Применение таких устройств при отсутствии прямого человеческого контроля ставит под сомнение принцип различения комбатантов и гражданских лиц, закрепленный в международном гуманитарном праве [7].

С гуманитарной точки зрения использование летальных автономных систем должно быть запрещено [8], однако

тенденции развития технологий указывают на то, что их внедрение практически неизбежно. Исторически большинство инноваций проходили апробацию в военной сфере, и автоматизированные решения вряд ли станут исключением. В этой связи актуальным становится вопрос международно-правового контроля, транспарентности и ограничения автономных решений в сфере безопасности.

Возможность признания автоматизированных систем субъектом права

С усложнением архитектуры интеллектуальных систем усиливается интерес к вопросу об их потенциальной субъектности. Люди нередко проявляют эмпатию к технологическим объектам, воспринимая их как «партнеров по взаимодействию» – будь то голосовые помощники, образовательные роботы или игровые платформы. В ряде случаев прекращение функционирования таких устройств вызывает у пользователей эмоциональные реакции, сходные с переживанием утраты [9]. Это ставит более широкий философско-правовой вопрос: может ли искусственно созданная система в принципе быть признана аналогом человеческой личности.

Для обсуждения этого вопроса необходимо рассмотреть несколько критериев. Первый – наличие осознанности. Современная когнитивная наука не дает единого определения сознания, что затрудняет однозначное отрицание способности машин к осмысленным действиям. Второй – способность к эмоциональному восприятию. Если для человека принудительный труд воспринимается как насилие, то можно ли считать переориентацию автономной системы на несвойственные ей функции аналогом принуждения? Пока эти рассуждения остаются гипотетическими, но без их решения невозможно построить правовую основу регулирования новых форм взаимодействия человека и технологии.

Американский исследователь Д. Ганкель выделяет четыре возможных модели признания или отрицания правосубъектности автоматизированных систем [10]:

1. Машины не могут и не должны обладать правами.

2. Машины могут и должны обладать правами.

3. Машины могут иметь права, но не должны ими наделяться.

4. Даже если машины не обладают правами, им все же следует их предоставить.

Первая модель исходит из утилитарного подхода, согласно которому автоматизированная система – это инструмент, созданный человеком и служащий его целям. Однако современная автоматизация нередко не создает новые рабочие места, а вытесняет целые профессии, что делает прежние подходы недостаточными.

Вторая модель предполагает равенство между человеком и интеллектуальной системой при достижении ею уровня самосознания. Хотя подобные случаи пока не реализованы, в мировой практике уже встречаются символические примеры – предоставление гражданства роботу Софии в 2017 году и признание чат-бота Shibuya Mirai «жителем Токио» [11]. Эти примеры отражают тенденцию к расширению правосубъектности, пусть и в символической форме.

Третья модель допускает наличие у технологий когнитивных способностей, но отказывает им в признании личного статуса по социокультурным или политическим причинам. Этот вариант чреват созданием формы цифрового рабства.

Четвертая модель рассматривает возможность предоставления ограниченного набора прав даже без признания сознания, исходя из гуманистического принципа уважения к любой форме «действующего» агента. Однако ее реализация сопряжена с рисками: эмоциональная привязанность людей к социальным роботам может использоваться в манипулятивных целях, особенно когда технологии применяются государствами или корпорациями для воздействия на поведение граждан [12].

Несмотря на то, что потенциальные преимущества и риски ИИ широко обсуждались в научной литературе, по-прежнему не хватает эмпирических данных о конкретных этических трудностях, возникающих при

разработке интеллектуальных систем [13]; [14]; [15]. Сокращение этого разрыва между теорией и практикой имеет решающее значение для понимания того, как добиться этического соответствия ИИ в различных сферах.

Таким образом, вопрос о признании автоматизированных систем субъектом права выходит за рамки технической проблематики и требует философско-этического и правового осмысления. В будущем возможно формирование гибридных моделей правосубъектности, основанных на функциональной значимости, уровне автономии и степени социальной вовлеченности систем.

Заключение. ИИ является мощной технологией, оказывающей прямое и опосредованное влияние практически на все сферы человеческой жизни. Его развитие требует четких этических и правовых оснований. Осознание потенциальных рисков является необходимым условием подготовки общества и государства к дальнейшей интеграции ИИ. Устойчивое и легитимное использование ИИ возможно лишь при соблюдении определенных условий.

Одним из таких условий является прозрачность процессов сбора и обработки данных. Нельзя требовать раскрытия исходного кода, однако происхождение обучающих наборов данных и параметры, применяемые при алгоритмическом

обучении, должны быть доступны в случаях, когда результаты работы системы затрагивают права или законные интересы лиц. Современные архитектуры нейронных сетей включают скрытые слои, недоступные человеческому контролю, что усиливает значение объяснимых и поддающихся аудиту моделей ИИ.

Вторым условием выступает формирование правовой основы для создания, внедрения и использования систем ИИ. Такая основа особенно важна в высокорисковых сферах, включая здравоохранение, образование и правоохранительную деятельность. Она должна определять обязанности разработчиков и операторов, предусматривать механизмы подотчетности и обеспечивать соблюдение фундаментальных прав.

Третьим условием является консолидация этических стандартов. Это предполагает систематическое изучение этических принципов, регулирующих использование ИИ, и разработку соответствующих кодексов этики – как в обязательной форме, так и в формате «мягкого права».

Наконец, необходимо активное взаимодействие с общественностью. Граждане должны быть информированы как о преимуществах, так и о рисках, связанных с ИИ. Доверие, осведомленность и правовая определенность вместе образуют основу социально устойчивого управления ИИ.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-78-10011 «Концептуальные и прикладные аспекты разработки практико-ориентированных цифровых проектов криминалистического значения», <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>.

Список использованной литературы:

1. Barrett, J. Conceptualizing a Nonnatural Entity: Anthropomorphism in God Concepts / J. Barrett, C.F. Keil // Cognitive psychology. – 1996. – № 31. – Pp. 219-247.
2. Yukdowsky, E. Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk. Global Catastrophic Risks / E. Yukdowsky. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 576 p.
3. Liao, S. IBM didn't inform people when it used their Flickr photos for facial recognition training [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theverge.com/2019/3/12/18262646/ibm-didnt-inform-people-when-it-used-their-flickr-photos-for-facial-recognition-training> (дата обращения: 31.08.2025).
4. Donoso, M. Human cognition. Foundations of human reasoning in the prefrontal cortex / M. Donoso, A. Collins, E. Koechlin. – Science (New York, N.Y.), 2014. – 344 p.
5. Vanderelst, D. An architecture for ethical robots inspired by the simulation theory of cognition / D. Vanderelst, A. Winfield // Cognitive Systems Research. – 2018. – Volume 48. – Pp. 56-66.

6. Contissa, G. The Ethical Knob: ethically-customisable automated vehicles and the law / G. Contissa, F. Lagioia, G. Sartor // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – № 25. – Pp. 365-378.
7. Lin, P. Robot Ethics: the Ethical and Social Implications of Robotics / P. Lin, K. Abney, G.A. Bekey. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. – 118 p.
8. V. Frissen, G. Lakemeyer, G. Petropoulos. Ethics and artificial intelligence [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bruegel.org/2018/12/ethics-and-artificial-intelligence/> (дата обращения: 01.09.2025).
9. B. Heater. The lonely death of Jibo, the social robot [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://techcrunch.com/2019/03/04/the-lonely-death-of-jibo-the-social-robot/> (дата обращения: 01.09.2025).
10. Gunkel, D.J. Robot rights / D.J. Gunkel. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 256 p.
11. Robertson, J. Human rights vs. Robot rights: Forecasts from Japan / J. Robertson // Critical Asian Studies. – 2014. – Volume 46. Issue 4. – Pp. 571-598.
12. M. Scheutz. The Inherent Dangers of Unidirectional Emotional Bonds between Humans and Social Robots Conference: Workshop on Roboethics at ICRA // – 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/255701465_The_Inherent_Dangers_of_Unidirectional_Emotional_Bonds_between_Humans_and_Social_Robots (дата обращения: 01.09.2025).
13. Radanliev, P. AI Ethics: Integrating Transparency, Fairness, and Privacy in AI Development [Электронный ресурс] / P. Radanliev // Applied Artificial Intelligence. – 2025. – № 39 (1). – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/08839514.2025.2463722> (дата обращения: 26.11.2025).
14. Galiana, L.I. Ethics and artificial intelligence / L.I. Galiana, L.C. Gudino, P.M. González // Revista Clínica Española (English Edition). – 2024. – Т. 224. № 3. – С. 178-186.
15. Arbelaез Ossa, L. Integrating ethics in AI development: a qualitative study [Электронный ресурс] / L. Arbelaез Ossa, et al. // BMC Med Ethics. – 2024. – № 25. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s12910-023-01000-0> (дата обращения: 26.11.2025).

References:

1. Barrett, J. Conceptualizing a Nonnatural Entity: Anthropomorphism in God Concepts / J. Barrett, C.F. Keil // Cognitive psychology. – 1996. – № 31. – Pp. 219-247.
2. Yukdowsky, E. Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk. Global Catastrophic Risks / E. Yukdowsky. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 576 p.
3. Liao, S. IBM didn't inform people when it used their Flickr photos for facial recognition training [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.theverge.com/2019/3/12/18262646/ibm-didnt-inform-people-when-it-used-their-flickr-photos-for-facial-recognition-training> (data obrashhenija: 31.08.2025).
4. Donoso, M. Human cognition. Foundations of human reasoning in the prefrontal cortex / M. Donoso, A. Collins, E. Koechlin. – Science (New York, N.Y.), 2014. – 344 p.
5. Vanderelst, D. An architecture for ethical robots inspired by the simulation theory of cognition / D. Vanderelst, A. Winfield // Cognitive Systems Research. – 2018. – Volume 48. – Pp. 56-66.
6. Contissa, G. The Ethical Knob: ethically-customisable automated vehicles and the law / G. Contissa, F. Lagioia, G. Sartor // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – № 25. – Pp. 365-378.
7. Lin, P. Robot Ethics: the Ethical and Social Implications of Robotics / P. Lin, K. Abney, G.A. Bekey. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. – 118 p.
8. V. Frissen, G. Lakemeyer, G. Petropoulos. Ethics and artificial intelligence [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://bruegel.org/2018/12/ethics-and-artificial-intelligence/> (data obrashhenija: 01.09.2025).
9. B. Heater. The lonely death of Jibo, the social robot [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://techcrunch.com/2019/03/04/the-lonely-death-of-jibo-the-social-robot/> (data obrashhenija: 01.09.2025).

01.09.2025).

10. Gunkel, D.J. Robot rights / D.J. Gunkel. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 256 p.
11. Robertson, J. Human rights vs. Robot rights: Forecasts from Japan / J. Robertson // *Critical Asian Studies*. – 2014. – Volume 46. Issue 4. – Pp. 571-598.
12. M. Scheutz. The Inherent Dangers of Unidirectional Emotional Bonds between Humans and Social Robots Conference: Workshop on Roboethics at ICRA // – 2009 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/255701465_The_Inherent_Dangers_of_Unidirectional_Emotional_Bonds_between_Humans_and_Social_Robots (data obrashhenija: 01.09.2025).
13. Radanliev, P. AI Ethics: Integrating Transparency, Fairness, and Privacy in AI Development [Jelektronnyj resurs] / P. Radanliev // *Applied Artificial Intelligence*. – 2025. – № 39 (1). – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1080/08839514.2025.2463722> (data obrashhenija: 26.11.2025).
14. Galiana, L.I. Ethics and artificial intelligence / L.I. Galiana, L.C. Gudino, P.M. González // *Revista Clínica Española (English Edition)*. – 2024. – T. 224. № 3. – S. 178-186.
15. Arbelaez Ossa, L. Integrating ethics in AI development: a qualitative study [Jelektronnyj resurs] / L. Arbelaez Ossa, et al. // *BMC Med Ethics*. – 2024. – № 25. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1186/s12910-023-01000-0> (data obrashhenija: 26.11.2025).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мұхтар Бейбітұлы Садықов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), мемлекеттік басқару магистрі (Назарбаев университеті), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Садықов Мухтар Бейбутович – старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), магистр государственного управления (Назарбаев университет), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Sadykov Mukhtar Beybutovich – Senior Lecturer at the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Master of Public Administration (Nazarbayev University), e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Дмитрий Валерьевич Воронков – В.Ф. Яковлев атындағы Орал мемлекеттік заң университетінің криминалистика кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

Воронков Дмитрий Валерьевич – заведующий кафедрой криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент, e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

Voronkov Dmitry Valeriyeovich – Head of the Department of Forensics, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com.

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ / ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО / CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

УДК 347
МРНТИ 10.27.01

Д.Б. Кайназарова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается институт добросовестности в гражданском праве как фундаментальный принцип, обеспечивающий баланс между формальным соблюдением закона и достижением справедливого результата. Проведен анализ исторических истоков категории, начиная с римского права и германской традиции, а также показано ее современное закрепление в правовых системах Франции, Германии, России и Казахстана. Отмечены теоретические проблемы, связанные с неопределенностью содержания добросовестности, ее соотношением со свободой договора и рисками субъективного усмотрения суда. Особое внимание уделено судебной практике Республики Казахстан, где принцип добросовестности применяется для защиты прав добросовестных приобретателей, в договорных отношениях и при выявлении злоупотреблений правами. Сравнительный анализ позволил выявить различия в подходах национальных и зарубежных судов, а также определить необходимость унификации казахстанской судебной практики и законодательного уточнения критериев добросовестного поведения. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, судебной практики и юридического образования.

Ключевые слова: гражданское право; злоупотребление правом; свобода договора; добросовестность; правоприменение; добросовестный приобретатель; судебная практика; субъективизм суда; сравнительно-правовой анализ; правовая определенность.

Д.Б. Кайназарова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы.*

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАҒЫ АДАЛДЫҚ ИНСТИТУТЫ

Аннотация. Мақалада азаматтық құқықтағы адалдық институты заңды формальды сақтаумен қатар әділетті нәтижеге қол жеткізудің арасындағы теңгерімді қамтамасыз ететін іргелі қағида ретінде қарастырылады. Рим құқығы мен германдық дәстүрден бастау алатын бұл категорияның тарихи негіздері талданған, сондай-ақ оның қазіргі кезде Франция, Германия, Ресей және Қазақстан құқықтық жүйелерінде орнығуы көрсетілген. Адалдық мазмұнының айқын еместігіне, оның шарт бостандығымен арақатынасына және соттың субъективтік қалауы тәуекелдеріне байланысты теориялық мәселелер атап өтіледі. Қазақстан Республикасының сот практикасына ерекше назар аударылған, онда адалдық қағидасы адал сатып алушылардың құқықтарын қорғауда, шарттық қатынастарда және құқықты теріс пайдалануды айқындауда қолданылып келеді. Салыстырмалы талдау ұлттық және шетелдік соттардың ұстанымдарындағы айырмашылықтарды анықтауға, сондай-ақ қазақстандық сот тәжірибесін біріздендіру мен адал мінез-құлық өлшемдерін заңнамалық тұрғыдан нақтылаудың қажеттілігін айқындауға мүмкіндік берді. Заңнаманы, сот тәжірибесін және заң білімін жетілдіруге қатысты ұсыныстар берілген.

Түйінді сөздер: азаматтық құқық; құқықты теріс пайдалану; шарт бостандығы; адалдық; құқық қолдану; адал сатып алушы; сот тәжірибесі; соттың субъективизмі; салыстырмалы-құқықтық талдау; құқықтық айқындық.

D.B. Kainazarova

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

INSTITUTE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Abstract. The article examines the institute of good faith in civil law as a fundamental principle that ensures a balance between formal compliance with the law and the achievement of a fair outcome. The historical origins of the category are analyzed, beginning with Roman law and the German tradition, as well as its modern consolidation in the legal systems of France, Germany, Russia, and Kazakhstan. Theoretical problems are noted, including the uncertainty of the content of good faith, its correlation with the freedom of contract, and the risks of judicial subjectivism. Particular attention is paid to the judicial practice of the Republic of Kazakhstan, where the principle of good faith is applied to protect the rights of bona fide purchasers, in contractual relations, and in identifying abuses of rights. A comparative analysis has revealed differences in the approaches of national and foreign courts, as well as the need to unify Kazakhstani judicial practice and to legislatively clarify the criteria for good faith conduct. Proposals are made for improving legislation, judicial practice, and legal education.

Keywords: civil law; abuse of rights; freedom of contract; good faith; law enforcement (application of law); bona fide purchaser; judicial practice; judicial subjectivism; comparative legal analysis; legal certainty.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_63

Введение. Институт добросовестности в гражданском праве на протяжении последних десятилетий все более активно обсуждается в юридической науке и практике. Причина возросшего интереса заключается в том, что при усложнении гражданских отношений и появлении рисков злоупотребления правами добросовестность становится тем ориентиром, который позволяет согласовать интересы сторон и поддерживать справедливое применение закона.

Актуальность выбранной темы объясняется рядом факторов. Во-первых, именно через призму добросовестности решаются споры, связанные с поиском баланса между формальным соблюдением закона и достижением справедливого результата. По обоснованному замечанию Л.В. Щенниковой и Н.А. Силиной, принцип добросовестности в гражданском праве проявляется в «уважении и верности принятому обязательству, собственной честности и доверии к чужой честности» [1, 35 стр.].

Во-вторых, данный институт приобретает особое значение в условиях современного гражданского оборота, когда участники все чаще используют сложные сделки, цифровые инструменты и гибридные договоры. В таких ситуациях недобросовестное поведение

способно привести не только к существенным нарушениям прав, но и к снижению доверия к правовой системе в целом.

Следует подчеркнуть, что научная разработка института добросовестности в отечественной юриспруденции пока находится на стадии активного формирования. В частности, Б.Ж. Абдраим и М.Х. Хасенов рассматривают принцип добросовестности как одну из основ стабильности гражданского оборота [2, 79 стр.].

Цель исследования заключается в комплексном изучении института добросовестности в гражданском праве, выявлении теоретических и практических проблем его применения и выработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в Республики Казахстан (далее – РК).

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Раскрыть понятие и место принципа добросовестности в системе гражданского права и определить его соотношение с иными фундаментальными принципами, включая свободу договора.

2. Проанализировать теоретические проблемы и основные подходы к содержанию категории добросовестности, а также

исследовать судебную практику РК по ее применению.

3. Провести сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта и на его основе разработать предложения по совершенствованию законодательства, судебной практики и юридического образования.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), позволившие выявить общие закономерности и внутренние связи рассматриваемого института.

В исследовании применялись методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, позволившие выявить закономерности становления принципа добросовестности и определить его место в системе гражданско-правовых категорий. Метод анализа использовался для изучения структуры и элементов института добросовестности, включая субъективный и объективный критерии, а метод синтеза – для обобщения полученных результатов и формирования целостного представления о его роли в гражданском праве. Использованы индукция и дедукция, позволившие от частных случаев применения принципа добросовестности перейти к выявлению общих закономерностей его развития в праве Казахстана и зарубежных стран.

Также применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы при анализе Гражданского кодекса РК (далее – ГК РК), судебных актов, а также норм BGB (§ 242) и Code civil (ст. 1104). Системный подход обеспечил рассмотрение добросовестности в контексте принципов гражданского права, а историко-правовой метод позволил проследить ее эволюцию от *bona fides* римского права до современного содержания. Эмпирическую основу составили судебная практика, международные акты и труды отечественных и зарубежных правоведов.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно предлагает

рассматривать добросовестность не только как декларативный принцип, но и как инструмент конкретизации правовых обязанностей участников гражданского оборота. Практическая значимость выражается в возможности использования полученных результатов при подготовке методических материалов для судей и адвокатов, а также при разработке учебных программ по гражданскому праву в высших учебных заведениях.

Таким образом, институт добросовестности представляет собой одно из наиболее перспективных направлений развития современной гражданско-правовой системы Казахстана, а его комплексное исследование является важной задачей как для науки, так и для практики.

Результаты, обсуждение. Категория добросовестности имеет многовековую историю развития и занимает особое место в системе гражданско-правовых принципов. В юридической науке ее содержание традиционно связывается с совокупностью морально-этических стандартов, трансформированных в правовые ориентиры, ограничивающие произвольное использование гражданских прав. Уже в римском праве использовались такие конструкции, как «*bona fides*», которые применялись для квалификации обязательственных отношений и защиты интересов слабой стороны [3, 237 стр.].

Именно из римской традиции возникло понимание добросовестности как критерия правомерности поведения.

В германском гражданском праве принцип добросовестности (*Treu und Glauben*) нашел отражение в § 242 Гражданского уложения Германии (BGB), закрепившем обязанность сторон действовать в соответствии с требованиями добросовестности и обычаями делового оборота¹.

Немецкая доктрина рассматривает эту норму как «общую оговорку», позволяющую суду корректировать применение иных положений законодательства в интересах справедливости. Аналогичный подход

¹ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 242 Leistung nach Treu und Glauben [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_242.html (дата обращения: 03.10.2025).

постепенно получил закрепление и в других европейских системах гражданского права: во Франции принцип добросовестности (*bonne foi*) отражен в статье 1104 ГК, которая предписывает, что договоры должны исполняться добросовестно.

В отечественной юридической науке категория добросовестности стала активно разрабатываться в постсоветский период. В казахстанском праве ее нормативное закрепление содержится в пункте 4 статьи 8 ГК РК (Общая часть), где закрепляется обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно, разумно и справедливо. При этом в норме прямо указывается, что данная обязанность не может быть исключена или ограничена договором. Данная формулировка свидетельствует о придании добросовестности статуса императивного принципа, который носит всеобъемлющий характер и распространяется на все виды гражданских правоотношений.

В казахстанской юридической литературе обращается внимание на то, что закрепление принципа добросовестности в ГК РК носит во многом рамочный характер. Его реальное содержание в значительной степени формируется судебной практикой, которая уточняет пределы и способы применения этого принципа. При этом в условиях усиливающейся правовой неопределенности добросовестность может выполнять функцию своеобразного «стабилизатора», позволяющего обеспечить предсказуемость правоприменения и справедливость при разрешении споров.

Значение института добросовестности заключается, прежде всего, в его универсальности. В отличие от специальных институтов (например, добросовестного приобретателя или института «эстоппеля»), он охватывает все гражданско-правовые отношения и выполняет роль общего стандарта поведения [4].

А.М. Урстенова указывает, что добросовестность в гражданском праве выполняет роль своеобразного надпринципа, интегрирующего в себе такие начала, как справедливость, разумность и соразмерность

[5, 54 стр.].

С теоретической точки зрения добросовестность в гражданском праве может быть рассмотрена в двух взаимодополняющих измерениях. Она выступает в качестве принципа права, т.е. абстрактной категории, выражающей фундаментальную идею справедливого и честного поведения участников гражданского оборота. В этом качестве добросовестность задает общую нормативную направленность и формирует ценностные ориентиры правовой системы. Добросовестность проявляется как инструмент правоприменения, представляющий собой конкретный стандарт поведения, используемый судом при оценке действий сторон [6]. Здесь она приобретает практическое содержание и позволяет превратить абстрактный принцип в реальный критерий разрешения гражданско-правовых споров.

Подобное двойственное понимание добросовестности действительно порождает активные дискуссии в юридической науке. Часть исследователей склонна рассматривать ее преимущественно как морально-правовой ориентир, требующий дополнительного нормативного наполнения. Так, Е.А. Суханов подчеркивает, что «добросовестность остается в значительной мере оценочной категорией, зависящей от усмотрения суда» [7, 132 стр.]. В то же время другие авторы акцентируют внимание на нормативной природе добросовестности и ее непосредственной обязательности для правоприменителя. Например, О.А. Красавчиков указывал, что «добросовестность следует рассматривать как универсальный принцип гражданского права, обязательный для всех участников оборота» [8, 87 стр.].

Ключевым аспектом института добросовестности является его корреляция с принципом свободы договора. С одной стороны, стороны обладают правом самостоятельно определять условия сделки, руководствуясь собственными интересами. С другой стороны, это право ограничено необходимостью действовать добросовестно. Тем самым добросовестность выполняет

функцию своеобразного «корректора», предотвращающего злоупотребление автономией воли. В зарубежной доктрине это выражается в концепции «контроля за содержанием договора», а в казахстанской практике проявляется через признание ничтожными условий, нарушающих баланс интересов.

Следовательно, институт добросовестности занимает центральное место в системе принципов гражданского права. Он является не только морально-этическим ориентиром, но и юридическим инструментом, позволяющим достигать справедливого результата в условиях усложнения гражданского оборота. Его универсальность и гибкость обеспечивают возможность адаптации к новым формам сделок, в т.ч. в цифровой экономике, где участники взаимодействуют через электронные платформы и смарт-контракты.

Несмотря на универсальность и фундаментальный характер принципа добросовестности, его содержание остается одной из наиболее дискуссионных тем гражданско-правовой науки. Наличие различных подходов к определению и применению данной категории обусловлено ее многоуровневой природой. В частности, добросовестность проявляется как моральная, правовая и практическая категория одновременно. В результате в науке и практике возникают три группы проблем: неопределенность содержания понятия, трудности соотношения с иными принципами гражданского права и риск субъективного усмотрения суда.

Первая и наиболее значимая проблема заключается в отсутствии единого определения добросовестности. Законодатель, как правило, ограничивается общими формулировками. Так, пункт 4 статьи 8 ГК РК указывает на обязанность действовать добросовестно, разумно и справедливо, но не раскрывает критериев, позволяющих определить, какие действия будут считаться добросовестными.

Подобная неопределенность характерна и для зарубежных правовых институтов (Германия), закрепляющих только обязанность действовать согласно

требованиям доброй совести, однако не содержащих конкретных критериев.

В доктрине Казахстана и России встречаются различные интерпретации категории добросовестности. Одни авторы трактуют ее как субъективное состояние лица, характеризующее его незнание определенных обстоятельств при заключении или исполнении договора. Так, В.П. Мозолин указывает, что «добросовестность в гражданском праве понимается как внутреннее психическое состояние участника оборота, обусловленное его отсутствием осведомленности о фактических обстоятельствах сделки» [9, 215 стр.].

Другие исследователи рассматривают добросовестность как объективный стандарт поведения, предполагающий честность, разумность и справедливость в действиях субъекта, вне зависимости от его субъективных намерений.

В частности, И. Кул связывает принцип добросовестности с обеспечением справедливости, разумности и порядка в экономических отношениях [10, 133 стр.].

Аналогичную позицию занимает Д.В. Дождев, подчеркивая, что добросовестность «является не столько внутренней характеристикой сознания лица, сколько объективным нормативным критерием оценки поведения» [11, 152 стр.].

Отсутствие нормативного закрепления критериев добросовестности приводит к тому, что разные суды могут по-разному трактовать одну и ту же ситуацию. В одних случаях достаточным основанием для признания стороны недобросовестной становится ее пассивность (например, непроверка сведений в реестре), в других – только наличие доказанного умысла. Это снижает уровень правовой определенности и предсказуемости для участников оборота.

Вторая группа проблем связана с соотношением добросовестности и принципа свободы договора, который является краеугольным камнем частного права. Автономия воли сторон позволяет им самостоятельно формировать содержание договорных отношений. Однако чрезмерное следование этому принципу может привести к злоупотреблениям и

ущемлению интересов одной из сторон. Тем самым, добросовестность выступает как ограничитель свободы договора, корректируя ее чрезмерные проявления.

Особая проблема заключается в высокой степени субъективизма при оценке добросовестности. Судья вынужден учитывать широкий круг обстоятельств: поведение сторон, их мотивы, обстановку заключения сделки, последствия для третьих лиц. При отсутствии конкретных нормативных критериев это неизбежно порождает риск произвольных решений. Как подчеркивают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, применение принципа добросовестности в договорных отношениях носит преимущественно оценочный характер и неизбежно связано с усмотрением суда [12, 98 стр.].

Кроме того, субъективизм может быть использован недобросовестными сторонами в тактических целях: ссылки на нарушение принципа добросовестности становятся универсальным инструментом давления на контрагента, что усложняет судебный процесс.

Наиболее наглядно принцип добросовестности проявляется в судебной практике. Несмотря на то, что ГК РК закрепляет его лишь в общей форме, суды активно используют добросовестность при разрешении споров, связанных с защитой прав собственности, договорными обязательствами и иными гражданско-правовыми отношениями. Так, добросовестность применяется для защиты прав приобретателей, которые проверили правовой статус имущества в государственном реестре, оплатили его по рыночной цене и не имели оснований сомневаться в законности сделки.

В других случаях суды признают недобросовестным поведение арендодателей, формально соблюдающих условия договора, но фактически создающих препятствия для деятельности арендатора, например ограничивая доступ к помещению или отключая

коммунальные услуги. При этом подчеркивается, что формальное соблюдение договора не освобождает сторону от обязанности действовать честно и разумно.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что принцип добросовестности играет ключевую роль в оценке поведения сторон, но его применение во многом носит оценочный характер и зависит от усмотрения суда.

Отсутствие закрепленных критериев приводит к риску субъективизма и разнородности правоприменения. В этих условиях назрела необходимость нормативного уточнения содержания принципа добросовестности и установления базовых ориентиров для судов и участников гражданского оборота.

Первым шагом может стать законодательное уточнение содержания принципа добросовестности. Законодатель может закрепить базовые критерии: проявление разумной осмотрительности, соблюдение требований публичных реестров, запрет намеренного создания препятствий для другой стороны. Это позволит снизить риск произвольного толкования.

Вторым направлением является нормативное закрепление презумпции добросовестности. Так, Швейцарский гражданский кодекс устанавливает, что при обусловленности правового эффекта добросовестностью она презюмируется (art. 3(1) ZGB)².

Следует закрепить правило, что все участники оборота считаются добросовестными, пока не доказано обратное. Подобная норма уже применяется в российском праве и показала свою эффективность³.

Также представляется целесообразным расширить специальные положения о добросовестности в отдельных институтах гражданского права: при защите прав потребителей, в наследственном праве, в корпоративных отношениях. Это позволит наполнить принцип конкретным

² Switzerland. Civil Code (ZGB). Swiss Civil Code of 10 December 1907. Art. 3(1) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (дата обращения: 04.11.2025).

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

содержанием и сделать его применение более предсказуемым.

Для устранения противоречий необходимо, чтобы Верховный Суд РК издал нормативное постановление, посвященное применению принципа добросовестности. В нем могли бы быть закреплены следующие положения:

- добросовестность презюмируется;
- бремя доказывания недобросовестности лежит на стороне, которая ссылается на нарушение принципа;
- критерии добросовестности включают активность в проверке правового статуса имущества, честность в переговорах, отказ от действий, направленных на лишение контрагента разумных ожиданий.

Кроме того, важно систематизировать судебные решения, где добросовестность уже применялась. Создание электронной базы кейсов, аналогичной российскому «Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации», позволило бы адвокатам, судьям и исследователям ориентироваться в выработанных подходах.

Не менее важно внедрить институт добросовестности в систему юридического образования. Сегодняшние студенты и практикующие юристы должны изучать не только теоретическое содержание, но и реальные кейсы, в которых поведение сторон квалифицировалось как добросовестное или недобросовестное. Представляется целесообразным также разработать учебные курсы и практикумы, включающие анализ судебных решений и моделирование ситуаций.

Особое внимание следует уделить применению принципа добросовестности в условиях цифровизации. С развитием смарт-контрактов, блокчейн-технологий и онлайн-платформ появляются новые формы сделок, где поведение участников оценивается не только по формальным критериям, но и по стандартам добросовестности. Так, сокрытие информации о рисках в онлайн-договоре или использование технических уязвимостей в смарт-контракте должно квалифицироваться как недобросовестное поведение.

Заключение. Исследование института добросовестности в гражданском праве

показало, что эта категория занимает центральное место в системе частных правовых принципов, но в то же время остается одной из самых проблемных и дискуссионных.

Добросовестность выполняет двойную функцию: с одной стороны, она выступает общим принципом, определяющим направленность всего гражданского законодательства, а с другой – конкретным критерием поведения участников гражданского оборота, позволяющим судам корректировать чрезмерно формальное применение норм.

Теоретические проблемы института добросовестности выражаются в отсутствии единого определения, в дискуссиях о ее статусе (принцип или норма прямого действия), а также в рисках субъективизма при правоприменении.

Практические трудности связаны с отсутствием единых подходов и нормативного закрепления презумпции добросовестности.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным закрепить в ГК РК презумпцию добросовестности участников гражданского оборота и уточнить базовые критерии добросовестного поведения, включая проявление разумной осмотрительности, проверку публичных реестров и обоснованные ожидания контрагентов. Важным направлением развития является принятие Верховным Судом РК нормативного постановления, разъясняющего применение принципа добросовестности и закрепляющего практику возложения бремени доказывания недобросовестности на сторону, утверждающую о ее наличии. В образовательной сфере институт добросовестности должен занять более значимое место, что предполагает его включение в специальные курсы по гражданскому праву, а также дополнение учебного процесса практическими кейсами, основанными на судебной практике. Научные исследования в этой области требуют более активного изучения связи добросовестности с цифровыми сделками и разработки междисциплинарных подходов, позволяющих глубже раскрыть содержание

данной категории.

Итак, добросовестность в гражданском праве Казахстана уже играет важную роль, но ее потенциал реализован не полностью. При комплексном подходе, включающем законодательные изменения, судебные разъяснения и образовательные

инициативы, данный институт может стать реальным инструментом укрепления правовой стабильности, повышения доверия к гражданскому обороту и адаптации частного права к вызовам цифровой эпохи.

Список использованной литературы:

1. Щенникова, Л.В. Общий принцип добросовестности в гражданском праве / Л.В. Щенникова, Н.А. Силина // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 31-42.
2. Абдраим, Б.Ж. О законодательном закреплении принципа добросовестности в Гражданском кодексе Республики Казахстан / Б.Ж. Абдраим, М.Х. Хасенов // Право и государство. – 2020. – № 3-4. – С. 79-90.
3. Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition / R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 1241 p.
4. Talibova, L. The Purpose of the Principle of «Good Faith» in Civil Legislation and Judicial Practice of the Republic of Azerbaijan / L. Talibova // Baku State University Law Review. – 2024. – Vol. 2. No. 2. – Pp. 126-140.
5. Урстенова, А.М. Гражданско-правовые принципы: теория и практика / А.М. Урстенова. – Алматы: Жеті Жарғы, 2018. – 216 с.
6. Hondius, E.H. Good Faith in European Contract Law / E.H. Hondius // European Review of Private Law / Cambridge University Press, 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/27704902_Good_Faith_in_European_Contract_Law (дата обращения: 11.11.2025).
7. Суханов, Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2018. – 496 с.
8. Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права / О.А. Красавчиков. – М.: Статут, 2005. – 448 с.
9. Мозолин, В.П. Гражданское право: учебник / В.П. Мозолин. – М.: Норма, 2016. – 640 с.
10. Kull, I. Principle of Good Faith and Constitutional Values in Contract Law / I. Kull // Juridica International. – 2002. – No. VII. – Pp. 142-149.
11. Дождев, Д.В. Римское частное право. – 3-е изд., испр. и доп. / Д.В. Дождев. – М.: Норма, 2011. – 736 с.
12. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – 848 с.

References:

1. Shhennikova, L.V. Obshhij princip dobrosovestnosti v grazhdanskom prave / L.V. Shhennikova, N.A. Silina // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 3. – S. 31-42.
2. Abdraim, B.Zh. O zakonodatel'nom zakreplenii principa dobrosovestnosti v Grazhdanskom kodekse Respubliki Kazahstan / B.Zh. Abdraim, M.H. Hasenov // Pravo i gosudarstvo. – 2020. – № 3-4. – S. 79-90.
3. Zimmermann, R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition / R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 1241 p.
4. Talibova, L. The Purpose of the Principle of «Good Faith» in Civil Legislation and Judicial Practice of the Republic of Azerbaijan / L. Talibova // Baku State University Law Review. – 2024. – Vol. 2. No. 2. – Pp. 126-140.
5. Urstenova, A.M. Grazhdansko-pravovye principy: teoriya i praktika / A.M. Urstenova. – Almaty: Zheti Zharfy, 2018. – 216 s.

6. Hondius, E.H. Good Faith in European Contract Law / E.H. Hondius // European Review of Private Law / Cambridge University Press, 2002 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/27704902_Good_Faith_in_European_Contract_Law (data obrashhenija: 11.11.2025).
7. Suhanov, E.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. 1: Obshhaja chast'. – 3-e izd., pererab. i dop. / E.A. Suhanov. – M.: Statut, 2018. – 496 s.
8. Krasavchikov, O.A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava / O.A. Krasavchikov. – M.: Statut, 2005. – 448 s.
9. Mozolin, V.P. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / V.P. Mozolin. – M.: Norma, 2016. – 640 s.
10. Kull, I. Principle of Good Faith and Constitutional Values in Contract Law / I. Kull // Juridica International. – 2002. – No. VII. – Pp. 142-149.
11. Dozhdev, D.V. Rimskoe chastnoe pravo. – 3-e izd., ispr. i dop. / D.V. Dozhdev. – M.: Norma, 2011. – 736 s.
12. Braginskij, M.I. Dogovornoe pravo. Kniga pervaja: Obshhie polozhenija / M.I. Braginskij, V.V. Vitrjanskij. – M.: Statut, 2001. – 848 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Дариға Болатқызы Қайназарова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының қылмыстық қудалау және жедел-ізвестіру қызметі кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: dariga.76@list.ru.

Кайназарова Дариға Болатовна – доцент кафедры уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: dariga.76@list.ru.

Kainazarova Dariga Bolatovna – Associate Professor of the Department of Criminal Prosecution and Operational Investigative Activities of the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, e-mail: dariga.76@list.ru.

УДК 347.91.02
МРНТИ 10.31.51

А.К. Кусаинова, Р.А. Жаксылыков

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОЙ КОНФИСКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КАЗАХСТАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуется проблема отсутствия в Республике Казахстан законодательного определения понятия гражданской конфискации, что ведет к правовой неопределенности, сложностям в правоприменении и толковании законов.

Автором рассматриваются ключевые признаки гражданской конфискации имущества, выделенные отечественными и зарубежными исследователями.

Также проводится анализ нормативно-правовой базы, отражающей элементы гражданской конфискации в национальном законодательстве, а также формирование особенностей данного института с позиции гражданского права.

Особое внимание уделяется таким правовым институтам, как прекращение права собственности, неосновательное обогащение, признание сделок недействительными, и искам о необъяснимом богатстве. По мнению авторов, именно указанные институты в совокупности формируют предпосылки институционализации гражданской конфискации в национальном праве.

Подчеркивается, что гражданская конфискация позволяет эффективно возвращать активы, полученные незаконным путем, без необходимости уголовного обвинения, что соответствует современным антикоррупционным трендам и усиливает защиту публичных интересов государства.

Ключевые слова: гражданская конфискация; возврат активов; Гражданский кодекс; изъятие; имущество; активы; приговор; государство.

Ә.Қ. Кусаинова, Р.Ә. Жақсылықов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАН ЗАҢНАМАСЫ КОНТЕКСТІНДЕ АЗАМАТТЫҚ ТӘРКІЛЕУ ИНСТИТУТЫН ДАМУ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында азаматтық тәркілеу ұғымының заңнамалық анықтамасының жоқтығы мәселесі қарастырылған, бұл құқықтық белгісіздікке, құқық қолдану мен заңдарды түсіндірудегі қиындықтарға әкеледі.

Автор отандық және шетелдік зерттеушілер анықтаған мүлікті азаматтық тәркілеудің негізгі белгілерін қарастырады.

Сондай-ақ ұлттық заңнамадағы азаматтық тәркілеу элементтерін көрсететін нормативтік құқықтық базаға талдау жүргізіледі, сондай-ақ азаматтық құқық тұрғысынан осы институттың ерекшеліктерін қалыптастыру жүргізіледі.

Меншік құқығын тоқтату, негізсіз баю, мәмілелерді жарамсыз деп тану және түсініксіз байлық туралы талап қою сияқты құқықтық институттарға ерекше назар аударылады. Автордың пікірінше, бұл институттар бірігіп ұлттық құқықтағы азаматтық тәркілеуді институционализациялаудың алғышарттарын құрайды.

Азаматтық тәркілеу қылмыстық айыптауды қажет етпей, заңсыз жолмен алынған активтерді тиімді қайтаруға мүмкіндік беретіні, бұл сыбайлас жемқорлыққа қарсы заманауи үрдістерге сәйкес келетіні және мемлекеттің қоғамдық мүдделерін қорғауды күшейтетіні атап өтілді.

Түйінді сөздер: азаматтық тәркілеу; активтерді қайтару; Азаматтық кодекс; алып қою; мүлік; активтер; үкім; мемлекет.

A.K. Kussainova, R.A. Zhaxylykov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CIVIL CONFISCATION IN THE CONTEXT OF KAZAKHSTANI LEGISLATION

Abstract. The article examines the problem of the lack of a legislative definition of the concept of civil confiscation in the Republic of Kazakhstan, which leads to legal uncertainty, difficulties in law enforcement and interpretation of laws.

The author examines the key signs of civil confiscation of property identified by domestic and foreign researchers.

An analysis of the regulatory framework reflecting the elements of civil confiscation in national legislation is also carried out, as well as the formation of the features of this institution from the perspective of civil law.

Particular attention is paid to legal institutions such as termination of property rights, unjust enrichment, invalidation of transactions and claims of unexplained wealth. According to the author, it is these institutions that together form the prerequisites for the institutionalization of civil confiscation in national law.

It is emphasized that civil confiscation allows for the effective return of assets obtained illegally, without the need for criminal charges, which corresponds to modern anti-corruption trends and strengthens the protection of the public interests of the state.

Keywords: civil confiscation; asset recovery; civil code; withdrawal; property; assets; sentence; state.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_72

Введение. Современное развитие антикоррупционной политики в Казахстане сопровождается поиском эффективных правовых инструментов для возврата активов, полученных незаконным путем. Одним из наиболее перспективных направлений реформирования в указанной сфере стало внедрение института гражданской конфискации, основанного на принципе *in rem*, т.е. на изъятии имущества независимо от исхода уголовного преследования.

Большинство казахстанских ученых положительно оценивают перспективы ее внедрения в нашем государстве, отмечая, что этот институт способен существенно повысить эффективность механизма возврата активов.

Такой подход соответствует современным международным тенденциям и позволяет компенсировать пробелы уголовного процесса. Он направлен не на наказание лица, а на восстановление имущественной справедливости и защиту публичных интересов. В условиях активного развития института возврата активов особое значение приобретает формирование

четкого нормативного понятия гражданской конфискации и его разграничение с близкими категориями – «необъяснимое богатство», «возврат активов», «изъятие имущества» и «незаконно приобретенные активы».

Материалы и методы. Использовались нормативные правовые акты, международные договоры и научные труды, посвященные гражданской конфискации. Применялись диалектический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, позволившие комплексно проанализировать правовую природу института. Методологическая основа обеспечила всестороннее изучение сущности гражданской конфискации и определение направлений ее дальнейшего развития в национальном законодательстве.

Результаты, обсуждение. Для начала необходимо отметить, что под конфискацией (с лат. *confiscatio* – отобрание в казну) традиционно понимается принудительное, окончательное, безвозмездное изъятие имущества государством [1].

С точки зрения О.В. Курлаевой, конфискация имущества должна обладать

следующими обязательными признаками: принудительность изъятия, безвозмездность и передача изъятых имущества в собственность государства [2].

По мнению Р.Х. Кубова, конфискация представляет собой принудительную меру, при которой имущество изымается в пользу государства независимо от воли собственника. Она может касаться любых вещей, денежных средств, ценных бумаг и иных активов. Отличительной чертой является обращение имущества именно в доход государства, а не в пользу частных лиц [3].

Одним из правовых инструментов, имеющих черты гражданской конфискации, является прекращение права собственности. Гражданское законодательство Республики Казахстан (далее – РК) предусматривает возможность принудительного прекращения права собственности в предусмотренных законом случаях. В соответствии со статьей 249 Гражданского кодекса РК (далее – ГК РК) к основаниям прекращения права собственности относятся:

- обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника;
- принудительное отчуждение имущества, которое не может принадлежать данному лицу по закону;
- реквизиция;
- конфискация;
- принудительное отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка;
- изъятие бесхозяйственно содержащихся памятников истории и культуры, культурных ценностей;
- национализация;
- продажа имущества с публичных торгов по решению суда в случае невозможности раздела общего имущества либо выдела доли из него;
- обращение в доход государства имущества в соответствии с Законом РК «О возврате государству незаконно приобретенных активов»¹.

В данном случае сходство с гражданской конфискацией заключается в принудительном изъятии имущества у собственника по решению суда в пользу государства.

Следующим правовым инструментом, тесно связанным с механизмом гражданской конфискации, выступает институт неосновательного обогащения, закрепленный в главе 48 ГК (ст. 955-966 ГК РК). Согласно закону, лицо, которое без установленных законом или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить это имущество².

По своей сути, применение данных норм обеспечивает возврат активов, полученных в результате незаконных действий, злоупотреблений правом или обхода закона, лишая недобросовестного приобретателя незаконной выгоды.

Особое значение имеет институт исков о необъяснимом богатстве, предоставляющий государству возможность в судебном порядке изымать активы, законное происхождение которых их владелец не способен подтвердить. В отличие от уголовного процесса, основанного на доказывании вины, здесь бремя обоснования правомерности источников дохода возлагается на собственника. В случае отсутствия доказательств активы признаются «необъяснимым богатством» и обращаются в доход государства.

Данный механизм близок к модели конфискации *in rem*, при которой объектом правового воздействия выступает не лицо, а имущество. Иски о необъяснимом богатстве обладают двойственной природой: с одной стороны, они обеспечивают защиту публичных интересов и препятствуют незаконному обогащению, с другой – позволяют возвращать активы вне рамок уголовного преследования, что соответствует принципам гражданской конфискации.

Признание сделок недействительными также нередко становится предпосылкой применения гражданской конфискации,

¹ О возврате государству незаконно приобретенных активов: закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 г. № 21-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z23000000021> (дата обращения: 17.11.2025).

² Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): от 27 дек. 1994 г. № 268-XIII [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 17.11.2025).

поскольку именно через оспаривание фиктивных или мнимых договоров уполномоченные органы получают возможность вернуть имущество в собственность государства.

Несмотря на наличие института гражданской конфискации и смежных механизмов (неосновательное обогащение, иски о необъяснимом богатстве, признание сделок недействительными), на практике встречаются трудности возврата активов.

Основные проблемы заключаются в следующем:

1. Идентификация и локализация активов, особенно если они находятся за границей.

2. Юридические коллизии и несовершенство законодательства, когда гражданско-правовые нормы не всегда согласованы с уголовно-процессуальными процедурами.

3. Бремя доказательства и правовые пробелы, которые усложняют обращение активов в доход государства.

Таким образом, институциональное закрепление и совершенствование процедур гражданской конфискации и смежных мер возврата активов являются необходимым условием обеспечения правовой защиты публичных интересов.

Ввиду отсутствия в национальном законодательстве легального определения понятия «гражданская конфискация», рассмотрим его сущность и правовую природу на примере международных правовых актов и зарубежной доктрины, где они достаточно подробно раскрываются.

Так, в §981 главы 46 раздела 18 Свода Законов США гражданская конфискация трактуется как изъятие имущества, полученного в результате нарушения закона³.

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, утвержденной 31 октября 2003 года, под гражданской конфискацией (*in rem/non-conviction-based*) понимается судебное изъятие имущества, связанного с правонарушением, без

необходимости обвинительного приговора⁴.

При этом внимание акцентируется на правовом статусе самого имущества, а не на личности правонарушителя [4].

Как правило, гражданская конфискация встречается в двух формах:

1) конфискация в уголовном порядке, но без вынесения обвинительного приговора или установления вины. В этом случае законы о конфискации вне уголовного производства выступают частью действующего уголовного законодательства, включая нормы о борьбе с отмыванием денег или иными преступлениями, и регулируются уголовно-процессуальными нормами [5];

2) конфискация на основании отдельного закона, в порядке самостоятельного судебного разбирательства, которое проводится независимо, хотя и параллельно с уголовным преследованием. Такое производство, как правило, подчиняется нормам гражданского, а не уголовно-процессуального права. В этой процедуре применяется гражданское судопроизводство, при котором требуется более низкий уровень доказанности, что облегчает работу обвинения [6].

Международные документы, включая Конвенцию ООН против коррупции 2003 года, ориентируют государства на внедрение механизмов изъятия имущества вне уголовного приговора⁵.

Большинство ученых отмечают, что именно этот институт способен обеспечить возврат активов в случаях, когда уголовное преследование невозможно или нецелесообразно.

К примеру, А.Ф. Каюмова подчеркивает, что гражданская конфискация (*in rem*) заключается в изъятии у граждан или юридических лиц имущества в доход государства на основании решения суда, если имеются достаточные данные полагать, что имущество получено незаконным путем. В этом случае обязанность по доказыванию законности происхождения имущества ложится на обладателя этого имущества [7].

Соглашаясь с вышебозначенными

³ 18 U.S. Code § 981 – Civil forfeiture [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/981> (дата обращения: 01.12.2025).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 17.11.2025).

⁵ Там же.

позициями исследователей и учитывая международные подходы, следует признать необходимым нормативное закрепление института гражданской конфискации в национальном законодательстве.

Кроме того, анализ национального законодательства, международных конвенций и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о необходимости нормативного закрепления института гражданской конфискации в РК.

Важно подчеркнуть, что эффективное применение этого института напрямую связано с совершенствованием мер по возврату активов. Только при разработке четких процедур идентификации, изъятия и возвращения имущества государству можно обеспечить прозрачность и единообразие применения закона.

Следовательно, внедрение полноценно урегулированного механизма гражданской конфискации, включающего системные меры возврата активов, целесообразно как с научной, так и с практической точки зрения. Оно позволит повысить эффективность изъятия незаконно приобретенных активов,

обеспечить защиту публичных интересов и согласованность с принципами законности и справедливости.

Заключение. Резюмируя изложенное, полагаем, что анализ национального законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать обоснованный вывод о необходимости нормативного закрепления института гражданской конфискации в РК.

Данный институт должен быть четко определен на уровне законодательства, что обеспечит правовую определенность, прозрачность процедур и единообразие применения в судебной практике.

Таким образом, внедрение целостного и четко регламентированного механизма гражданской конфискации представляется обоснованным как с научной, так и с практической точки зрения. Его реализация позволит упорядочить существующие разрозненные инструменты возврата активов, повысить их результативность и обеспечить их соответствие принципам законности, справедливости и правового государства.

Список использованной литературы:

1. Малышев, А.Н. Конфискация имущества в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Малышев. – М., 2010. – 189 с.
2. Курлаева, О.В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Курлаева. – Рязань, 2013. – 55 с.
3. Кубов, Р.Х. Виды конфискации имущества в российском законодательстве / Р.Х. Кубов // Российский следователь. – 2007. – № 23. – С. 12-18.
4. Civil Forfeiture of Criminal Property: Legal Measures for Targeting the Proceeds of Crime / S. N. M. Young (Ed.). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. – 392 p.
5. Smith, R. Money Laundering Law: Forfeiture, Confiscation, Civil Recovery / R. Smith, T. Owen, A. Bodnar. – Oxford: Portland, Oregon: Hart Publishing, 2007. – 616 p.
6. Boucht, J. Confiscation and Forfeiture of Property in Connection with Alleged Unlawful Conduct. In: K. Ambos, A. Mehra & D. van Zyl Smit (Eds.) / Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice / J. Boucht, B.A. Colgan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2025. – Pp. 395-437.
7. Каюмова, А.Ф. Институт конфискации имущества в порядке in rem // Право в современном мире: состояние и вектор развития: мат-лы. VII междунаро. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, Россия 7 дек. 2017 г.): Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2018. – С. 193-195.

References:

1. Malyshev, A.N. Konfiskacija imushhestva v ugovnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk / A.N. Malyshev. – M., 2010. – 189 s.
2. Kurlaeva, O.V. Konfiskacija imushhestva kak mera gosudarstvennogo prinuzhdenija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O.V. Kurlaeva. – Rjazan', 2013. – 55 s.

3. Kubov, R.H. Vidy konfiskacii imushhestva v rossijskom zakonodatel'stve / R.H. Kubov // Rossijskij sledovatel'. – 2007. – № 23. – S. 12-18.
4. Civil Forfeiture of Criminal Property: Legal Measures for Targeting the Proceeds of Crime / S. N. M. Young (Ed.). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. – 392 p.
5. Smith, R. Money Laundering Law: Forfeiture, Confiscation, Civil Recovery / R. Smith, T. Owen, A. Bodnar. – Oxford: Portland, Oregon: Hart Publishing, 2007. – 616 p.
6. Boucht, J. Confiscation and Forfeiture of Property in Connection with Alleged Unlawful Conduct. In: K. Ambos, A. Mehra & D. van Zyl Smit (Eds.) / Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice / J. Boucht, B.A. Colgan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2025. – Pp. 395-437.
7. Kajumova, A.F. Institut konfiskacii imushhestva v porjadke in rem // Pravo v sovremennom mire: sostojanie i vektor razvitija: mat-ly. VII mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, Rossiya 7 dek. 2017 g.): Izd-vo UIU (f) RANHiGS, 2018. – S. 193-195.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Әсел Қадырбекқызы Кусаинова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, e-mail: aseka8080@mail.ru.

Кусаинова Асель Кадырбековна – старший научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: aseka8080@mail.ru.

Kussainova Assel Kadyrbekovna – Senior Researcher at the Center for the Study of Problems in the Field of Protection of Public Interests of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: aseka8080@mail.ru.

Руслан Әділбекұлы Жақсылықов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының Қоғамдық мүдделерді қорғау саласындағы проблемаларды зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: rus.zhaxylykov@gmail.com.

Жаксылыков Руслан Адилбекович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем в сфере защиты общественных интересов Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: rus.zhaxylykov@gmail.com.

Zhaxylykov Ruslan Adilbekovich – Chief Researcher at the Center for the Study of Problems in the Field of Protection of Public Interests of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: rus.zhaxylykov@gmail.com.

Э.С. Хабиева

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье рассматривается потенциал использования технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры Республики Казахстан по обеспечению законности судебных решений по гражданским делам. Показано, что интеграция машинного обучения и предиктивной аналитики в процессы мониторинга и обобщения судебной практики позволяет автоматизировать обработку массивов актов, оперативно выявлять отклонения от правовых стандартов и формировать обоснованные рекомендации для прокурорского реагирования. Обсуждаются правовые и этические ограничения: защита персональных данных, объяснимость алгоритмов, прозрачность и подотчетность решений, а также необходимость нормативной регламентации и независимого аудита моделей. Предлагается ориентир на закрытую инфраструктуру данных и поэтапное внедрение, сочетающее технологическую эффективность с принципами справедливости и верховенства права. Делается вывод о целесообразности развития «цифрового прокурорского надзора» как элемента модернизации правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект; прокурорский надзор; гражданское судопроизводство; анализ судебных актов; машинное обучение; персональные данные; прозрачность.

Э.С. Хабиева

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

АЗАМАТТЫҚ ІСТЕР БОЙЫНША СОТ ШЕШІМДЕРІНІҢ ЗАҢДЫЛЫҒЫН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ҮШІН ПРОКУРОРЛЫҚ ҚАДАҒАЛАУДА ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТИ ҚОЛДАНУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының прокуратура органдарында азаматтық істер бойынша сот шешімдерінің заңдылығын қамтамасыз ету қызметінде жасанды интеллект технологияларын пайдаланудың тиімді жолдары қарастырылады. Машиналық оқыту және болжамдық аналитиканы сот практикасын мониторингтеу, жинақтау процестеріне енгізу – құқықтық стандарттардан ауытқуларды жедел анықтау, прокуратуралық қадағалауға негізделген ұсыныстарды қалыптастыруға мүмкіндік беретін актілердің массивін автоматты өңдеуді қамтамасыз ететіні көрсетілген. Жеке деректерді қорғау, алгоритмдердің түсініктілігі, шешімдердің ашықтығы мен есептілігі сияқты құқықтық және этикалық шектеулер қарастырылған, сондай-ақ үлгілердің нормативтік реттелуі мен тәуелсіз аудиттің қажеттілігі атап өтілген. Деректердің жабық инфрақұрылымына негізделген, әділеттік пен құқық үстемдігі қағидаттарымен ұштасқан технологиялық тиімділікке кезең-кезеңмен енгізу ұсынылады. «Цифрлық прокуратуралық бақылауды» әділет жүйесін жаңғыртудың бір элементі ретінде дамыту орынды деген қорытынды жасалу жоспарланған.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; прокурорлық бақылау; азаматтық іс жүргізу; сот актілерін талдау; машиналық оқыту; жеке деректер; ашықтық.

E.S. Khabiyeva

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROSECUTORIAL SUPERVISION TO ENSURE THE LEGALITY OF COURT DECISIONS IN CIVIL CASES

Abstract. This article examines the potential of using artificial intelligence technologies in the activities of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan to ensure the legality of court decisions in civil cases. It demonstrates that integrating machine learning and predictive analytics into the processes of monitoring and generalizing judicial practice allows for the automation of processing large volumes of judicial acts, prompt identification of deviations from legal standards, and the generation of well-founded recommendations for prosecutorial response. The article discusses legal and ethical constraints, such as the protection of personal data, explainability of algorithms, transparency and accountability of decisions, as well as the need for regulatory frameworks and independent model audits. A closed data infrastructure and a phased implementation approach are proposed, combining technological efficiency with the principles of fairness and the rule of law. The article concludes that the development of “digital prosecutorial supervision” is a feasible element of justice system modernization.

Keywords: artificial intelligence; prosecutorial supervision; civil litigation; analysis of judicial acts; machine learning; personal data; transparency.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_78

Введение. Обеспечение законности судебных решений по гражданским делам является одной из ключевых функций прокурорского надзора, направленной на защиту прав граждан, интересов общества и государства. В современных условиях, характеризующихся усложнением правовых споров и ростом числа гражданских дел, существенно возрастает нагрузка на судебную систему и органы прокуратуры. Это объективно требует внедрения инновационных инструментов, обеспечивающих эффективный мониторинг судебной практики и оперативное выявление нарушений законодательства.

Одним из наиболее перспективных направлений цифровизации прокурорской деятельности выступает использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Системы машинного обучения, анализа больших данных и генеративных моделей способны автоматически обрабатывать и систематизировать значительные объемы судебных актов, выявлять отклонения от установленных правовых стандартов и способствовать повышению качества прокурорского надзора.

В этой связи использование ИИ в

прокурорском надзоре за судебными решениями по гражданским делам позволит повысить эффективность выявления нарушений законодательства, снизить влияние субъективного человеческого фактора и улучшить качество судебной практики.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, развитие цифрового правосудия является приоритетом большинства стран с устойчивыми судебными институтами, поскольку именно ИИ-технологии позволяют повысить прозрачность и предсказуемость судебных решений [1].

Цель настоящей статьи заключается в анализе возможностей применения ИИ в деятельности органов прокуратуры Республики Казахстан (далее – РК).

Исследовательские вопросы по данной статье можно обозначить следующим образом:

- влияние технологий ИИ на эффективность прокурорского надзора и сокращение времени анализа судебных решений и выявления системных нарушений законодательства;
- изучение моделей и алгоритмов

машинного обучения, которые наиболее эффективны для классификации судебных актов по типу нарушений и прогнозированию рисков;

- возможные риски и ограничения при применении ИИ в надзоре за законностью судебных актов по гражданским делам.

Президент РК К. Токаев в ежегодном Послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года подчеркнул необходимость внедрения технологий ИИ во всех сферах государственного управления, включая систему правосудия и прокуратуры¹. Эта позиция отражает стратегическую направленность государства на построение цифровой и эффективной модели управления, в которой прокурорский надзор становится не только гарантом законности, но и активным участником цифровой трансформации.

Генеральный Прокурор РК Б. Асыллов в рамках международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и большие данные (Big Data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требования времени» отметил, что использование ИИ уже сегодня повышает качество прокурорского надзора и усиливает его правозащитный потенциал². Он подчеркнул, что цифровая эпоха требует постоянного повышения цифровой грамотности прокуроров и адаптации надзорных инструментов к новым технологическим условиям.

В статье 55 Гражданского процессуального кодекса РК определены полномочия прокурора по обеспечению законности в гражданском судопроизводстве³. Кроме того, нормативной основой надзорной деятельности выступает Инструкция «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора», утвержденная приказом Генерального прокурора № 32

от 17 января 2023 года⁴. Эти документы формируют правовую базу для развития цифровых инструментов анализа судебной практики, в т.ч. основанных на применении ИИ.

Современные исследования указывают на перспективность внедрения ИИ в автоматизированные рабочие места прокуроров для повышения эффективности аналитической работы, поскольку подобные системы позволяют выявлять закономерности и тенденции в судебных решениях, а также оперативно формировать рекомендации для прокурорского реагирования [2]; [3].

Казахстанские правоведы подчеркивают, что цифровизация и систематизация судебных актов являются необходимыми условиями правовой определенности и единообразия правоприменения [4]. Аналогично указывается на дефицит аналитических инструментов и недооцененную роль прокуратуры: отсутствие действенных механизмов обзора судебной практики снижает качество правосудия [5].

Е.Б. Аблаева указывает, что перегруженность Верховного Суда и отсутствие автоматизированных аналитических инструментов затрудняют устранение судебных ошибок [6].

По мнению, Н.В. Сидорова и А.М. Серикбаева, цифровизация правоохранительных органов с внедрением ИИ улучшает мониторинг судебной практики и повышает точность прокурорских прогнозов [7].

И.С. Сактаганова, Е.В. Мицкая и А.Б. Сактаганова также полагают, что ИИ способен существенно повысить эффективность анализа судебной практики и подготовки прокурорских заключений, автоматизируя рутинные процессы и ускоряя обработку данных [8].

Таким образом, формируется объективная

¹ Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazakhstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145> (дата обращения: 16.11.2025).

² Применение технологий – один из ключевых приоритетов прокуратуры / Б.Н. Асыллов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://profit.kz/news/71867/Berik-Asilov-primenenie-tehnologij-odin-iz-kluchevih-prioritetov-prokuraturi> (дата обращения: 16.11.2025).

³ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ О некоторых вопросах организации прокурорского надзора: приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 17 января 2023 г. № 32 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300031753> (дата обращения: 30.10.2025).

потребность в создании интеллектуальных систем, способных обеспечивать прокуроров аналитической информацией для надзора за законностью судебных решений, прогнозировать риски судебных ошибок и способствовать укреплению принципа верховенства закона.

Материалы и методы. Материальную базу составили международные руководства по цифровому правосудию и ответственному применению ИИ, рецензируемые исследования по алгоритмической аналитике, а также открытые статистические сводки и обобщения судебной практики без персональных данных. Источники подбирались по критериям актуальности, научной репутации и применимости к контексту Казахстана.

В работе применялись сравнительно-правовой и доктринальный подходы, системный анализ процессов взаимодействия суда, прокуратуры и смежных ведомств, а также контент-анализ типовых судебных актов и надзорных реакций. Для обоснования архитектуры ИИ-модулей использован аналитико-прогностический подход с акцентом на объяснимость, контроль качества данных и последующий аудит. Надежность выводов обеспечивалась перекрестной проверкой источников и учетом ограничений репрезентативности открытых данных.

Результаты. Основными направлениями реализуемых проектов внедрения ИИ в правоохранительной системе РК являются:

- видеоаналитика (камера + ИИ)
- распознавание людей, машин, подозрительных действий;
- контроль самих полицейских – body-камеры с ИИ;
- помощь следствию – «умный» ассистент следователя;
- прогнозирование и превенция преступлений через анализ данных;
- использование ИИ в «умных городах» и при управлении городской безопасностью;
- пограничный контроль – ИИ для аналитики наблюдения.

Однако при этом отсутствуют проекты по внедрению ИИ, направленных на анализ судебных решений в органах прокуратуры.

Использование технологий ИИ в прокурорском надзоре по гражданским делам следует рассматривать как инструмент институционализации аналитической функции надзора и повышения эпистемической состоятельности правоприменительных выводов. Прежде всего речь идет об индустриализации анализа судебных актов: интеллектуальные системы обеспечивают масштабируемую обработку корпусов решений, их таксономическую классификацию по типологиям нарушений и детекцию аномалий интерпретации нормы, что формирует основание для адресного и своевременного реагирования. Параллельно возрастает прогностическая валидность: алгоритмы выявляют устойчивые паттерны ошибок, соотносят их с контекстом предшествующих дел и на этой базе строят вероятностные сценарии исходов, позволяя экс-анте оценивать риски судебной ошибки и оптимизировать траектории прокурорского вмешательства.

Операционная эффективность также существенно увеличивается: автоматизированная генерация проектов заключений и протестов редуцирует транзакционные издержки и высвобождает ресурс для содержательного правового анализа и коммуникации с участниками процесса. Наконец, усиливается регулятивная консистентность правоприменения: сопоставительный анализ практики различных судов выявляет дивергенции в толковании, а консолидированная аналитика поддерживает формирование устойчивых правовых позиций прокуратуры и предсказуемости судебной практики. Эти результаты корреспондируют с подходами Р. Сасскинда к сервисной модели цифрового правосудия и тезисами Т. Сорден о необходимости обеспечивать качество данных, прозрачность и институциональную подотчетность при внедрении алгоритмических инструментов [9].

Международный опыт подтверждает эффективность подобных технологий. В Китае функционируют так называемые «умные суды» [10], в которых алгоритмы ИИ помогают готовить проекты решений и

анализировать доказательства.

В Эстонии ИИ применяется для рассмотрения административных споров, а в Сингапуре – в рамках платформы e-Justice [11].

В странах Европейского союза реализуется проект AI-COURTS, направленный на выработку этических стандартов и механизмов прозрачности при использовании ИИ в судебных системах [12].

Применение ИИ в правовой сфере целесообразно рассматривать через призму агентской теории [13]. В соответствии с ней ИИ выступает в роли «агента», выполняющего аналитические задачи по поручению государства. При этом возникают риски расхождения целей между системой и принципами правосудия, что требует разработки механизмов контроля, подотчетности и прозрачности.

Интересен российский проект анализа судебных актов с помощью обработки естественного языка (Natural Language Processing или NLP), разработанный для Министерства юстиции и прокуратуры Российской Федерации. Данные проекты учитывают специфику гражданского, административного и трудового права, предусмотрена интеграция с судебными базами (Электронное правосудие, КонсультантПлюс, ГАС «Правосудие»). Полагаем, при создании собственной модели можно ориентироваться на российские модели по анализу судебных актов, т.к. язык идентичен, правовые категории близки, есть опыт интеграции с государственными базами.

С позиций теории справедливости и легитимности эффективность ИИ определяется не только точностью, но и восприятием обществом процедурной справедливости. Если участники процесса не понимают алгоритм принятия решений, это может снижать доверие к судебной системе. Следовательно, использование ИИ в прокурорском надзоре должно сочетать технологическую эффективность с этическими и правовыми гарантиями.

Обсуждение. Интеграция алгоритмических инструментов в прокурорский надзор по гражданским делам меняет конфигурацию

аналитической работы и эпистемическую основу правоприменения. Алгоритмы перераспределяют когнитивную нагрузку с ручного поиска и обобщения практики на машинную обработку корпусных данных, что повышает масштабируемость анализа и его воспроизводимость. При этом возрастают требования к качеству данных, прозрачности методик и институциональной подотчетности. Ключевая дилемма состоит в том, чтобы извлечь выгоду из вероятностной природы вычислительных моделей, не подменяя ими юридическое усмотрение и индивидуализированную оценку обстоятельств.

Риски формируются на пересечении трех измерений. Информационное измерение связано с репрезентативностью, полнотой и чистотой массивов судебных актов, от которых зависит валидность выводов. Процедурное измерение затрагивает пределы автоматизации, закрепление ролей владельца данных и модели, а также процессуальные гарантии объяснимости и оспоримости рекомендаций. Организационное измерение включает распределение ответственности между подразделениями, подготовку кадров и настройку циклов внедрения от пилотных проектов к масштабированию. Устойчивость к сдвигам практики достигается регулярной перекалибровкой порогов уверенности, внешней валидацией на невидимых ранее данных и стресс-тестированием, тогда как легитимация алгоритмической поддержки опирается на уведомление участников, доступность понятного обоснования и возможность инициировать пересмотр.

Следует согласиться с мнением А. Сахарбай, что при отсутствии нормативной базы регулирования ИИ существует риск неправильного использования технологий, нарушения конфиденциальности и ошибок прогнозирования [14].

Д.Т. Амуртаева также отмечает, что обработка и анализ огромных объемов данных порождает дополнительные риски в области безопасности и защиты личной информации граждан. В данном контексте прокуратуры и органы власти должны

предпринять все необходимые меры для ее защиты, поскольку нарушения в этой сфере могут существенно подорвать общественное доверие граждан к правосудию [15].

Е.Е. Кайнар и А.Б. Акылбекова также подчеркивают важность определения технологической базы, на которой будет строиться система функционирования искусственного интеллекта, поскольку это затрагивает права граждан на неприкосновенность частной жизни [16].

В этой связи в целях минимизации данных рисков необходимо разработать закрытые модели ИИ для использования исключительно внутри органов прокуратуры, обеспечивающие защиту входящей и исходящей информации. Кроме того, требуется нормативное закрепление процедур аудита и независимой оценки алгоритмов, а также механизмов обжалования решений, принятых с их участием.

Международные исследования показывают, что восприятие ИИ в судебной системе неоднозначно. Несмотря на признание его преимуществ (скорость, объективность, экономия ресурсов), общество по-прежнему отдает предпочтение человеческому фактору как гаранту справедливости.

Таким образом, для РК важно учитывать этот аспект, создавая модель, в которой ИИ выполняет вспомогательную функцию, предоставляя прокурорам аналитическую поддержку, но не заменяя их правовую оценку.

В этом заключается баланс между технологическим прогрессом и сохранением принципа независимости прокурора.

Представленные результаты показывают, что алгоритмическая аналитика уместна в прокурорском надзоре только при наличии целостной архитектуры управления данными и решениями. В условиях Казахстана приоритетом является формирование единого контура обработки судебных актов с участием прокуратуры. Такой контур должен обеспечивать анонимизацию, унификацию метаданных и общую онтологию правовых признаков, чтобы модели обучались на сопоставимых и репрезентативных

массивах. Не менее важен нормативный каркас применения ИИ. Нужна национальная концепция цифрового прокурорского надзора, которая определит границы автоматизации, роли владельца данных и владельца модели, требования к объяснимости и трассируемости выводов, а также порядок участия человека на юридически значимых этапах. Эффект внедрения во многом зависит от кадровой готовности. Поэтому требуется системная подготовка прокуроров в области цифровой грамотности, интерпретации метрик и оценки рисков. Для поддержания доверия необходимы независимая экспертиза алгоритмов, периодический аудит качества и процедура апелляции с понятной логикой пересмотра. Защита персональных данных и процессуальная прозрачность остаются фундаментальными гарантиями. Пользователи должны быть уведомлены о применении алгоритмов, иметь доступ к понятным объяснениям и понимать, каким образом обеспечивается безопасность информации.

Заключение. Проведенный анализ подтверждает, что использование технологий искусственного интеллекта в прокурорском надзоре по гражданским делам способно повысить результативность выявления нарушений, улучшить предсказуемость и единообразие правоприменения, а также сократить временные и организационные издержки. Наибольший эффект достигается при наличии единого цифрового контура обработки судебных актов, общей онтологии правовых признаков, прозрачных методик валидации и обязательного участия прокурора на ключевых этапах. Сочетание алгоритмической аналитики с требованиями объяснимости, подотчетности и защиты персональных данных позволяет укрепить доверие к надзорным решениям и поддержать принцип законности.

Вместе с тем успешность внедрения зависит от институционального дизайна. Необходимы регламентация порядка применения моделей, независимая экспертиза и периодический аудит, формализованные процедуры апелляции, а также системная подготовка кадров в

области работы с данными и интерпретации метрик. Ограничения исследования связаны с неоднородностью доступных массивов и контекстуальной природой прогнозов, что задает направления для дальнейшей работы, включая разработку доменно-специфичных метрик качества, создание национального корпуса анонимизированных судебных актов и расширение пилотных проектов с внешней валидацией результатов. Такой подход обеспечивает

баланс между технологическим прогрессом и сохранением процессуальной справедливости и поддерживает верховенство права.

Таким образом, ИИ способен значительно усилить аналитическую мощь прокуратуры, но внедрение требует: строгих правовых рамок, прозрачности алгоритмов защиты прав граждан, исключения автоматизированного принятия решений, обязательного человеческого контроля.

Данная статья подготовлена в рамках изучения дисциплины «Информационная безопасность в правоохранительной деятельности» в магистратуре по специальности «Правоохранительная деятельность» Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Исследование основано на интеграции полученных в ходе образовательного процесса знаний и направлено на развитие практических и аналитических навыков в области цифрового права и современных технологий.

Список использованной литературы:

1. H. Byrom, M. Piccinin-Barbieri, P. Wells. Towards effective governance of justice data. – OECD Working Papers on Public Governance, No. 74. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 55 p.
2. M. Sadykov, et al. Properties of artificial intelligence systems in the context of their use in legal activities: 12th UUM International Legal Conference 2023 (UUMILC 2023). – Atlantis Press, 2024. – Pp. 156-169.
3. Sadykov, M.B. The use of artificial intelligence in law enforcement activity / M.B. Sadykov, S.Ch. Gajanayaka // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 1 (31). – Pp. 175-183.
4. Абдрасулов, Е.Б. Судебная практика и ее роль в развитии национального законодательства Республики Казахстан / Е.Б. Абдрасулов, Г.С. Рысжанова, А.Б. Сактаганова // Евразийский журнал международного права. – 2023. – № 3. – С. 51-62.
5. Turegeldiev, B. The role and significance of regulatory resolutions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan in the current laws and regulations system / B. Turegeldiev, A. Yessenaliev, N. Askarbekkyzy // Евразийский журнал международного права. – 2024. – № 146 (1). – С. 202-211.
6. Ablaeva, E.B. Problems of judicial acts review in the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan / E.B. Ablaeva // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2024. – № 3 (78). – С. 135-143.
7. Сидорова, Н.В. Цифровизация судебной и правоохранительной деятельности в Республике Казахстан / Н.В. Сидорова, А.М. Серикбаева // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. – 2023. – № 4. – С. 54-65.
8. Сактаганова, И.С. Применение искусственного интеллекта при отправлении правосудия: перспективы и вызовы / И.С. Сактаганова, Е.В. Мицкая, А.Б. Сактаганова // Вестник Института законодательства и правовой информации. – 2025. – Т. 80. № 1. – С. 68-82.
9. Susskind, R. Online Courts and the Future of Justice / R. Susskind. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 347 p.
10. Shi, Ch. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? / Ch. Shi, T. Sourdin, B. Li // International Journal for Court Administration. – 2021. – № 2. – Pp. 45-59.
11. Слабоспицкий, А.С. Судебная система Сингапура (опыт работы в пандемию 2020 года) / А.С. Слабоспицкий // Вестник Казахского национального университета. Серия: Юридическая. – 2021. – Т. 97. № 1. – С. 78-86.
12. Terzidou, K. The Evolution of the Perception of Artificial Intelligence in the EU: The Case of Judicial Administration / K. Terzidou // Journal of Intellectual Property, Information Technology and

Electronic Commerce Law. – 2023. – № 3. – Pp. 365-374.

13. Eisenhardt, K.M. Agency Theory: An Assessment and Review / K.M. Eisenhardt // Academy of Management Review. – 1989. – № 1. – Pp. 57-74.

14. Сахарбай, А. Қылмыстық процесте жасанды интеллектіні қолдану мүмкіндігі мен тәуекелі / А. Сахарбай // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2023. – Т. 81. № 3. – С. 97-101.

15. Амуртаева, Д.Т. Применение искусственного интеллекта в прокурорской деятельности: перспективы и вызовы // Искусственный интеллект и будущее науки: подходы и технологии: материалы. международ. науч.-практ. конф. Байтурсыновские чтения-2025. – Костанай: Костанайский региональный университет, 2025. – С. 45-52.

16. Кайнар, Е.Е. Правовые аспекты конфиденциальности процессе интеграции искусственного интеллекта в законодательстве Республики Казахстан / Е.Е. Кайнар, А.Б. Акылбекова // Хабаршы-Вестник Карагандинской Академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2025. – Т. 89. № 3. – С. 137-142.

References:

1. N. Byrom, M. Piccinin Barbieri, P. Wells. Towards effective governance of justice data. – OECD Working Papers on Public Governance, No. 74. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 55 p.

2. M. Sadykov, et al. Properties of artificial intelligence systems in the context of their use in legal activities: 12th UUM International Legal Conference 2023 (UUMILC 2023). – Atlantis Press, 2024. – Pp. 156-169.

3. Sadykov, M.B. The use of artificial intelligence in law enforcement activity / M.B. Sadykov, S.Ch. Gajanayaka // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 1 (31). – Pp. 175-183.

4. Abdrasulov, E.B. Sudebnaja praktika i ee rol' v razvitii nacional'nogo zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan / E.B. Abdrasulov, G.S. Ryszhanova, A.B. Saktaganova // Evrazijskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2023. – № 3. – S. 51-62.

5. Turegeldiev, B. The role and significance of regulatory resolutions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan in the current laws and regulations system / B. Turegeldiev, A. Yessenaliev, N. Askarbekkyzy // Evrazijskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2024. – № 146 (1). – S. 202-211.

6. Ablava, E.B. Problems of judicial acts review in the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan» / E.B. Ablava // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2024. – № 3 (78). – S. 135-143.

7. Sidorova, N.V. Cifrovizacija sudebnoj i pravoohranitel'noj dejatel'nosti v Respublike Kazahstan / N.V. Sidorova, A.M. Serikbaeva // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija: Pravo. – 2023. – № 4. – S. 54-65.

8. Saktaganova, I.S. Primenenie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudija: perspektivy i vyzovy / I.S. Saktaganova, E.V. Mickaja, A.B. Saktaganova // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii. – 2025. – Т. 80. № 1. – S. 68-82.

9. Susskind, R. Online Courts and the Future of Justice / R. Susskind. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 347 p.

10. Shi, Ch. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? / Ch. Shi, T. Sourdin, B. Li // International Journal for Court Administration. – 2021. – № 2. – Pp. 45-59.

11. Slabospickij, A.S. Sudebnaja sistema Singapura (opyt raboty v pandemiju 2020 goda) / A.S. Slabospickij // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Serija: Juridicheskaja. – 2021. – Т. 97. № 1. – S. 78-86.

12. Terzidou, K. The Evolution of the Perception of Artificial Intelligence in the EU: The Case of Judicial Administration / K. Terzidou // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. – 2023. – № 3. – Pp. 365-374.

13. Eisenhardt, K.M. Agency Theory: An Assessment and Review / K.M. Eisenhardt // Academy of Management Review. – 1989. – № 1. – Pp. 57-74.

14. Saharbaj, A. Qylmystyq proceste zhasandy intellektini qoldanu mymkindigi men tәuekeli / A. Saharbaj // Habarshy-Vestnik Karagandinskoj akademii MVD RK im. B. Bejsenova. – 2023. – T. 81. № 3. – S. 97-101.

15. Amurtaeva, D.T. Primenenie iskusstvennogo intellekta v prokurorskoj dejatel'nosti: perspektivy i vyzovy // Iskusstvennyj intellekt i budushhee nauki: podhody i tehnologii: mat-ly. mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. Bajtursynovskie chtenija-2025. – Kostanaj: Kostanajskij regional'nyj universitet, 2025. – S. 45-52.

16. Kajnar, E.E. Pravovye aspekty konfidential'nosti processe integracii iskusstvennogo intellekta v zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan / E.E. Kajnar, A.B. Akylbekova // Habarshy-Vestnik Karagandinskoj Akademii MVD RK im. B. Bejsenova. – 2025. – T. 89. № 3. – S. 137-142.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Эльвира Серікбайқызы Хабиева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының магистранты, e-mail: habieva-elvira@mail.ru.

Хабиева Эльвира Серикбаевна – магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: habieva-elvira@mail.ru.

Khabyeva Elvira Serikbayevna – Master's Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: habieva-elvira@mail.ru.

ӘОЖ 347.61/.64
ХҒТАР 10.47.01

Ж.Б. Шаяхметова, Б.К. Тажгарина

Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Атырау қ., Қазақстан Республикасы

АТА-АНА ҚҰҚЫҒЫНАН АЙЫРУ НЕГІЗДЕРІ ЖӘНЕ АТА-АНА ҚҰҚЫҒЫНАН АЙЫРУ ТУРАЛЫ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Бұл мақалада ата-ана құқығынан айырудың сот тәртібі қарастырылады. Мұндай істер кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғаумен айналысатын органдардың, қорғаншылық және қамқоршылық ұйымдарының, балалар үйлері мен басқа да мекемелердің өтініштері, сондай-ақ прокурордың талаптары негізінде қозғалады.

Ата-ана құқықтарынан айыру туралы істер прокурордың және қорғаншылық-қамқоршылық органдарының қатысуымен жүргізіледі. Сот ата-анасына алимент өндіру, олардың әрекеттерінен қылмыстық құқықбұзушылық белгілерін анықтау мәселелерін де қарайды. Егер сот ата-ананың іс-әрекетінен құқыққа қайшы белгілерді байқаса, бұл туралы прокурорға жеке қаулымен хабарлайды.

Мақалада ата-ана баласынан құқықтық тұрғыда қандай жағдайда айырылуы мүмкін, бұл мәселені кімдер бастамалап, сотқа өтініш бере алатыны, сот мұндай істерді қарағанда қандай органдардың қатысатыны (прокурор, қорғаншылық органдары), сот ата-ананың әрекетін тексеріп, қажет жағдайда алимент өндіру мен қылмыстық құқық бұзушылық белгілерін анықтау міндеттері мен шешім заңды күшіне енген соң құжаттарды тіркеу органдарына жіберу тәртібі қарастырылады.

Түйінді сөздер: ата-ана құқықтары; қорғаншылық; қамқоршылық; маскүнемдік; нашақорлық; құқығын шектеу; сот; құқықтан айыру.

Ж.Б. Шаяхметова, Б.К. Тажгарина

Атырауский университет имени Х. Досмұхамедова, г. Атырау, Республики Казахстан

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И НЮАНСЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ЛИШЕНИЮ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье рассматривается судебный порядок лишения родительских прав. Дела о лишении родительских прав возбуждаются по заявлениям органов по защите прав несовершеннолетних, органов опеки и попечительства, детских домов и других учреждений, а также по иску прокурора.

Дела о лишении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органов опеки и попечительства. Суд также рассматривает вопросы о взыскании алиментов с родителей и определении наличия в их действиях признаков уголовно наказуемого деяния. Если суд обнаружит в действиях родителей признаки противоправного поведения, он уведомит об этом прокурора отдельным постановлением.

В статье рассматриваются вопросы о том, при каких обстоятельствах родитель может быть разлучен с ребенком, кто может инициировать этот вопрос и подать заявление в суд, какие органы участвуют в рассмотрении судом таких дел (прокурор, органы опеки и попечительства), как суд будет проверять действия родителей, рассмотрены задачи взыскания алиментов и определения признаков уголовного преступления, а также порядок направления документов в регистрирующие органы после вступления решения в законную силу.

Ключевые слова: родительские права; опека; попечительство; алкоголизм; наркомания; ограничение прав; суд; лишение прав.

GROUNDINGS FOR DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS AND NUANCES OF COURT PROCEEDINGS FOR DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

Abstract. This article discusses the judicial procedure for deprivation of parental rights. Such cases are initiated on the basis of applications from bodies engaged in the protection of the rights of minors, guardianship and trusteeship organizations, orphanages and other institutions, as well as on the basis of claims from the prosecutor.

Cases on deprivation of parental rights are conducted with the participation of the prosecutor and guardianship and trusteeship bodies. The court also considers issues of collecting alimony from the parents and determining whether their actions constitute a criminal offense. If the court notices signs of illegal behavior in the parents' actions, it will notify the prosecutor in a separate resolution.

The article discusses under what circumstances a parent may be legally separated from their child, who can initiate this issue and file an application with the court, what bodies are involved in the court's consideration of such cases (prosecutor, guardianship authorities), how the court will verify the actions of the parents, if necessary, the tasks of collecting alimony and determining the signs of a criminal offense, as well as the procedure for sending documents to registration authorities after the decision enters into legal force, will be considered.

Keywords: parental rights; guardianship; custody; alcoholism; drug addiction; restriction of rights; court; deprivation of rights.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_87

Кіріспе. Ата-ана құқықтарынан айыру балалармен туыстық фактісіне негізделген барлық құқықтардың, оның ішінде олардан алимент алу құқығынан, сондай-ақ балалары бар азаматтар үшін белгіленген жеңілдіктер мен мемлекеттік жәрдемақылардың жоғалуына әкеп соғады [1].

Ата-ана құқығынан айыру ата-ананы өз баласын асырап алу міндетінен босатпайды, ол оны асырап алумен тоқтатылады. Ата-ана құқығынан айырылған бала мен ата-ананың одан әрі бірге тұруы туралы мәселе сот тәртібімен шешіледі. Ата-анасы ата-ана құқығынан айырылған бала тұрғын үй-жайға меншік құқығын немесе тұрғын үй-жайды пайдалану құқығын, туыстық фактісіне негізделген мүліктік құқықтарды, оның ішінде мұра алу құқығын сақтайды.

Баланы басқа ата-анаға беру мүмкін болмаған кезде немесе ата-анасының екеуінің де ата-ана құқықтарынан айырылған жағдайда бала қорғаншылық және қамқоршылық органының қамқорлығына беріледі. Ата-ана құқығынан айырылған ата-аналардың (олардың біреуінің) өтініші бойынша, егер бұл балаға зиянды әсер етпесе, қорғаншылық және қамқоршылық

органы баламен кездесуге рұқсат бере алады. Ата-анасынан (олардың біреуінен) ата-ана құқықтарынан айырылған жағдайда баланы асырап алуға ата-анасынан (олардың біреуінен) ата-ана құқықтарынан айыру туралы сот шешімі шығарылған күннен бастап алты айдан кешіктірілмей жол беріледі.

Егер ата-ананың мінез-құлқы, өмір салты және бала тәрбиесіне деген көзқарасы өзгерген болса, ата-ана құқықтарын қалпына келтіруге болады [2].

Ата-ана құқықтарын қалпына келтіру ата-ана құқықтарынан айырылған ата-ананың өтініші бойынша сот тәртібімен жүзеге асырылады. Ата-ана құқықтарын қалпына келтіру туралы істер қорғаншылық және қамқоршылық органының, сондай-ақ прокурордың қатысуымен қаралады.

Сот шешімі заңды күшіне енгеннен кейін үш күн ішінде ол баланың тууын мемлекеттік тіркеу органы мен қорғаншылық және қамқоршылық органына жіберілуге тиіс. Сот ата-ана құқықтарынан айыру туралы сот шешімі заңды күшіне енген күннен бастап үш күн ішінде осы шешімнен үзінді көшірмені баланың тууын мемлекеттік тіркеу орны бойынша азаматтық хал актілерін

жазу органына және қорғаншылық және қамқоршылық органына жіберуге міндетті.

Материалдар мен әдістер. Ата-ана құқығынан айыру негіздері және ата-ана құқығынан айыру туралы сот ісін жүргізудің тәжірибелерін анықтау үшін зерттеудің жүйелі әдісі, формальды логиканың жалпы ғылыми әдістері индукция, дедукция, талдау және салыстырмалы әдістері қолданылды. Бұл тақырыпты зерттеу барысында отандық және шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектері мен халықаралық заңнамалар зерделенеді.

Талқылау. Заңды өкілдің, соның ішінде ата-ана, қамқоршы мен қорғаншы бала алдындағы жауапкершілігі сотпен реттеледі. Сотқа келіп түсетін арыздар кәмелет жасына толмаған баланың әкесі немесе шешесінің талап арызы негізінде жүзеге асады.

1. Егерде ата-аналар¹:

1) ата-аналық міндеттерін орындаудан жалтарса, оның ішінде алимент төлеуден қасақана жалтарса;

2) өз баласын перзентханадан, жетім балалар, ана – анасының қамқорлығынсыз қалған балалар ұйымдарынан және өзге де ұйымдардан алудан дәлелсіз себептермен бас тартса;

3) өздерінің ата – ана құқықтарын теріс пайдаланса;

4) балаға қатыгездік көрсетсе, күш қолданса, психикасына зорлық жасаса, оның жыныстық тиіспеушілігіне қастандық жасаса;

5) құмар ойындарға, бәс тігуге, спирттік ішімдіктерге не есірткі, психотроптық заттарға және сол тектестерге салынса, олар ата-аналық құқықтарынан айырылады.

Германия мемлекетінің тәжірибесінде АК-1666, 1666а баптарында Баланың амандығына қауіп төнген жағдайда төмендегідей сот шаралары:

1) Егер баланың дене, ақыл-ой немесе рухани амандығына, не оның мүлкіне қауіп төнсе, және ата-анасы бұл қауіпті болдырмауға ниетсіз немесе қабілетсіз болса, отбасылық сот осы қауіпті жою үшін қажетті шараларды қабылдауы тиіс.

2) Егер мүлікті басқару құқығына ие тұлға:
- баланы асырау міндетін орындамаса;
- мүлікті басқару жөніндегі міндеттерін бұзса;

- соттың мүлікке қатысты нұсқауларын орындамаса – онда, әдетте, баланың мүлкіне қауіп төнген деп есептеледі.

3) 1-тармаққа сәйкес сот қабылдай алатын шараларға мыналар жатады:

1. Ата-анаға мемлекеттік көмекті, мысалы, балалар мен жастарға арналған көмек пен медициналық қызметтерді пайдалануды міндеттеу.

2. Баланы мектепке беру және қатысуын қамтамасыз етуді міндеттеу.

3. Белгілі бір мерзімге немесе белгісіз уақытқа ата-ананың үйде тұруын шектеу, үй маңына немесе баланың жиі баратын жерлеріне жақындауға тыйым салу.

4. Балаға жақындауға немесе байланыс жасауға тыйым салу.

5. Ата-ананың келісімінің орнына соттың өзі шешім қабылдауы (мысалы, ем-домға келісім, оқу орны таңдау).

6. Ата-аналық құқықты жартылай немесе толық шектеу/айыру.

4) Егер мәселе тұлғалық тәрбиеге (мысалы, тәрбиелеу, қарау, тәртіпке шақыру) қатысты болса, сот үшінші тұлғаға қатысты да шара қолдана алады.

Ата-аналық құқық түгелдей тек мына жағдайларда ғана айырылады:

- басқа барлық шаралар нәтиже бермесе;

- олар қауіпті жоюға жеткіліксіз деп танылса².

Заңгер Өмірзақ Нұртуғанның пікірінше, елде ата – ана құқығынан айыруды тек қана сот шеше алады. «Сотқа арызданушы ретінде ата-ананың біреуі прокурор, қамқоршы не қорғаншылары бара алады. Ата-ананың біреуі талап-арыз бергенде негізгі басымдық беретін жағдайлар ретінде алкогольизм, наркомания, лудамания немесе балаға қатыгердік танытулар табылады. Яғни кез-келген дәлелдеуге болатын жолдар арқылы ең бірінші жергілікті аудандық сотта

¹ Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы: Қазақстан Республикасының 2011 ж. 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518> (жүгінген күні: 05.08.2025).

² Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) BGB Ausfertigungsdatum: 18.08.1896 Vollzitat: Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 20. Juli 2017 (BGBl. I S. 2787) geändert worden [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (жүгінген күні: 06.08.2025).

қаралады».

Оның сөзінше, кінәсі дәлелденсе, жергілікті жасөспірімдер істері жөніндегі сотқа шыққан қаулыны дәлел ретінде ұсына отырып, ата-ана құқығынан айыруын сұрай алады. Соңғы шешім сотта қалады.

Егер бала қандай да бір себептермен ата-анасының қамқорлығынсыз қалса, ол әдетте ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларға арналған ұйымға орналастырылады. Осы ұйымдарға кіргендердің көпшілігін баланы қамқорлыққа (қамқоршылыққа), патронаттық отбасына қабылдауға немесе асырап алуға дайын жаңа отбасы күтеді. Кейбіреулер, өкінішке орай, ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларға арналған ұйымдарда ұзақ уақыт, кейде кәмелетке толғанға дейін қалады. Бұндай жағдайлар жиі кездесіп жатады. Алайда, кейбір ата-аналар ойланып, естерін жиып, қайтадан ата-ана құқығын қалпына келтіруін сұрайтындары қуантарлық жағдай деп айтуға болады. Дегенмен, мұндай ата-аналар қайтып келіп, балалар үйінің табалдырын басып, баласын «қайтарып беруді» сұрайды. Әрине, ондайларға міндетті түрде бас тартылады. Себебі, ата-аналар қорғаншылық және қамқоршылық органына хабарласып, сол жерде заң жүзінде ата-ана қамқорлығын қалпына келтіру мәселесін шешу керек³. Қамқоршылық органдарындағы жағдайды бақылау нәтижесі бойынша, бұл мәселе екі жолмен шешілуі мүмкін. Біріншісі – баланы тіпті, анасына көп сұрақта қоймай сол бойда қайтарады. Екіншісі – керісінше, баланы қайтару үшін қайтадан құзіретті органдарға жүгінуге тура келеді. Әсіресе, егер бала қамқорлыққа немесе асырап алушы отбасыға берілген жағдайда оны қайтару жолдары қиындық туғызады.

Ата-аналарды ата-ана құқықтарынан тек сот арқылы және олардың кінәсі дәлелденген жағдайда ғана айыруы мүмкін, атап айтқанда:

Ата-ана құқығынан айыру негіздері:

1. Ата-аналар балаларын тәрбиелеу жөніндегі өз міндеттерінен бас тартады, бұл балаларды алимент төлеуден қасақана жалтару немесе қараусыз қалдыру арқылы

көрінуі мүмкін:

- моральдық және физикалық даму туралы;
- оқыту туралы;
- қоғамдық пайдалы еңбекке дайындық туралы.

Ал егер сіз моральдық және физикалық дамуға алаңдамасаңыз және т.б. жеткілікті ауыр болса, онда алимент төлеуден қасақана жалтару жағдайы бақылауға алынады және сот объективті және толықтай бағалауы мүмкін, бұл болашақта заңды және негізделген шешім қабылдауға мүмкіндік береді.

Сот алимент төлеуден қасақана жалтарудың бар-жоғын анықтайды, атап айтқанда, алименттің төленбеу ұзақтығы мен себебін ескереді, оған, мысалы, мыналар дәлел бола алады:

- алимент төлеу туралы келісім немесе сот актісі негізінде туындайтын алимент бойынша берешектің болуы;
- ата-ананың алимент ұстауға жататын табыстың немесе өзге де кірістің нақты сомасын жасыруы;
- өзінің тұрған жерін жасыруына байланысты алимент төлеуге міндетті ата-ананы іздеу;
- ата-ананы алимент төлеу жөніндегі міндеттерді орындамағаны үшін әкімшілік немесе қылмыстық жауаптылыққа тарту [3].

2. Ата-ана баласын перзентханадан дәлелді себепсіз алып кетуден бас тартса; жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларға арналған ұйымдардан және басқа да ұйымдардан алып кетсе. Сот, атап айтқанда, мыналарды тексереді:

- бұл бас тартудың себептері қандай және олар негізді ме?

- Ата-ана баламен қарым-қатынаста бола ма?

- ата-аналар баланы алып кетуден бас тартуға негіз болған мән-жайларды еңсеру үшін қандай да бір шаралар қабылдады ма немесе бұл жағдайлар өзгерді ме?

3. Ата-аналардың ата-ана құқықтарын асыра пайдалануы, бұл құқықтарды

³ Қазақстан Республикасындағы балалардың құқықтарын қорғау жөніндегі ұлттық баяндама. – Астана: ҚР БҒМ Балалардың құқықтарын қорғау комитеті, 2021-2024. – 120 б.

балалардың мүдделеріне нұқсан келтіре отырып пайдалану, мысалы, білім алуға кедергі жасау, қайыршылыққа, ұрлыққа, жезөкшелікке, алкогольдік ішімдіктерді немесе есірткі заттарды тұтынуға итермелеу; психотроптық заттар және т.б.

4. Ата-аналар балаға қиянат жасайды, оның ішінде оған физикалық немесе психикалық зорлық-зомбылық жасайды, оның жыныстық қол сұғылмаушылықтарына қол сұғады, сондай-ақ тәрбиелеудің жол берілмейтін әдістерін (балаға дөрекі, немқұрайлы, ар-намысын қорлайтын қарым-қатынас, баланы қорлау немесе қанау) пайдаланады.

5. Ата-аналар құмар ойындарды, бәс тігулерді, алкогольдік сусындарды немесе есірткілерді, психотроптық заттарды теріс пайдалануы.

6. Ата-ананың өз баласының, жұбайының немесе басқа отбасы мүшелерінің өміріне немесе денсаулығына қарсы қасақана қылмыстық құқық бұзушылық жасауы. Бұл факт соттың заңды күшіне енген айыптау үкімімен немесе қылмыстық істі оңалтуға жатпайтын негіздер бойынша қысқарту туралы қаулысымен расталуға тиіс.

Нәтижелер, талқылау. Біріншіден, ата-ана құқықтарын қалпына келтіру сотта орын алады, яғни қамқоршылық органы жауапкершілікті судьямен бөліседі. Екіншіден, ата-ана құқықтарын қалпына келтіру туралы шешім қабылданатын критерийлер бар. Ата-аналар баланың мінез-құлқын, өмір салтын және бала тәрбиесіне деген көзқарасын өзгерткен жағдайларда ата-ана құқықтарын қалпына келтіре алады. Сот бұл туралы өтініш берген ата-ананың ата-аналық құқығын қалпына келтіруге тіпті егер ол мінез-құлқын, өмір салтын, бала тәрбиесіне деген көзқарасын өзгертсе де міндетті емес. Ол мұны істеуге ғана құқылы. Ал тізімделген жағдайлар – бұл үшін қажетті жағдайлар ғана, бірақ әрқашан жеткіліксіз. Егер ата-ана құқығынан айыру үшін негіздер тізіміне жүгінетін болсақ, онда айыру үшін негіздердің барлық тізімі олардағы қалпына келтіру негіздерінің тізімімен «қабаттаспайтынын» байқауға болады. Сонымен, алимент төлеу ата-ана құқығын қалпына келтіруге негіз

бола алмайтыны анық. Балаларға немесе жұбайына қарсы қылмысқа байланысты олардан айырылған адамның ата-аналық құқығын қалпына келтіру қиындық тудырады. Балаларының жыныстық қол сұғылмаушылығына қастандық жасаған адамның ата-ана құқықтарын қалпына келтіру үлкен сұрақтар туғызады. Сондай-ақ, ата-ананың ата-ана құқықтарын қалпына келтіру туралы талап-арызын сотқа өз бетінше қоюы керек, ал баланың қамқорлығына байланысты қорғаншылық және қамқоршылық органы, балалар ұйымы немесе қамқоршы жауапкер болады.

Сот баланың мүдделерін ескере отырып, ата-ана құқықтарынан айырусыз баланы ата-анасынан (олардың біреуінен) алып қою арқылы ата-ана құқықтарын шектеу туралы шешім қабылдай алады [4].

Ата-ана құқықтарын шектеуге, егер баланы ата-анасымен қалдыруға (олардың біреуі) жол беріледі:

1) ата-анасынан (олардың біреуінен) тәуелді емес мән-жайлар бойынша ол үшін қауіпті (психикалық бұзылыс немесе өзге де созылмалы ауру, ауыр жағдайлардың тоғысуы т. б.);

2) олардың мінез-құлқының салдарынан бала үшін қауіпті болып табылады, бірақ ата-аналарды (олардың біреуін) ата-ана құқықтарынан айыру үшін жеткілікті негіздер белгіленбейді. Егер ата-аналар (олардың біреуі) өздерінің мінез-құлқын өзгертпесе, сот ата-ана құқықтарын шектеу туралы шешім шығарғаннан кейін алты ай өткен соң қорғаншылық және қамқоршылық органы ата-ана құқықтарынан айыру туралы талап қоюға міндетті. Баланың мүддесі үшін қорғаншылық және қамқоршылық органы осы мерзім өткенге дейін ата-анасынан (олардың біреуінен) ата-ана құқығынан айыру туралы талап қоюға құқылы.

Ата-ана құқықтарын шектеу туралы талапты баланың жақын туыстары, кәмелетке толмаған балалардың құқықтарын қорғау жөніндегі міндеттер заңмен жүктелген органдар мен мекемелер, мектепке дейінгі мекемелер, жалпы білім беретін және басқа да мекемелер, сондай-ақ прокурор бере алады [5].

Ата-ана құқықтарын шектеу туралы істер прокурордың және қорғаншылық және қамқоршылық органының қатысуымен қаралады.

Ата-ана құқықтарын шектеу туралы істі қарау кезінде сот баланы ата-анасынан (олардың біреуінен) алимент өндіріп алу туралы мәселені шешу.

Ата-ана құқықтары сотпен шектелген ата-аналар баланы жеке тәрбиелеу құқығынан, балалары бар азаматтар үшін белгіленген жеңілдіктермен мемлекеттік жәрдемақыларға құқығынан айырылады.

Ата-ана құқықтарын шектеу ата-аналарды баланы күтіп-бағу міндетінен босатпайды. Ата-анасы (олардың біреуі) ата-ана құқығымен шектелген бала тұрғын үйге меншік құқығын немесе тұрғын үйді пайдалану құқығын сақтайды, сондай-ақ ата-анасымен және басқа туыстарымен туыстық фактісіне негізделген мүліктік құқықтарды, соның ішінде мұра алу құқығын сақтайды. Ата-анасының екеуінің де ата-ана құқықтары шектелген жағдайда бала қорғаншылық және қамқоршылық органының қамқоршылығына беріледі.

Ата-ана құқығынан айыру бойынша сот ісін жүргізудің ерекшеліктері. Құқықтық қолдануға байланысты статистикалық деректерге сүйенсек:

1. ҚР Бала құқықтары жөніндегі статистика бөліміне сәйкес, 2010 жылдан 2023 жылға дейін ата-ана құқықтарынан айыру туралы сот шешімдерінің саны әрдайым мыңдаған деңгейде: мысалы, 2023 жылы – 2 356 шешім шығарылған. Мұнда ата-ана құқықтарын айыруға қатысты істер көбіне кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғаумен айналысатын органдар немесе прокурор ұсынысы бойынша қозғалады. Сол уақытта, талап арыздар саны («қанағаттандырылған» істер) да жоғары болған: 2023 жылы – 1 279 талап қабылданып қанағаттандырылған. Соңғы бірнеше жылда мұндай істердің саны азайған: «Курсив» басылымы жазғандай, соңғы үш жылда Қазақстан соттарында ата-ана құқықтарынан айыру бойынша 4 мыңнан астам азаматтар бойынша іс қаралған.

Атап айтқанда, Біріккен Ұлттар Ұйымының Балалар құқықтары комитетіне

берген есептемесінде 2015 жылдан кейін «қанағаттандырылған талап-арыз» саны төмендегені көрсетілген: 2015 жылы – ~2 107 істер болса, 2020 жылы – ~1 240.

2. Заңгерлер мен адвокаттар айтады: ішімдікке қарсы күрес – ата-ана құқықтарын айыру істеріндегі жиі себептердің бірі. Мысалы, бір іс бойынша жауапкер бірнеше рет әкімшілік жауаптылыққа тартылған, алкогольдік ішімдікті үнемі қолданатындығы «арнайы есепке алу» дерекқорында тіркелген. Ғылыми-зерттеу материалдарында кейбір соттар қорғаншылық және қамқоршылық комиссиясының қорытындыларына тәуелді болып, толық тексеріс жасалмайды деген сындар бар – демек, кейбір істерде «дәлелдердің жеткіліксіз бағалануы» мүмкіндігі туындайды.

Ақмола облысының практикасында кейбір сарапшылар соттың «соңғы шара» ретінде құқықтардан айыруды қолданатынын, бірақ алдын алудың баламалы әдістері – әкімшілік жауаптылық, әлеуметтік қолдау, психолог консультациялары – жеткіліксіз қолданылатынын айтады [6].

Ата-ана құқығынан айырудың жоғарыда аталған негіздерінің барлығы дәлелдеуге жатады, яғни талапкер өз талаптарының негізі ретінде көрсетілген мән-жайларды дәлелдеуге, сондай-ақ жауапкердің (ата-анасы болып табылатын) қарсылық білдіруіне алдын ала дайындалуы тиіс ата-ана құқығынан айырылған) және сонымен бірге жауапкердің айыптауларын дұрыс теріске шығаруы бар. Ата-ана құқығынан айыру туралы талап арыз берген кезде талапкер оған сот үшін салмақты болатын және ата-ана құқығынан айыру туралы талапты қанағаттандыру туралы шешім қабылдауға негіз бола алатын куәлар, құжаттар және басқа да дәлелдемелер қажет екенін түсінуі керек.

Сот ата-ана құқықтарын шектейтін ата-аналарға, егер бұл балаға зиянды әсер етпесе, баламен байланысуға рұқсат етілуі мүмкін. Ата-аналардың баламен байланысына қорғаншы және қамқоршы органның не қорғаншының (қамқоршының), баланың патронат тәрбиешілерінің немесе бала орналасқан мекеме әкімшілігінің

келісімімен жол беріледі [7].

Баланы ата-анасынан іріктеп алуға және оны басқа адамға (адамдарға) беруге байланысты шешімдерді мәжбүрлеп орындау қорғаншы және қамқоршы органның және бала берілетін адамның (адамдардың) міндетті түрде қатысуымен, ал қажет болған жағдайларда ішкі істер органдары өкілінің қатысуымен жүргізілуге тиіс.

Баланы оның мүдделеріне нұқсан келтірмей беру туралы сот шешімін орындау мүмкін болмаған кезде бала соттың ұйғарымы бойынша уақытша тәрбие, емдеу немесе басқа мекемеге орналастырылуы мүмкін.

Қорытынды. Судья дәлелдемелерді Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінде көрсетілгендей, істе бар дәлелдемелерді олардың жиынтығында бейтарап, жан-жақты және толық қарауға негізделген, бұл ретте қолданыстағы заңнама мен ар-ожданды басшылыққа ала отырып, өзінің ішкі сенімі бойынша бағалайды. Бұл жағдайда сот практикасы істі қарау аймағына да, жеке судьяға да байланысты болуы мүмкін екенін ескеру қажет.

Сот ісін жүргізу сапасын арттыруға қатысты ұсыныстарды атағымыз келеді:

1. Баланың пікірін тыңдау рәсімін жетілдіру:

- 10 жастан асқан балаларды тыңдау үшін психологтың қатысуын міндеттеу;

- тыңдау процесін бейтарап, қауіпсіз ортада өткізу (судьяның бөлмесінде емес, балалар психологы кеңсесі).

Дәлелдемелерді бағалауда мамандарды кеңінен тарту:

- ата – ана құқығынан айыру туралы істерде міндетті түрде әлеуметтік қызметкер, педагог және психологтың қорытындысын талап ету;

- отбасының жағдайн тек бір реттік тексеріп қоймай, бірнеше кезеңде мониторинг жасау.

Манипуляцияны анықтау механизмдерін енгізу:

- ата-аналардың ажырасу кезіндегі қысым, алдауға не екінші тарапты құқықтарынан айыруға итермелеу фактілерін анықтайтын психологиялық – сараптамалық әдістемелерді қолдану;

- егер ата-ана құқығынан айыру талабы

зиян келтіру немесе қысым жасау мақсатында берілген болса, жауаптылықты күшейту.

2. Бала мүддесін қорғауға арналған ұсыныстар бойынша баланың психологиясын қамтамасыз ету:

- сот процесі басталмас бұрын балаға міндетті түрде психологиялық дайындық жүргізу;

- сот талқылауы кезінде балаға жүктемені азайтатын регламент енгізу (бір рет тыңдау, сұрақтарды психолог арқылы қою).

Баланың тұрақты ортасын сақтау қағидасын бекіту:

Ата-ана құқығынан айыру туралы шешім қабылдағанда баланың үйреншікті тәрбиесіне, әлеуметтік байланыстарына және эмоционалдық жай-күйіне әсерін ескеру.

3. Отбасы институтын қолдануға бағытталған ұсыныстарда даулардың алдын алу үшін ерлі-зайыптыларға психологиялық қолдау көрсету:

- неке құндылықтары, дауды басқару дағдылары бойынша тегін кеңестер ұйымдастыру;

- кажырасу алдындағы міндетті медиацияны енгізу.

Отбасы дауларды шешудің баламалы әдістерін дамыту:

- сотқа дейінгі медиация институтын күшейту;

- ата-анаға арналған «қоғамдық кеңес» немесе «отбасылық терапия» бағдарламаларын енгізу.

Әлеуметтік қауіп – қатер жағдайындағы отбасыларға ерте көмек көрсету:

- мектеп, медицина және әлеуметтік қызметтердің ерте хабарлау жүйесін енгізу (балаға қауіп төнуі мүмкін белгі байқалса, отбасы автоматты түрде қолдау тобына кіреді);

- отбасылық дағдарыс орталықтарының қолжетімділігін кеңейту.

4. Отбасы саясатын жүйелі түрде дамытуға арналған ұсыныстар.

Отбасы институтына қатысты кешенді мемлекеттік бағдарлама әзірлеу: әлеуметтік-экономикалық қолдау, тәрбиелік орта, ата-аналық жауапкершілік, психологиялық көмек бағыттарын біріктіретін ұлттық стратегия қабылдау.

Отбасылық мәдениетті нығайтуға бағытталған білім беру бағдарламалары:

- мектептер мен ЖОО-да «Отбасылық құндылықтар және ата-аналық жауапкершілік» электив курстарын енгізу;

- БАҚ пен әлеуметтік желілерде отбасылық тұрақтылықты насихаттайтын жобаларға гранттар бөлу.

Отбасылық кәсіпкерлікті қолдау:

- көпбалалы немесе толық емес отбасылар үшін шағын бизнесті қолдаудың жеңілдетілген бағдарламаларын дамыту;

- отбасылық стартаптарға гранттар мен жеңілдетілген кредиттер бөлу.

Отбасы қоғам өмірінде ерекше рөл

атқаруға, оны тұрақтандыруға, әлеуметтік шиеленісті жеңуге арналған. Табиғаты мен мақсаты бойынша ол қоғамның негізгі мәселелерді шешудегі одақтасы: қоғамдағы моральдық негіздерді бекіту, балаларды әлеуметтендіру, мәдениет пен экономиканы, отбасылық кәсіпкерлікті дамыту. Алайда, отбасының әлеуеті тиімсіз жүзеге асырылуда. Отбасы саясатының маңызды міндеті біздің қоғам дамуының күрделі мәселелерін шешуде отбасының қоғамдық институт ретіндегі мүмкіндіктерін белсенді пайдалануға мүмкіндік беретін тетіктер мен технологияларды әзірлеу болуы тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Гребенщикова, И.Ф. Лишение родительских прав: социально-правовой аспект / И.Ф. Гребенщикова // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 4. – С. 25-33.
2. J. Wiggins. Parental rights termination jurisprudence: questioning the framework // Published by Scholar Commons, 2020. – 35 p.
3. Oripova, B. Analyses of the judicial practice on deprivation of parental rights' cases / B. Oripova, N. Fayzullaev. – Tashkent, 2024. – 32 p.
4. Тұрсынбекова, Д.К. Отбасылық құқықтағы ата-ананың баланы тәрбиелеу жөніндегі міндеттерінің орындалмауы / Д.К. Тұрсынбекова // Заң және қоғам. – 2021. – № 3. – 87-94 б.
5. Маковий, В.П. Временные пределы осуществления права на принятие наследства: научные очерки / В.П. Маковий. – КарГУ им. академика Е.А. Букетова, 2014. – 429 с.
6. Mukaldieva, G.B. Family Law of the Republic of Kazakhstan / G.B. Mukaldieva // Textbook Almaty: Kazakh University, 2022. – 121 p.
7. Олейник, В.В. Проблемы ответственности родителей за неосторожные уголовно-наказуемые деяния в отношении детей / В.В. Олейник, Г.Н. Мусабаева // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 166-169.

References:

1. Grebenshnikova, I.F. Lishenie roditel'skih prav: social'no-pravovoj aspekt / I.F. Grebenshnikova // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. – 2023. – № 4. – S. 25-33.
2. J. Wiggins. Parental rights termination jurisprudence: questioning the framework // Published by Scholar Commons, 2020. – 35 p.
3. Oripova, B. Analyses of the judicial practice on deprivation of parental rights' cases / B. Oripova, N. Fayzullaev. – Tashkent, 2024. – 32 p.
4. Тұрсынбеккова, D.K. Otbasylyq құқықтары ата-ананың баланы тәрбиеуі жөніндегі міндеттерінің орындалмауы / D.K. Тұрсынбеккова // Заң және қоғам. – 2021. – № 3. – 87-94 б.
5. Makovij, V.P. Vremennye predely osushhestvleniya prava na prinjatye nasledstva: nauchnye ocherki / V.P. Makovij. – KarGU im. akademika E.A. Buketova, 2014. – 429 s.
6. Mukaldieva, G.B. Family Law of the Republic of Kazakhstan / G.B. Mukaldieva // Textbook Almaty: Kazakh University, 2022. – 121 p.
7. Olejnik, V.V. Problemy otvetstvennosti roditel'ej za neostorozhnye ugovovno-nakazuemye dejaniya v otnoshenii detej / V.V. Olejnik, G.N. Musabaeva // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – S. 166-169.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жанна Бекполовна Шаяхметова – Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының қауымдастырылған профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, доценті, e-mail: jan68@inbox.ru.

Шаяхметова Жанна Бекполовна – ассоциированный профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Атырауского университета имени Х. Досмукхамедова, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: jan68@inbox.ru.

Shayakhmetova Zhanna Bekpolovna – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Atyrau University named after H. Dosmukhamedov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, e-mail: jan68@inbox.ru.

Бэла Канаткалиевна Тажгарина – Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының сеньор-лекторы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: tazhgarina@mail.ru.

Тажгарина Бэла Канаткалиевна – сеньор-лектор кафедры уголовно-правовых дисциплин Атырауского университета имени Х. Досмукхамедова, магистр юридических наук, e-mail: tazhgarina@mail.ru.

Tazhgarina Bela Kanatkalievna – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of Atyrau University named after H. Dosmukhamedov, Master of Law Sciences, e-mail: tazhgarina@mail.ru.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ / УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬ- НОЕ ПРАВО / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

УДК 343.85
МРНТИ 10.81.71

Ж.М. Аблаева

*Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Республика Казахстан*

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В условиях роста туристической активности в Республике Казахстан обеспечение общественной безопасности требует внедрения современных технических решений. Одним из таких инструментов являются беспилотные летательные аппараты, которые обладают высоким потенциалом в патрулировании, мониторинге обстановки и оперативном реагировании.

В статье анализируются преимущества и перспективы применения беспилотного летательного аппарата в деятельности туристической полиции, включая примеры зарубежного опыта и текущую практику в Казахстане. Особое внимание уделяется необходимости технической модернизации, правового регулирования, подготовки операторов и интеграции дронов в цифровую систему безопасности. Предлагается также введение нового информационного знака, предупреждающего об осуществлении фото- и видеомониторинга на территории туристского объекта с помощью специальных технических средств, установленных на беспилотных летательных аппаратах. Сделан вывод о том, что использование беспилотного летательного аппарата не заменяет, а дополняет традиционные формы обеспечения общественного порядка, способствуя повышению эффективности контроля за ситуацией в туристических зонах.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат; внешний пилот; мониторинг; общественная безопасность; средство оперативного реагирования; туристическая полиция; туристический объект.

Ж.М. Аблаева

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қостанай қ., Қазақстан Республикасы*

ҚОҒАМДЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ БОЙЫНША ТУРИСТІК ПОЛИЦИЯ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ҚЫЗМЕТІНДЕ ҰШҚЫШСЫЗ ҰШУ АППАРАТЫН ПАЙДАЛАНУДЫ ЖЕТІЛДІРУ БОЙЫНША ҰСЫНЫСТАР

Аннотация. Қазақстан Республикасында туристік белсенділіктің өсуі жағдайында қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету заманауи техникалық шешімдерді енгізуді талап етеді. Осындай құралдардың бірі – патрульдеу, жағдайды бақылау және жедел әрекет етуде жоғары әлеуетке ие ұшқышсыз ұшу аппараттары. Мақалада шетелдік тәжірибе мен Қазақстандағы ағымдағы тәжірибенің мысалдарын қоса алғанда, туристік полиция қызметінде ұшқышсыз ұшу аппаратын қолданудың артықшылықтары мен перспективалары талданады. Техникалық жаңғырту, құқықтық реттеу, операторларды даярлау және дрондарды цифрлық қауіпсіздік жүйесіне біріктіру қажеттілігіне ерекше назар аударылады. Сондай-ақ, пилотсыз ұшу аппараттарында орнатылған арнайы техникалық құралдардың көмегімен туристік объектінің аумағында фото және бейне мониторингті жүзеге асыру туралы ескертетін жаңа ақпараттық белгіні енгізу ұсынылады. Ұшқышсыз ұшу аппараттарын пайдалану туристік аймақтардағы жағдайды бақылаудың тиімділігін арттыруға ықпал ете отырып, қоғамдық тәртіпті қамтамасыз етудің дәстүрлі нысандарын алмастырмайды, толықтырады деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: ұшқышсыз ұшу аппараты; сыртқы ұшқыш; мониторинг; қоғамдық қауіпсіздік; жедел ден қою құралы; туристік полиция; туристік объект.

Zh.M. Ablayeva

Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabyibaev, Kostanay, the Republic of Kazakhstan

PROPOSALS FOR IMPROVING THE USE OF UAVS IN THE ACTIVITIES OF TOURIST POLICE OFFICERS TO ENSURE PUBLIC SAFETY

Abstract. In the context of the growing tourist activity in the Republic of Kazakhstan, ensuring public safety requires the introduction of modern technical solutions. One of these tools is unmanned aerial vehicles, which have high potential in patrolling, situation monitoring and rapid response. The article analyzes the advantages and prospects of using unmanned aerial vehicles in the activities of the tourist police, including examples of foreign experience and current practice in Kazakhstan. Special attention is paid to the need for technical modernization, legal regulation, operator training and integration of drones into the digital security system. It is also proposed to introduce a new information sign warning about the implementation of photo and video monitoring on the territory of the tourist site using special technical means installed on the unmanned aerial vehicles. It is concluded that the use of unmanned aerial vehicles does not replace, but complements traditional forms of ensuring public order, contributing to an increase in the effectiveness of monitoring the situation in tourist areas.

Keywords: unmanned aerial vehicle; external pilot; monitoring; public safety; rapid response vehicle; tourist police; tourist facility.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_96

Введение. Казахстан обладает обширной территорией с разнообразным рельефом и климатическими условиями, что требует адаптации маршрутов патрулирования с учетом местных особенностей и сезонных рисков. Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) могут стать ключевым инструментом в обеспечении безопасности туристов в труднодоступных и удаленных районах, где оперативная работа сотрудников туристической полиции затруднена.

В настоящее время комплексы с БПЛА все чаще применяются для решения задач, стоящих перед полицией. Так, они применяются при охране общественного порядка, расследовании и раскрытии преступлений, в ходе наблюдения за транспортными потоками и фиксации нарушений правил дорожного движения [1]; [2].

Также, в рамках инициатив «Таза Қазақстан» полиция применяет дроны для выявления самовольных свалок. Так, в Абайской области с их помощью обнаружены

сотни стихийных свалок, по результатам рейдов привлечено к ответственности множество нарушителей [3].

Однако в научной литературе комплексного подхода к исследованию использования БПЛА в целях обеспечения общественной безопасности в туристической сфере пока не сформировано, что и определяет новизну и перспективность выбранной темы исследования. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена рядом факторов, отражающих современные вызовы в сфере туризма, общественной безопасности и технологического развития.

Так, устойчивый рост туристического потока в Казахстане требует усиленного внимания к вопросам обеспечения общественного порядка. По данным мобильных телекоммуникационных систем Республики Казахстан (далее – РК), в 2024 году страну посетили более 15 млн иностранных туристов, что на 60% больше по сравнению с предыдущим годом¹. Рост числа туристов, особенно в популярных природных

¹ 15,3 млн иностранных туристов посетили Казахстан в прошлом году [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ortcom.kz/ru/novosti/1744282102> (дата обращения: 15.06.2025).

и культурных локациях, сопровождается увеличением рисков, связанных с мелкой преступностью, нарушениями общественного порядка, чрезвычайными ситуациями и потерями туристов на труднодоступных участках.

А использование БПЛА в деятельности правоохранительных органов, включая туристическую полицию, открывает новые возможности для оперативного мониторинга обстановки, быстрого реагирования на инциденты и минимизации угроз. Однако действующая система применения БПЛА в Казахстане требует доработки в части нормативно-правового регулирования, технической стандартизации, а также тактической интеграции в повседневную работу полицейских патрулей.

Теоретическая значимость темы исследования заключается в разработке практико-ориентированных предложений по использованию современных технологических решений в целях обеспечения охраны общественного порядка в туристической сфере. Исследование позволяет расширить научное представление о возможностях применения БПЛА не только в силовых структурах, но и в специализированных подразделениях, таких как туристическая полиция, ориентированных на превентивные меры и коммуникацию с гражданским населением.

Материалы и методы. Основные материалы исследования представлены отечественными и зарубежными научными публикациями в периодических изданиях, отчетами о возможностях БПЛА в целях обеспечения правопорядка, в т.ч. в туристической сфере. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем правовые, организационные и технические аспекты, а взаимодополняющее применение таких методов, как анализ и синтез, позволяет получить глубокое и всеобъемлющее понимание изучаемого предмета.

Результаты. Патрулирование туристических объектов с помощью БПЛА становится все более актуальным в условиях растущего интереса к активному отдыху

на природе и увеличения числа туристов. Этот подход не только обеспечивает безопасность, но и оптимизирует управление туристическими объектами.

Использование БПЛА обусловлено их высокой эффективностью в соотношении цена-качество по сравнению со спутниковыми технологиями или пилотируемой авиацией. Экономическая выгода заключается в значительно меньших затратах на их эксплуатацию. БПЛА обладают гибкостью применения: их можно запрограммировать на автоматический полет по заданному маршруту, зависание над объектом при подъеме на высоту до 20 км они могут управляться пилотом на расстоянии до 10 км и более. Технические характеристики БПЛА впечатляют: скорость до 90 км/ч, высокая устойчивость к ветру и надежная работа в различных погодных условиях [4].

Использование беспилотной авиации обеспечивает более точный анализ состояния экосистем и безопасности на маршрутах. Собранные с помощью БПЛА данные могут стать основой для планирования будущих мероприятий по охране окружающей среды и распределения туристических потоков.

При этом развитие БПЛА неуклонно движется в сторону полной автономности, управляемой искусственным интеллектом (далее – ИИ). Эта тенденция уже реализуется на практике в течение последних пяти лет. Значительные достижения в этой области демонстрируют зарубежные исследовательские центры.

Так, особый интерес для туризма представляют многокамерные квадрокоптеры с ИИ, способные самостоятельно создавать трехмерные карты местности, анализировать окружающую обстановку и на основе полученных данных оптимизировать свой маршрут полета, обеспечивая безопасную и эффективную съемку. Эти технологии открывают новые возможности для аэрофотосъемки, мониторинга окружающей среды и создания интерактивных туристических маршрутов.

По данным компании DroneUp,

мониторинг инфраструктуры с помощью БПЛА позволяет получить на 20% больше важных находок, чем традиционные методы мониторинга с использованием человеческого труда или другого сенсорного оборудования. Это связано с тем, что БПЛА могут заменить людей при выполнении задач мониторинга в малодоступных или практически недоступных местах. Кроме того, БПЛА могут проводить полевой мониторинг в 3 раза быстрее, сканировать вышки в 3 раза эффективнее, чем сотрудники полиции,

поднимающиеся на вышки, мониторинг мостов требует примерно 17% рабочих часов, необходимых для ручного мониторинга, и до 87% сокращает объем рабочей силы и ресурсов на каждую проверенную милю. На рисунке 1 представлены данные сравнительного анализа эффективности традиционных и беспилотных методов мониторинга, с процентным соотношением каждого пункта, указывающим на улучшение или экономию по сравнению с традиционными методами².

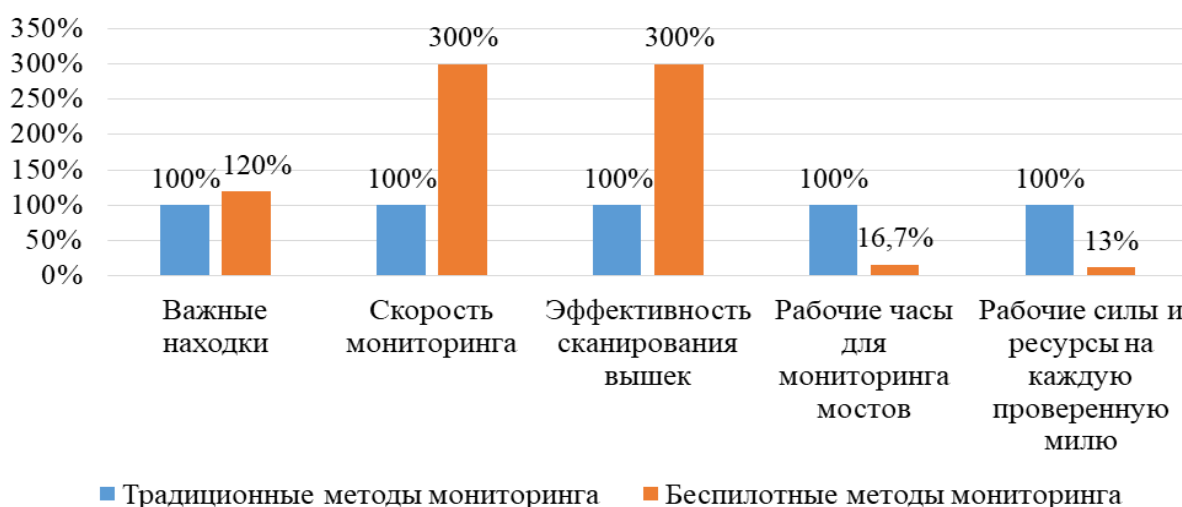

Рисунок 1. Показатели традиционных и беспилотных методов мониторинга инфраструктуры

Учитывая, что использование БПЛА в целях мониторинга территории туристического объекта может оказывать психологическое воздействие на туристов, видится целесообразным дополнить

перечень дорожных знаков в РК новым информационно-указательным знаком с номером «5.42.1.» и названием «Фото- и видеомониторинг территории с беспилотного летательного аппарата» (рис. 2).

Рисунок 2. Проект информационно-указательного знака 5.42.1. «Фото- и видеомониторинг территории с беспилотного летательного аппарата»

Его можно устанавливать как вдоль трасс, находящихся под наблюдением БПЛА, так

² Air Traffic & Drone. Technology Operations. DroneUp provides safe, coordinated, scalable autonomous airspace and operations management solutions [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.droneup.com/> (дата обращения: 15.06.2025).

и на территории туристического объекта, где ведется мониторинг общественной безопасности с помощью данного технического средства. Тем самым будет обеспечено информирование участников дорожного движения и лиц, находящихся на территории туристского объекта, о контроле за соблюдением установленных правил дорожного движения и о нахождении в определенном месте с использованием специальных технических средств, установленных на БПЛА.

Обсуждение. В настоящее время практика использования БПЛА в Казахстане остается фрагментарной, что требует целенаправленного совершенствования как технической, так и организационной составляющей. Прежде всего, совершенствование применения БПЛА должно опираться на техническую модернизацию используемых систем. Это включает закупку современных моделей БПЛА средней дальности с возможностью автономного полета и онлайн-передачи видеопотока. В качестве рекомендованных моделей рассматриваются DJI Matrice 30T³ или их аналоги, обладающие следующими характеристиками: время полета – до 60 минут, радиус действия – до 10 км, камеры высокого разрешения (4K), тепловизионное и ночное видение, интеграция с ИИ-модулями распознавания лиц и поведения.

БПЛА оснащаются возможностью подключения к защищенным каналам LTE/5G, а также системами возврата в случае потери сигнала. Предусматривается опция звукового оповещения через встроенные динамики, что позволяет использовать дроны в качестве активного средства предупреждения и управления большим скоплением людей.

Важным шагом также является интеграция БПЛА в единую цифровую экосистему обеспечения безопасности, прежде всего, с платформами видеонаблюдения и геоинформационными системами.

Вторым направлением выступает кадрово-образовательная трансформация. Необходимо разработать

специализированную программу обучения для сотрудников туристической полиции, включающую как технические аспекты управления БПЛА, так и основы правового регулирования и анализа видеоданных. И если обучение военных специалистов по управлению беспилотниками уже организовано, то система подготовки операторов БПЛА в органах внутренних дел сегодня находится на этапе становления.

Так, с сентября 2024 года Академия гражданской авиации Казахстана запустила новую образовательную программу «Беспилотные летательные аппараты и системы», готовя специалистов – внешних пилотов дистанционно пилотируемых авиационных систем (далее – ДПАС) с расширенными компетенциями. Выпускники программы получают свидетельство авиационного персонала категории «Внешний пилот», что позволит им легально работать с беспилотными системами. Выпускники программы получают не только свидетельство внешнего пилота ДПАС, но и статус сертифицированного оператора беспилотных авиационных систем (далее – БАС), что открывает им доступ к широкому спектру деятельности: управлению тяжелыми БПЛА, проведению различных работ с использованием БПЛА меньшего класса – от воздушного наблюдения и поисково-спасательных операций до работы над водой и с морских судов, научных исследований и испытаний оборудования [5].

Также в Учебном центре подготовки специалистов и боевого применения БПЛА Сил воздушной обороны Казахстана проводится курсовая подготовка военнослужащих и сотрудников МВД и Национальной гвардии РК. В ходе такой подготовки участники обучаются по программе подготовки специалистов по организации управления полетами БАС. Специалисты, прошедшие обучение, способны не только управлять полетами БПЛА, но и планировать их использование в самых разных сферах – от охраны правопорядка до обеспечения оперативного реагирования в случае

³ Квадрокоптер DJI Matrice 30T [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dji-rus.ru/seriya-matrice/matrice-30/kvadrokoopter-dji-matrice-30/> (дата обращения: 15.06.2025).

чрезвычайных ситуаций [6].

Дополнительно представляется целесообразной организация программ стажировок и обмена опытом с полицейскими структурами тех стран, где технологии БПЛА уже активно используются, таких как Южная Корея, ОАЭ или Сингапур⁴ [7]; [8].

Следующее направление – организационное – предполагает формирование мобильных патрульных групп с БПЛА, а также создание ситуационных центров, осуществляющих круглосуточный мониторинг ключевых туристических объектов. Установление стандартов взаимодействия между операторами БПЛА и наземными нарядами позволит повысить слаженность реагирования при обнаружении правонарушений. Также требуется выработка единого регламента действий при выявлении угроз с воздуха, включая этапы оценки, эскалации и привлечения специализированных подразделений.

При этом применение БПЛА в деятельности сотрудников туристической полиции по обеспечению общественной безопасности не следует рассматривать в качестве полной замены существующих методов, а скорее, как эффективное дополнение, поскольку их использование в качестве вспомогательного инструмента значительно расширяет возможности полиции. Они занимают нишу между анализом больших массивов информации и физическим наблюдением в ходе наземного патрулирования, предлагая оперативность обработки данных в сочетании с аудиовизуальной информацией, получаемой в режиме реального времени [9, 23 стр.].

В качестве довольно успешного примера можно привести реализованную в США концепцию использования БПЛА в качестве средств оперативного реагирования (далее – DFR) – программу, в рамках которой БПЛА заранее размещаются в зоне обслуживания (например, полицейского управления) и готовы к немедленному запуску в ответ на экстренный вызов. DFR обеспечивает оперативное информирование служб быстрого реагирования о ситуации в

режиме реального времени посредством потоковой видеотрансляции, иначе говоря, проводится воздушная разведка до прибытия сотрудников полиции на место происшествия. Это позволяет сотрудникам полиции прибыть на место происшествия, зная, какие инструменты и ресурсы им потребуются, что повышает их эффективность и безопасность. Главная цель – максимально обезопасить и граждан, и сотрудников правоохранительных органов [10, 3 стр.].

Такой подход подразумевает запуск БПЛА со стратегически выбранных заранее мест в патрулируемых зонах – обычно с крыш (полицейских участков, пожарных станций, больниц и т.д.), обеспечивая наблюдение на территории определенного туристического объекта. Возможно патрулирование выбранных участков в автоматическом режиме, следуя заранее заданным маршрутам, либо под управлением оператора в реальном времени, если ситуация требует оперативного вмешательства (в ответ на вызов 102 или 112).

Значительную роль играет и нормативно-правовое обеспечение. Действующее законодательство в области эксплуатации БПЛА требует дальнейшей детализации, особенно в части определения правовых оснований для их использования в правоохранительных целях в зонах массового пребывания людей. Следует отметить, что одним из наиболее существенных потенциальных рисков является неприятие общественностью подобных технологий из-за опасений относительно нарушения конфиденциальности и гражданских свобод.

Поэтому для обеспечения успешной реализации программ с использованием БПЛА и предотвращения недопонимания и негативной реакции со стороны туристов и местного населения, крайне важно урегулировать и разъяснить порядок применения БПЛА, а также обеспечить полную прозрачность всех процедур. Необходима также регламентация межведомственного взаимодействия между Министерством внутренних дел, Министерством индустрии и инфраструктурного развития, Министерством

⁴ Police Drones Report 2023. – Dubai, 2024. – 43 p.

чрезвычайных ситуаций РК и местными исполнительными органами.

Наконец, институциональное развитие должно опираться на системную научно-аналитическую поддержку. В рамках этой работы рекомендуется проведение прикладных научных исследований по вопросам правового регулирования, технологической эффективности и общественного восприятия БПЛА. Перспективным направлением является привлечение частных операторов БПЛА на условиях государственно-частного партнерства, особенно в периоды максимальной туристической активности или при проведении массовых мероприятий.

Заключение. Интеграция БПЛА в систему обеспечения общественной безопасности туристических объектов нашей страны требует комплексного научно обоснованного подхода, охватывающего технические, образовательные, организационные, нормативные и институциональные аспекты. Основными направлениями дальнейшего развития должны стать:

- комплексная техническая модернизация
- оснащение туристической полиции

современными БПЛА;

- создание инфраструктуры цифрового взаимодействия между операторами, ситуационными центрами и наземными нарядами;

- формирование системы профессиональной подготовки и сертификации операторов дронов;

- разработка нормативных правовых актов, обеспечивающих прозрачность, законность и эффективность использования БПЛА;

- расширение межведомственного и международного сотрудничества, включая обмен опытом и реализацию совместных программ.

БПЛА следует рассматривать не как замену традиционных методов охраны общественного порядка, а как интеллектуальное и гибкое дополнение, способное обеспечить визуальное наблюдение в режиме реального времени, быструю оценку ситуации и минимизацию последствий правонарушений. В перспективе системное использование беспилотных технологий укрепит имидж Казахстана как безопасного и технологически развитого туристического направления.

Список использованной литературы:

1. Муканов, М.Р. Применение беспилотных летательных аппаратов при расследовании дорожно-транспортных происшествий в Республике Казахстан / М.Р. Муканов // Ученые труды Алматинской академии МВД РК им. М. Есбулатова. – 2024. – № 2 (79). – С. 107-113.
2. Муканов, М.Р. Применение беспилотных систем в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений / М.Р. Муканов // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения: сб. мат-лов международ. науч.-практ. конф. – Костанай, 2024. – С. 124-126.
3. Г. Наурыз. Дроны выявляют стихийные свалки в области Абай [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://polisia.kz/ru/drony-vyyavlyayut-stihijnye-svalki-v-oblasti-abaj/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.06.2025).
4. Ariante, G. Unmanned Aircraft Systems (UASs): Current State, Emerging Technologies, and Future Trends / G. Ariante, G. Del Core // Drones. – 2025. – № 9 (1). – P. 59.
5. Н. Жарбулова. В Казахстане впервые будут готовить специалистов по беспилотникам [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2024-07-19/zhrb-kz-bsp-nka/> (дата обращения: 15.06.2025).
6. Д. Мухаринова. Полезный опыт [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ztgzt.kz/82307/poleznuu-opyt-2> (дата обращения: 14.04.2025).
7. Ko, Y.D. Application of UAVs for tourism security and safety / Y.D. Ko, B.D. Song // Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. – 2021. – № 33 (8). – Pp. 1829-1843.
8. Indrawan, J. Revolutions in Military Affairs (RMA) Policy in Countering the Threat of Terrorism and Cyber Crime in Singapore / J. Indrawan, A. Zahira // Mandala: Jurnal Ilmu Hubungan Internasional.

– 2024. – № 7 (1). – Pp. 18-39.

9. Worley, N.A. Police Flight Oversight: LAPD Drone as First Responder Implementation: Honors Senior Thesis / N.A. Worley. – Claremont, 2024. – 88 p.

10. King, S. Drone as first responder programs: a new paradigm in policing / S. King, S. Major, M. McCollum. – Victoria, 2023. – 16 p.

References:

1. Mukanov, M.R. Primenenie bespilotnyh letatel'nyh apparatov pri rassledovanii dorozhno-transportnyh proisshestvij v Respublike Kazahstan / M.R. Mukanov // Uchenye trudy Almatinskoy akademii MVD RK im. M. Esbulatova. – 2024. – № 2 (79). – S. 107-113.

2. Mukanov, M.R. Primenenie bespilotnyh sistem v raskrytii, rassledovanii i predotvrashhenii prestuplenij / M.R. Mukanov // Organizacija i dejatel'nost' organov vnutrennih del na sovremennom etape: problemy i puti reshenija: sb. mat-lov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Kostanaj, 2024. – S. 124-126.

3. G. Nauryz. Drony vyjavljajut stihijnye svalki v oblasti Abaj [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://polisia.kz/ru/drony-vyjavlyayut-stihijnye-svalki-v-oblasti-abaj/?utm_source=chatgpt.com (data obrashhenija: 15.06.2025).

4. Ariante, G. Unmanned Aircraft Systems (UASs): Current State, Emerging Technologies, and Future Trends / G. Ariante, G. Del Core // Drones. – 2025. – № 9 (1). – P. 59.

5. N. Zharbulova. V Kazahstane vpervye budut gotovit' specialistov po bespilotnikam [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://kz.kursiv.media/2024-07-19/zhrb-kz-bsp-nka/> (data obrashhenija: 15.06.2025).

6. D. Muharinova. Poleznyj opyt [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://ztgzt.kz/82307/poleznyy-opyt-2> (data obrashhenija: 14.04.2025).

7. Ko, Y.D. Application of UAVs for tourism security and safety / Y.D. Ko, B.D. Song // Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. – 2021. – № 33 (8). – Pp. 1829-1843.

8. Indrawan, J. Revolutions in Military Affairs (RMA) Policy in Countering the Threat of Terrorism and Cyber Crime in Singapore / J. Indrawan, A. Zahira // Mandala: Jurnal Ilmu Hubungan Internasional. – 2024. – № 7 (1). – Pp. 18-39.

9. Worley, N.A. Police Flight Oversight: LAPD Drone as First Responder Implementation: Honors Senior Thesis / N.A. Worley. – Claremont, 2024. – 88 p.

10. King, S. Drone as first responder programs: a new paradigm in policing / S. King, S. Major, M. McCollum. – Victoria, 2023. – 16 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жанна Мұхтарқызы Аблаева – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясының докторанты, e-mail: univer.1@bk.ru.

Аблаева Жанна Мұхтарқызы – докторант Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, e-mail: univer.1@bk.ru.

Ablayeva Zhanna Mukhtarovna – Doctoral Student of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, e-mail: univer.1@bk.ru.

Д.Ж. Белхожаева, Қ. Тұрлыханқызы

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ПӘНДЕРДІ ОҚЫТУДА ЖАППАЙ АШЫҚ ОНЛАЙН-КУРСТАРДЫ ҚОЛДАНУ

Аннотация. Қазіргі таңда білім беру үдерісінде жаппай ашық онлайн-курстар оқытудың жаңа цифрлық нысаны ретінде кеңінен қолданылуда. Бұл цифрлық білім беру технологиясы болашақ заңгерлер мен құқық қорғау органдарының қызметкерлерін даярлау процесінде, әсіресе қылмыстық-құқықтық бағытта, оқыту контекстінде интеграциялауға үлкен әлеуетке ие. Мақалада қылмыстық-құқықтық пәндерді оқытуда жаппай ашық онлайн-курстарды тиімді қолданудың өзекті аспектілері, олардың интеграция мүмкіндіктері, бейімделу ерекшеліктері және туындайтын әдістемелік және ұйымдастырушылық қиындықтар қарастырылады. Авторлар ЖАОК-тың білім беру процесіндегі рөлі мен маңызын талдай отырып, олардың кәсіби даярлықты арттырудағы әлеуетін, интерактивті құралдар арқылы оқыту сапасын көтеруге, тыңдаушылардың құқықтық жағдайларды тану және олармен жұмыс істеу қабілеттерін дамытуға бағытталған мүмкіндіктерін зерттейді. Сонымен қатар, мақалада ЖАОК форматында қылмыстық-құқықтық пәндерді оқытудың ұйымдастыру ерекшеліктері, әдістемелік тәсілдері және білім алушылардың құқықтық санасын қалыптастырудағы маңызы сипатталады. Қылмыстық-құқықтық пәндер бойынша онлайн-курстарға жаттығулар, сценарийлік тапсырмалар және практикалық модельдер енгізу арқылы оқытудың тиімділігін арттыру жолдары ұсынылады. Зерттеу нәтижелері цифрлық білім беру кеңістігінде ЖАОК-ты қолданудың тиімділігін арттыруға бағытталған ұсыныстар мен қорытындылар ұсынылады.

Түйінді сөздер: цифрлық білім; цифрлық технология; цифрлық платформа; жаппай ашық онлайн-курстар; онлайн-оқыту; аралас оқыту; қылмыстық-құқықтық пәндер.

Д.Ж. Белхожаева, К. Тұрлыханқызы

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан

ПРИМЕНЕНИЕ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. В настоящее время массовые открытые онлайн-курсы широко используются в образовательном процессе как новый цифровой формат обучения. Этот цифровой образовательный инструмент обладает значительным потенциалом для интеграции в процесс подготовки будущих юристов и сотрудников правоохранительных органов, особенно в контексте обучения по уголовно-правовому направлению. В статье рассматриваются актуальные аспекты эффективного использования массовых открытых онлайн-курсов в преподавании уголовно-правовых дисциплин, их интеграционные возможности, адаптационные особенности и возникающие методические и организационные трудности. Авторы, анализируя роль и значение массовых открытых онлайн-курсов в образовательном процессе, исследуют их потенциал в повышении профессиональной подготовки, улучшении качества обучения с помощью интерактивных инструментов, развитии у слушателей навыков познания и работы с правовыми ситуациями. Кроме того, в статье описываются организационные особенности методических подходов к преподаванию уголовно-правовых дисциплин в формате массовых открытых онлайн-курсов и их значение в формировании правового сознания обучающихся. Предлагаются пути повышения эффективности обучения путем включения в онлайн-курсы по уголовно-правовым дисциплинам кейсов, ситуационных заданий и практических моделей. Результаты исследования содержат рекомендации и выводы, направленные на повышение эффективности использования массовых открытых онлайн-курсов в цифровом образовательном пространстве.

Ключевые слова: цифровое образование; цифровые технологии; цифровая платформа; массовые открытые онлайн-курсы; онлайн-обучение; смешанное обучение; уголовно-правовые дисциплины.

D.Zh. Belkhozhayeva, K. Turlykhankyzy
Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

THE APPLICATION OF MASSIVE OPEN ONLINE COURSES (MOOCs) IN THE TEACHING OF CRIMINAL LAW DISCIPLINES

Abstract. Currently, massive open online courses are widely used in the educational process as a new digital format of learning. This digital educational tool has significant potential for integration into the training of future lawyers and law enforcement officers, especially in the context of criminal law training. This article examines the current aspects of effective use of massive open online courses in teaching criminal law disciplines, their integration capabilities, adaptation features, and emerging methodological and organizational difficulties. Analyzing the role and significance of MOOCs in the educational process, the authors explore their potential in improving professional training, enhancing the quality of learning through interactive tools, and developing students' skills in understanding and working with legal situations. Furthermore, the article describes the organizational features, methodological approaches to teaching criminal law disciplines in the MOOC format, and their importance in shaping the legal consciousness of students. Ways to improve the effectiveness of learning are proposed by including case studies, situational tasks, and practical models in online courses on criminal law disciplines. The research results contain recommendations and conclusions aimed at improving the effectiveness of MOOC use in the digital educational space.

Keywords: digital education; digital technologies; digital platform; massive open online courses; online learning; blended learning; criminal law disciplines.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_104

Кіріспе. Қазақстан Республикасында жоғары білім мен ғылымды дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасында білім беру жүйесін цифрландыру оқыту сапасын арттырудың маңызды құралы ретінде қарастырылады¹. Бұл үдеріс цифрлық платформалар мен онлайн курстарды басқару жүйелерін, сондай-ақ онлайн және аралас (гибридті) оқыту формаларын кеңінен пайдаланумен сүйемелденеді. Цифрлық технологиялар қазіргі заманғы білім берудің ажырамас элементіне айналып отыр. Жоғары білімдегі гибриді тәсіл синхронды және асинхронды оқыту форматтарын үйлестіре отырып білім берудің инклюзивтілігі мен қолжетімділігін қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар «Open University», «Coursera» және басқа да ашық білім беру платформаларын пайдалану, оқу үдерісін цифрлық форматқа көшірумен қатар, білім беру кеңістігінде жаңа мүмкіндіктерді іске асыруға жол ашады. Осы стратегиялық міндеттер білім беру үдерісін үнемі жетілдіру қажеттілігін объективті шындық ретінде алға

тарта отырып, цифрлық технологиялар мен онлайн платформалардың қарқынды дамуы нәтижесінде оқыту сапасын арттыруға бағытталған заманауи шешімдердің пайда болуына негіз қалайды. Осылайша, жаппай ашық онлайн-курстар (бұдан әрі – ЖАОК) дәстүрлі оқыту әдістерін толықтырып қана қоймай, сонымен қатар білім алушылардың кәсіби құзыреттіліктерін қашықтықтан қалыптастырудың тиімді құралы ретінде мойындалып отыр. Аталған үдеріс құқық қорғау саласындағы мамандарды даярлау жүйесіне, оның ішінде қылмыстық-құқықтық пәндер бойынша білім алушылардың кәсіби даярлығына да айтарлықтай ықпал етеді.

Осы тұрғыдан алғанда, қылмыстық-құқықтық пәндерді оқыту үдерісінде ЖАОК-ды қолдану ерекше өзектілікке ие. Бұл бағыттағы пәндер білім алушылардан теориялық білімді практикалық дағдылармен ұштастыра отырып, нақты құқықтық жағдайларды талдай білу қабілетін қалыптастыруды талап етеді. Қылмыстық құқық, қылмыстық іс жүргізу құқығы, криминалистика және

¹ Қазақстан Республикасында жоғары білімді және ғылымды дамытудың 2023-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2023 ж. 28 наурыздағы № 248 қаулысы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2300000248> (жүгінген күні: 10.07.2025).

сот сараптамасы сияқты пәндерді оқытуда заманауи педагогикалық әдістер мен интерактивті цифрлық құралдарды пайдалану студенттердің құқықтық санасын дамытады және оларды кәсіби қызметке даярлайды.

Зерттеу мақсаты – ЖАОК-тың оқу процесіндегі мүмкіндіктерін жан-жақты зерттеп, олардың қылмыстық-құқықтық пәндер бойынша білім беру сапасын арттырудағы әлеуетін анықтау, білім беру үдерісіне ЖАОК-ты интеграциялау мүмкіндіктері, әдістемелік тәсілдері мен тиімділігін талдау, оны қолдануда кездесетін мәселелерді анықтау арқылы шешу жолдарын ұсыну.

Материалдар мен әдістер. Мақалада салыстырмалы-құқықтық әдіс негізінде отандық және шетелдік жоғары оқу орындарында қолданылатын онлайн-курстардың негізгі ерекшеліктеріне ғылыми шолу жүргізілді. Материал ретінде халықаралық және отандық платформалардағы онлайн-курс (Coursera, edX, Udemy, OpenEdu, Open Kaznu, PolytechOnline) пайдаланылды.

Зерттеу барысында онлайн-оқыту мәселелеріне қатысты ғалымдардың көзқарастары баяндалған ғылыми еңбектерге контент-талдау әдісі кеңінен қолданылды. Зерттеу үдерісі қажетті деректерді жинаудан басталып, алынған нәтижелерді жүйелеу және ұсыныстар әзірлеумен аяқталды.

Нәтижелер, талқылау. Білім беру үдерісіне цифрлық технологияларды енгізу өзінің тиімділігі мен нәтижелілігін іс жүзінде дәлелдеді. «COVID-19» пандемиясы отандық білім беру жүйесіне жаңа талаптар қойып, оқыту формаларын жедел түрде қайта қарауға мәжбүр етті. Атап айтқанда, жоғары оқу орындарының онлайн оқыту форматына жедел көшуі электронды-ақпараттық платформалар мен оқытуды басқару жүйелерінің тиімділігін айқын көрсетті. Бұл жағдай білім беру үдерісінде қосымша электронды-цифрлық әдістерді енгізу қажеттігін негіздейді. Зерттеуші ғалымдар пікіріне сүйенсек, цифрлық технологияларды қолдану аясында білім алушылардың білім беру стандарттарында көзделген кәсіби құзыреттіліктерді меңгеру деңгейі арта түскені байқалады [1, 97 б.].

Демек, білім беру үдерісіне цифрлық технологияларды интеграциялау өзектілігі артып отыр, ал онлайн-курстарға арналған арнайы бағдарламалық өнімдерді оқу тәжірибесіне енгізу тиімді шешімдердің бірі. Онлайн-курстар қашықтықтан оқытуда тапсырмаларды орындауды және білім беру мазмұнын икемді жеткізуді қамтамасыз етеді. Осыған орай, онлайн-курстарды қолдану арқылы білім беру процесін тиімді басқару, оқу үдерісін оңтайландыру және цифрлық білім беру ортасын қалыптастыру мәселелері, сондай-ақ ЖАОК сияқты инновациялық платформалардың қылмыстық-құқықтық пәндерді оқыту сапасына ықпалы қарастырылады.

Ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың кеңеюі білім беру саласында онлайн оқыту әдістерінің стратегиялық мүмкіндіктерін арттырды, ал бұл мүмкіндіктердің эволюциясы қазіргі таңда заманауи білім беру форматы ЖАОК-дың пайда болуына алып келді.

Сонымен, жоғары білім беру процесін жетілдіру жетекші шетелдік платформалардағы ЖАОК-дың озық тәжірибесін интеграциялауды талап етеді. Аталған мақсатқа жету үшін халықаралық теориялық және практикалық тәжірибе алмасуды қамтамасыз ететін цифрлық платформаларды меңгеру қажет.

ЖАОК тарихына көз жүгіртсек, алғаш рет 2008 жылы Манитоба университетінде 2200-ден астам тыңдаушылар қатысқан курс ұйымдастырылған [2, 266 б.]. Осы орайда, Жаппай ашық онлайн-курс (ЖАОК) бұл кез келген адам үшін негізгі мазмұнына тегін қолжетімді білім беру ресурстары. Олар әлемнің жетекші оқытушыларын тарту арқылы кең ауқымды оқыту ортасын ұсынады, мұнда тыңдаушылар өздерінің оқу процесін дербес басқаруға мүмкіндік алады. Қалаған кез келген оқытушы курсқа тіркеліп, тиісті оқу мазмұнын әзірлейді, басқа пайдаланушыларға қолжетімді етеді. Мұндай курстардың артықшылығы олардың кез келген уақытта және кез келген жерде қолжетімді болуы [3, 357 б.].

«Udacity», «Coursera», «EdX» және өзге де платформалар интернетке қолжетімі бар кез келген адамға жаппай ашық онлайн-

курстарды ұсынады. Бұл курстардың мазмұны ашық қолжетімді болып табылады және білім беру технологиялары саласында қолданылып келеді, бүгінде олардың танымалдығы үнемі артып келеді. Онлайн-курстар арнайы білім беру мақсатында әзірленеді, ал «Coursera», «EdX» сияқты платформалар осы салада жетекші орынға ие. ЖАОК-тар, әдетте, дәстүрлі оқу пәндерін толықтыратын қосымша ресурс ретінде немесе оқыту үдерісін жетілдіру мақсатында оқу бағдарламасына енгізіледі [4, 201 б.]. Онлайн-курстар білім беру саласында кеңінен танымал бола бастаған сайын, олардың әлеуетін, шектеулерін және білім алушылардың оқу нәтижелерін арттыру мақсатында тиімді интеграциялау жолдарын жан-жақты түсіну өзекті мәселеге айналады.

Қазіргі таңда ЖАОК-тар бүкіл әлем бойынша бейресми онлайн білім беру нысандары ретінде кеңінен қолданыс табуда, олар ашықтық пен қолжетімділік қағидаттарына негізделген, бұл білім алушылардың бірлесіп білім құрастыратын, ынтымақтастықтағы оқу дағдылары мен тәжірибелерін дамытатын, сондай-ақ қолдаушы әрі интеграцияланған онлайн оқу қауымдастығының бір бөлігіне айналатын негізгі білім беру ортасы болып табылады [5, 147 б.]. Тесттер немесе бейне дәрістер сияқты дәстүрлі оқыту құралдарынан айырмашылығы, онлайн-курстарда білім алушылар жасаған мазмұн бірегей эмпирикалық дереккөзі ретінде қарастырылады. Бұл деректер олардың көзқарастары мен оқу үдерістерін неғұрлым дәл әрі шынайы түсінуге мүмкіндік береді [5, 148 б.]. Оқыту аналитикасы онлайн-курстарды жобалау мен дамыту үдерісіне тереңірек көзқарас қалыптастыру үшін кең көлемдегі талқылау деректерін тиімді пайдаланады [6, 398 б.]. Сыни ойлау мен белсенді әлеуметтік өзара әрекеттесуді қамтитын жоғары сапалы ЖАОК-тар талқылаулары білім алушылардың онлайн оқуға қатысуын, жағымды оқу тәжірибесін және оқу нәтижелерін жақсартуда маңызды рөл атқарады [7, 503 б.].

Ал отандық ғалымдардың тұжырымдары ЖАОК-тың бірқатар маңызды артықшылықтарын айқындайды.

Зерттеушілердің пікірінше, ЖАОК студенттерге білім арудың жаңа мүмкіндіктерін ұсынып, онлайн-білім берудегі инновациялық шешім ретінде көрінеді [8, 121 б.]. Сонымен қатар, оның негізгі мақсаты білім алушыларға оқу мен дамуға кең жол ашу, жеке оқу бағдарламаларын қалыптастыру және өзара оқыту арқылы ғылыми ақпарат алмасуды жетілдіру [9, 39 б.]. ЖАОК қашықтықтан оқытуды іске асыруда студенттердің оқу материалдарына тікелей қол жеткізуін қамтамасыз етіп [10, 217 б.], оқу қарқынын дербес реттеуге мүмкіндік береді [11, 94 б.]. Сондай-ақ, ЖАОК дәстүрлі оқыту формаларын цифрлық білім беру құралдарымен ұштастыруға жағдай жасайтын тиімді технологиялық платформа болып табылады [12, 200 б.].

Осылайша, ЖАОК-тар оқытудың қолжетімділігі, икемділігі және интерактивтілігімен ерекшеленетін заманауи білім беру форматы ретінде қылмыстық-құқықтық саладағы киберқауіпсіздік бойынша білім беру тәжірибесіне бейімделу арқылы білім алушылардың теориялық білімін практикалық дағдылармен ұштастыруына, нақты киберқауіп-қатерлерді тану қабілетін дамытуына және қазіргі цифрлық ортада қауіпсіз мінез-құлық мәдениетін қалыптастыруына ықпал етеді. Әрине, қылмыстық-құқықтық пәндерді оқыту әдістемесі үнемі жетілдіруді талап етеді. Ғылым мен техниканың қарқынды дамуы, жаңа әлеуметтік өзара әрекеттестік формаларының қалыптасуы, сондай-ақ қылмыстық әрекеттердің технологиялануы аталмыш пәндердің мазмұнына өзгерістер енгізуді қажет етеді. Бұл жағдай білім беру үдерісінде заманауи педагогикалық технологияларды енгізу мен жетілдірудің өзектілігін айқындайды.

Өйткені, құқықтық мемлекет құру жолында болашақ құқық қорғау мамандарын даярлау үдерісінде қылмыстық-құқықтық пәндерді оқытудың сапасы ерекше мәнге ие. Бұл пәндер тек теориялық біліммен шектелмей, білім алушылардың тәжірибелік дағдыларын қалыптастыруға бағытталуы тиіс. Осы тұрғыда қазіргі заманғы оқытушының негізгі міндеттерінің бірі студенттерге,

тыңдаушыларға қылмыстылықпен күресуге қажетті кәсіби білім, тәжірибелік дағдылар мен іскерліктерді жүйелі түрде меңгерту болып табылады.

Білім беру саласындағы жаһандық өзгерістер, ғылым мен техниканың дамуы және қылмыстық әрекеттердің күрделене түсуі білім беру үдерісіне жаңа талаптар қоюда. Бұл жағдай оқытушыдан дәстүрлі әдістермен шектелмей, инновациялық және технологиялық мүмкіндіктерді тиімді қолдануды талап етеді. Инновациялық білім берудің ерекшелігі заманауи ақпараттық-коммуникациялық технологиялар мен интерактивті әдістерді кешенді әрі үйлесімді пайдалану арқылы оқу үдерісін тиімді ұйымдастыруында болып отыр. Мұндай тәсіл студенттердің танымдық белсенділігін арттырып, теориялық білімді тәжірибелік жағдайларда қолдану қабілетін дамытуға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, болашақ заңгерлердің кәсіби құзыреттілігін арттыруда сыни ойлау, мәселелерді шешу, шешім қабылдау секілді құнды қабілеттерді қалыптастыруда инновациялық оқыту әдістерінің орны ерекше.

Айта кетсек, елімізде жоғары оқу орындары ЖАОК әзірлеушілері ретінде оларды оқу процесінде белсенді қолдануда. Мысалы, Фараби университеті (Open Kaznu), Сатпаев университеті (PolytechOnline) және т.б., 2020 жылы Satbayev University 400 жуық онлайн-курстар әзірледі, бұл Қазақстанның барлық университеттерінің жалпы онлайн-курстарының 28%-ын құрайды, осы негізде жоғары мектептер арасында ЖАОК-ды әзірлеу бойынша көшбасшы деп танылды. Бүгінгі таңда PlaytechOnline университеттік платформасында 9500-ден астам адам оқиды, бұл онлайн-режимде оқитын барлық қазақстандық білім алушылардың 13%-ын құрайды, 3000-ға жуық пәнді оқуға рұқсат берілген. Сонымен, «PolytechOnline» платформасы Қазақстандағы ең бай платформаға айналды².

Жинақталған ауқымды теориялық және эмпирикалық материал қылмыстық-құқықтық пәндер блогын мазмұны жағынан күрделі әрі

көпқырлы оқу пәніне айналдырды. Бұл пәндер өз құрамына күрделі ұғымдық аппаратты қамтитын, өзара тығыз байланысқан санаттар мен құбылыстар жүйесін біріктіреді. Зерттеуші И.А. Возгриннің еңбектерінде атап көрсетілгендей: «қылмыстық-құқықтық пәндерді тиімді оқыту, ең алдымен, білім беру үдерісін жан-жақты ұйымдастыруға байланысты, оқыту сапасын қамтамасыз ету үшін келесі құрамдас бөліктерді дайындау қажеттігі баса айтылады:

- дәрістік материалдар блогы;
- семинарлық және практикалық сабақтарға арналған жағдаяттық есептер мен кейстер жүйесі;
- шығармашылық және аналитикалық ойлауды дамытуға бағытталған тапсырмалар кешені;
- интерактивті және командалық жұмыс нысандарын қамтитын жаттығулар;
- білім мен дағдыларды тексеруге арналған бағалау тапсырмалары» [13, 15 б.].

Автордың пікірінше, қылмыстық-құқықтық пәндерді оқытудағы басым бағыттардың бірі семинарлық, практикалық және зертханалық сабақтарды тиімді ұйымдастыру. Бұл сабақ түрлері білім алушылардың оқу материалын терең меңгеруіне, сондай-ақ модельдер мен макеттермен өзара әрекеттесу арқылы теориялық білімді нақты тәжірибелік компоненттермен ұштастыруына мүмкіндік береді. Аталған сабақтардың тиімділігі көбінесе оқу орнының материалдық-техникалық базасының жағдайына, яғни оқу жабдықтарымен, көрнекі құралдармен және инновациялық технологиялармен қамтамасыз етілу деңгейіне тікелей байланысты екенін атап өткен жөн.

Семинарлық, практикалық және зертханалық сабақтарда тәжірибелерге бағытталған және интерактивті оқытудың тиімді құралдарының бірі ретінде онлайн-курстарды кеңінен қолдануға болады. Бұл онлайн-курстар оқыту үдерісін жекелеген білім алушылардың деңгейіне бейімдеп, теориялық білімді тәжірибелік дағдылармен ұштастыруға мүмкіндік береді. ЖАОК-тар ақпараттық технологиялар базасында

² Satbayev University стал лидером среди вузов по разработке собственных онлайн-курсов [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://bilimdinews.kz/?p=138451> (жүгінген күні: 15.07.2025).

құрылған және олар арқылы білім алушы материалды өз бетімен меңгеру, интерактивті тапсырмаларды орындау, тренажерлермен жұмыс істеу, сонымен қатар білімін автоматты түрде тексеру секілді әрекеттерді жүзеге асыра алады.

Қылмыстық-құқықтық пәндер аясында ЖАОК келесі бағыттарда тиімді қолдануға болады:

- қылмыстық істі модельдеу – нақты тергеу әрекеттерінің алгоритмдерін визуалды түрде көрсету, дәлелдемелерді жинау және талдау дағдыларын қалыптастыру;

- процестік құжаттарды рәсімдеу тренажерлері: хаттама, қаулы, үкім жобаларын толтыруды автоматты түрде үйрету;

- қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау жаттығулары – түрлі құқықтық жағдайларға баға беріп, нақты баптармен саралау машығын дамыту;

- интерактивті тестілеу мен бағалау – теориялық білімді бекіту мақсатында бейімделген тест тапсырмалары арқылы бағалау.

ЖАОК-тың артықшылықтарының бірі оқу материалының визуализациясы мен геймификациясы арқылы білім алушының танымдық белсенділігін арттыру және алған білімді нақты іскерлікке айналдыру мүмкіндігі оқытушының білім беру үдерісін тиімді бақылауына, білім алушылардың прогресін нақты талдауға жағдай жасайды. Осылайша, қылмыстық-құқықтық пәндерде ЖАОК-ты қолдану дәстүрлі оқытуды заманауи цифрлық технологиялармен ұштастырып, болашақ құқық қорғау мамандарының кәсіби құзыреттіліктерін қалыптастыруда маңызды рөл атқарады.

Қылмыстық-құқықтық пәндер бойынша практикалық, семинарлық және зертханалық сабақтарды ұйымдастырудың мазмұндық қырларын талдау барысында заң саласының болашақ мамандары үшін кәсіби құқықтық құзыреттілікті тиісті деңгейде қалыптастыруда виртуалды тақталарды пайдалану қажеттілігі де айқындалады [14, 425 б.]. Аталған көзқарасқа сәйкес, оқыту үдерісіне бұл құралдарды енгізу білім алушылар мен оқытушылар арасындағы өзара әрекеттесу

деңгейінің артуына, өз кезегінде білім беру үдерісінің тиімділігіне және оқу нәтижелерінің сапасына оң ықпалын тигізеді.

Онлайн-курстар арқылы қылмыстық-құқықтық пәндерге арналған оқу-әдістемелік кешендерді әзірлеу барысында тек теориялық мазмұнмен шектелу жеткіліксіз, яғни заманауи білім беру үдерісі тәжірибелік компонентпен толықтырылуы тиіс. Бұл, өз кезегінде, қылмыспен күрестегі тиімділікті арттыру мақсатында өзге ғылым салаларының (криминология, психология, ақпараттық технологиялар және т.б.) жетістіктерін қолдана отырып, пәнаралық байланыстарды орнатуды және интеграцияланған тапсырмаларды енгізуді талап етеді. Осы тұста, қылмыстық-құқықтық пәндерді оқыту әдістемесі ЖАОК форматында оқыту үдерісін ұйымдастырудың кешенді педагогикалық, әдістемелік және кәсіби-компетенттілік қырларын үйлестіруге негізделеді. Бұл келесі әдістемелік аспектілер арқылы айқындалады:

- құқықтық білім мазмұнын құрылымдаудың әдістемелік дәлдігі ретінде оқытушы ЖАОК платформасында қылмыстық құқық нормаларын модуль бойынша жіктеп, теориялық материалды казустармен, сот тәжірибесінен алынған мысалдармен, дәлелдемелерді талдау тапсырмаларымен байланыстырады;

- цифрлық педагогика мен құқықтық дағдыларды интеграциялау оқу ортасына интерактивті бейнесабақтар, виртуалды дәлелдемелер пакеті, қылмыс орнын модельдейтін цифрлық симуляторлар, рөлдік «тергеуші-прокурор-қорғаушы» онлайн тапсырмалары сияқты құралдарды кіріктіру арқылы жүзеге асады. Бұл студенттің процестік ойлау дағдыларын дәлелдемені бағалау, құқықтық норманы нақты жағдаятқа қолдану, құқықтық шешімді негіздеу қабілеттерін қалыптастырады;

- оқыту үдерісін деректерге негізделген басқару оқытушының әдістемелік шеберлігі ЖАОК платформасының аналитикалық ресурстарын тиімді қолдануынан көрінеді, студенттің модульдер бойынша жылжу динамикасын бақылау, тапсырмаларды орындаудағы қателіктерді талдау, оқу траекториясын жеке дара бейімдеу. Бұл

тәсіл қылмыстық-құқықтық пәндердегі білім сапасын дәлелді түрде арттыруға мүмкіндік береді;

- тәжірибелік-құқықтық құзыреттерді қалыптастыруға бағытталған кері байланыс орнатуда оқытушының кәсіби әдістемелік шеберлігі: казустарды бағалауда дәлелді кері байланыс беру, студенттің құқықтық дәлелдеу логикасын жетілдіру, процестік қателерді көрсету және түзету, модельдік істерді кәсіби стандарттарға сәйкес тексеру арқылы көрініс табады;

- академиялық адалдық пен кәсіби этиканы сақтай отырып оқыту ЖАОК-та қолданылатын плагиат тексеру, уақыттық шектеулер, зертханалық симуляциялардың бірегей нұсқалары оқытушының әдістемелік мәдениетін қалыптастырып, қылмыстық-құқықтық пәндердегі кәсіби адалдық талаптарына сәйкес білім беру ортасын қамтамасыз етеді.

Ғылыми зерттеулерде көрсетілгендей: «мұндай технологияларды қолдану білім алушылар үшін білім беру процесіне қашықтан қосылу мүмкіндігі арқылы икемділік пен қолжетімділікті қамтамасыз етеді, бұл – жоғары білімнің сапасы мен қолжетімділігін арттырудың маңызды факторы [15, 35 б.].

Осылайша, қылмыстық-құқықтық пәндері оқытуда білім беру процесін жетілдіру қызметінде теориялық да, қолданбалы да компоненттерді кешенді зерделеуді біріктіретін аралас оқыту әдістемелерін қолдануға назар аударған жөн, осындай кешенді және жүйелі тәсілдерді қолдану білім беру мазмұнының сапасын арттырумен қатар, болашақ мамандардың кәсіби құзыреттілігін қалыптастыруда шешуші рөл атқарады.

Сонымен қатар, қылмыстық-құқықтық пәндерді оқыту механизмдерін жетілдіру келесі негізгі факторларға тәуелді екенін атап өткен жөн:

- білім беру мекемесінің материалдық-техникалық базасының даму деңгейі мен сапасы, оқу үдерісінде қолданылатын макеттер мен үлгілердің, сондай-ақ арнайы бағдарламалық қамтамасыз етудің болуы;

- оқытушының кәсіби құзыреттілігі, педагогикалық шеберлігі және оқытылатын пәнге деген белсенді көзқарасы;

- білім алушылардың оқу процесіне деген қызығушылығы мен ынтасы, сондай-ақ таңдаған мамандықтың тартымдылығы мен болашағына сенімі.

Білім алушылардың уәждемесі мен оқу үдерісіне деген қызығушылығы көбінесе алдыңғы екі компоненттің: материалдық-техникалық базаның деңгейі мен оқытушының кәсіби құзыреттілігінің сапасына тікелей байланысты. Мәселен, оқу орнының әлсіз материалдық-техникалық базасы немесе оқытушының кәсібилік деңгейінің төмендігі білім алушының оқуға деген ынтасын айтарлықтай төмендетуі мүмкін. Мұндай жағымсыз факторлар, өз кезегінде, білім алушылардың болашақ мамандыққа деген сенімсіздігін тудырып, құқық қорғау қызметіне деген қызығушылықтың жоғалуына, тіпті одан мүлде бас тартуға әкелуі ықтимал. Демек, білім беру үдерісін жетілдіру бұл үнемі өзгеріп отыратын, динамикалық сипаттағы құбылыс болып табылады және ұзақ мерзімді перспективада білім беру саласына тән ерекшелік ретінде қарастырылады. Бұл үдеріс, ең алдымен, ғылыми-техникалық прогрестің жеделдеуімен тығыз байланысты жаңа тәсілдер мен заманауи оқыту формаларының пайда болуына талап етті. Бұл бағыттағы баяу әрекет ету білім беру сапасының жалпы төмендеуіне алып келуі мүмкін. Осыған орай, қылмыстық-құқықтық пәндерді оқытуда жаппай ашық онлайн-курстарды қолдану заманауи білім беру процесін жетілдірудің тиімді жолдарының бірі ретінде қарастырылды. Мұндай онлайн-курстар білім алушыларға қолжетімділік, икемділік және интерактивті оқу мүмкіндігін ұсына отырып, теориялық білімді тәжірибемен ұштастыруға жол ашады. Сонымен қатар, ЖАОК оқытушылар үшін де білім беру мазмұнын жаңартуға, цифрлық педагогикалық әдістерді қолдануға және білім беру форматы уақыт талабына сай бейімделіп, сапалы оқытуға жаңа мүмкіндіктер береді. Алайда, бұл бағыттағы жұмыстарды жетілдіру үшін оқу материалдарының сапасын арттыру, платформа мүмкіндіктерін тиімді пайдалану және академиялық әдістемелерді жаңғырту қажет етеді.

Қорытынды. Сонымен, қылмыстық-

құқықтық пәндерді оқыту үдерісінде ЖАОК-ды кеңінен енгізу білім беру сапасын арттырудың, қолжетімділікті қамтамасыз етудің және білім алушылардың уәждемесін күшейтудің тиімді тетігі ретінде қарастырылды.

Осыған байланысты төмендегідей қорытынды ұсыныстар беруге болады:

- қылмыстық-құқықтық пәндерге арналған арнайы мазмұн әзірлеу арқылы оларды отандық құқықтық білім беру стандарттарына сәйкестендіру, ЖАОК платформаларын бейімдеу;

- интерактивті дәрістер, қылмыстық істер бойынша виртуалды симуляциялар, тест тапсырмаларымен кейс-стадиядістерін енгізу арқылы білім алушылардың практикалық дағдыларын дамытуға бағытталған контент құру, яғни цифрлық білім беру ресурстарын дамыту;

- ЖАОК құралдарын тиімді пайдалану үшін оқытушылардың цифрлық сауаттылығын жетілдіру бойынша тұрақты курстар мен біліктілік арттыру бағдарламаларын

ұйымдастыру, оқытушылардың ІТ-компетенцияларын арттыру;

- дәстүрлі аудиториялық сабақтарды ЖАОК элементтерімен ұштастыру арқылы оқу үдерісінің икемділігі мен тиімділігін арттыру, демек аралас оқыту форматын енгізу;

- онлайн форматтағы оқытуда кері байланыс жүйесін жетілдіру, мотивациялық тетіктер (геймификация, сертификаттар, рейтингтер) қолдану арқылы студенттердің қатысу деңгейін жоғарылату, білім алушылардың белсенділігін ынталандыру;

- онлайн-оқытудың ашықтығы мен сенімділігін сақтау мақсатында білім алушылардың өзіндік жұмыстары мен емтихан нәтижелерінің шынайылығын бақылау механизмдерін енгізу қажет.

Осы ұсыныстарды іске асыру арқылы қылмыстық-құқықтық пәндерді оқытудың сапасы мен заманауилығын арттыруға, сондай-ақ болашақ құқық қорғау мамандарын даярлау тиімділігін жоғарылатуға қол жеткізуге болады.

Мақала университеттік жоба аясында дайындалды. Жоба 2025 жылғы 3 сәуірдегі № 05-04/250 бұйрыққа сәйкес Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің қаржыландыруымен жүзеге асырылуда.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Хохряков, М.А. Опыт перехода юридического вуза к дистанционной форме обучения в период пандемии: анализ мнений студентов и преподавателей / М.А. Хохряков, Т.Ю. Вилкова, С.А. Насонов // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 6 (54). – С. 97-109.
2. Mackness, J., Mak, S.F.J., & Williams, R. The ideals and reality of participating in a MOOC: Proceedings of the 7th International Conference on Networked Learning, 2010. – № 10. – Pp. 266-274.
3. I. De Waard. MOOC design: Ubiquitous, open learning in the cloud // Handbook of mobile learning, Routledge, 2013. – Pp. 356-368.
4. S.P. Atkinson. Online professional development for teachers: Emerging models and methods. In Handbook of research on K-12 online and blended learning, 2014. – Pp. 201-226.
5. A. Ezen-Can, et al. Unsupervised modeling for understanding MOOC discussion forums: a learning analytics approach // Proceedings of the fifth international conference on learning analytics and knowledge, 2015. – Pp. 146-150.
6. X. Wang, M. Wen, C.P. Rosé. Towards triggering higher-order thinking behaviors in MOOCs // Proceedings of the sixth international conference on learning analytics & knowledge, 2016. – Pp. 398-407.
7. E. Fincham, et al. Counting clicks is not enough: Validating a theorized model of engagement in learning analytics // Proceedings of the 9th international conference on learning analytics & knowledge, 2019. – Pp. 501-510.
8. Докучаева, Н.В. К вопросу массовых открытых онлайн-курсов в контексте непрерывного образования / Н.В. Докучаева, С.А. Иванова, Д.Б. Тлеумбетова // Bulletin of the Karaganda University Pedagogy series. – 2025. – № 30.1 (117). – С. 116-123.
9. Шрымбай, Д.А. Жаппай ашық онлайн курс құру негізінде мұғалімдердің кәсіби құзырет-

тілігінің қалыптастыру / Д.А. Шрымбай, Э.Т. Адылбекова, Г.М. Абдиманапова, М.С. Балғанова // Торайғыров университетінің Хабаршысы. Педагогикалық сериясы. – 2024. – № 1. – 31-45 б.

10. Оспанова, Н. Проблемы построения модели платформы для реализации массовых открытых онлайн-курсов / Н. Оспанова и др. // Вестник КазАТК. – 2025. – Том 137. № 2. – С. 209-220.

11. Ергалиева, А.Б. Восприятие студентами и преподавателями использования моок при обучении профессионального английского языка / А.Б. Ергалиева, Д.Б. Шаяхметова // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Педагогические науки. – 2022. – № 2 (74). – С. 88-95.

12. Рысбеккызы, Н. Сравнительный анализ платформ массового открытого онлайн курса (MOOK) в преподавании английского языка / Н. Рысбеккызы и др. // Eurasian Journal of Philology. Science and Education. – 2025. – № 197 (1). – С. 192-201.

13. Возгрин, И.А. Основы методики и дидактики курса «Криминалистика» / И.А. Возгрин, А.А. Степанов. – СПб., 2002. – 222 с.

14. Юрков, С.А. Особенности использования виртуальных досок для формирования профессионально-правовой компетентности будущего юриста / С.А. Юрков, М.С. Ившин // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 4 (46). – С. 425-440.

15. Hamada, M. An Interactive Learning Environment for Information and Communication Theory / M. Hamada, M. Hassan // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. – 2017. – Vol. 13 (1). – Pp. 35-59.

References:

1. Hohrjakov, M.A. Opyt perehoda juridicheskogo vuza k distancionnoj forme obuchenija v period pandemii: analiz mnenij studentov i prepodavatelej / M.A. Hohrjakov, T.Ju. Vilkova, S.A. Nasonov // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2021. – № 6 (54). – S. 97-109.

2. Mackness, J., Mak, S.F.J., & Williams, R. The ideals and reality of participating in a MOOC: Proceedings of the 7th International Conference on Networked Learning, 2010. – № 10. – Pp. 266-274.

3. I. De Waard. MOOC design: Ubiquitous, open learning in the cloud // Handbook of mobile learning, Routledge, 2013. – Pp. 356-368.

4. S.P. Atkonson. Online professional development for teachers: Emerging models and methods. In Handbook of research on K-12 online and blended learning, 2014. – Pp. 201-226.

5. A. Ezen-Can, et al. Unsupervised modeling for understanding MOOC discussion forums: a learning analytics approach // Proceedings of the fifth international conference on learning analytics and knowledge, 2015. – Pp. 146-150.

6. X. Wang, M. Wen, C.P. Rosé. Towards triggering higher-order thinking behaviors in MOOCs // Proceedings of the sixth international conference on learning analytics & knowledge, 2016. – Pp. 398-407.

7. E. Fincham, et al. Counting clicks is not enough: Validating a theorized model of engagement in learning analytics // Proceedings of the 9th international conference on learning analytics & knowledge, 2019. – Pp. 501-510.

8. Dokuchaeva, N.V. K voprosu massovyh otkrytyh onlajn-kursov v kontekste nepreryvnogo obrazovaniya / N.V. Dokuchaeva, S.A. Ivanova, D.B. Tleumbetova // Bulletin of the Karaganda University Pedagogy series. – 2025. – № 30.1 (117). – S. 116-123.

9. Shrymbaj, D.A. Zhappaj ashıyq onlajn kurs qıru negizinde mұfalımdırdıń keshibi qızıyrettiliginiń qalıptastyru / D.A. Shrymbaj, Je.T. Adylbekova, G.M. Abdimanapova, M.S. Balғанova // Torajıyrov universitetiniń Habarshysy. Pedagogikalıq serijasy. – 2024. – № 1. – 31-45 b.

10. Ospanova, N. Problemy postroeniya modeli platformy dlja realizacii massovyh otkry tyh onlajn-kursov / N. Ospanova i dr. // Vestnik KazATK. – 2025. – Tom 137. № 2. – S. 209-220.

11. Ergalieva, A.B. Vospriyatie studentami i prepodavateljami ispol'zovaniya mook pri obuchenii professional'nogo anglijskogo jazyka / A.B. Ergalieva, D.B. Shajahmetova // Vestnik KazNPU imeni Abaya. Serija: Pedagogicheskie nauki. – 2022. – № 2 (74). – S. 88-95.

12. Rysbekkyzy, N. Sravnitel'nyj analiz platform massovogo otkrytogo onlajn kursa (MOOK) v

prepodavanii anglijskogo jazyka / N. Rysbekkyzy i dr. // Eurasian Journal of Philology. Science and Education. – 2025. – № 197 (1). – S. 192-201.

13. Vozgrin, I.A. Osnovy metodiki i didaktiki kursa «Kriminalistika» / I.A. Vozgrin, A.A. Stepanov. – SPb., 2002. – 222 s.

14. Jurkov, S.A. Osobennosti ispol'zovaniya virtual'nyh dosok dlja formirovaniya professional'no-pravovoj kompetentnosti budushhego jurista / S.A. Jurkov, M.S. Ivshin // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2020. – № 4 (46). – S. 425-440.

15. Hamada, M. An Interactive Learning Environment for Information and Communication Theory / M. Hamada, M. Hassan // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. – 2017. – Vol. 13 (1). – Pp. 35-59.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Динара Жомартовна Белхожаева – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Тарих және құқық факультеті құқықтану кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: dinar_15@list.ru.

Белхожаева Динара Жомартовна – старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета истории и права Казахского национального педагогического университета имени Абая, доктор философии (PhD), e-mail: dinar_15@list.ru.

Belkhozhaeva Dinara Zhomartovna – Senior Lecturer at the Department of Jurisprudence Faculty of History and Law Kazakh National Pedagogical University named after Abai, PhD, e-mail: dinar_15@list.ru.

Құралай Тұрлыханқызы – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті Тарих және құқық факультеті құқықтану кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: kuralay_turlykhan@mail.ru.

Тұрлыханқызы Құралай – старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета истории и права Казахского национального педагогического университета имени Абая, доктор философии (PhD), e-mail: kuralay_turlykhan@mail.ru.

Turlykhankyzy Kuralay – Senior Lecturer at the Department of Jurisprudence Faculty of History and Law Kazakh National Pedagogical University named after Abai, PhD, e-mail: kuralay_turlykhan@mail.ru.

А.М. Жусипбекова, Е.М. Хакимов

*Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан*

ПРАВО БЕЗ РАВЕНСТВА: СТАЛКИНГ И СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В ЛОВУШКЕ КОЛЛИЗИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой коллизии и несоразмерности ответственности за stalking и семейно-бытовое насилие в законодательстве Республики Казахстан. В сентябре 2025 года введена уголовная ответственность за stalking (ст. 115-1 УК), что отражает признание общественной опасности данного деяния и соответствует международной практике. Однако анализ норм показал дублирование объективных признаков stalking и административных правонарушений, связанных с нарушением защитного предписания (ст. 461 КоАП) и неисполнением судебных актов (ст. 669 КоАП). Установлено, что уголовная ответственность применяется к общему субъекту (любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет), тогда как специальные субъекты в семейно-бытовых отношениях (супруг, бывший супруг, родственник) несут лишь административную ответственность, несмотря на схожесть действий. Такая несогласованность приводит к снижению уровня защиты наиболее уязвимых категорий жертв и противоречит принципам справедливости и равенства перед законом. В статье обосновываются пути устранения правовой неопределенности, включая расширение уголовного состава stalking на семейно-бытовые отношения, сохранение административной ответственности как превентивной меры.

Ключевые слова: административная ответственность; защитное предписание; несоразмерность; коллизия; stalking; семейно-бытовое насилие; уголовная ответственность.

А.М. Жусипбекова, Е.М. Хакимов

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы,
Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ТЕҢДІКСІЗ ҚҰҚЫҚ: КОЛЛИЗИЯ СТАЛКИНГ ПЕН ОТБАСЫЛЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТА

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасы заңнамасында stalking пен отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық үшін жауаптылықтың құқықтық қайшылығы мен үйлесімсіздігін зерттеуге арналған. 2025 жылғы қыркүйек айында stalking үшін қылмыстық жауаптылық (ҚК 115-1-бабы) енгізілді, бұл осы әрекеттің қоғамдық қауіптілігін мойындауды көрсетеді және халықаралық тәжірибеге сәйкес келеді. Алайда, нормаларды талдау қорғаныс нұсқамасын бұзумен (ӨҚБтК 461-бабы) және сот актілерін орындамаумен (ӨҚБтК 669-бабы) байланысты stalkingтің объективті белгілерінің және әкімшілік құқық бұзушылықтардың қайталануын көрсетті. Қылмыстық жауаптылық жалпы субъектіге (16 жасқа толған кез келген есі дұрыс адам) қолданылатыны анықталды, ал отбасылық-тұрмыстық қатынастардағы арнайы субъектілер (жұбайы, бұрынғы жұбайы, туысы) іс-әрекеттердің ұқсастығына қарамастан тек әкімшілік жауаптылыққа тартылады. Мұндай сәйкессіздік құрбандардың ең осал санаттарын қорғау деңгейінің төмендеуіне әкеледі және заң алдындағы әділеттілік пен теңдік қағидаттарына қайшы келеді. Мақалада құқықтық белгісіздікті жою жолдары, соның ішінде stalkingтің қылмыстық құрамын отбасылық-тұрмыстық қатынастарға кеңейту, әкімшілік жауаптылықты алдын алу шарасы ретінде сақтау негізделеді.

Түйінді сөздер: әкімшілік жауаптылық; қорғау нұсқамасы; үйлесімсіздік; коллизия; stalking; отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық; қылмыстық жауаптылық.

A.M. Zhussipbekova, E.M. Khakimov
*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan*

RIGHT WITHOUT EQUALITY: STALKING AND DOMESTIC VIOLENCE TRAPPED IN COLLISIONS

Abstract. The article is devoted to the study of the legal collision and disproportionality of liability for stalking and domestic violence in the legislation of the Republic of Kazakhstan. In September 2025, criminal liability for stalking (Article 115-1 of the Criminal Code) was introduced, reflecting the recognition of the social danger of this act and its compliance with international practice. However, the analysis of legal norms revealed duplication of the objective elements of stalking and administrative offenses related to the violation of a protection order (Article 461 of the Code of Administrative Offenses) and non-execution of court decisions (Article 669 of the Code of Administrative Offenses). It has been established that criminal liability applies to the general subject (any sane person from the age of 16), whereas special subjects in domestic relations (spouse, former spouse, relative) bear only administrative liability, despite the similarity of actions. Such inconsistency reduces the level of protection for the most vulnerable categories of victims and contradicts the principles of justice and equality before the law. The article substantiates possible ways of eliminating legal uncertainty, including the extension of the criminal composition of stalking to domestic relations and the preservation of administrative liability as a preventive measure.

Keywords: administrative liability; protection order; disproportionality; collision; stalking; domestic violence; criminal liability.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_114

Введение. Президентом Республики Казахстан (далее – РК) К.-Ж. Токаевым 16 июля т.г. подписан закон, которым некоторые правоотношения, находившиеся ранее вне правового поля, стали регулироваться нормами уголовного права¹, что свидетельствует о признании их общественной опасности и необходимости применения к нарушителям мер уголовно-правового воздействия. Это в свою очередь, требует от законодателя при осуществлении законотворческой деятельности использования надлежащих средств и приемов юридической техники, обеспечивающих их внутреннюю согласованность, системность и логическую непротиворечивость. Законодательные предписания должны быть сформулированы таким образом, чтобы исключить двусмысленные толкования, правовые лакуны и коллизии, а также гарантировать единообразие применения норм в правоприменительной практике.

Так, в законодательство РК введена ответственность за незаконное преследование лица, выражающееся в действиях, направленных на установление контакта и (или) выслеживание лица вопреки его воле, не сопряженных с насилием, повлекших существенный вред (ст. 115-1 Уголовного кодекса РК (далее – УК РК) «Сталкинг»).

Введение ответственности за данные действия явилось объективной необходимостью и соответствует мировой практике защиты прав личности. Однако, несмотря на требования к законотворческому процессу, данная норма создала коллизию между уголовной и административной ответственностью за схожие действия и породила несоразмерность правового регулирования ответственности за семейно-бытовое насилие и сталкинг.

Материалы и методы. Исследование основано на комплексном анализе нормативных правовых актов РК,

¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 2025 г. № 210-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000210> (дата обращения: 10.07.2025).

регулирующих ответственность за stalking и семейно-бытовое насилие. Основным источником эмпирического материала послужили положения УК РК, Кодекса РК об административных правонарушениях (далее – КоАП), а также статьи Конституции РК и Закона «О профилактике бытового насилия».

В качестве методологической основы применялась система общенаучных и специальных методов исследования. Среди таковых: сравнительно-правовой метод для выявления коллизий и несоразмерности между уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами, регулирующими сходные по объективной стороне деяния; формально-юридический метод для интерпретации диспозиций уголовных и административных норм, определения обязательных признаков составов правонарушений и их соотношения; метод правового моделирования для обоснования предложений по устранению коллизий и совершенствования законодательства.

Результаты, обсуждение. Для понимания возникшей проблемы раскроем уголовно-правовую характеристику stalking.

Так *общественная опасность* этого деяния заключается в нарушении фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РК и международных правозащитных актах², таких как неприкосновенность частной жизни, право на свободу передвижения, право на личную безопасность и пр.

Объектом являются общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни, свободу, безопасность.

Объективная сторона рассматриваемого уголовного правонарушения выражается в незаконном преследовании лица, заключающемся в совершении совокупности действий, направленных на установление контакта и (или) отслеживание лица вопреки его воле, не сопряженных с насилием, повлекших существенный вред.

По нашему мнению, *под незаконным преследованием лица* следует понимать умышленные, повторяющиеся действия, направленные на установление контакта и (или) слежку за лицом вопреки его воле, не сопряженные с применением насилия, но ограничивающие свободу, нарушающие частную жизнь, вызывающие у лица страх, тревогу, психологическое давление и причиняющие существенный вред его правам и законным интересам.

Вместе с тем в правовой практике имеются законные формы преследования, которые по внешним признакам могут быть схожи со stalking, однако отличаются по своей правовой природе, целям и основаниям. Такие действия осуществляются исключительно на основании закона, в рамках компетенции уполномоченных органов и при наличии процессуальных гарантий. К числу законных форм преследования можно отнести: деятельность судебных исполнителей³; оперативно-розыскные мероприятия, проводимые органами внутренних дел, Комитетом национальной безопасности и другими уполномоченными органами на основании Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴; досудебное производство⁵; коллекторская деятельность, допустимая в рамках Закона РК «О коллекторской

² Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (дата обращения: 10.07.2025);

Оратификации Международного пакта о гражданских и политических правах: закон Республики Казахстан от 28 нояб. 2005 г. № 91 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000091_ (дата обращения: 10.07.2025);

Оратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 года № 87 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000087_ (дата обращения: 10.07.2025);

Конвенция о защите прав человека и основных свобод: от 4 нояб. 1950 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/konventsiaa-ozashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh-konventsiaa/> (дата обращения: 10.07.2025);

О правах и основных свободах человека: Конвенция Совета Глав Государств Содружества Независимых Государств от 26 мая 1995 г. г. Минск [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/H9500000050_ (дата обращения: 10.07.2025).

³ Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей: закон Республики Казахстан от 2 апр. 2010 г. № 261-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000261_ (дата обращения: 20.07.2025).

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15 сент. 1994 г. № 154-XIII [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_ (дата обращения: 20.07.2025).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231/k14_231.htm (дата обращения: 09.07.2025).

деятельности»⁶; контроль за условно осужденными и административный надзор, осуществляемые службами пробации, которые основываются на решениях суда и имеют целью предупреждение повторных правонарушений и обеспечение общественного порядка⁷.

Под действиями, направленными на установление контакта, следует понимать любые умышленные и повторяющиеся попытки наладить или поддерживать общение, взаимодействие либо психоэмоциональную связь с лицом вопреки его воле, в т.ч. посредством личных обращений (встречи, приближение, преследование в общественных местах); телефонных звонков и сообщений (включая SMS, мессенджеры, электронную почту); взаимодействия через социальные сети (лайки, комментарии, подписки, переписка); отправки писем, подарков, цветов, посылок; заказов от имени лица (например, еды, такси); попыток выйти на контакт через третьих лиц (друзей, родственников, коллег).

Под выслеживанием лица, вопреки его воле следует понимать умышленные, систематические действия, направленные на скрытое или открытое наблюдение за передвижением, поведением, образом жизни лица, в т.ч. с использованием технических средств, вопреки воле потерпевшего, без законных оснований, вызывающие у него чувство слежки, тревожности, опасения за свою безопасность и нарушающие право на неприкосновенность частной жизни, свободы и безопасности [1].

Под действиями, совершаемыми вопреки воле лица, не сопряженными с насилием, повлекшими существенный вред, понимаются действия, которые совершаются без согласия лица, исключая физические или психологическое насилие в классическом смысле, но при этом приводят к серьезным негативным последствиям в правовой, психоэмоциональной или социальной сфере.

В целом и международная практика понимает под stalking указанные выше действия [2, 83 стр.]; [3, 14 стр.]; [4, 3158 стр.]

В контексте рассматриваемой статьи и в соответствии с пунктом 14 статьи 3 УК РК *под существенным вредом в результате stalking* следует понимать нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Обязательными признаками объективной стороны являются систематичность действий, что означает совершение *более двух раз* однородных, повторяющихся действий, направленных на установление контакта или слежку вопреки воле потерпевшего, и вытекает из самой природы понятия «преследование», которое по смыслу охватывает именно продолжающееся, повторное воздействие, способное вызывать устойчивое психоэмоциональное напряжение и причинить существенный вред. Несмотря на отсутствие прямого указания на систематичность в диспозиции статьи 115-1 УК РК, данный признак признается обязательным для правильной уголовно-правовой квалификации и разграничения разового навязчивого поведения от уголовно наказуемого деяния.

Субъектом выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (16 лет). Субъектом могут выступать как мужчины, так и женщины, в т.ч. бывшие партнеры, соседи, коллеги, малознакомые лица при наличии у них намерения совершать действия вопреки воле потерпевшего.

Субъективная сторона рассматриваемого уголовного правонарушения выражается в форме прямого умысла. Мотивы совершения преследования могут быть различными: ревность, месть, навязчивая влюбленность, психическое расстройство, а также личная заинтересованность, корысть либо исполнение просьбы или указания третьих лиц. При этом мотив не оказывает влияния на квалификацию деяния.

⁶ О коллекторской деятельности: закон Республики Казахстан от 6 мая 2017 г. № 62-VI [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000062> (дата обращения: 09.07.2025).

⁷ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 09.07.2025);

Опробации: закон Республики Казахстан от 30 дек. 2016 г. № 38-VI ЗПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038> (дата обращения: 09.07.2025).

Существуют правонарушения, формально схожие с объективной стороной stalkinga, ответственность за которые предусмотрена законодательством об административных правонарушениях. Так, статья 461 КоАП предусматривает ответственность за нарушение защитного предписания, которое выносится в целях обеспечения безопасности потерпевшего при отсутствии оснований для производства административного задержания правонарушителя в порядке, предусмотренном КоАП, либо задержания в порядке статьи 128 Уголовно-процессуального кодекса РК [5, 19 стр.]. Защитным предписанием запрещается совершать бытовое насилие, вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи⁸.

Также в законодательстве об административных правонарушениях предусмотрена такая мера профилактики бытового насилия, как установление особых требований к поведению правонарушителя, которые устанавливаются судом по собственной инициативе либо по ходатайству органов полиции или других участников производства по делу об административном правонарушении [6, 48 стр.]. Названные требования включают в полном объеме или по отдельности запрет: 1) вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать потерпевшего, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи; 2) приобретать, хранить, носить и использовать огнестрельное и другие виды оружия; 3) несовершеннолетним посещать определенные места, выезжать в другие местности без разрешения комиссии по защите прав несовершеннолетних; 4) употреблять алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные вещества⁹.

За неисполнение судебного акта предусмотрена административная ответственность по статье 669 КоАП «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта и исполнительного документа».

Как мы видим, в случае вынесения защитного предписания или установления особых требований к поведению правонарушителя лицу запрещается совершение таких действий, как вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать последнего, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакт иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи, что по своему содержанию схоже с признаками объективной стороны stalkinga.

Анализ показывает, что уголовная ответственность за stalkinga охватывает умышленные, повторяющиеся действия, направленные на установление контакта или отслеживание лица вопреки его воле, повлекшие существенный вред конституционным правам и интересам жертвы. Субъектом правонарушения выступает любое вменяемое лицо с 16-ти лет (общий субъект).

Административная ответственность (ст. 461, 669 КоАП) наступает за нарушение защитного предписания или особых требований к правонарушителю, по сути, также касается действий, направленных на установление нежелательного контакта, преследование и общение с жертвой вопреки ее воле. Отличием выступает специальный субъект (супруг, бывший супруг, сожитель, родственник и др.), а последствия в диспозиции не предполагают установления существенного вреда.

Таким образом, по содержанию объективной стороны обе группы норм регулируют сходные формы поведения (разыскивание, преследование, контакты вопреки воле жертвы), что приводит к дублированию составов и создает коллизию уголовного законодательства и

⁸ О профилактике бытового насилия: закон Республики Казахстан от 4 дек. 2009 г. № 214-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214_ (дата обращения: 17.08.2025).

⁹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z244> (дата обращения: 18.08.2025).

законодательства об административных правонарушениях.

В части несоразмерности правового регулирования ответственности за семейно-бытовое насилие и stalking необходимо ее рассматривать по нескольким позициям.

1. Природа отношений, на почве которых возникает правонарушение. Так, семейно-бытовые связи предполагают особый уровень доверия, близости и уязвимости жертвы. Нарушение прав со стороны близкого человека объективно является более опасным, чем аналогичные действия со стороны постороннего, поскольку причиняет больший психоэмоциональный вред.

2. Противоречие принципу справедливости. Так административное наказание (штраф до пяти месячных расчетных показателей (максимальный размер), арест до 20-ти суток (максимальный срок)) зачастую не отражает степень опасности поведения в семейно-бытовой сфере. Это ставит жертв в неравное положение: жертва оказывается менее защищенной от бывшего мужа, чем от малознакомого соседа.

3. Несогласованность конституционными ценностями, выражающаяся в нарушении принципа равенства всех перед законом и усиленной защиты семьи, материнства, детства. Более мягкая санкция для специального субъекта противоречит логике этих положений, поскольку фактически снижает уровень защиты наиболее уязвимых категорий.

В условиях действующих правовых норм при решении вопроса о привлечении лица к административной или уголовной ответственности правоприменитель будет отталкиваться от субъекта правонарушения и наступивших последствий.

Так, при вынесении защитного предписания или установлении особых требований к поведению правонарушителя субъектом являются супруг(а), бывшие супруги, лица, проживающие или проживавшие совместно, близкие родственники, лица, имеющие общего ребенка (детей) (специальный субъект). Тогда как субъектом stalking является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, т.е. субъект

общий и его круг более шире.

В результате совершения stalking нарушаются фундаментальные права личности на неприкосновенность частной жизни, свободы передвижения, личной безопасности и наносится существенный вред, выражающийся в устойчивом психоэмоциональном напряжении; ограничении свободы действий лица; нарушении привычного уклада жизни; утрате чувства защищенности и уверенности; необходимости изменения образа жизни, смены места жительства, работы или иных значимых условий. Тогда как по диспозиции статей КоАП причинение какого-либо вреда жертве правонарушения законодателем не предусмотрено.

То есть в действующем законодательстве РК наблюдается правовая аномалия: за идентичные по своей объективной стороне действия (разыскивание, преследование, установление контактов вопреки воле потерпевшего) ответственность общего субъекта (например, сосед, коллега, малознакомый человек) наступает в рамках уголовного права (ст. 115-1 УК РК), в то время как специальный субъект (супруг, бывший супруг, сожитель, близкий родственник) несет лишь административную ответственность за нарушение защитного предписания или особых требований к поведению.

Ранее к этому вопросу обращались некоторые ученые. Однако интерес касался статьи 115 УК РК «Угроза». Так, авторами поднимался вопрос о необходимости принятия части 2 статьи 115 УК РК, в которой следует закрепить ответственность за угрозы, совершенные в семейно-бытовой сфере [7, 78 стр.]. Другая группа ученых предлагала внести аналогичные положения в статьи об ответственности за изнасилование и сексуальное насилие [8, 54 стр.].

Исследованиями непосредственно вопросов уголовно-правовой и криминологической характеристики stalking и необходимости введения ответственности за stalking в УК РК занимались такие казахстанские ученые, как С.М. Рахметов [9], А.К. Дюсембаева, У.Е. Тугелбаев [10, С. 52-56].

Вопросы административной ответствен-

ности за совершение семейно-бытовых правонарушений рассматривал Е.С. Акимжанов [11]. Изучение трудов исследователей, посвященных данной проблематике, позволило установить, что выводы, сформулированные в настоящей работе, коррелируют с доминирующими научными позициями и находят подтверждение в результатах, представленных в современных исследовательских работах. Однако указанные авторы не проводили исследований сравнительного характера.

Заключение. Возможными путями разрешения сложившейся правовой неопределенности могут быть следующие варианты:

1. Необходимо расширить действие уголовного состава stalking (ст. 115-1 УК) и на сферу семейно-бытовых отношений либо ввести специальный квалифицирующий состав – «stalking, совершенный в отношении лица, находящегося в семейно-бытовых отношениях с виновным».

2. Административную ответственность

целесообразно сохранить только как превентивный барьер (первичное нарушение предписания без наступления вреда), а при установлении факта причинения психического, физического или социального ущерба переходить в плоскость уголовной ответственности.

3. В национальное законодательство следует имплементировать подходы, закрепленные в Стамбульской конвенции¹⁰, предусматривающей обязательность уголовной ответственности за систематическое психологическое насилие, преследование и контроль в семейной сфере.

Таким образом, устранение указанной коллизии возможно только при усилении уголовно-правовой защиты жертв семейно-бытового насилия, что позволит обеспечить соблюдение принципов справедливости, соразмерности и верховенства права, а также выполнение международных обязательств РК.

Список использованной литературы:

1. Mechanic, M.B. Intimate Partner Violence and Stalking Behavior: Exploration of Patterns and Correlates in a Sample of Acutely Battered Women / M.B. Mechanic, T.L. Weaver, P.A. Resick // Violence and Victims. – 2000. – Vol. 15. – Is 1.
2. Spitzberg, B.H. The State of the Art of Stalking: Taking Stock of the Emerging Literature / B.H. Spitzberg, W.R. Cupach // Aggression and Violent Behavior. – 2007. – Vol. 12. Is. 1. – Pp. 64-86.
3. Pathe, M., & Mullen, P. E. The impact of stalkers on their victims // British Journal of Psychiatry. 1. – 1997. – Vol. 170(01). – Pp. 12-17.
4. Brady, P.Q. The Dark Figure of Stalking: Examining Law Enforcement Response / P.Q. Brady, M.R. Nobles // J Interpers Violence. – 2017. – Vol. 32 (20). – Pp. 3149-3173.
5. Сапаралиева, С.М. Проблемы применения индивидуальных мер профилактики бытового насилия / С.М. Сапаралиева, А.С. Куатова, Г.Е. Аубакирова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2019. – № 4 (14). – С. 16-23.
6. Гайдуков, А.А. Особенности предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Казахстан и Российской Федерации / А.А. Гайдуков, Б.М. Сейтакова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2022. – 120 с.
7. Августхан, С.А. Қазақстан Республикасындағы тұрмыстық зорлық-зомбылықпен байланысты қорқытудың кейбір мәселелері / С.А. Августхан, Р.А. Медиев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 73-79.
8. Руфанова, В.Н. Уголовно-правовая модель реагирования на домашнее насилие в Украине / В.Н. Руфанова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2022. – № 3 (25). – С. 53-59.
9. С.М. Рахметов. Уголовная ответственность за stalking [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35517014&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата

¹⁰ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Стамбул, 11.05.2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046253f/> (дата обращения: 15.08.2025).

обращения: 17.10.2025).

10. Дюсенбаева, А.К. Сталкинг в уголовном законодательстве Республики Казахстан: реалии и перспективы / А.К. Дюсенбаева, У.Е. Тугелбаев // Хабаршы-Вестник. – 2022. – № 4 (78). – С. 52-56.

11. Акимжанов, Е.С. Административно-правовая защита от домашнего насилия в Республике Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук / Е.С. Акимжанов. – М., 2023. – 261 с.

References:

1. Mechanic, M.B. Intimate Partner Violence and Stalking Behavior: Exploration of Patterns and Correlates in a Sample of Acutely Battered Women / M.B. Mechanic, T.L. Weaver, P.A. Resick // Violence and Victims. – 2000. – Vol. 15. – Is 1.

2. Spitzberg, B.H. The State of the Art of Stalking: Taking Stock of the Emerging Literature / B.H. Spitzberg, W.R. Cupach // Aggression and Violent Behavior. – 2007. – Vol. 12. Is. 1. – Pp. 64-86.

3. Pathe, M., & Mullen, P. E. The impact of stalkers on their victims // British Journal of Psychiatry. 1. – 1997. – Vol. 170(01). – Pp. 12-17.

4. Brady, P.Q. The Dark Figure of Stalking: Examining Law Enforcement Response / P.Q. Brady, M.R. Nobles // J Interpers Violence. – 2017. – Vol. 32 (20). – Pp. 3149-3173.

5. Saparaliev, S.M. Problemy primeneniya individual'nyh mer profilaktiki bytovogo nasiliya / S.M. Saparaliev, A.S. Khatova, G.E. Aubakirova // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2019. – № 4 (14). – С. 16-23.

6. Gajdukov, A.A. Osobennosti preduprezhdeniya pravonarushenij v sfere semejno-bytovyh otnoshenij v Respublike Kazahstan i Rossijskoj Federacii / A.A. Gajdukov, B.M. Sejtakova. – Barnaul: Barnaul'skij juridicheskij institut MVD RF, 2022. – 120 s.

7. Avgusthan, S.A. Қазақстан Республикасындағы тұрмыстық zorлық-zombyлықпен байланысты қорқытудың кейбір мәселелері / S.A. Avgusthan, R.A. Mediev // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2024. – № 2 (32). – С. 73-79.

8. Rufanova, V.N. Ugolovno-pravovaja model' reagirovanija na domashnee nasilie v Ukraine / V.N. Rufanova // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2022. – № 3 (25). – С. 53-59.

9. S.M. Rahmetov. Ugolovnaja otvetstvennost' za stalking [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35517014&pos=6;-108#pos=6;-108 (data obrashhenija: 17.10.2025).

10. Djusenbaeva, A.K. Stalking v ugovnom zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan: realii i perspektivy / A.K. Djusenbaeva, U.E. Tugelbaev // Habarshy-Vestnik. – 2022. – № 4 (78). – С. 52-56.

11. Akimzhanov, E.S. Administrativno-pravovaja zashhita ot domashnego nasiliya v Respublike Kazahstan: dis. ... kand. jurid. nauk / E.S. Akimzhanov. – М., 2023. – 261 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Айнур Маратовна Жусипбекова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясының Ғылыми-зерттеу институтының тергеу және анықтау проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), e-mail: kz_a_zh@mail.ru.

Жусипбекова Айнур Маратовна – старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем следствия и дознания Научно-исследовательского института Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: kz_a_zh@mail.ru.

Zhussipbekova Ainur Maratovna – Center for Investigation and Inquiry Research Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: kz_a_zh@mail.ru.

Ержан Маратович Хакимов – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару

академиясының Ғылыми-зерттеу институтының бастығының орынбасары, философия докторы (PhD), e-mail: erjik-1989@mail.ru.

Хакимов Ержан Маратович – заместитель начальника Научно-исследовательского института Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: erjik-1989@mail.ru.

Khakimov Erzhan Maratovich – Deputy Head of the Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: erjik-1989@mail.ru.

ӨОЖ 343.3/7
ХҒТАР 10.77.51

З.Т. Жусупова, А.Р. Шегебаева

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

КӨМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАР МЕН ЖАСТАР АРАСЫНДАҒЫ ЕСІРТКІГЕ ТӘУЕЛДІЛІКТІҢ АЛДЫН АЛУ: ӘЛЕУМЕТТІК, ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ БІЛІМ БЕРУ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада көмелетке толмағандар мен жастар арасындағы есірткіге тәуелділіктің алдын алу мәселелері әлеуметтік, құқықтық және білім беру аспектілерінде кешенді түрде қарастырылады. Зерттеу барысында есірткіге байланысты қылмыстардың өсу динамикасы, көмелетке толмаған құқықбұзушылардың әлеуметтік-демографиялық ерекшеліктері, отбасылық жағдайы мен білім деңгейінің ықпалы талданған. Авторлар есірткі тұтынуға бейім мінез-құлықтың қалыптасуына әсер ететін негізгі факторларды айқындай отырып, алдын алу шараларын жетілдірудің өзекті бағыттарын ұсынады. Олардың қатарында білім беру бағдарламаларына профилактикалық мазмұн енгізу, әлеуметтік-психологиялық қолдау жүйесін кеңейту, ақпараттық қауіпсіздікті нығайту және позитивті жастар субмәдениетін қалыптастыру бар. Зерттеу нәтижелері халықаралық тәжірибе мен БҰҰ құжаттарына сүйене отырып, мемлекеттік органдар мен отбасының өзара іс-қимылы арқылы жастарды есірткіге тартудың алдын алу тиімділігін арттырудың маңыздылығын көрсетеді.

Түйінді сөздер: нашақорлық; жастар; қылмыстылық; профилактика; құқық; әлеуметтік қолдау; алдын алу шаралары.

З.Т. Жусупова, А.Р. Шегебаева

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРОФИЛАКТИКА НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В современном обществе проблема увлечения несовершеннолетних и молодежи наркотическими веществами превращается в одну из наиболее актуальных социальных и общественных угроз, представляющих опасность как для здоровья населения, так и для национальной безопасности страны. Авторы анализируют динамику роста наркопреступлений, социально-демографические характеристики несовершеннолетних правонарушителей, влияние семейного положения, уровня образования и окружения на формирование девиантного поведения. Особое внимание уделяется выявлению ключевых факторов, способствующих вовлечению подростков в употребление наркотиков, а также определению эффективных направлений профилактики. В числе предложенных мер – внедрение профилактических компонентов в образовательные программы, расширение системы социально-психологической поддержки, обеспечение информационной безопасности и развитие позитивных молодежных субкультур. Опираясь на международный опыт и резолюции ООН, авторы подчеркивают необходимость комплексного и скоординированного подхода, основанного на взаимодействии государственных органов, образовательных учреждений и семьи, для повышения эффективности защиты подрастающего поколения от наркозависимости и связанных с ней правонарушений.

Ключевые слова: наркомания; молодежь; преступность; профилактика; право; социальная поддержка; профилактические меры.

Z.T. Zhussupova, A.R. Shegebayeva

The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan

PREVENTION OF DRUG DEPENDENCE AMONG MINORS AND YOUTH: SOCIAL, LEGAL, AND EDUCATIONAL ASPECTS

Abstract. The article provides a comprehensive examination of drug addiction prevention among youth and minors within social, legal, and educational contexts. The study analyzes the dynamics of drug-related crimes, the socio-demographic characteristics of juvenile offenders, and the influence of family background and education level. The authors identifies key factors contributing to the formation of drug-use behavior and proposes relevant measures to enhance prevention efforts. These include the integration of preventive content into educational programs, expansion of social and psychological support systems, strengthening of information security, and development of positive youth subcultures. Based on international experience and UN resolutions, the research highlights the importance of coordinated interaction between government institutions and families to improve the effectiveness of protecting young people from drug involvement.

Keywords: addiction; youth; crime; prevention; law; social support; preventive measures.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_123

Кіріспе. Қазіргі қоғамда кәмелетке толмағандар мен жастардың есірткіге әуестену мәселесі халық денсаулығына да, елдің ұлттық қауіпсіздігіне де төнетін ең өзекті әлеуметтік және қоғамдық қатерлердің біріне айналып отыр.

Мемлекет басшысы 2025 жылғы 15 тамызда есірткіге қарсы іс-қимыл мәселелері бойынша өткізген Қауіпсіздік Кеңесінің отырысында «наркотизм – заманның дерті, қоғам үшін аса қауіпті. Ол жастардың болашағына балта шабады. Ұлт саулығына қатер төндіреді» деп ескеріп кеткен. Сонымен қатар, көптеген елдің үкіметтері аталған проблеманы физикалық және психикалық тәуелділік қана емес, ауқымды қоғамдық, экономикалық және құқықтық құбылыс ретінде қарастыра бастады. Наркотизм термині мұндай тәсілдің мән-мағынасын ашады, – деді¹.

Халықаралық тәжірибе контекстінде мұндай қылмыстық құқықбұзушылықтармен қылмыстық-құқықтық күрес бірқатар халықаралық конвенциялар негізінде жүргізіледі. Атап айтқанда мұндай құжаттарға Есірткі құралдары туралы 1961 жылғы бірыңғай конвенция, 1971 жылы

қабылданған Жүйкеге әсер ететін заттар жөніндегі конвенция, 1988 жылы қабылданған БҰҰ есірткі құралдары мен психотроптық заттардың заңсыз айналымына қарсы күрес туралы конвенция жатады.

БҰҰ Бас Ассамблеясының «Дүниежүзілік есірткі проблемасын тиімді шешу және оған қарсы күрес жөніндегі ортақ ұстанымымыз» атты Резолюциясында әлем елдері есірткіге сұранысты азайтуға және оған әсер ететін қылмыстық әрі әлеуметтік-экономикалық факторларды жоюға бағытталған алдын алу шараларын ілгерілетуі қажет деп атап өтілген. Бұл факторлар ұйымдасқан қылмыстық әрекеттер мен есірткіге байланысты қылмыстардың өсуіне, дамуына және сақталуына қолайлы жағдай жасап ықпал етуі мүмкін².

Сонымен қатар, резолюцияда есірткі мәселесін шешуде қоғамның денсаулығы мен әл-ауқатын қамтамасыз етуге бағытталған теңдестірілген тәсілдің маңыздылығы көрсетілген.

Осылайша, аталған БҰҰ халықаралық құжаттары онжылдықтар бойы тек есірткі құралдарының заңсыз айналымымен

¹ Мемлекет басшысы Қауіпсіздік Кеңесінің отырысын өткізді. 2025 ж. 13 тамыз [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kaupisizdik-kenesinin-otyrysyn-otkizdi-1372659> (жүгінген күні: 30.10.2025).

² Решение мировой проблемы наркотиков и борьба с ней в рамках всеобъемлющего, комплексного и сбалансированного подхода: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 2022 года [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://docs.un.org/r/A/RES/77/238> (жүгінген күні: 30.10.2025).

күресу саласында ғана емес, сондай-ақ оның таралуының әлеуметтік-экономикалық себептерін жоюға ықпал ететін тұрақты құқықтық және институционалдық негізді қалыптастырады деген қорытынды жасауға болады.

Өз кезегінде, қолайлы жағдайлар жасау және салауатты өмір салтын қалыптастыру – халықты, әсіресе кәмелетке толмағандар мен жастарды, есірткіге әуестенуден қорғау саласындағы маңызды аспект болып табылады.

Сонымен қатар, нашақорлыққа қарсы іс-қимылда репрессивтік сипаты бар тәсілдерден денсаулықты сақтау, әлеуметтік қолдау және ведомствоаралық өзара іс-қимыл қағидаттарына негізделген профилактикалық әдістерге көшу қажеттілігін атап көрсету маңызды. Есірткі тұтынуға азаматтардың, әсіресе жасөспірімдердің тартылуын алдын ала ескерту, кейін оның тәуелділік, қылмыстылық және адам әлеуетінің жоғалуы сияқты зиянды салдармен күрескеннен әлдеқайда тиімді [1, 91 б.].

Әрине, қолданыстағы халықаралық нормативтік-құқықтық актілер жүйесі есірткіге тәуелділіктің зиянды әсерінің қауіптілігін және өскелең ұрпақ арасында халықта есірткіге қарсы дүниетанымды қалыптастырудың қажеттілігін дәлелдейді.

Әрбір мемлекет адам және оның өмірі, құқықтары мен бостандықтарын жоғары құндылық ретінде тани отырып, халықтың денсаулығының қауіпсіздігін, қоғамның рухани және адамгершілік негіздерін қамтамасыз ететін ережелерді азаматтардың сақтауын, соның ішінде қылмыстық-құқықтық шаралар арқылы қамтамасыз етуге ұмтылады.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу барысында кәмелетке толмағандар мен жастар арасындағы есірткіге тәуелділіктің алдын алу мәселелерін кешенді қарастыру үшін сапалық және сандық әдістер үйлестіріле қолданылды. Негізгі зерттеу әдістеріне статистикалық талдау, әлеуметтік-демографиялық көрсеткіштерді салыстырмалы зерттеу, диаграммалар мен кестелер арқылы визуализация, контенттік

және нормативтік-құқықтық талдау жатады.

Эмпирикалық негіз ретінде 2020-2024 жылдар аралығындағы статистикалық деректер пайдаланылды. Сонымен қатар, БҰҰ-ның 1961 жылғы Есірткі құралдары туралы бірыңғай конвенциясы, 1971 жылғы Психотроптық заттар жөніндегі конвенциясы, 1988 жылғы Есірткі құралдары мен психотроптық заттардың заңсыз айналымына қарсы күрес туралы Конвенциясы сияқты халықаралық актілер талданды.

Ғылыми әдебиеттерді, отандық және шетелдік зерттеулерді салыстырмалы талдау арқылы кәмелетке толмағандар мен жастар арасындағы нашақорлықтың әлеуметтік, құқықтық және психологиялық аспектілері зерделенді. Сондай-ақ, ұлттық және халықаралық заңнама нормаларының мазмұндық ерекшеліктері қарастырылып, оларды іске асырудың тиімді тетіктері бағаланды.

Нәтижелер, талқылау. Қазіргі уақытта ұлт денсаулығына қол сұғумен байланысты қылмыстылық барлық әлеуметтік және жас топтарға еніп отыр.

Халық денсаулығын қорғау – басты құндылық болып табылады және бұл мәселені шешу қылмыстық-құқықтық ғылымның өзекті проблемаларының бірі болып саналады. Есірткі құралдарының заңсыз айналымына және оның салдарына байланысты қылмыстық құқықбұзушылықтардың қоғамдық қауіптілігі ең алдымен халықтың генофонды пен денсаулығына әсер етеді.

ҚР ұлттық қауіпсіздігі туралы 2012 жылғы 6 қаңтардағы Заңының 6-бабына сәйкес есірткі заттарының заңсыз айналымы ұлттық қауіпсіздікке төнетін негізгі қатерлердің бірі ретінде ұлттық мүдделердің қорғалу деңгейін төмендетуге ықпал ететін факторлардың ішінде бірінші орынға қойылған³.

Бұл жағдай есірткі қылмысының салдары тек мемлекеттің қауіпсіздік мүдделеріне ғана емес, сонымен бірге қоғам мен әрбір азаматтың денсаулығына тікелей зиян келтіретінін айқын көрсетеді. Қарастырылып отырған қылмыстық құқықбұзушылықтың объектісі – халықтың денсаулығы болып табылады. Ол

³ Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігі туралы: Қазақстан Республикасының 2012 ж. 6 қаңтардағы № 527-IV Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1200000527> (жүгінген күні: 30.10.2025).

саяси, экономикалық, медициналық және құқықтық сипаттағы мемлекеттік шаралар жүйесі арқылы қорғалады.

Бұл жағдай есірткі қылмысының салдары тек мемлекеттің қауіпсіздік мүдделеріне ғана емес, сонымен бірге қоғам мен әрбір азаматтың денсаулығына тікелей зиян келтіретінін айқын көрсетеді⁴.

Құқықтық әдебиеттерде халықтың денсаулығына қарсы жасалған құқыққа қайшы әрекеттердің мәнін айқындауға қатысты әртүрлі көзқарастар кездеседі.

А.Е. Шалагиннің пікірінше, халықтың денсаулығы – бұл заңмен қорғалатын, бір аумақпен немесе жергілікті ортамен, өмір сүру, еңбек және демалыс жағдайларымен біріккен адамдардың физикалық және психикалық әл-ауқатын көрсететін, қоғамдық қатынастардың дербес тобы болып табылады [2, 48 б.].

Олардың ішінде ең орындысы В.С. Егоровтың пікірі болып табылады. Ғалымның пікірінше, «Халық денсаулығына қарсы қылмыстар – бұл денсаулыққа зиян келтіретін заттар мен препараттардың заңсыз айналымымен, санитариялық-эпидемиологиялық ережелердің сақталмауымен немесе қоғам денсаулығына қауіпті өзге де бұзушылықтармен байланысты қылмыстық заңмен тыйым салынған әрекеттер» [3].

Өз кезегінде Р.Р. Галиакбаров халықтың денсаулығына қарсы құқыққа қайшы іс-әрекеттерді «адамдардың қалыпты физикалық және психикалық денсаулығына қарсы бағытталған қоғамдық қауіпті қолсұғушылықтар» ретінде түсіндіреді [4].

Халық арасындағы нашақорлық пен наркомания мәселелерін зерттей келе, А.Н. Сергеев пен Б.Ф. Калачев аталмыш теріс құбылыстарды анықтайтын факторлардың ең көп таралған топтарын бөліп көрсетті. Оларға әлеуметтік-экономикалық, мәдени, отбасылық-педагогикалық, құқық қорғау және басқа да детерминанттарды жатқызады [5].

Жалпы кәмілетке толмағандар мен жастар арасындағы нашақорлықтың таралуы

мен алдын алу мәселелерін қарастыру үшін елдегі наркожағдайды жүйелі түрде талдау қажет. Бұл соңғы жылдардағы негізгі көрсеткіштер мен динамиканы саралау арқылы жүзеге асады.

Есірткі құралдарының заңсыз айналымымен байланысты қылмыстар ҚР ҚК-нің «Халық денсаулығына және имандылыққа қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтар» атты 11 тарауында орын алған⁵.

Аталған санаттағы қылмыстарды талдау барысында нашақорлықтың алдын алу мен оған қарсы күрестің тиімділігін қамтамасыз етудің негізгі алғышарты – есірткі қылмыстарын жасауға итермелейтін детерминанттық факторларды айқындау болып табылады.

Осыған байланысты есірткі құралдарының заңсыз айналымы саласындағы қылмыстар үшін сотталғандардың ішінде кәмілетке толмағандардың сандық көрсеткіштері ғана емес, сонымен қатар олардың әлеуметтік-демографиялық сипаттамалары да талданды.

Жалпы алғанда, 2020-2024 жж. аралығындағы статистикалық деректерді талдау Қазақстанда тіркелген қылмыстардың жалпы санының 163,2 мыңнан 132,7 мыңға дейін төмендегенін көрсетеді. Сонымен қатар, есірткі қылмыстарының үлесі 4,9%-дан 6,6%-ға дейін өсіп, қылмыс құрылымындағы салыстырмалы тұрақты үлесін сақтап отыр.

Зерттеулер нәтижесіне сәйкес, есірткі заттарын тұтынуға тартылу қаупіне ең бейім топ – жасөспірімдер, кәмілетке толмағандар мен жастар болып табылады. Бұл тұжырым халықаралық және ұлттық деңгейдегі ғылыми зерттеулермен де дәлелденеді. Себебі тұлға мен құндылықтар жүйесінің қалыптасу кезеңінде тұрған жастар әлеуметтік-экономикалық жағдайлардың, отбасылық тәрбиенің ерекшеліктері мен деструктивті субмәдениеттердің ықпалына ерекше бейім және осал келеді.

Сонымен қатар, есірткіге тартылған жасөспірімдер мен кәмілетке толмағандар тек өз денсаулығына ғана зиян келтіріп

⁴ Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы: Қазақстан Республикасының 2020 ж. 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ Кодексі [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360> (жүгінген күні: 30.10.2025).

⁵ Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 ж. 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226/k14226_.htm (жүгінген күні: 30.10.2025).

қоймай, олардың құқықбұзушылыққа бейімділігі де артады, бұл қоғам үшін қосымша қауіп төндіреді.

Есірткі құралдарының зиянды әсері тек денсаулыққа келтіретін медициналық салдармен шектелмей, сонымен қатар қылмыстық мінез-құлық қаупімен де байланысты екенін ескеру қажет. Сондықтан көмелетке толмағандар мен жастар арасындағы қылмыстылыққа әсер ететін себептер мен факторларды, әсіресе

есірткіге тартылған тұлғалардың әлеуметтік-демографиялық және психологиялық сипаттарын зерттеу маңызды.

Соңғы бес жылда, соның ішінде ҚР ҚК-нің 296-303-баптары бойынша сотталған көмелетке толмағандардың жалпы көрінісі осы зерттеулердің нәтижелерін растайтын сипатқа ие. Бұл факт жастар мен көмелетке толмағандар арасындағы есірткіге тәуелділіктің алдын алу шараларының қажеттілігін айқындайды.

Жылдар	Сотталғандар саны		Жасы		Айналысатын қызмет түрі			Қылмыстық құқық бұзушылық жасау кезінде төмендегідей күйде		
	Барлығы	соның ішінде, ҚР Қылмыстық кодексінің 296–303-баптары бойынша	14-тен 15 жасқа дейін	16-дан 18 жасқа дейін	Оқитын	Жұмыс істейтіндер	Еш жерде оқымайды және жұмыс істемейді	Масаң күйде	Есірткілік масаң күйінде	Бұрын сотталғандар
2020	396	14	1	13	12	-	2	-	1	-
2021	384	11	-	11	8	-	3	-	2	-
2022	397	23	-	23	14	-	9	-	-	1
2023	532	21	-	21	8	1	12	-	1	1
2024	626	47	-	47	35	-	12	-	-	2

1 кесте. 2020-2024 жылдар аралығында сот үкімдері шығарылған, соның ішінде ҚР ҚК-нің 296-303 баптары бойынша сотталған көмелетке толмағандар саны

Кестеден көрініп тұрғандай, соңғы жылдары сот үкімдері шығарылған көмелетке толмағандардың саны өскен. Мысалы, 2023 ж. сотталғандардың саны 2020-2022 жж. салыстырғанда 1,3 есеге өссе, 2024 ж. 1,5 есеге жеткен.

ҚР ҚК-нің 296-303 бб. бойынша сотталған көмелетке толмағандар арасында да жағдай ұқсас. Мәселен, 2024 жылғы көрсеткіш 2020 жылмен салыстырғанда 3 есе өссе, 2022-2023 жж. 1,5 есеге артқан.

Мұндағы назар аударарлық жағдай сотталған барлық көмелетке толмағандардың

жасы 16-18 жас аралығын құрады, тек бір жағдайда ғана сотталған адам 15 жаста болған.

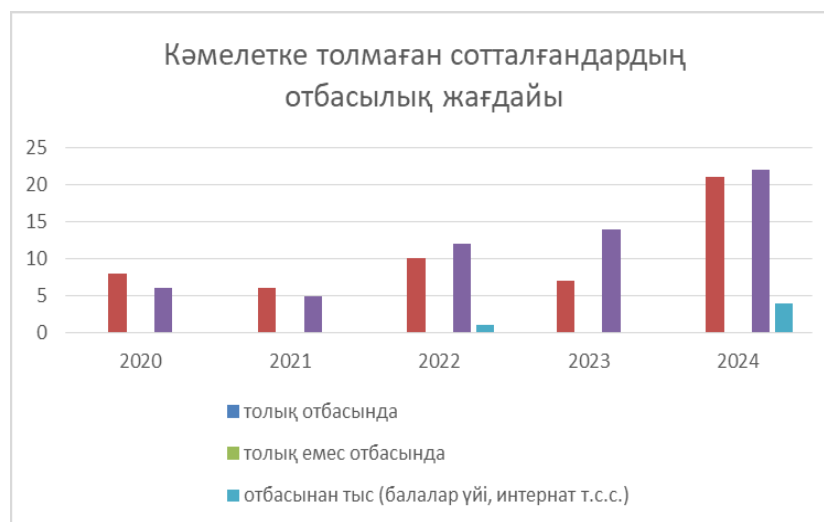
Ерте (14-16 жас) және орташа (17-18 жас) жастағы көмелетке толмағандар өз тұлғалық идентификациясын қалыптастыру кезеңінде болады. 18 жастан асқанда олар өзін жетілген санаса да, әрекеттерінің толық жауаптылығын сезінбеуі салдарынан есірткіні қолдануға ойланбаған қадам жасауға әкелуі мүмкін [6].

Көмелетке толмағандар арасындағы қылмыстылыққа әсер ететін себептер мен

факторларды тереңірек түсіну мақсатында осы санаттағы тұлғалардың әлеуметтік-демографиялық сипаттары зерттелді, оның

ішінде олардың отбасылық жағдайы, сондай-ақ кәсібі мен қызмет түрлері қарастырылды (1, 2 диаграммалар).

1-диаграмма

Диаграмма 2024 жылы барлық отбасылық санаттар бойынша сотталған кәмелетке толмағандар санының өскенін көрсетеді. Ең үлкен өсім толық емес отбасылардан шыққан кәмелетке толмағандарда байқалады, бұл олардың криминогенді ықтималдылыққа көбірек бейім екенін көрсетеді.

Толық отбасыларынан шыққан сотталғандардың саны да айтарлықтай өскені байқалады, әсіресе 2022-2024 жж. 12-ден 22-ге дейін артқан. Бұл олардың криминогендік белсенділігіне әсер ететін басқа факторлардың, мысалы, ортасы мен құрдастарының ықпалы немесе отбасылық экономикалық қиындықтар болуы мүмкіндігін көрсетеді.

Шетелдік зерттеулерде кәмелетке толмағандардың есірткіге тәуелділіктен емделу процесіндегі мәселелер талданып, отбасының бұл процестегі маңыздылығы айқындалған. Балалары есірткі қолдануға араласқан кезде, олар оны тоқтату үшін бар күшін салады. Бастапқыда ата-аналар өз ресурстарын пайдаланып, мәселені өзбетінше шешуге тырысады: балаға ескерту жасау, оның артықшылықтарын шектеу немесе тіпті оны басқа жерге көшіру сияқты әрекеттер жасайды. Егер бұл шаралар күтілген нәтижеге жеткізбесе, кәмелетке

толмағандар альтернативті жолдарды іздеуге бейім болып, алдымен рухани қолдауға жүгініп, тек содан кейін кәсіби көмек алу мүмкіндігін қарастырады.

Есірткіге тәуелділік тек қолданушының өзіне ғана емес, сонымен қатар оның отбасына да айтарлықтай әсер етеді. Кәмелетке толмағандардың есірткі пайдалану жағдайлары отбасыларға қосымша психологиялық және әлеуметтік салмақ түсіреді, нәтижесінде олар өз ресурстарының шегінен асып, негізгі күш-қуатын тәуелді тұлғаға көмек көрсетуге жұмсайды [7, 1935 б.].

Сондай-ақ статистикалық мәліметтерден, отбасынан тыс тәрбиеленетін балалар санының үлесі аз (2022 ж. – 1, 2024 ж. – 4) екендігін байқауға болады. Әдетте, балалар үйі мен интернат тәрбиеленушілері дәстүрлі түрде қауіп-қатер тобына жатқызылса да, олардың арасында есірткі қылмыстарын жасағаны үшін сотталған жасөспірімдердің саны жалпы көрсеткішке қатысты әлдеқайда төмен.

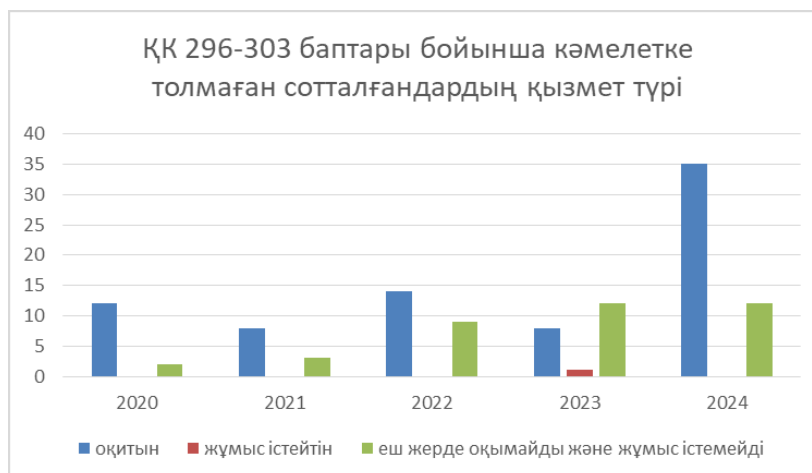
Сотталған кәмелетке толмағандар көрсеткіштерін талдауда маңызды факторлардың бірі – олардың білім алу деңгейі болып табылады.

Аналитикалық деректер көрсеткендей,

сотталған жасөспірімдердің басым көпшілігі – білім алып жүрген адамдар. Сонымен қатар, 2024 жылы олардың саны 2020 жылмен салыстырғанда шамамен 3 есеге артқан. Сол

сияқты, білім алмайтын немесе жұмыспен қамтылмаған сотталғандардың саны да ұқсас динамиканы көрсетіп, 2024 жылды 2020 жылмен салыстырғанда 6 есеге өскен.

2-диаграмма

2024 жылы сотталған білім алушылар санының күрт өсуі айқын байқалады, бұдан білім алып жүрген кәмелетке толмағандардың құқыққа қарсы іс-әрекеттерді жасауына еш кедергінің жоқ екендігін байқауға болады.

Жүргізілген талдау кәмелетке толмағандардың қылмыстық белсенділігіне тікелей әсер ететін бірқатар әлеуметтік және психологиялық факторларды анықтауға мүмкіндік берді. Құқық бұзушылардың ең көп шоғырлануы 16-18 жас аралығындағы топтарға тән және өз кезегінде тұлғаның өзін-өзі анықтау және әлеуметтік бейімделу үдерісімен байланысты өмір сатысының ерекшелігін көрсетеді.

Сонымен қатар, сотталған кәмелетке толмағандар арасындағы негізгі криминогенді топқа еш жерде білім алмайтын, еш қызмет түрімен айналыспайтын жасөспірімдер жататыны айқындалды және олардың басым көпшілігі толық емес отбасылардан шыққан.

Осылайша жүргізілген талдау, кәмелетке толмағандар мен жастар арасындағы есірткіге тәуелділік мәселесінің күрделі, көпфакторлы құбылыс екенін көрсетеді. Ол қазіргі қоғамның әлеуметтік-экономикалық, психологиялық және мәдени жағдайларымен

анықталады.

Кәмелетке толмағандар мен жастардың есірткіге әуестену жағдайларын алдын алу шаралары туындаған салдармен күресуден гөрі, олардың тұлғалық және әлеуметтік ресурстарын нығайтуға бағытталған жүйелі және кешенді жұмыстардан басталуы тиіс. Сондай-ақ, бұл шаралар олардың өзіне деген құндылықтық бағдарын қалыптастырып, таңдауларын денсаулықты сақтау, білім алу және жеке қабілеттерін арттыруға, сондай-ақ оларды одан әрі дамытуға бағыттауға жағдай жасауға негізделуі қажет.

Есірткі заттары мен психотроптық құралдарды тұтыну қазіргі заманның жаһандық қауіптерінің бірі болып табылатыны күмәнсіз. Осыған байланысты, мемлекет басшысы Қ. Тоқаевтың «есірткіге тәуелділікті алдын алу жұмысын, әсіресе білім беру және ақпараттық салаларда күшейту» жөніндегі тапсырмасына қайта оралар болсақ⁶, кәмелетке толмағандар мен жастарды есірткі тұтынуға тарудың алдын алу шараларын күшейту үшін мемлекеттік органдардың, құқық қорғау құрылымдарының, білім беру мекемелерінің және отбасының өзара үйлестірілген жұмысын қамтамасыз ету

⁶ Мемлекет басшысы Қауіпсіздік Кеңесінің отырысын өткізді. – 2025 ж. 13 тамыз [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kauipsizdik-kenesinin-otyrysyn-otkizdi-1372659> (жүгінген күні: 30.10.2025).

қажет деп санаймыз.

Қорытынды. Осы тапсырманы орындау және білім беру, денсаулық сақтау, жастар саясаты және құқық қорғау саласындағы мемлекеттік органдардың өзара әрекеттесуін күшейтіп, біртұтас алдын алу стратегиясын құру мақсатында келесі мәселелерге назар аударуды қажет етеді:

1. Оқу бағдарламасына міндетті білім беру бағдарламаларын енгізу, олар есірткіге қарсы көзқарасты қалыптастыруға, сын тұрғысынан ойлауды дамытуға және сыртқы ортаның деструктивті әсерлеріне қарсы өмірлік дағдыларды қалыптастыруға бағытталуы тиіс.

2. Қауіпті топтардағы жасөспірімдерге (қиын өмірлік жағдайда қалған отбасылар, толық емес отбасылар) әлеуметтік-психологиялық қолдау мен көмек көрсету ауқымын кеңейту.

3. Жастардың медиа және интернет

кеңістігінде ақпараттық қауіпсіздігін қамтамасыз ету.

4. Позитивті бағытталған жастар субмәдениеттерін дамыту, олар тұрақты құндылықтар мен салауатты мінез-құлық үлгілерін қалыптастыруға ықпал етуі тиіс.

Аталған бағыттағы алдын алу жұмысы есірткіні тұтыну және есірткі бизнесіне қарсы күресте негізгі тәсілдерді анықтайтын халықаралық нормалар талаптарына сәйкес жүргізіледі. Әсіресе, БҰҰ Бас Ассамблеясының Резолюциясына сәйкес, жаһандық есірткі мәселесін тиімді шешу және оған қарсы күрес жүргізу үшін ұлттық ведомстволардың барлық деңгейде тығыз ынтымақтастығы мен үйлестіруі қажет. Бұл әсіресе денсаулық сақтау, білім беру, әділет және құқық тәртібі салаларын қамтиды, олардың құзырет салалары ұлттық заңнамаға сәйкес ескерілуі тиіс⁷.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Кайрулла, Е.К. Предупреждение распространения наркотизма среди молодежи: международный опыт и современные подходы / Е.К. Кайрулла // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 90-97.

2. Шалагин, А.Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учеб. пос.; под ред. Ф.Р. Сундуrowa, Н.Х. Сафиуллина М.: ЦОКР МВД России, 2007. – 156 с.

3. Егоров, В.С. Уголовное право. Особенная часть: цикл лекций: учеб.-метод. пос. / В.С. Егоров. – М.: МПСИ, 2001. – 187 с.

4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник; отв. ред. Л.Л. Еругликов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 485 с.

5. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пос.; под ред. А.Н. Сергеева. – М., 2000. – 273 с.

6. Sofiana, L. Risk Factors of Drug Abuse among Adolescence / L. Sofiana, et al. // International Journal of Public Health Science (IJPHS). – 2018. – Vol. 7. No. 4. – Pp. 260-267.

7. Mafa, P. Teenage Substance Abuse: Impact on The Family System and Parents' Coping Strategies / P. Mafa, J.C. Makhubele // Pertanika J. Soc. Sci. & Hum. – 2020. – № 28 (3). – Pp. 1925-1938.

References:

1. Kajrulla, E.K. Preduprezhdenie rasprostraneniya narkotizma sredi molodezhi: mezhdunarodnyy opyt i sovremennye podhody / E.K. Kajrulla // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 90-97.

2. Shalagin, A.E. Prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoj nravstvennosti: ucheb. pos.; pod red. F.R. Sundurova, N.H. Safiullina M.: COKR MVD Rossii, 2007. – 156 s.

3. Egorov, V.S. Uголовное право. Osobennaya chast': cikl lekcij: ucheb.-metod. pos. / V.S. Egorov. – М.: MPSI, 2001. – 187 s.

⁷ Решение мировой проблемы наркотиков и борьба с ней в рамках всеобъемлющего, комплексного и сбалансированного подхода: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 2022 года [Электронный ресурс] – Айналыс режимі: <https://docs.un.org/ru/A/RES/77/238> (жүгінген күні: 30.10.2025).

4. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaja chast': uchebnik; otv. red. L.L. Eruglikov. – M.: Volters Kluver, 2004. – 485 s.
5. Protivodejstvie nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshhestv: ucheb. pos.; pod red. A.N. Sergeeva. – M., 2000. – 273 s.
6. Sofiana, L. Risk Factors of Drug Abuse among Adolescence / L. Sofiana, et al. // International Journal of Public Health Science (IJPHS). – 2018. – Vol. 7. No. 4. – Pp. 260-267.
7. Mafa, P. Teenage Substance Abuse: Impact on The Family System and Parents' Coping Strategies / P. Mafa, J.C. Makhubele // Pertanika J. Soc. Sci. & Hum. – 2020. – № 28 (3). – Pp. 1925-1938.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Зада Темірқанатқызы Жусупова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық саясат және криминология проблемаларын зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, e-mail: 7340424@prokuror.gov.kz.

Жусупова Зада Темирканатовна – ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: 7340424@prokuror.gov.kz.

Zhussupova Zada Temirkanatovna – Leading Researcher at the Center for the Study of Problems of Criminal Policy and Criminology of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: 7340424@prokuror.gov.kz.

Айгерім Рысбайқызы Шегебаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық саясат және криминология проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru.

Шегебаева Айгерим Рысбаевна – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru.

Shegebayeva Aigerim Rysbayevna – Senior Researcher at the Center for the Study of Problems of Criminal Policy and Criminology of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru.

С.С. Каржаубаев¹, Д.С. Кажмуратова²

¹Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

²Институт парламентаризма, г. Астана, Республика Казахстан

ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ НОРМОТВОРЧЕСТВА ДЛЯ СТАБИЛЬНОСТИ И АДАПТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Нестабильность и недостаточная адаптивность уголовного законодательства подрывает авторитет незыблемости права, создает условия для роста нарушений и порождает безнаказанность и как итог – недоверие общества к государству.

Решение указанных проблем видится в совершенствовании нормотворческого процесса. Как известно, любой процесс основан на принципах, придерживаясь которых можно эффективно решать назревшие проблемы. Для правильного понимания проблемы и выбора наиболее значимых принципов в основу работы были заложены научные гипотезы. Научная проработанность позволила сделать выбор приоритетных принципов нормотворчества.

В статье дается обоснование принципа научности, определены пути реализации данного принципа. Представлена эффективность результата применения принципа научности в нормотворческом процессе. Исследование принципа стабильности позволило научно определить место в системе принципов нормотворчества. Выделены основные направления реализации принципа стабильности в нормотворческом процессе.

Ключевые слова: нормотворчество; уголовное законодательство; принцип; научность; стабильность; адаптивность.

С.С. Қаржаубаев¹, Д.С. Қажмұратова²

¹Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институты,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

²Парламентаризм институты, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ МЕН БЕЙІМДЕЛГІШТІГІ ҮШІН НОРМАШЫҒАРМАШЫЛЫҚТЫҢ ЖЕКЕЛЕГЕН ҚАҒИДАЛАРЫНЫҢ МАҢЫЗЫ

Аннотация. Қылмыстық заңнаманың тұрақсыздығы мен жеткіліксіз бейімделуі заңның мызғымастық беделіне нұқсан келтіреді, бұзушылықтардың өсуіне жағдай жасайды және жазасыздықты тудырады және нәтижесінде қоғамның мемлекетке деген сенімсіздігін тудырады.

Аталған проблемаларды шешу нормашығармашылық процесін жетілдіруде көрінеді. Белгілі, кез келген процесс оның принциптеріне негізделген, оларды ұстана отырып, туындаған мәселелерді тиімді шешуге болады. Мәселені дұрыс түсіну және ең маңызды принциптерді таңдау үшін жұмыстың негізгі ғылыми гипотезалар болды. Ғылыми пысықтау нормашығармашылықтың басым қағидаттарын таңдауға мүмкіндік берді.

Мақалада ғылыми принциптің негіздемесі келтірілген, осы принципті іске асыру жолдары анықталған. Нормашығармашылық процесінде ғылыми принципті қолдану нәтижесінің тиімділігі ұсынылған. Тұрақтылық принципін зерттеу оның нормашығармашылық принциптері жүйесіндегі орнын ғылыми тұрғыдан анықтауға мүмкіндік берді. Нормашығармашылық процесінде осы қағиданы іске асырудың негізгі бағыттары көрсетілген.

Түйінді сөздер: нормашығармашылық; қылмыстық заңнама; қағидат; ғылыми негізділік; тұрақтылық; бейімділік.

S.S. Karzhaubayev¹, D.S. Kazhmuratova²

¹*Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan*

²*Institute of Parliamentarism, Astana, the Republic of Kazakhstan*

THE SIGNIFICANCE OF CERTAIN PRINCIPLES OF RULE-MAKING FOR THE STABILITY AND ADAPTABILITY OF CRIMINAL LEGISLATION

Abstract. The instability and lack of adaptability of criminal legislation undermines the authority of the inviolability of law, creates conditions for the growth of violations and generates impunity and, as a result, public distrust of the State.

The solution to these problems is seen in improving the rule-making process. As you know, any process is based on its principles, adhering to which it is possible to effectively solve urgent problems. Scientific hypotheses were used as the basis for the correct understanding of the problem and the selection of the most significant principles. Scientific elaboration allowed us to make a choice of priority principles of rulemaking.

The article provides a justification for the scientific principle, identifies ways to implement this principle. The effectiveness of the result of applying the scientific principle in the rule-making process is presented. The study of the principle of stability allowed us to scientifically determine its place in the system of principles of rulemaking. The main directions of the implementation of this principle in the rule-making process are highlighted.

Keywords: rule-making; criminal legislation; principle; scientific validity; stability; adaptability.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_132

Введение. Любое государство не может существовать без функционирующего права, которое регулирует все отношения в обществе. Поэтому для государства важно наличие правотворчества, представляющего собой деятельность государственных органов по принятию, изменению и отмене нормативных правовых актов. Такой процесс является нормотворческим и считается ключевым элементом всей системы права.

Наиболее важными составляющими нормотворческого процесса являются его стабильность и адаптивность, т.к. позволяют действующему законодательству эффективно регулировать общественные отношения. Именно стабильность позволяет нормализовать общественные отношения, выработать устойчивое правовое поведение, укрепить правовую грамотность. Адаптивность же нацелена на своевременное урегулирование возможных правовых рисков и ситуаций.

Постоянное принятие новых норм и изменение действующего законодательства вызывает сбои в правоприменительной практике, приводит к правовым спорам

и перегружает систему правосудия. Все это является причинами нестабильности законодательства. Стабильность Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов необходима для поддержания законности и правопорядка, о чем говорится в пункте 4.10 Концепции правовой политики¹. Нестабильность указанных кодексов, как и всего законодательства Республики Казахстан (далее – РК), негативно отражается на показателях роста преступности и подрывает авторитет незыблемости права, порождает правовой нигилизм, приводит к правовой неопределенности. Подтверждением тому являются обращения в Конституционный Суд РК. Именно решения Конституционного Суда РК устраняют имеющиеся правовые коллизии. К примеру, в пункте 5 установочной части Нормативного постановления Конституционного Суда РК от 25 июня 2025 года № 72-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части третьей статьи 245 в отношении слов «преступной группой» и статьи 262 Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года, пунктов 11 и 13 нормативного

¹ Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 окт. 2021 г. № 674 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 11.08.2025).

постановления Верховного Суда РК от 21 июня 2001 года № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии» говорится о наличии проблем, связанных с допустимостью признания хозяйствующих субъектов преступной группой исключительно по формальным критериям. При этом Конституционный Суд признал наличие риска в правоприменительной практике, позволяющего привлекать к уголовной ответственности². Такие примеры не единичные и имеют место в правоприменительной практике.

В ряду факторов, влияющих на нестабильность законодательства, выделяются недостаточная организация законотворческой деятельности, заключающееся в непоследовательности и бессистемности внесения проектов законов в Мажилис Парламента. Как следствие – низкое качество законопроектов, порождающее последующие поправки в уже принятые законы. К примеру, Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы» от 3 июля 2017 года статья 108 Уголовного кодекса РК была исключена. Вышеуказанным законом в Кодекс РК об административных правонарушениях была введена статья 73-2, предусматривающая административную ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших причинение легкого вреда здоровью³. Указанные нормы декриминализовали умышленное причинение легкого вреда здоровью. Но уже в 2024 году данный правовой

казус был устранен. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» от 15 апреля 2024 года закрепил новую статью 108-1, предусматривающую уголовную ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью⁴.

В своем Послании народу Казахстана от 1 сентября 2022 года Глава государства отметил, что с 2015 года в Уголовный (далее – УК РК) и Уголовно-процессуальный кодексы (далее – УПК РК) внесено уже более 1200 изменений⁵.

Все это свидетельствует о наличии проблем стабильности УК и УПК. В то время как зарубежный опыт показывает наличие стабильности законов. Например, УК Германии 1871 года с тех времен по настоящее время претерпел не более 200 изменений [1]. Эти изменения были введены как результат реагирования на динамические изменения условий жизни.

Негативные последствия нестабильности УК и УПК РК также сказываются на правоприменительной практике, создают почву для сомнений в судебных решениях, приводят к правовым прецедентам и, как итог, подрывают доверие к правосудию.

Наряду с устранением вышеобозначенной проблемы необходимо ввести нормы, способные урегулировать новые правоотношения. Несвоевременность принятия той или иной нормы, регулирующей возникшие или уже назревшие отношения, зачастую приводит к правовой проблеме. Невозможность применения действующих норм к данным отношениям приводит к безнаказанности и безответственности.

² О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части третьей статьи 245 в отношении слов «преступной группой» и статьи 262 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, пунктов 11 и 13 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 года № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии: нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 25 июня 2025 г. № 72-НП [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35319130&pos=4;-58#pos=4;-58 (дата обращения: 18.11.2025).

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы: закон Республики Казахстан от 3 июля 2017 г. № 84-VI [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000084#z202> (дата обращения: 18.11.2025).

⁴ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: закон Республики Казахстан от 15 апр. 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072#z84> (дата обращения: 18.11.2025).

⁵ Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество: послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сент. 2022 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (дата обращения: 11.08.2025).

Например, в Уголовном кодексе отсутствует норма, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими автономным (беспилотным) транспортным средством.

Своевременное реагирование на постоянно меняющиеся реалии и вызовы путем внесения законодательных поправок жизненно необходимо. Недостаточная адаптивность уголовного законодательства к быстроменяющейся реальности создает условия для роста преступности. К примеру, так называемый «Закон Салтанат» (Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» от 15 апреля 2024 г.) был принят на фоне многочисленных фактов насилия под давлением общественности. Наряду с этим, реалии современности требуют своевременного принятия норм, предусматривающих уголовную ответственность за новые виды уголовных правонарушений, связанных с достижениями IT-технологий, искусственного интеллекта. В ряду таких проблем остается слабое регулирование отношений в сфере применения беспилотных транспортных средств, кибермошенничество и др.

Указанные проблемы негативно отражаются на доверии общества к государству, способствует подрыву национальной безопасности. Последовательность и своевременность принятия, изменения или отмены норм являются основополагающим условием жизнедеятельности общества и государства.

Важную роль в обеспечении стабильности и адаптивности законодательства играет нормотворческий процесс, непосредственно влияющий на указанные тенденции. Поэтому первостепенной задачей государства остается урегулирование нормотворческого процесса.

Материалы и методы. При написании данной статьи применялись как общенаучные, так и специальные методы. Из общенаучных методов был применен метод анализа, с помощью которого были

определены наиболее эффективные принципы нормотворчества, способные решить проблему стабильности и адаптивности уголовного законодательства. Метод обобщения как общенаучный метод позволил выявить общую тенденцию понятия нормотворчества и на этой основе выделить его важные принципы.

Специальные методы, такие как правовой анализ, способствовали выделению важных направлений принципов стабильности и научности. Метод правового моделирования сделал возможным определить пути и механизмы реализации принципов научности и стабильности в нормотворческом процессе.

На основе трудов зарубежных ученых, таких как Ф.-К. Шредер, И. Ракар, Б. Тичар, Т. Буши, Р.Дж. Макграт, Ф.-И. Чиу, Д. Клинглер, было определено понятие нормотворчества. Труды таких ученых, как К. Стефану, Х. Ксантаки, Л.Г. Махаева, П.В. Соловьев и А.Б. Садвокасов, позволили выявить основополагающие принципы нормотворчества.

Высказывания отечественных ученых, таких как С.М. Рахметов, Ж.У. Тлембаева, Р.К. Сарпеков, легли в основу аргументации принципа научности в нормотворческом процессе. Труды С. Карамьян, П.В. Соловьева, Д.А. Монастырского, С.С. Каржаубаева, С.М. Рахметова подкрепили мнение авторов о целесообразности и необходимости принципа стабильности в нормотворческом процессе.

В работе были проанализированы нормы УК Германии 1871 года, указывающие на стабильность уголовного законодательства [1].

Предметом исследования стали нормативные правовые акты, регулирующие нормотворческий процесс, а именно: Закон РК «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года и Правила законотворческой работы Правительства РК, утвержденные постановлением Правительства РК от 29 декабря 2016 года № 907.

Авторами проанализирован УК РК от 3 июля 2014 года на предмет его стабильности и приведены примеры нестабильности отдельных статей УК РК. Анализ на предмет

наличия механизма, направленного на соблюдение стабильности УК РК, был подвергнут Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан» от 16 июля 2025 года⁶.

Результаты, обсуждение. В юридической литературе особое внимание уделяется нормотворческому процессу, т.к. именно нормотворчество нацелено на создание сбалансированных общественных отношений, где любые перекосы могут иметь пагубные последствия. Поэтому многие исследования направлены на выявление причин и условий, способствующих гармонизации общественных отношений, выработке правил поведения и правовой грамотности. В ряду научных исследований можно отметить труды И. Ракар, Б. Тичар, которые считают, что целью нормотворчества является упорядочение отношений в социуме [2]. Т. Буши, Р.Дж. Макграт поясняют, что нормотворчество – это процесс по признанию действующих в обществе правил и он носит официальный характер [3]. Ф.-И Чиу, Д. Клинглер видят нормотворчество в широком смысле как деятельность государственных органов по созданию нормативных актов [4].

Анализ юридической литературы позволил выявить отсутствие единой точки зрения относительно понятия нормотворчества. Наряду с трудами отмеченных ученых имеют место иные точки зрения, что, по сути, отражает многообразие в понимании правотворчества. Вместе с тем изучение научной литературы позволило выделить несколько важных составляющих нормотворчества, к которым можно отнести субъект в лице государственных органов, полномочия этих субъектов по принятию, внесению изменений и отмене нормативных правовых актов, а также наличие формирования норм и правил поведения.

В РК, согласно подпункту 1 пункта 1 статьи

1 Закона РК «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года⁷ (далее – Закон о правовых актах РК), предусмотрен субъект нормотворчества – орган-разработчик, представляющий собой государственные, местные представительные и исполнительные органы. Указанные субъекты нормотворчества, согласно нормам данного закона, наделены полномочиями разрабатывать нормативные правовые акты в соответствии с их компетенциями, которые устанавливаются на основании Конституции РК, Закона о правовых актах РК и других нормативных правовых актов. Глава 5 Закона о правовых актах РК в свою очередь регулирует порядок разработки и оформления нормативных правовых актов.

Нормотворчество, как и любой процесс, невозможно без принципов, которые играют важную направляющую роль. Анализ юридической литературы выявил отсутствие единого мнения относительно наличия принципов нормотворчества. К. Стефану и Х. Ксантаки в качестве основных принципов нормотворчества определяют открытость, последовательность, пропорциональность, ответственность, целенаправленность. Авторы посчитали данные принципы универсальными как для континентального права, так и для системы общего права [5].

Л.Г. Махаева выделяет общие и специальные принципы нормотворчества. К общим принципам, по ее мнению, относятся верховенство права, гуманизм, демократизм, законность, гласность, ответственность. К специальным принципам – динамизм и стабильность, оперативность, планирование и прогнозирование, системность и иерархичность, применение приемов и средств юридической техники, профессионализм [6].

П.В. Соловьев выдвигает принцип научности в нормотворчестве и предлагает формы гарантии осуществления данного принципа посредством обязательного участия независимых ученых при обсуждении проектов законов. Другой гарантией

⁶ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 2025 г. № 210-VII [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000210> (дата обращения: 11.08.2025).

⁷ О правовых актах: закона Республики Казахстан от 6 апр. 2016 г. № 480-V [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (дата обращения: 11.08.2025).

автор считает необходимость проведения нормотворческих экспертиз независимыми учеными, а также информационную открытость обсуждения проектов законов [7].

А.Б. Садвокасов выделяет следующие принципы нормотворчества: законность, гуманизм, научность, техническое совершенство, демократизм, профессионализм, гласность [8].

Наряду с мнениями представленных ученых, существуют и другие точки зрения относительно принципов нормотворчества, что свидетельствует об отсутствии единого мнения о них. Однако анализ исследованных позиций позволил выделить ряд принципов, следование которым может решить проблему нестабильности законодательства. Среди них можно выделить принципы законности, гуманизма, стабильности, научности, системности, проработанности, соответствие юридической технике и востребованности.

Из указанных принципов особо стоит отметить принципы научности и стабильности, которые непосредственно влияют на устойчивость законодательства. Принцип научности предполагает научное обоснование предлагаемых норм, основанный на научных исследованиях. В Казахстане реализация данного принципа возложена на Институт законодательства и правовой информации, деятельность которого направлена на предоставление научно проработанного заключения по документу, разработанному государственным органом либо инициированному депутатами Мажилиса Парламента. Так, согласно пункту 45 Правил законотворческой работы Правительства РК, утвержденных постановлением Правительства РК от 29 декабря 2016 года № 907⁸, представители целевых групп, члены общественного совета, экспертных советов, Национальной палаты предпринимателей и Института законодательства и правовой информации РК уведомляются разработчиком о размещении проекта закона на интернет-портале открытых нормативных правовых актов и приглашаются к даче рекомендаций,

замечаний, предложений или (экспертных) заключений.

Однако стоит отметить, что научно обоснованные заключения Института имеют только рекомендательный характер, его предложения и замечания не всегда учитываются при разработке проектов законов. Однако несмотря на такое положение сотрудники Института имеют возможность, участвуя в заседаниях рабочих групп, непосредственно озвучивать научно проработанные нормы. Именно при тесном живом контакте обоснованная позиция ученых учитывается и, как правило, не вызывает противоречий среди членов рабочей группы. Такой подход дает положительный эффект, т.к. научно обоснованные предложения становятся важной научной правовой базой новых норм. Вместе с тем, по мнению отдельных ученых, при принятии решений учитывается мнение депутатов, даже при научно обоснованном доводе ученых [9]. Следует отметить, что нормы, предложенные учеными, успешно реализуются на практике и не вызывают двойственного понимания правоприменителями. В качестве примера можно привести участие С.М. Рахметова и Р.Т. Нуртаева в рабочей группе по подготовке проекта Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан» от 16 июля 2025 года. Симбиоз науки и практики во всех случаях приводит к положительному результату.

В ученой среде сложилось устойчивое мнение о необходимости усиления статуса научной организации в нормотворческом процессе в связи с довольно эффективной деятельностью данных организаций в законотворческом процессе. Так, например, научно-правовая деятельность Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации эффективно отражается на правоприменительной практике. Созданный в 2022 году Институт законодательства и правовой политики при Президенте

⁸ Об утверждении Правил законотворческой работы Правительства Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 29 дек. 2016 г. № 907 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000907> (дата обращения: 11.08.2025).

Республики Узбекистан также показал высокий результат в нормотворческой деятельности. В Казахстане существует Институт законодательства, но его статус и финансовая составляющая оставляет желать лучшего. Многие зарубежные и отечественные ученые, исследующие вопросы нормотворчества, сходятся во мнении о повышении роли и статуса Института законодательства РК. Так, по мнению Ж.У. Тлембаевой, следует усилить роль и статус Института законодательства РК как профильного научно-исследовательского учреждения [10]. Усиление его статуса позволило бы усилить научные позиции в нормотворческом процессе и поднять на качественный уровень законодательную деятельность.

Кроме того, для успешной реализации принципа научности необходимо совершенствовать механизм научно-правовой экспертизы. В Казахстане данный вид экспертизы координирует Институт законодательства и правовой информации РК. За годы ее функционирования наблюдается положительное влияние на нормотворческую деятельность. По мнению Р.К. Сарпекова, действующая модель научной правовой экспертизы дала ощутимые результаты, выразившиеся в повышении качества принимаемых законов [11].

Следует подчеркнуть значимость такой экспертизы, поскольку она проводится ведущими учеными, являющимися экспертами в соответствующих областях. Преимущества такой экспертизы заключаются в самостоятельности эксперта: он полностью застрахован от внешнего влияния и, следовательно, его мнение не зависит от какого-либо давления извне.

Другим важным принципом является принцип стабильности. По мнению С. Карамян, стабильность права является конституционным принципом наряду с принципами равенства, пропорциональности и гарантированности прав граждан [12]. П.В. Соловьев отмечает, что соблюдение стабильности возможно только тогда, когда вновь устанавливаемые нормы согласовываются со всей действующей

системой права [13]. Д.А. Монастырский считает, что нестабильность законов возникает в случаях, когда закон изменяют путем его чрезмерной детализации. Наибольшие изменения в законе возможны при наличии бланкетных норм и оценочных понятий [14]. Также отмечаются достаточно обширные границы понимания принципа стабильности законодательства.

Учитывая современное понимание значимости стабильности законодательства, необходимо выделить ключевые направления, обеспечивающие реализацию данного принципа. Наиболее эффективными направлениями принципа стабильности являются: стабильность общих положений закона, обязательный учет криминологического обоснования, принципов уголовного права, криминализации и декриминализации деяний, а также обоснованность усиления или смягчения ответственности и наказания.

Что касается стабильности общих положений закона, то в кодифицированных актах она должна исходить из стабильности общих положений, общей части. Между тем Общая часть УК РК постоянно подвергается изменениям. К примеру, в статью 3 УК РК за период со дня вступления в силу до 1 августа 2025 года (10 лет 7 месяцев) были внесены изменения и дополнения более чем 30 законами. Многие могут возразить, что статья 3 УК РК является наиболее подверженной изменениям из-за содержащегося в ней понятийного аппарата. Но это не единственный пример. Так, в статью 46 УК РК («Лишение свободы») были внесены изменения семью законами, в статью 72 УК РК («Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания») – девятью законами. И таких примеров достаточно. Для реализации принципа стабильности следует минимизировать количество дополнений и изменений в уголовное законодательство и предусмотреть определенный барьер при принятии актов, вносящих изменения и дополнения в УК РК.

Следует отметить, что данное положение было учтено Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан

по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан» от 16 июля 2025 года⁹, в котором предусмотрен такой барьер в виде ограничения внесения изменений в УК РК. Так, нормы этого закона регламентируют запрет на внесение изменений и (или) дополнений в УК законом, который предусматривает внесение изменений и (или) дополнений в другие законодательные акты РК. Иначе говоря, если закон вносит изменения в ряд законов, в т.ч. и в УК РК, то предлагаемые нормы в УК РК не могут вноситься в этот закон. Данный запрет имеет определенные недоработки, которые могут увеличить законодательную инициативу Президента РК, а также позволит обходить данный запрет принятием законов, вносящих изменения и дополнения в УК РК. При этом принятая норма не ограничивает количество таких законов, что делает данное ограничение недостаточно эффективным.

Важность обязательного учета криминологического обоснования, принципов уголовного права, криминализации и декриминализации деяний, а также усиления или смягчения ответственности и наказания несомненна и требует тщательного изучения. В целях реализации данных направлений следует усилить работу при подготовке проектов законов, исследовать все моменты, позволяющие принять окончательное решение. Как правило, многие законы принимаются под «давлением» общественного мнения, сиюминутной потребности, раздутого СМИ события, без учета реальной ситуации. Такие законы целиком нацелены на ужесточение уголовного наказания. Известные научные исследования в этой сфере показывают, что ужесточение наказания не приводит

к снижению преступности. По мнению С.С. Каржаубаева, для стабилизации уголовного законодательства необходимо применять уже имеющиеся механизмы, формировать судебную практику [15]. По мнению С.М. Рахметова, законы, вносящие изменения и дополнения в УК РК, принимаются без достаточного криминологического обоснования, и, как следствие, изменения и дополнения вносятся в недавно принятые нормы [9]. Применение принципа стабильности в нормотворческом процессе позволит решить наиболее важную проблему нестабильности не только уголовного, но и всего законодательства в целом.

Заключение. Из вышесказанного следует, что значение принципов нормотворчества имеет важное и продуктивное значение. Важность принципов научности и стабильности законодательства особо актуальна и необходима в силу ее объективности и логичности.

Реализация принципа научности возможна путем усиления роли и статуса Института законодательства РК, что позволит усилить научные позиции в нормотворческом процессе и поднять на качественный уровень законодательную деятельность.

Реализация принципа стабильности возможна путем стабилизации общих положений законодательства, обязательного учета криминологического обоснования, принципов уголовного права, криминализации и декриминализации деяний, а также усиления или смягчения ответственности и наказания. Все эти направления в совокупности могут дать положительный эффект по стабилизации и адаптивности уголовного законодательства.

Список использованной литературы:

1. F.-Ch. Schroeder. Die neuere Entwicklung des Strafrechts in beiden deutschen Staaten [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/archiv/534359/die-neuere-entwicklung-des-strafrechts-in-beiden-deutschen-staaten/> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Rakar, I. The Rulemaking Procedure – Definition, Concepts and Public Participation / I. Rakar, B. Tičar // Law and Economics Review. – 2015. – № 6 (2). – Pp. 109-119.
3. Boushey, G.T. Rulemaking Speed in the US States / G.T. Boushey, R.J. McGrath // Journal of

⁹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 2025 г. № 210-VII [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000210> (дата обращения: 11.08.2025).

Public Administration Research and Theory. – 2024. – Vol. 34. Issue 2. – Pp. 284-300.

4. Chiou, F-Y. Rule Significance and Interbranch Competition in Rulemaking Processes / F-Y. Chiou, J. Klingler // American Political Science Review. – 2023. – № 17 (4). – Pp. 1506-1521.

5. Stefanou, C. Drafting Legislation: A Modern Approach (1st ed.) / C. Stefanou, H. Xanthaki. – Routledge. London, 2008. – 352 p.

6. Махаева, Л.Г. Нормотворческие правоотношения: теоретические аспекты / Л.Г. Махаева // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 55-58.

7. Соловьев, П.В. Нормотворческий принцип научности: конституционно-правовое содержание и реализация в республике Беларусь / П.В. Соловьев // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 12. – С. 129-135.

8. Садвокасов, А.Б. О перспективах внедрения принципов нормотворчества в законодательство Республики Казахстан / А.Б. Садвокасов // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Право. – 2022. – № 1 (138). – С. 8-18.

9. Рахметов, С.М. Нормотворческая деятельность в сфере регулирования уголовно-правовых отношений / С.М. Рахметов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 4 (75) – С. 122-132.

10. Тлембаева, Ж.У. Планирование законотворческой деятельности и его значение в совершенствовании законодательства и законодательного процесса Республики Казахстан / Ж.У. Тлембаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2 (63). – С. 28-35.

11. Сарпеков, Р.К. Некоторые вопросы совершенствования нормотворчества в Республике Казахстан [Электронный ресурс] / Р.К. Сарпеков // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – № 1 (76). – Режим доступа: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2024_76_1_40 (дата обращения: 13.08.2025).

12. Karamyan, S. Stability of Law as a Key Element of the Legal System: An Empirical Study / S. Karamyan // Правовая парадигма. – 2025. – № 24 (1). – Pp. 14-20.

13. Соловьев, П.В. Системность, комплексность и стабильность в нормотворческой деятельности / П.В. Соловьев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2013. – № 14. – С. 130-135.

14. Монастырский, Д.А. Законодательная техника и стабильность закона / Д.А. Монастырский // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2011. – № 1 (21). – С. 64-69.

15. Каржаубаев, С.С. К вопросу обеспечения стабильности уголовного законодательства / С.С. Каржаубаев // Вестник Министерства юстиции Республики Казахстан. – 2021. – № 3 (38). – С. 50-54.

References:

1. F.-Ch. Schroeder. Die neuere Entwicklung des Strafrechts in beiden deutschen Staaten [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/archiv/534359/die-neuere-entwicklung-des-strafrechts-in-beiden-deutschen-staaten/> (data obrashhenija: 11.08.2025).

2. Rakar, I. The Rulemaking Procedure – Definition, Concepts and Public Participation / I. Rakar, B. Tičar // Law and Economics Review. – 2015. – № 6 (2). – Pp. 109-119.

3. Boushey, G.T. Rulemaking Speed in the US States / G.T. Boushey, R.J. McGrath // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2024. – Vol. 34. Issue 2. – Pp. 284-300.

4. Chiou, F-Y. Rule Significance and Interbranch Competition in Rulemaking Processes / F-Y. Chiou, J. Klingler // American Political Science Review. – 2023. – № 17 (4). – Pp. 1506-1521.

5. Stefanou, C. Drafting Legislation: A Modern Approach (1st ed.) / C. Stefanou, H. Xanthaki. – Routledge. London, 2008. – 352 p.

6. Mahaeva, L.G. Normotvorcheskie pravootnoshenija: teoreticheskie aspekty / L.G. Mahaeva //

Образование. Наука. Nauchnye kadry. – 2021. – № 4. – С. 55-58.

7. Solov'ev, P.V. Normotvorcheskij princip nauchnosti: konstitucionno-pravovoe sodержanie i realizacija v respublike Belarus' / P.V. Solov'ev // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta: Serija D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2022. – № 12. – С. 129-135.

8. Sadvokasov, A.B. O perspektivah vnedrenija principov normotvorchestva v zakonodatel'stvo Respubliki Kazahstan / A.B. Sadvokasov // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Serija: Pravo. – 2022. – № 1 (138). – С. 8-18.

9. Rahmetov, S.M. Normotvorcheskaja dejatel'nost' v sfere regulirovanija ugovolno-pravovyh otnoshenij / S.M. Rahmetov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2023. – № 4 (75) – С. 122-132.

10. Tlembaeva, Zh.U. Planirovanie zakonotvorcheskoj dejatel'nosti i ego znachenie v sovershenstvovanii zakonodatel'stva i zakonodatel'nogo processa Respubliki Kazahstan / Zh.U. Tlembaeva // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. – 2017. – № 2 (63). – С. 28-35.

11. Sarpekov, R.K. Nekotorye voprosy sovershenstvovanija normotvorchestva v Respublike Kazahstan [Jelektronnyj resurs] / R.K. Sarpekov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2024. – № 1 (76). – Rezhim dostupa: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2024_76_1_40 (data obrashhenija: 13.08.2025).

12. Karamyan, S. Stability of Law as a Key Element of the Legal System: An Empirical Study / S. Karamyan // Pravovaja paradigma. – 2025. – № 24 (1). – Pp. 14-20.

13. Solov'ev, P.V. Sistemnost', kompleksnost' i stabil'nost' v normotvorcheskoj dejatel'nosti / P.V. Solov'ev // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2013. – № 14. – С. 130-135.

14. Monastyrskij, D.A. Zakonodatel'naja tehnika i stabil'nost' zakona / D.A. Monastyrskij // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2011. – № 1 (21). – С. 64-69.

15. Karzhaubaev, S.S. K voprosu obespechenija stabil'nosti ugovolnogo zakonodatel'stva / S.S. Karzhaubaev // Vestnik Ministerstva justicii Respubliki Kazahstan. – 2021. – № 3 (38). – С. 50-54.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Серік Сейітұлы Қаржаубаев – Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институты қылмыстық, қылмыстық іс жүргізу және қылмыстық-атқару заңнамасы бөлімінің басшысы, заң ғылымдарының кандидаты, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5482-6254>, e-mail: serikseit@mail.ru.

Каржаубаев Серик Сеитович – руководитель отдела уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5482-6254>, e-mail: serikseit@mail.ru.

Karzhaubayev Serik Seitovich – Head of the Department of Criminal, Criminal Procedure and Penal Enforcement Legislation of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5482-6254>, e-mail: serikseit@mail.ru.

Динара Сердоққызы Қажмұратова – Парламентаризм институтының сот жүйесі және құқық қорғау органдары орталығының маманы, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5705-9165>, e-mail: dakona23@mail.ru.

Кажмуратова Динара Сердоковна – специалист Центра судебной системы и правоохранительных органов Института парламентаризма, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5705-9165>, e-mail: dakona23@mail.ru.

Kazhmuratova Dinara Serdakovna – Specialist of the Center for the Judicial System and Law Enforcement Agencies of the Institute of Parliamentarism, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5705-9165>, e-mail: dakona23@mail.ru.

УДК 343.93/.94
МРНТИ 10.81.51

А.Е. Сарбасов

*Алматынская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова,
г. Алматы, Республика Казахстан*

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации общества киберпреступность занимает особое место среди современных форм преступности, отличаясь высокой латентностью, транснациональным характером и динамичным развитием. Настоящая статья посвящена исследованию личности киберпреступника с позиций криминологии и ориентирована на выявление ключевых социально-демографических, психологических и мотивационных характеристик нарушителей. В работе рассматриваются основные типы киберпреступников, включая кибермошенников, хактивистов, кибертеррористов и инсайдеров, чья деятельность влечет серьезные последствия для информационной безопасности государства, общества и частного сектора. Анализ статистических данных Республики Казахстан позволил выявить возрастные и профессиональные особенности правонарушителей, а также наметить тенденции их трансформации в условиях цифровой экономики. Особое внимание уделено роли инсайдеров и организованных кибергрупп, использующих как технические знания, так и социальную инженерию. Сделан вывод о необходимости адаптации существующих криминологических подходов и разработки эффективной типологии киберпреступников для повышения результативности противодействия угрозам в киберпространстве.

Ключевые слова: киберпреступность; личность преступника; высокие технологии; криминология; хакер; социальная инженерия; инсайдер; хактивизм.

А.Е. Сарбасов

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы*

ЖОҒАРЫ ТЕХНОЛОГИЯЛАР САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСКЕР ТҰЛҒАСЫ: КРИМИНОЛОГИЯЛЫҚ АСПЕКТ

Аннотация. Қоғамның жедел цифрлануы жағдайында киберқылмыс заманауи қылмыстың ерекше түрі ретінде айқындалып отыр. Ол жоғары латенттілікпен, трансұлттық сипатымен және қарқынды дамуымен ерекшеленеді. Бұл мақала криминология тұрғысынан киберқылмыскердің тұлғасын зерттеуге арналған және құқық бұзушылардың негізгі әлеуметтік-демографиялық, психологиялық және мотивациялық сипаттамаларын айқындауға бағытталған. Жұмыста кибералаяқтар, хактивистер, кибертеррористер мен инсайдерлерді қоса алғандағы киберқылмыскерлердің негізгі түрлері қарастырылады. Қазақстан Республикасының статистикалық деректерін талдау құқық бұзушылардың жас ерекшеліктері мен кәсіби бейінін, сондай-ақ цифрлық экономика жағдайында олардың трансформациялану үрдістерін анықтауға мүмкіндік берді. Инсайдерлердің рөлі мен ұйымдасқан киберқылмыстық топтардың қызметіне ерекше назар аударылды. Киберқылмысқа қарсы іс-қимылдың тиімділігін арттыру үшін криминологиялық тәсілдерді бейімдеу және киберқылмыскерлердің тиімді типологиясын әзірлеу қажеттігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: киберқылмыс; қылмыскер тұлғасы; жоғары технологиялар; криминология; хакер; әлеуметтік инженерия; инсайдер; хактивизм.

A.E. Sarbassov

*The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Yesbulatov,
Almaty, the Republic of Kazakhstan*

THE PERSONALITY OF A CRIMINAL IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGIES: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Abstract. In the context of rapid digitalization, cybercrime has emerged as a distinct and complex form of modern criminality, characterized by high latency, transnational nature, and dynamic development. This article focuses on the study of the cybercriminal's personality from a criminological perspective, aiming to identify the key socio-demographic, psychological, and motivational characteristics of offenders. The paper examines the main types of cybercriminals, including cyber fraudsters, hacktivists, cyberterrorists, and insiders, whose activities pose serious threats to the information security of the state, society, and the private sector. An analysis of statistical data from the Republic of Kazakhstan revealed the age and professional profiles of offenders, as well as trends in their transformation within the digital economy. Special attention is paid to the role of insiders and organized cyber groups. The study concludes on the necessity of adapting criminological approaches and developing an effective typology of cybercriminals to strengthen counteraction in cyberspace.

Keywords: cybercrime; offender's personality; high technologies; criminology; hacker; social engineering; insider; hacktivism.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_143

Введение. Современное общество находится в эпохе цифровой трансформации, где информационные технологии проникают во все сферы человеческой деятельности. Однако параллельно с прогрессом возникает и новая форма преступности – киберпреступность, представляющая серьезную угрозу для экономической безопасности, частной жизни граждан и государственных интересов. В отличие от традиционных преступлений, киберпреступления совершаются в виртуальном пространстве, что придает им особые характеристики: транснациональный характер, высокую латентность и сложность раскрытия.

Изучение личности преступника в сфере высоких технологий занимает особое место в современной криминологической науке. Если классическая криминология преимущественно рассматривала социальные, экономические и психологические факторы формирования преступного поведения, то в цифровую эпоху возникает потребность в принципиально новых подходах. Как отмечают казахстанские исследователи, личность преступника в криминологии понимается как совокупность

свойств, формирующих его индивидуальность и влияющих на совершение преступления [1]. Киберпреступник нередко действует анонимно, используя сложные технические средства, что значительно затрудняет его выявление и прогнозирование будущих действий.

Рост числа киберпреступлений сопровождается их качественной трансформацией: от разрозненных атак отдельных лиц до масштабных кампаний, организованных преступными группами и даже государственными структурами. В этих условиях понимание специфики личности киберпреступника становится неотъемлемым условием для разработки стратегий кибербезопасности, совершенствования законодательства и эффективной профилактики цифровой преступности.

Целью настоящей статьи являются исследование и анализ личности преступника в сфере высоких технологий в контексте криминологических подходов, с учетом социально-демографических и психологических характеристик, а также тенденций развития киберпреступности в отечественной и зарубежной практике.

Задачей статьи являются выявление ключевых особенностей личности киберпреступников, анализ существующих проблем их типологизации и разработка предложений по совершенствованию мер профилактики и противодействия киберпреступности.

Материалы и методы. В исследовании применялся комплексный подход, включающий криминологический анализ для выявления особенностей личности киберпреступников, сравнительно-правовой метод для сопоставления национального законодательства с международными актами (в частности, с Будапештской конвенцией), а также статистический анализ данных Комитета по правовой статистике Республики Казахстан (далее – РК) за 2023-2025 гг. Дополнительно изучались материалы судебной практики, что позволило определить типичные схемы преступной деятельности и трудности их квалификации. Для уточнения выводов использовались психологические исследования и контент-анализ научной литературы и специализированных изданий. Такой подход обеспечил комплексное понимание проблемы и формирование обоснованных выводов.

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК за 2023-2025 гг., материалы судебной практики и аналитические отчеты. Теоретическую основу сформировали труды отечественных и зарубежных ученых по криминологии и информационной безопасности, а также международные правовые акты в сфере противодействия киберпреступности.

Результаты, обсуждение. В академических кругах, профессиональной сфере и этических дискуссиях о кибербезопасности общепринято использование классификации на «белых», «серых» и «черных» хакеров, однако границы между этими категориями остаются предметом дискуссий и не имеют четких универсальных определений [2]. Как отмечает Лоуренс Сандерс, доктор фило-

софии, профессор управленческой науки и систем в Школе менеджмента UB, серые хакеры противостоят системе власти, черные хакеры мотивированы поиском острых ощущений, а белые хакеры – так называемые «хорошие парни» – часто проявляют нарциссические черты личности [3].

Трудно не согласиться с мнением авторов, которые классифицируют хакерское сообщество на четыре иерархические группы: 1) хакеры-мастера (guru hacker) – высший уровень профессионализма; 2) ситуативные хакеры (casual hacker) – обладающие ограниченным набором навыков; 3) хакеры в процессе обучения (learning hacker) и 4) хакеры-новички (novice hacker). Особого внимания заслуживает тот факт, что представители двух последних категорий, несмотря на стремление к системному пониманию архитектуры киберпространства, в действительности не владеют достаточными техническими компетенциями для осуществления модификаций его фундаментальных процессов и структурных элементов [4].

Согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам за период с 2023 по апрель 2025 гг., подавляющее количество привлеченных к уголовной ответственности за правонарушения в сфере цифровизации и связи имели возраст от 21 до 39 лет – 90%¹, т.е. средний возраст, что связано с высокой цифровой грамотностью и активным использованием технологий представителями этой возрастной группы.

Многие злоумышленники обладают глубокими знаниями в области программирования, сетевых технологий и информационной безопасности, как показывает исследование больше половины привлеченных имеют высшее образование в сфере IT специальностей (2025 (апрель) – 37/52, 2024 – 25/33, 2023 – 11/20)².

Повышение уровня «компьютерной грамотности» преступников увеличивает латентность преступлений данного вида.

Особую обеспокоенность вызывает тенденция роста числа указанных

¹ Отчет №1-М «О зарегистрированных правонарушениях» // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 03.10.2025).

преступлений, совершенных в составе группы лиц (2025 (апрель) – 4, 2024 – 6, 2023 – 3)⁵. В отличие от традиционной преступности, киберпреступления часто совершаются удаленно, что позволяет преступникам объединяться в международные сети, что усложняет их поимку.

Различные научные подходы к изучению личности киберпреступников позволяют выделить основные группы, как наиболее часто встречающиеся в практике:

1. Кибермошенники – занимаются фишингом, кардингом, обманом через социальные сети. Данный тип киберпреступников наиболее распространенный в нынешний период времени, и представляет серьезную угрозу. Их деятельность отличается массовостью, высокой латентностью и глобальным характером, что усложняет борьбу с этим видом преступлений. Также не все схемы требуют глубоких технических знаний (например, фишинг через поддельные сайты или соцсети). Доступность готовых инструментов в даркнете (скрипты, ботнеты, базы данных). Особенно выделяется тот факт, что кибермошенничество имеет высокую доходность при минимальных рисках, т.к. жертвы часто не обращаются в правоохранительные органы (особенно при небольших суммах) либо делают это только спустя определенное время. Анонимность криптовалют и обезличенных платежных систем усложняет поиск денежных потоков. Большинство атак основаны на социальной инженерии, а не на взломах, люди сами передают пароли или скачивают вирусы.

При этом немаловажным фактором остается поведение самих пользователей, которые зачастую становятся источником утечек, размещая чрезмерный объем личной информации в сети. Как справедливо отмечают исследователи, серьезной проблемой является несоответствие между отношением и поведением пользователей Интернета в вопросах конфиденциальности, усугубляемое отсутствием должной осторожности при защите персональных данных [5].

2. Хакеры-одиночки – категория киберпреступников, которые взламывают системы из интереса или для личной выгоды. В отличие от группировок, их деятельность часто мотивирована не только материальной выгодой, но и личными амбициями, идеологией или стремлением к самоутверждению. В качестве одного из примеров можно привести случай с молодым человеком 24 лет, который, не имея высшего образования, в целях личностного роста, используя технологии онлайн-платформы Rhadamanthys, создал компьютерную программу, с помощью которой можно нарушить работу компьютера и компьютерных программ, а также блокировать, модифицировать хранящуюся на компьютере информацию, а также завладеть ею. Данную программу он распространял среди других пользователей через мессенджер Telegram в сети Интернет².

При этом примечательно, что для совершения подобных деяний не требуется особая квалификация либо длительная и сложная подготовка, достаточно наличия технического выхода в Интернет, хорошего девайса, а также определенной мотивации и настойчивости.

3. Члены организованных кибергрупп – участвуют в масштабных атаках, таких как вымогательство либо промышленный шпионаж. В мировой практике известно множество организованных кибергрупп, например, «Anonymous», китайские «APT» и др. В отличие от хакеров-одиночек, они действуют системно, обладают значительными ресурсами и часто связаны с транснациональной преступностью.

На увеличение численности таких группировок оказывает влияние феномен появления небольших высокотехнологичных преступных групп, работающих на криминальных рынках, сильно зависящих от Интернета. Как правило, в таких группах меньшинство являются профессиональными преступниками, а основной контингент составляют работники IT-компаний, банков и т.п. С известной долей преувеличения такие группы можно обозначить как «ОПГ

² Приговор по делу № 1-217 от 06.08.2024 г. суда № 2 г. Костанай Костанайской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://office.sud.kz/form/courtActs/documentList.xhtml> (дата обращения: 25.09.2025).

преступников в свободное от работы время» [6]. Жертвами таких группировок могут быть отдельные граждане, компании, а также государственные учреждения целых стран.

Так, 6 февраля 2024 года на платформе GitHub неизвестными лицами был опубликован массив конфиденциальных материалов, предположительно относящихся к китайской компании iSoon (Anxun), являющейся подрядчиком Министерства общественной безопасности Китая (MPS) и ассоциируемой со структурой Chengdu 404 (APT41). Анализ представленных данных позволяет предполагать, что как минимум одна хакерская группировка в течение более чем двух лет обладала устойчивым несанкционированным доступом к отдельным элементам критической инфраструктуры казахстанских операторов связи³.

Подобные факты подтверждают важность международного взаимодействия и необходимость согласованных действий государств в борьбе с киберугрозами. В этой связи заслуживает особого внимания Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года, которая закрепила единые стандарты уголовно-правовой ответственности за незаконный доступ к компьютерным системам, вмешательство в данные, использование вредоносных программ. Помимо этого, Конвенция предусматривает процессуальные механизмы сохранения и изъятия электронных доказательств, перехвата трафика и международного обмена информацией, что позволяет государствам более эффективно расследовать киберпреступления, выходящие за рамки национальных юрисдикций⁴.

Данный факт не только вызывает тревогу, но и говорит о необходимости улучшать меры кибербезопасности.

4. Инсайдеры – сотрудники компаний, т.е. лица, имеющие легальный доступ к конфиденциальной информации (сотрудники, бывшие работники, подрядчики), которые используют свои привилегии в преступных

целях. В Казахстане, как и во многих других странах, инсайдерские угрозы представляют серьезную проблему для информационной безопасности.

Согласно данным, приводимым Ю.В. Трунцевским, максимальную угрозу создает инсайдерская деятельность сотрудников, связанных с обслуживанием корпоративных сетей организации и обеспечением ее информационной безопасности, поскольку они обладают наибольшими профессиональными знаниями и возможностями для содействия преступлениям [7].

Инсайдеры – тип угроз, от которого сложно защититься. Предсказать поведение недовольного системного администратора или менеджера по продажам, лишённого бонуса, достаточно сложно. Часто их действия направлены на кражу персональных данных или коммерческой информации с целью дальнейшей перепродажи либо саботажа, например, путем внедрения вредоносного кода.

В криминологической теории инсайдеров условно делят на три группы:

- умышленные – совершают преступление ради выгоды, мести, саботажа;
- неосторожные – нарушают правила в результате незнания или пренебрежения политиками безопасности;
- рекрутированные – подвергаются внешнему влиянию (шантаж, подкуп).

5. Участники хактивистской деятельности – особая категория субъектов киберпреступности, чьи действия мотивированы идеологическими и политическими убеждениями, а не корыстными интересами. Хактивизм – деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий и направленная на достижение идеологических, политических или социальных целей; в отдельных случаях может принимать противоправный характер. Термин «хактивизм» (от английского *hack* и *activism*) введен в научный оборот в 1990-х гг. Дж. Сэком. На мировой арене выделяются несколько хакерских групп, объединенных таким умыслом,

³ Китайская хакерская группировка контролировала критические объекты IT инфраструктуры Казахстана // Служба реагирования на компьютерные инциденты (CERT-Kazakhstan). – 20 февр. 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cert.kz/news/chinese-hacker-group-controlled-critical-it-infrastructure-facilities-in-kazakhstan/> (дата обращения: 28.09.2025).

⁴ Budapest, 23.XI.2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081561> (дата обращения: 25.09.2025).

наиболее известные «Anonymous», «Killnet» и др.

Киберпреступники, особенно действующие в одиночку, обладают уникальным сочетанием высокого интеллекта и творческого мышления, что позволяет им находить нестандартные способы обхода даже самых сложных систем защиты. Их деятельность часто мотивирована не столько материальной выгодой, сколько внутренней потребностью в интеллектуальном вызове – многие воспринимают процесс взлома как своеобразную игру или соревнование, где главной наградой становится сам факт преодоления защитных механизмов. Эта специфическая психология сочетает в себе аналитический склад ума, способность быстро обрабатывать большие объемы информации и нестандартный подход к решению задач, что делает таких преступников особенно опасными. При этом склонность к риску и азартное отношение к своей противоправной деятельности только усиливают потенциальную угрозу, поскольку заставляют постоянно совершенствовать методы атак и искать новые уязвимости в защитных системах. В отличие от обычных преступников, они часто действуют не по шаблону, а создают уникальные схемы взлома, что существенно осложняет работу правоохранительных органов по их выявлению и задержанию.

На самом деле у хакеров значительно выше потребность в познании и склонность к риску, чем у широкой публики. Они склонны предпочитать рациональный стиль мышления интуитивному и демонстрируют особенно

высокую уверенность в своей способности принимать оптимальные решения в процессе рационального обдумывания. Предпочитают сложные задачи простым и получают больше удовольствия от решения задач, требующих напряженного мышления, чем среднестатистический человек [8].

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что киберпреступность представляет собой новую форму преступной деятельности, отличающуюся от традиционной высокой латентностью, транснациональным характером и повышенной технической сложностью. Криминологическая характеристика личности киберпреступника выявила преобладание молодых, технически подкованных лиц, зачастую с высшим IT-образованием.

Типология киберпреступников позволила глубже понять их мотивацию и поведенческие особенности, что важно для разработки мер профилактики и противодействия. Особое внимание следует уделить роли социальной инженерии, анонимных платежных систем и доступности вредоносных инструментов, что значительно упрощает совершение преступлений даже лицами с невысоким уровнем специальной подготовки.

Полученные результаты уточняют научные представления о субъекте преступления в цифровой среде и обосновывают необходимость междисциплинарного подхода к изучению киберугроз. В перспективе важным направлением остается разработка поведенческих моделей киберпреступников и совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере кибербезопасности.

Список использованной литературы:

1. Омарова, А.Б. К понятию личности преступника преступлений в сфере компьютерной информации / А.Б. Омарова, Ш.Б. Маликова // Вестник КазНУ. Серия: юридическая. – 2016. – № 3 (79). – С. 293-297.
2. Canudo, M. Differentiating Hackers and Hacker Types: the Role of Self-Control, Personality and Motivations / M. Canudo, et al. – 2025. – 64 p.
3. Manne, K. Inside the mind of a hacker. – 2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.buffalo.edu/news/news-releases.host.html/content/shared/mgt/news/inside-mind-hacker.detail.html> (дата обращения: 30.09.2025).
4. Bartko, R. Hackers in duty of cyberterrorism / R. Bartko, R. Kelemen // Journal of Infrastructure, Policy and Development. – 2025. – № 9 (2). – 10979.
5. Ерболатов, Е.Е. Баланс цифровизации и защиты персональных данных: казахстанский кейс / Е.Е. Ерболатов, С.Қ. Жетпісов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. –

2024. – № 34 (4). – С. 26-34.

6. Овчинский, В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В.С. Овчинский. – М.: Норма ИНФРА, 2019. – 352 с.

7. Трунцевский, Ю.В. Киберпреступления в корпоративной среде: риски, оценка и меры предупреждения / Ю.В. Трунцевский // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 19-22.

8. Bachmann, M. The Risk Propensity Computer Hackers and Rationality / M. Bachmann // International Journal of Cyber Criminology. – 2010. – Vol. 4. Issue 1. – Pp. 643-656.

References:

1. Omarova, A.B. K ponjatiju lichnosti prestupnika prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii / A.B. Omarova, Sh.B. Malikova // Vestnik KazNU. Serija: juridicheskaja – 2016. – № 3 (79). – S. 293-297.

2. Canudo, M. Differentiating Hackers and Hacker Types: the Role of Self-Control, Personality and Motivations / M. Canudo, et al. – 2025. – 64 p.

3. Manne, K. Inside the mind of a hacker. – 2020 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.buffalo.edu/news/news-releases.host.html/content/shared/mgt/news/inside-mind-hacker.detail.html> (data obrashhenija: 30.09.2025).

4. Bartko, R. Hackers in duty of cyberterrorism / R. Bartko, R. Kelemen // Journal of Infrastructure, Policy and Development. – 2025. – № 9 (2). – 10979.

5. Erbolatov, E.E. Balans cifrovizacii i zashhity personal'nyh dannyh: kazhastanskij kejs / E.E. Erbolatov, S.Қ. Zhetpisov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 34 (4). – С. 26-34.

6. Ovchinskij, V.S. Kriminologija cifrovogo mira: uchebnik dlja magistratury / V.S. Ovchinskij. – М.: Norma INFRA, 2019. – 352 s.

7. Truncevskij, Ju.V. Kiberprestuplenija v korporativnoj srede: riski, ocenka i mery preduprezhdenija / Ju.V. Truncevskij // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 21. – S. 19-22.

8. Bachmann, M. The Risk Propensity Computer Hackers and Rationality / M. Bachmann // International Journal of Cyber Criminology. – 2010. – Vol. 4. Issue 1. – Pp. 643-656.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Алихан Ержанұлы Сарбасов – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясының докторанты, ұлттық қауіпсіздік және әскері іс магистрі, e-mail: alihosarbas@gmail.com.

Сарбасов Алихан Ержанович – докторант Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: alihosarbas@gmail.com.

Sarbassov Alikhan Erzhanovich – Doctoral Student of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Yesbulatov, Master of National Security and Military Case, e-mail: alihosarbas@gmail.com.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

УДК 343.1; 343.13(4/9)
МРНТИ 10.79.01; 10.79.91

Ш.Қ. Айтжанов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье осуществлен обзор действующего законодательства в сфере компенсации вреда, нанесенного уголовным правонарушением. С принятием Закона «О фонде компенсации потерпевшим» в Казахстане была реализована возможность государственной компенсации для лиц, пострадавших от преступлений. Несмотря на положительные аспекты, закон имеет ряд недостатков, связанных с ограниченным кругом лиц, претендующих на выплаты, и их незначительными размерами, которые в отдельных случаях не покрывают медицинские расходы.

Цель исследования состоит в оценке эффективности существующего механизма государственной компенсации потерпевшим и разработке предложений по его совершенствованию. Для достижения указанной цели в работе поставлены задачи, связанные с анализом правовых и социальных факторов, обосновывающих необходимость увеличения размера выплат и расширения круга лиц, которые могут претендовать на государственную компенсацию, с оценкой влияния на бюджет Фонда компенсации потерпевшим.

В статье представлены аргументы в поддержку модернизации действующей модели государственной компенсации, а также дана оценка потенциальной эффективности предложенных решений в контексте укрепления гарантий защиты прав потерпевших и повышения доступности механизмов возмещения вреда.

Ключевые слова: вред; выплата; жертва; компенсация; потерпевший; преступление; ущерб; фонд.

Ш.Қ. Айтжанов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚЫЛМЫС ҚҰРБАНДАРЫНА ЗИЯНДЫ ӨТЕУДІҢ ЗАМАНАУИ ТӘСІЛДЕРІ: АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ КОНТЕКСТІНДЕГІ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада қылмыстық құқық бұзушылықтан келтірілген зиянды өтеу саласындағы қолданыстағы заңнамаға шолу жасалды.

«Жәбірленушілерге өтемақы қоры туралы» Заңның қабылдануымен Қазақстанда қылмыстардан зардап шеккен адамдарға мемлекеттік өтемақы төлеу мүмкіндігі іске асырылды.

Заңның жағымды аспектілеріне қарамастан, оның төлемдерге үміткер адамдар тобының шектеулігімен және өтемақы мөлшерінің төмен болуына, яғни кейбір жағдайларда медициналық шығындарды өтеуді қамтамасыз етпейтіндігімен байланысты бірқатар кемшіліктер бар.

Зерттеудің мақсаты – жәбірленушілерге мемлекеттік өтемақы төлеудің қолданыстағы механизмінің тиімділігін бағалау және оны жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Аталған мақсатқа қол жеткізу үшін жұмыста Жәбірленушілерге өтемақы қорының бюджетіне әсерін бағалай отырып, төлемдердің мөлшерін үлкейту қажеттілігін негіздейтін құқықтық және әлеуметтік

факторларды талдау, сондай-ақ мемлекеттік өтемақы алуға үміткер тұлғалар тобын кеңейтуді негіздеумен байланысты міндеттер қойылған.

Мақалада мемлекеттік өтемақының қолданыстағы моделін жаңғыртуды қолдайтын дәлелдер келтірілген, сондай-ақ жәбірленушілердің құқықтарын қорғау кепілдіктерін нығайту және зиянды өтеу тетіктерінің қолжетімділігін арттыру контекстінде ұсынылған шешімдердің әлеуетті тиімділігіне баға берілген.

Түйінді сөздер: зиян; төлем; жәбірленуші; өтемақы; жәбірленуші; қылмыс; зиян; қор.

Sh.K. Aitzhanov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

MODERN APPROACHES TO COMPENSATION OF HARM TO VICTIMS OF CRIMES: CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

Abstract. The article provides an overview of the current legislation in the field of compensation for damage caused by a criminal offense.

With the adoption of the Law “On the Victims Compensation Fund” in Kazakhstan, the possibility of state compensation for victims of crimes was realized.

Despite the positive aspects, the law has a number of drawbacks related to the limited number of people applying for payments and their small amounts, which in some cases do not cover medical expenses.

The purpose of the study is to assess the effectiveness of the existing mechanism of state compensation for victims and to develop proposals for its improvement.

To achieve this goal, the paper sets tasks related to the analysis of legal and social factors justifying the need to increase the amount of payments and the justification for expanding the range of persons applying for state compensation with an assessment of the impact on the budget of the Victims Compensation Fund.

The article presents arguments in support of the modernization of the current model of state compensation, as well as an assessment of the potential effectiveness of the proposed solutions in the context of strengthening guarantees for the protection of victims' rights and increasing the availability of harm compensation mechanisms.

Keywords: harm; payment; victim; compensation; victim; crime; damage; fund.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_150

Введение. Обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, соблюдение законности и правопорядка в обществе, наряду с восстановлением нарушенных прав, признается учеными-юристами [1] одной из основных задач государства.

Проблемы правового обеспечения своевременной и полной компенсации вреда, нанесенного жертвам преступных деяний, по-прежнему остаются актуальными. Так, В.Е. Квашис и Л.В. Вавилова в одном из исследований на данную тему отмечали, что «проблема защиты потерпевших заслуживает того, чтобы возвести ее в ранг центральных проблем государства и международного сообщества в целом» [2, 79 стр.].

Вопросы компенсации вреда исторически являлись ключевой целью правосудия и

признаком восстановления справедливости в обычном праве казахов [3]. Сегодня данный институт требует развития и более глубокой поддержки со стороны государства.

Актуальность настоящей статьи заключена в рассмотрении вопросов, связанных с расширением круга лиц, претендующих на компенсацию, и ее размерами.

Материалы и методы. Основу исследования образуют труды ученых, рассматривавших вопросы возмещения вреда потерпевшему и выплат из Фонда компенсации потерпевшим. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, приемы

обобщения и описания.

Результаты, обсуждение. С принятием Закона «О Фонде компенсации потерпевшим» (далее – Закон) реализована возможность выплаты государственной компенсации пострадавшим от преступлений лицам.

Целью регулирования Закона является защита прав, свобод и законных интересов потерпевших по отдельным составам уголовных правонарушений¹.

В Законе указан четкий перечень преступлений, по которым назначается компенсация. Данные преступления разделены на три группы, различающиеся размером компенсации – от 30 до 50 месячных расчетных показателей (далее – МРП), а также последствиями для человека.

Отечественные ученые-юристы отмечают незначительный размер выплат

по национальному законодательству [4], тогда как в мировой практике компенсация, выплачиваемая государством, обычно покрывает расходы на медицинское обслуживание и похороны [5]. Соглашаясь с их мнением, мы хотели бы отметить также ограниченность круга лиц, претендующих на выплаты. Это привело к возникновению проблемы, связанной с накоплением в Фонде компенсации потерпевшим (далее – Фонд) значительных средств и незначительным объемом выплат из него.

Так, в соответствии с ответом Министерства финансов Республики Казахстан (далее – РК) за период с 1 июля 2018 года по 30 апреля 2025 года в Фонд поступило 6,4 млрд тенге.

В разрезе источников формирования Фонда поступления выглядят следующим образом (таблица 1).

Источник формирования Фонда компенсации потерпевшим	Сумма (тенге)
Денежные взыскания, наложенные судом за неисполнение процессуальных обязанностей и нарушение порядка в судебном заседании в ходе производства по уголовному делу	14 533 255,97
Денежные взыскания с осужденного, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда и которому назначено наказание в виде исправительных работ	20 432 242,81
Принудительные платежи, взыскиваемые судом	6 069 784 664,71
Поступления денег, взысканных в порядке регрессных требований, в Фонд компенсации потерпевшим	89 162 483,64
Другие неналоговые поступления в Фонд компенсации потерпевшим	254 508 899,40
Итого	6 448 421 546,53

Таблица 1. Источники формирования Фонда компенсации потерпевшим

Выплаты, в свою очередь, составили только десятую часть поступивших средств, а именно 656 млн тенге.

В целях увеличения объема выплат стоит рассмотреть возможность расширения круга лиц, претендующих на компенсацию, дополнив их списками лиц, которым причинен вред здоровью средней тяжести. Зачастую к таким повреждениям относятся закрытые переломы костей, которые в отдельных случаях требуют длительной реабилитации, покупки различных лекарственных

препаратов, средств реабилитации и медицинских приспособлений.

В отдельных случаях потерпевшие получают сочетанную травму, т.е. «одновременное повреждение двух и более из семи анатомических областей тела одним травмирующим агентом» [6], требующую длительной реабилитации и значительного приема медицинских препаратов. Сочетанные травмы наиболее характерны для дорожно-транспортных происшествий.

В соответствии со сведениями Комитета

¹ О Фонде компенсации потерпевшим: закон Республики Казахстан от 10 янв. 2018 года № 131-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000131> (дата обращения: 25.09.2025).

по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре РК за 8 месяцев 2025 года в 22 501 дорожно-транспортном происшествии пострадало 32 375 человек², в т.ч. зарегистрировано более 2 500 преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями (в 2024 г. – более 3 600, 2023 г. – более 3 900)³, среди них зафиксированы происшествия, повлекшие смерть. Стоит отметить, что «жертвами автомобильных аварий обычно становятся лица трудоспособного возраста, поэтому вопросы эффективности лечения и реабилитации у данного контингента пациентов имеют большое значение» [7].

Следует также учитывать, что имеют место факты переполнения реабилитационных центров, работающих в рамках обязательного социального медицинского страхования (далее – ОСМС), что препятствует получению данной услуги в короткие сроки и приводит к необходимости обращаться за медицинскими услугами в частные клиники. Кроме того, отдельные виды медицинских услуг выходят за пределы гарантированного объема бесплатной медицинской помощи, предоставляемой в рамках ОСМС. К ним относятся стоматологические услуги, пластическая хирургия, реабилитация и др. Тогда как для лиц, которым причинен вред здоровью средней тяжести, было бы актуальным быстрое получение медицинской помощи и реабилитационных процедур после интенсивной терапии.

При внесении лиц, которым причинен вред здоровью средней тяжести, в категорию потерпевших, претендующих на получение компенсации по подпункту 1 пункта 1 статьи 6 Закона, за 8 месяцев 2025 года размер выплат составил бы приблизительно 236 млн тенге. В этой связи считаем, что целесообразно рассмотреть вопрос включения указанных потерпевших в круг лиц, претендующих на компенсацию по подпункту 1 пункта 1 статьи 6 Закона. При этом мы предполагаем, что

увеличение выплат компенсации не приведет к существенному дефициту бюджета Фонда.

Одной из причин этому может послужить возмещение виновными лицами причиненного потерпевшему вреда в ходе досудебного расследования. В таких случаях в соответствии с нормами Закона компенсация пострадавшим не выплачивается. Об этом свидетельствует статистика прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Так, за 8 месяцев 2025 года по этим основаниям прекращено порядка 1 200 уголовных дел⁴, где потерпевшим причинен вред здоровью средней тяжести.

В свою очередь, в соответствии с Нормативным постановлением Верховного Суда РК «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» применение части 1 статьи 68 Уголовного кодекса РК возможно при возмещении виновным лицом причиненного уголовным правонарушением вреда потерпевшему.

Другой причиной, предотвращающей дефицит бюджета Фонда, может выступить институт регрессных требований, предъявляемых прокурором к виновным лицам при вынесении обвинительного приговора или прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и потерпевшим, предоставившим недостоверные сведения, а также при прекращении уголовного дела или вынесении оправдательного приговора за отсутствием события уголовного правонарушения⁵.

Таким образом, эффективное использование источников формирования позволит обеспечить постоянный приток денежных средств на баланс Фонда, в т.ч. в случаях необоснованной выплаты.

Вопросы также вызывают и размеры назначаемой компенсации, которые зачастую не позволяют покрыть медицинские расходы.

В контексте этих практических аспектов особое значение приобретает анализ

² Отчет №ДТП-1 «О дорожно-транспортных происшествиях, повлекших гибель или ранение людей» / Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 25.09.2025).

³ Отчет №1-М «О зарегистрированных правонарушениях» / Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 25.09.2025).

⁴ Там же.

⁵ О Фонде компенсации потерпевшим: закон Республики Казахстан от 10 янв. 2018 года № 131-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000131> (дата обращения: 25.09.2025).

теоретических подходов, объясняющих роль государства в восстановлении нарушенных прав потерпевших. Западные ученые, изучая институт государственной помощи жертвам преступлений, выделили три основные теории, обосновывающие его необходимость для общества: общий риск, благосостояние и юридические права.

Так, Дж. Голдшейд отметила, что «программы компенсации жертвам преступлений были обоснованы теорией распределения рисков и расходов, которые лежат в основе большинства форм социального страхования. Обоснование общего риска включает в себя предпосылку «моральной заботы о благополучии граждан» [8].

Сторонники теории социального обеспечения утверждают, что «у правительства есть «гуманитарные обязательства» по отношению к жертвам преступлений, аналогичные обязательствам по отношению к ветеранам и безработным» [9, 63 стр.].

Согласно теории юридических прав, основанной на деликтном и договорном праве, программа поддержки жертв преступлений существует в связи с тем, что «правительство имеет юридическое обязательство выплатить компенсацию своим гражданам, поскольку оно не смогло защитить их от преступления» [9, 63 стр.].

Всем теориям присущ общий тезис о том, что жертвы заслуживают помощи общества. В этой связи, на наш взгляд, оказываемая помощь должна быть существенна для потерпевшего. Такой подход к развитию защиты прав потерпевшего обосновывает необходимость рассмотреть вопрос увеличения размера выплачиваемой компенсации вместе с расширением круга лиц, претендующих на нее. Так, потерпевшим, которым причинен тяжкий вред здоровью, выплачивается компенсация в размере 40 МРП, т.е. 157 280 тенге на 2025 год (1 МРП – 3 932 тенге)⁶.

В свою очередь, тяжкий вред здоровью определяется по двум признакам. Первым

из них считается вред здоровью, опасный для жизни. К вреду здоровью, опасному для жизни, относятся проникающие раны головы (черепа), позвоночника, области шеи, груди и брюшной полости, открытые переломы длинных трубчатых костей, позвоночника, двойные переломы тазового кольца в передней и задней частях, открытые повреждения тазобедренного и коленного суставов. Кроме того, к категории тяжкого вреда здоровью по последствиям отнесены телесные повреждения не угрожающие жизни, однако вызвавшие потерю зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрату его функций.

Большинство вышеуказанных травм требует длительного лечения и реабилитации, в отдельных случаях возникает необходимость приобретения дорогостоящих лекарственных препаратов и медицинских приспособлений. А по уголовным делам, связанным торговлей людьми, пытками и сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних, потерпевшим требуется качественная психологическая помощь.

Утверждение российского ученого-юриста П.Х. Алиевой о том, что «размер компенсации, во всяком случае, должен покрывать расходы на медицинскую реабилитацию потерпевшего» [10], применимо и для нашей страны.

Сформулированное ВОЗ определение здоровья гласит, что оно «является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»⁷. В казахской культуре здоровье также рассматривается как высшая ценность.

Как справедливо отмечает А.А. Сабитова, «потерпевший несет имущественный ущерб – потерю заработка и иных доходов, расходы на восстановление здоровья и т.п. Такой ущерб может быть возмещен только деньгами» [11]. Сказанное приводит к необходимости рассмотрения затрат на медицинские услуги в соответствии с Приказом и.о. Министра здравоохранения РК от 30 октября 2020

⁶ О республиканском бюджете на 2025-2027 годы: закон Республики Казахстан от 4 дек. 2024 года № 141-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000141> (дата обращения: 25.09.2025).

⁷ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения от 19 июня 1946 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9> (дата обращения: 25.09.2025).

года № ҚР ДСМ-170/2020 «Об утверждении тарифов на медицинские услуги, предоставляемые в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи и в системе обязательного социального медицинского страхования»⁸.

Так, в соответствии с Приказом самый высокий тариф на лечение различных переломов составляет 434 150,79 тенге в стационарных условиях, самый низкий тариф – 62 131,37 тенге, средняя стоимость – 190 264,75 тенге и медианная стоимость – 188 770,33 тенге.

Тарифы восстановительных операций на костях составляют от 92 522 до 316 440 тенге.

Тариф за медицинскую реабилитацию последствий травм за один койко-день составляет 19 862,33 тенге, при этом на тариф также влияют продолжительность отопительного сезона, экологические коэффициенты и поправочный коэффициент медицинской организации.

В следующей таблице указаны цены на реабилитационные процедуры, назначаемые при лечении механических повреждений в частных клиниках г. Астана (таблица 2).

Наименование процедуры	Стоимость процедуры (тенге)		
	ТОО «Green clinic» ⁹	ТОО «Центр реабилитации и спортивной кинезиологии «Кинетик» ¹⁰	ТОО «Центр ортопедической реабилитации и спортивной медицины Атлант» ¹¹
Консультация реабилитолога	8 000	от 12 000	12 000
Лечебная физкультура (ЛФК)	3 000	от 8 000	от 6 000
Ручная разработка суставов	3 000	от 10 000	от 10 000
Ультразвуковая терапия	3 500	3 000	от 4 000
Ударно-волновая терапия	9 500	от 5 000	от 4 000

Таблица 2. Стоимость реабилитационных процедур в частных клиниках г. Астана

Таким образом, при проведении 10-дневных реабилитационных процедур затраты пострадавшего составят в среднем от 198 000 тенге, однако цены не охватывают стоимость лекарственных препаратов, дополнительных анализов, медицинских исследований, медицинских приспособлений, затрат на проезд до медицинской организации.

В качестве примера рассмотрим затраты на лечение и реабилитацию на примере пострадавшей от дорожно-транспортного происшествия 6 октября 2024 года в г. Астана гражданки И., которой причинены телесные повреждения в виде закрытого

перелома лонной кости слева без смещения костных отломков, ушибов мягких тканей головы, бедра, голени и плеча. В результате полученных травм пострадавшая была нетрудоспособна на протяжении двух месяцев, а ее затраты составили более 390 000 тенге, из них медицинские приспособления – 56 321 тенге, лекарственные средства – 30 000 тенге, реабилитационные процедуры – 234 000 тенге и транспортные расходы в размере 70 000 тенге. При этом полученные травмы пострадавшей классифицируются как вред здоровью средней тяжести.

В этой связи считаем целесообразным рассмотреть возможность выплаты

⁸ Об утверждении тарифов на медицинские услуги, предоставляемые в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи и в системе обязательного социального медицинского страхования: приказ и.о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 30 окт. 2020 г. № ҚР ДСМ-170/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021550> (дата обращения: 25.09.2025).

⁹ Реабилитация, восстановительное лечение (стационар) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://greenclinic.kz/ru/prices/reabilitacziya-vosstanovitelnoe-lechenie> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁰ Прайс-лист центра реабилитации «Кинетик» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kinetik.kz/tseny/> (дата обращения: 20.09.2025).

¹¹ Услуги – Центр ортопедической и спортивной реабилитации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://atlant-med.kz/ru/services/> (дата обращения: 20.09.2025).

пострадавшим компенсации, покрывающей реальные затраты на лечение. Однако, в целях недопущения фиктивного завышения стоимости медицинских и реабилитационных услуг, следует определить предельный размер компенсации в 400 МРП по вреду здоровью средней тяжести и 600 МРП – по тяжкому вреду здоровью. Указанные предельные суммы компенсации покроют большую часть расходов, которые могут возникнуть в результате нанесения травм потерпевшим.

Вопросы вызывает также размер выплат в случае смерти потерпевшего, которые составляют 50 МРП, т.е. 196 600 тенге, и не в полной мере покрывают погребальные расходы.

В соответствии со сведениями интернет-ресурса затраты на погребение по мусульманским традициям начинаются от 260 тысяч тенге, а на погребение по православным традициям – от 110 тысяч тенге (без копки могилы, отпевания и т.д.). Если же обратиться к западным источникам, в штате Нью-Йорк «компенсация покрывает расходы на погребение до 2 тыс. долл. США» [12].

Следует отметить, что в нашей стране предусмотрены выплаты на погребение за счет бюджетных средств, пенсионных накоплений умершего лица и по страхованию. Так, выплаты в размере 35-кратного МРП за счет бюджета производятся в случае смерти получателя пенсионных выплат по возрасту и 36,6-кратного МРП - в случае смерти ветерана Великой Отечественной войны¹². Выплаты из пенсионных накоплений осуществляются в пределах 94 МРП, но не более имеющихся на индивидуальном пенсионном счете средств¹³. В случае смерти страхователя страховая организация за счет собственных средств осуществляет единовременную выплату на погребение в размере 35-кратного МРП¹⁴. В иных случаях единовременной выплаты на погребение не предусмотрено.

Таким образом, лица, наделенные

правами потерпевшего, в случае смерти потерпевшего в результате совершенного преступления могут получить выплаты на погребение только при наличии страховки либо накоплений в Едином накопительном пенсионном фонде. При отсутствии указанных условий представители умершего потерпевшего могут претендовать только на компенсацию из бюджета Фонда, размер которой не покрывает расходов на погребение.

Закключение. Институт государственной компенсации потерпевшим имеет перспективы обеспечить реальную помощь жертвам преступлений, которые в силу обстоятельств самостоятельно не могут позволить себе восстановиться от последствий преступления.

В целях развития института выплаты государственной компенсации потерпевшему следует изучить вопрос о возможности расширения круга лиц, претендующих на компенсацию, увеличения размера выплат, а также о введении новой системы рассмотрения заявлений на получение компенсации. Данные изменения позволят частично решить одну из задач уголовного процесса в виде возмещения вреда и приведут к развитию обеспечения прав потерпевших.

Адекватная система компенсации не только содействует восстановлению справедливости для пострадавших от преступлений, но и укрепляет общественное доверие к правовой системе, что является ключевым элементом в обеспечении прав человека и поддержании общественного порядка. Внедрение предложенных изменений и адаптация к актуальным вызовам позволят создать более безопасную и защищенную среду для всех граждан.

С учетом вышесказанного предлагаемая редакция подпункта 1 пункта 1 статьи 6 Закона выглядит следующим образом: «1) несовершеннолетним, являющимся потерпевшими по преступлениям, связанным с сексуальным насилием, торговлей людьми

¹² Социальный кодекс Республики Казахстан: от 20 апр.2023 г. № 224-VII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224#z3396> (дата обращения: 25.09.2025).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

и пытками, а также лицам, которым причинен средней тяжести вред здоровью:

по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных статьями 114 (частями первой и второй), 116 (частями первой, второй и третьей) (в части совершения преступления преступной группой), 119 (частью второй) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 120 (частями первой, второй, пунктом 4) части 3, пунктом 1) части 3-1, пунктами 1) и 3) части 3-2 и частью четвертой), 121 (частями первой, второй, пунктом 4) части 3, пунктом 1) части 3-1, пунктами 1) и 3) части 3-2 и частью четвертой), 121-1, 123 (частью второй), 124, 125 (пунктом 2) части третьей), 126 (пунктом 2) части третьей), 128 (частями первой, второй, третьей и пунктом 1) части четвертой), 134, 135 (частями первой, второй, третьей и пунктом 1) части четвертой), 141 (частью первой) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 146 (частями первой, второй и третьей), 202 (пунктом 2) части второй) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 203 (пунктом 2) части второй) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 277 (частями первой) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 308, 317 (частью первой), 320 (частью первой), 322 (частью первой), 344 (частью первой) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 345 (частью первой), 345-1 (частью первой),

346 (частью третьей), 350 (частью первой) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 352-1 (частью второй) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 355 (пунктом 1) части второй) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 356 (пунктом 1) части второй) (в части причинения средней тяжести вреда здоровью), 358 (частью второй) и 359 (частью первой) Уголовного кодекса Республики Казахстан».

Учитывая предложения, связанные с размером компенсации, пункты 1, 2 и 3 статьи 7 Закона предлагаем опубликовать в следующей редакции:

«1. Компенсация, выплачиваемая в случаях, предусмотренных подпунктом 1) пункта 1 статьи 6 настоящего Закона, покрывает фактические или предполагаемые затраты на лечение, но не более четырехсот месячных расчетных показателей.

2. Компенсация, выплачиваемая в случаях, предусмотренных подпунктом 2) пункта 1 статьи 6 настоящего Закона, покрывает фактические или предполагаемые затраты на лечение, но не более шестисот месячных расчетных показателей.

3. Размер компенсации потерпевшим в случаях, предусмотренных подпунктом 3) пункта 1 статьи 6 настоящего Закона, составляет двести месячных расчетных показателей.».

Список использованной литературы:

1. Бектенов, А.Е. Фонд компенсации потерпевшим: недостатки и преимущества / А.Е. Бектенов, Н.Н. Омарова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – № 2 (65). – С. 142-150.
2. Квашис, В.Е. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений / В.Е. Квашис, Л.В. Вавилова. – М.: ВНИИ МВД России, 1996. – 124 с.
3. Зиманов, С.З. Обзор и особенности законодательной деятельности казахских ханов / Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования. Т. 4 из 10 Т. / Руководитель программы: С.З. Зиманов. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – 552 с.
4. Биебаева, А.Ә. Жәбірленушілерге өтемақы жүйесіндегі мәжбүрлі төлем және оның құқықтық табиғаты хақында / А.Ә. Биебаева, А.М. Калгужинова // Право и Государство. – 2021. – № 4 (93). – С. 100-112.
5. Miers, D. Victims, Criminal Justice and State Compensation [Электронный ресурс] / D. Miers // Societies. – 2019. – № 9 (2):29. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/332635885_Victims_Criminal_Justice_and_State_Compensation (дата обращения: 02.12.2025).
6. Ермолов, А.С. Основные принципы диагностики и лечения тяжелой сочетанной травмы // 50 лекций по хирургии: сб. – М.: Медиа Медика, 2003. – С. 109-112.

7. Минасов, Б.Ш. Карта реабилитации как эффективный инструмент восстановительного лечения при сочетанных травмах / Б.Ш. Минасов, Н.В. Афанасьева // Медико-социальные проблемы инвалидности. – 2017. – № 2. – С. 96-99.

8. Goldscheid, J. Crime victim compensation in a post-9/11 world / J. Goldscheid // Tul. L. Rev. – 2004. – Т. 79. – С. 167-233.

9. McGillis, D. Compensating victims of crime: An analysis of American programs / D. McGillis, P. Smith. – Washington, DC: National Institute of Justice, 1983. – 218 с.

10. Алиева, П.Х. К вопросу о Фонде компенсации потерпевшим от преступления сквозь призму зарубежного опыта / П.Х. Алиева // Власть Закона. – 2023. – № 1 (53). – С. 132-139.

11. Сабитова, А.А. Возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина / А.А. Сабитова // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. – 2023. – № 4 (38). – С. 124-130.

12. Harr, J.S. Constitutional Law and the Criminal Justice System; 4th ed. / J.S. Harr, K.M. Hess. – Hardcover, 2008. – 421 p.

References:

1. Bektenov, A.E. Fond kompensacii poterpevshim: nedostatki i preimushhestva / A.E. Bektenov, N.N. Omarova // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2021. – № 2 (65). – С. 142-150.

2. Kvashis, V.E. Zarubezhnoe zakonodatel'stvo i praktika zashhity zhertv prestuplenij / V.E. Kvashis, L.V. Vavilova. – M.: VNII MVD Rossii, 1996. – 124 s.

3. Zimanov, S.Z. Obozrenie i osobennosti zakonodatel'noj dejatel'nosti kazahskikh hanov / Drevnij mir prava kazahov: materialy, dokumenty i issledovaniya. T. 4 iz 10 T. / Rukovoditel' programmy: S.Z. Zimanov. – Almaty: Zheti zharfy, 2005. – 552 s.

4. Biebaeva, A.Ә. Zhәbirlenushilerge әtemaky zhyjesindegi mәzhbәrli tәlem zhәne оnуң қуқықтық табираты хақында / А.Ә. Biebaeva, A.M. Kalguzhinova // Pravo i Gosudarstvo. – 2021. – № 4 (93). – С. 100-112.

5. Miers, D. Victims, Criminal Justice and State Compensation [Jelektronnyj resurs] / D. Miers // Societies. – 2019. – №9(2):29. – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/332635885_Victims_Criminal_Justice_and_State_Compensation (data obrashheniya: 02.12.2025).

6. Ermolov, A.S. Osnovnye principy diagnostiki i lecheniya tjazhelej sochetannoj travmy // 50 lekcij po hirurgii: sb. – M.: Media Medika, 2003. – С. 109-112.

7. Minasov, B.Sh. Karta rehabilitacii kak jeffektivnyj instrument vosstanovitel'nogo lecheniya pri sochetannyh travmah / B.Sh. Minasov, N.V. Afanas'eva // Mediko-social'nye problemy invalidnosti. – 2017. – № 2. – С. 96-99.

8. Goldscheid, J. Crime victim compensation in a post-9/11 world / J. Goldscheid // Tul. L. Rev. – 2004. – Т. 79. – С. 167-233.

9. McGillis, D. Compensating victims of crime: An analysis of American programs / D. McGillis, P. Smith. – Washington, DC: National Institute of Justice, 1983. – 218 s.

10. Alieva, P.H. K voprosu o Fonde kompensacii poterpevshim ot prestupleniya skvoz' prizmu zarubezhnogo opyta / P.H. Alieva // Vlast' Zakona. – 2023. – № 1 (53). – С. 132-139.

11. Sabitova, A.A. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo zdorov'ju grazhdanina / A.A. Sabitova // Vestnik Kazahstansko-Amerikanskogo Svobodnogo Universiteta. – 2023. – № 4 (38). – С. 124-130.

12. Harr, J.S. Constitutional Law and the Criminal Justice System; 4th ed. / J.S. Harr, K.M. Hess. – Hardcover, 2008. – 421 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Шынғыс Қайырғалиұлы Айтжанов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, құқық магистрі,

e-mail: aitzhanov_shyngys@mail.ru.

Айтжанов Шынғыс Қайырғалиұлы – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр права, e-mail: aitzhanov_shyngys@mail.ru.

Aitzhanov Shyngys Kairgaliuly – Doctoral Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: aitzhanov_shyngys@mail.ru.

А.А. Аскаров, Р.А. Медиев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ЦИФРОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа цифровых объектов и их криминалистическое значение в сфере расследования преступлений и формирования доказательственной базы в условиях цифровизации Республики Казахстан. На основе анализа судебной и следственной практики, материалов Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан, а также нормативных правовых актов и сравнительно-правовых исследований обосновывается формирование новой категории доказательственных средств – цифровых объектов. В результате исследования установлено, что цифровые объекты (электронные документы, блокчейн-записи, NFT, токенизированные активы и др.) обладают признаками собственности и способны выступать самостоятельным источником доказательственной информации в уголовном процессе. Особое внимание уделено сопоставлению казахстанской практики обращения с цифровыми доказательствами с международными подходами к признанию и оценке цифровых объектов, сформулированными профессором Г. Уокером. Авторы приходят к выводу, что казахстанская модель цифрового права развивается по пути фактического признания цифровой собственности и цифровых доказательств. В статье предлагаются направления дальнейшего совершенствования законодательства: введение понятия «цифровой объект» в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, разработка методики криминалистического исследования цифровых следов и формирование национальных стандартов обращения с цифровыми доказательствами. Исследование вносит вклад в развитие отечественной доктрины цифрового права и криминалистики, формируя концептуальные основы дальнейшей интеграции цифрового права и криминалистики.

Ключевые слова: цифровой объект; цифровое доказательство; цифровая собственность; криминалистика; уголовный процесс; блокчейн; токен.

А.А. Аскаров, Р.А. Медиев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЦИФРЛЫҚ МЕНШІК ЖАҢА ДӘЛЕЛ РЕТІНДЕ: ҚАЗАҚСТАН КРИМИНАЛИСТИКАСЫНДАҒЫ ЦИФРЛЫҚ ОБЪЕКТІЛЕРДІ ЗЕРТТЕУДІҢ ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының цифрландыру жағдайында қылмыстарды тергеу және дәлелдемелік базаны қалыптастыру саласындағы цифрлық объектілердің құқықтық табиғаты мен олардың криминалистикалық маңызы қарастырылады. Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің Сот сараптамалары орталығының материалдары, сот және тергеу тәжірибелері, сондай-ақ нормативтік құқықтық актілер мен салыстырмалы-құқықтық зерттеулер талдау негізінде дәлелдемелік құралдардың жаңа санаты – цифрлық нысандардың қалыптасуы негізделеді. Зерттеу нәтижесінде цифрлық нысандар (электрондық құжаттар, блокчейн жазбалары, NFT, токендендірілген активтер және басқалар) меншік белгілеріне ие екені және қылмыстық іс жүргізуде дербес дәлелдемелік ақпарат көзі бола алатыны анықталды. Арнайы назар Қазақстандағы цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеу тәжірибесін профессор Г. Уокер ұсынған цифрлық объектілерді тану және бағалау жөніндегі халықаралық тәсілдермен салыстыруға аударылған. Авторлар қазақстандық цифрлық құқық моделінің цифрлық меншік пен цифрлық дәлелдемелерді іс жүзінде мойындау бағытымен дамып келе жатқанын атап өтеді. Мақалада заңнаманы одан әрі жетілдірудің негізгі бағыттары

ұсынылады: Қазақстан Республикасы қылмыстық-процестік кодексіне «цифрлық нысан» ұғымын енгізу, цифрлық іздерді криминалистикалық зерттеу әдістемесін әзірлеу және цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеудің ұлттық стандарттарын қалыптастыру. Зерттеу цифрлық құқық пен криминалистиканың одан әрі интеграциясының тұжырымдамалық негіздерін қалыптастыру арқылы олар бойынша ұлттық доктринаның дамуына үлес қосады.

Түйінді сөздер: цифрлық нысан; цифрлық дәлелдеме; цифрлық меншік; криминалистика; қылмыстық іс жүргізу; блокчейн; токен.

A.A. Askarov, R.A. Mediyev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

DIGITAL PROPERTY AS NEW EVIDENCE: CONCEPTUAL BASES FOR THE INVESTIGATION OF DIGITAL OBJECTS IN CRIMINALISTICS IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the legal nature of digital objects and their forensic significance in the context of criminal investigation and the formation of the evidentiary base amid the digitalization of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of judicial and investigative practice, materials from the Center for Forensic Examinations of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, as well as normative legal acts and comparative legal studies, the authors substantiate the emergence of a new category of evidentiary means – digital objects. The study establishes that digital objects (electronic documents, blockchain records, NFTs, tokenized assets, and others) possess the attributes of property and can serve as independent sources of evidentiary information in criminal proceedings. Particular attention is given to comparing Kazakhstan's practice of handling digital evidence with international approaches to the recognition and evaluation of digital objects, as formulated by Professor G. Walker. The authors conclude that the Kazakhstani model of digital law is evolving toward the de facto recognition of digital property and digital evidence. The article proposes directions for further legislative development, including the introduction of the concept of a "digital object" into the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the development of forensic methodologies for examining digital traces, and the creation of national standards for handling digital evidence. The study contributes to the development of the national doctrine of digital law and criminalistics by forming the conceptual foundations for their further integration.

Keywords: digital object; digital evidence; digital property; forensics; criminal procedure; blockchain; token.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_160

Введение. Современная цифровизация права в Казахстане радикально меняет представления о доказательствах, собственности и способах фиксации информации в уголовном процессе. Как отмечает С. Мейсон, цифровые доказательства по своей природе отличаются от традиционных, поскольку зависят от инфраструктуры и легко подвержены модификации [1].

Если еще десятилетие назад понятие «вещественные доказательства» ассоциировалось с материальным предметом

[2], то сегодня оно охватывает данные, алгоритмы, блокчейн-записи, цифровые следы и токенизированные активы [3]. Тем самым можно отметить, что данные феномены становятся самостоятельными объектами правового регулирования и криминалистического анализа.

Принятие в 2023 году Концепции цифровой трансформации государства¹ и Закона Республики Казахстана (далее – РК) «О цифровых активах в РК»² создало предпосылки для переосмысления самой категории цифрового объекта – как источника

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан № 269 от 28 марта 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (дата обращения: 30.09.2025).

² О цифровых активах в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан № 193-VII ЗРК от 6 февр. 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193> (дата обращения: 30.09.2025).

доказательственной информации, так и носителя имущественного интереса [4].

Одновременно судебная и следственная практика сталкивается с вызовом идентификации, изъятия, сохранения и экспертного исследования таких объектов в условиях распределенных сетей и децентрализованных платформ [5].

Как отмечается в современных исследованиях цифрового суверенитета, цифровое пространство по своей природе транснационально и выходит за рамки национальной юрисдикции: «современное понятие цифрового суверенитета выходит за рамки государственной юрисдикции и становится инструментом распределения контроля над данными и цифровыми активами. В условиях транснациональности цифровых платформ ключевым становится вопрос: кто обладает правом устанавливать правила обращения информации и собственности в киберпространстве – государство, корпорации или сам алгоритм? [6].

На международном уровне формируется новая правовая парадигма цифровой собственности. Как подчеркивает Р. Бодл, в цифровой среде именно программный код часто выполняет функцию закона, формируя новые модели регулирования [7].

В работе профессора Г. Уокера «Digital Property Law – New Structure and New Reconciliation» [8] убедительно показано, что код и алгоритм становятся новой формой юридической реальности, а право собственности выходит за пределы материального мира и превращается в систему управляемых цифровых правомочий. Данная парадигма в полной мере релевантна и для казахстанской правовой системы, где цифровизация экономики неизбежно влечет цифровизацию доказательственного процесса.

Таким образом, исследование правовой природы цифровых объектов и их криминалистического значения приобретает не только теоретическую, но и прикладную значимость: от корректной квалификации цифровых следов и форм доказательств зависит достоверность судебного познания и

справедливость приговора.

Несмотря на активное развитие цифровых технологий, в отечественной юридической науке пока отсутствует единое понимание правовой природы цифровых объектов. Законодательство РК оперирует разрозненными терминами – «цифровой актив», «электронный документ», «информация», «данные», но не раскрывает их статус как объектов собственности и как носителей доказательственного потенциала.

В уголовно-процессуальной и криминалистической доктрине наблюдается методологический разрыв: цифровые следы часто рассматриваются лишь как разновидность электронных доказательств, тогда как по своей природе они представляют собой комплексные, динамичные и структурированные цифровые записи, несущие признаки объекта собственности в цифровом пространстве [9].

Как справедливо отмечает Г. Уокер, «современное право не регламентирует на законодательном уровне описания цифровых активов и их юридической идентичности» [8]. Аналогичная ситуация наблюдается и в казахстанском контексте: существующие нормы не обеспечивают должной корреляции между правовым режимом цифрового актива и процессуальными механизмами его фиксации и исследования. В результате складывается нормативный вакуум, когда доказательственное значение цифровых объектов определяется ситуативно – через судебное усмотрение или экспертную практику.

Цель настоящей статьи – раскрыть правовую природу цифровых объектов и обосновать их криминалистическое значение в условиях цифровизации РК. В рамках научного анализа предполагается:

- проанализировать эволюцию понятия цифрового объекта и его связь с концепцией цифровой собственности;
- выявить критерии, по которым цифровые объекты могут рассматриваться как доказательства в уголовном процессе;
- обозначить направления совершенствования казахстанского законодательства и экспертной практики с учетом

международных тенденций и теоретических положений, предложенных в исследовании профессора Г. Уокера.

Таким образом, исследование нацелено на формирование теоретико-прикладной модели, объединяющей правовой и криминалистический подходы к изучению цифровых объектов как новой категории доказательственных источников в национальной правовой системе.

Материалы и методы. Исследование построено по смешанному доктринально-эмпирическому дизайну и охватывает анализ судебной и следственной практики, законодательства и экспертных данных Казахстана за 2021-2024 гг. В выборку вошли 147 уголовных дел, где использовались цифровые доказательства, 62 заключения судебных экспертиз Центра судебных экспертиз Министерства юстиции РК, 8 аналитических отчетов Агентства по финансовому мониторингу и 24 нормативных акта, регулирующих обращение цифровых активов. Применялись методы доктринального, сравнительно-правового, статистического и контент-анализа, а также криминалистический метод реконструкции цифрового следа.

Исследование выполнено с соблюдением этических принципов законности, научной добросовестности и защиты персональных данных, закрепленных в Законе РК «О персональных данных и их защите». Все судебные и экспертные материалы

обезличены, заимствования снабжены источниками, а работа не включала вмешательства в реальные следственные действия. Методологическая основа исследования согласуется с концептуальными положениями, изложенными в труде Г. Уокера, что обеспечивает научную обоснованность, верифицируемость и воспроизводимость полученных результатов.

Результаты. В рамках эмпирической базы и общих сведений авторами был проведен анализ 147 уголовных дел в период с 2021 по 2024 гг., рассмотренных судами РК, в которых использовались электронные и цифровые доказательства (по данным Судебного кабинета Верховного Суда РК); 62 заключений судебных экспертиз, выполненных в Центре судебных экспертиз Министерства юстиции РК за 2023-2024 гг.; 24 нормативных правовых актов и ведомственных приказов, регулирующих обращение цифровых активов и электронных доказательств (*отдельные эмпирические данные, использованные в исследовании, основаны на сведениях из внутренних архивных материалов Республиканского государственного казенного предприятия «Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан»*); 8 аналитических отчетов Агентства по финансовому мониторингу³ и Генеральной прокуратуры РК⁴, а также сравнительно-правовой анализ концепций, изложенных в работе профессора Г. Уокера [8].

Вид цифрового объекта	Количество дел	Удельный вес (%)
Электронная переписка (мессенджеры, e-mail)	49	33,3
Цифровые документы (PDF, сканы, электронные подписи)	37	25,2
Записи транзакций и блокчейн-операции	21	14,3
Фото- и видеоматериалы с цифровых устройств	19	12,9
Файлы логов, метаданные, системные журналы	11	7,5
Прочие (токены, NFT, цифровые активы, смарт-контракты)	10	6,8
Итого	147	100

Таблица 1. Распределение уголовных дел по видам цифровых объектов

³ Антиторрупционная служба и Агентство по финансовому мониторингу провели совместный семинар по расследованию преступлений, связанных с виртуальными активами [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gurl.kz/news/antikorrupcionnaya-sluzhba-i-agentstvo-po-finansovomu-monitoringu-proveli-sovmestny-j-seminar-po-rassledovaniyu-prestuplenij-svyazannyh-s-virtualny-mi-aktivami> (дата обращения: 02.10.2025).

⁴ Ежегодная информация по противодействию незаконному приобретению и выводу активов, а также принятым системным мерам (за 2023 г.) / Комитет по возврату активов Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kva/press/news/details/743616?lang=ru> (дата обращения: 02.10.2025).

Данные показывают, что наиболее часто в уголовных делах встречаются объекты цифровой переписки (33,3%) и электронные документы (25,2%), тогда как случаи использования токенизированных активов и смарт-контрактов пока единичны (6,8%), но демонстрируют тенденцию к росту

(Таблица 1).

Рост количества цифровых экспертиз составил 125% за три года. Наиболее распространенными стали компьютерно-технические (41%), телекоммуникационные (28%), и криптовалютно-финансовые (9%) исследования (Таблица 2).

Год	Назначено экспертиз (всего)	Из них цифровых	Доля (%)
2021	2 481	193	7,8
2022	2 730	294	10,8
2023	3 015	422	14,0
2024 (I полугодие)	1 611	284	17,6

Таблица 2. Частота применения судебных экспертиз цифровых объектов

Тем самым можно отметить, что цифровых экспертиз становится все больше. Их количество растет, и их доля в общем объеме

(Рисунок 1).

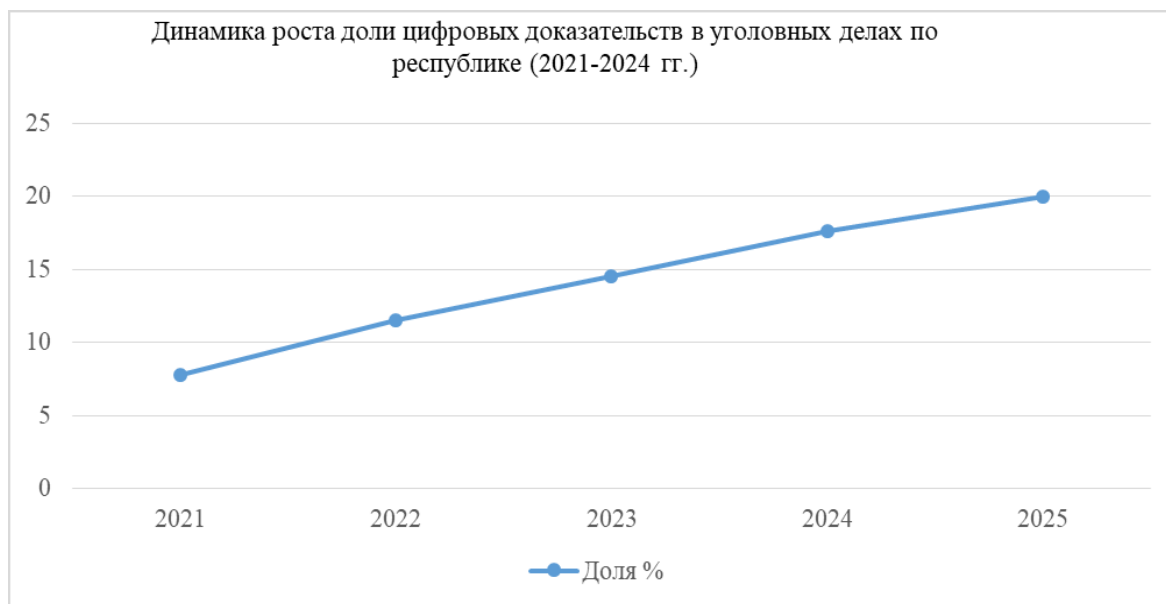

Рисунок 1. Динамика роста доли цифровых доказательств

Анализ законодательства показал, что в 6 актах цифровые объекты определяются через категорию информации (Закон РК «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 г. № 94-V⁵; Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 г. № 418-V⁶); в 3 актах (включая проект Закона

РК «О цифровых активах» от 6 февраля 2023 г.) цифровые объекты квалифицируются как объекты гражданских прав; в Уголовно-процессуальном кодексе РК⁷ отсутствует термин «цифровой объект», применяется лишь понятие «электронный документ» (п. 15 ст. 7).

⁵ О персональных данных и их защите: закон Республики Казахстан № 94-V от 21 мая 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 02.10.2025).

⁶ Об информатизации: закон Республики Казахстан № 418-V от 24 нояб. 2015 г. ЗПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 03.10.2025).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z1181> (дата обращения: 03.10.2025).

Вышеуказанные данные подтверждают отсутствие системной нормативной фиксации цифровых объектов как самостоятельной категории в уголовном процессе.

В данном аспекте отметим, что сопоставление с подходами, изложенными профессором Г. Уокером, показало, что в английском праве цифровые активы признаются «новым видом собственности» (с англ. third type of property) [8], отличным от владения и иска. Критерии собственности, предложенные Уокером – определяемость, идентифицируемость, переносимость и стабильность – применимы к 87% изученных цифровых объектов, используемых в казахстанской следственной практике. При этом в 43% слу-

чаев следственные органы не обеспечивают криптографическую фиксацию метаданных, что снижает достоверность и повторяемость экспертиз.

В 52% случаев цифровые доказательства признавались судом допустимыми без возражений сторон, в 31% – допускались после дополнительного экспертного подтверждения и в 17% – отклонялись по процессуальным основаниям (отсутствие надлежащей фиксации или идентификации источника).

Статистическое распределение цифровых доказательств показывает их концентрацию в категории электронных файлов при умеренном использовании других источников цифровой информации (Таблица 3).

Категория доказательства	Количество случаев применения	Доля (%)	Основной источник
Электронные файлы (в т.ч. метаданные)	66	44,9	Компьютеры, смартфоны
Информация с облачных сервисов	24	16,3	Google, Telegram, iCloud
Данные транзакций (в т.ч. криптовалютные)	18	12,2	Binance, OKX, P2P-платформы
Видео- и аудиозаписи	17	11,6	Камеры наблюдения, DVR
Геолокационные и сетевые данные	12	8,2	GPS, провайдеры
Прочие источники (NFT, смарт-контракты)	10	6,8	Блокчейн-записи

Таблица 3. Структура цифровых доказательств в уголовном процессе Казахстана

Следует отметить, что доказательственная ценность отдельных цифровых объектов напрямую зависит от уровня их нормативного регулирования и возможностей криминалистического анализа (Таблица 4).

Вид цифрового объекта	Средний уровень доказательственной значимости (по экспертной оценке, %)*	Наличие нормативного регулирования	Потенциал криминалистического использования
Электронные письма / мессенджеры	82	Частично	Высокий
Цифровые документы с ЭЦП	91	Да	Очень высокий
Блокчейн-транзакции	77	Нет	Высокий
Метаданные файлов	68	Нет	Средний
Фото/видео с устройств	84	Да	Высокий
NFT и токены	59	Нет	Потенциальный

Таблица 4. Корреляция между видом цифрового объекта и доказательственной значимостью

Также заметно, что наиболее распространенными цифровыми объектами являются электронные переписки и

электронные документы, что коррелирует с их высокой оценкой доказательственной значимости (Рисунок 2).

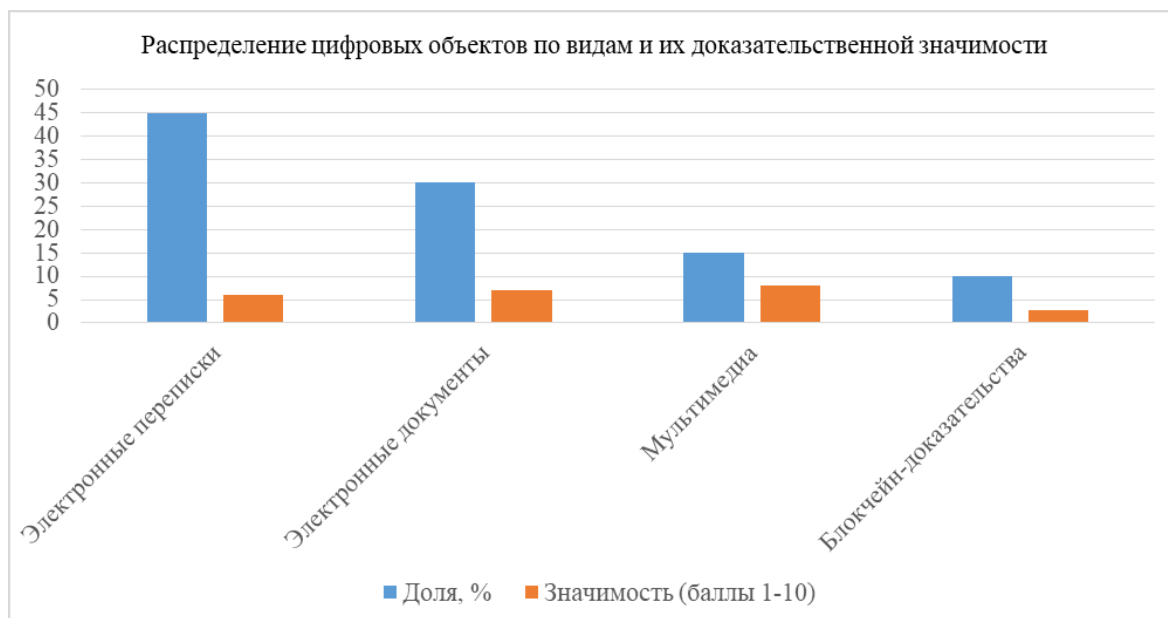

Рисунок 2. Распределение цифровых объектов по видам и их доказательственной значимости

Анализ показал, что в судебно-следственной практике Казахстана формируется устойчивая тенденция к признанию цифровых объектов (в т.ч. данных блокчейна, токенов и метаданных) самостоятельными источниками доказательств. По своим характеристикам большинство из них соответствуют критериям собственности, предложенным профессором Г. Уокером [8]: определяемость, идентифицируемость, стабильность, независимость и исключительность.

Обсуждение. Результаты исследования подтверждают, что цифровизация уголовного процесса Казахстана перестала быть вспомогательным техническим явлением и превратилась в системообразующий фактор доказательственной практики. Рост доли цифровых доказательств с 7,8% до 17,6% (2021-2024 гг.) свидетельствует не просто о количественном увеличении электронных данных, а о качественном изменении природы доказательственного материала.

Цифровые объекты становятся тем, что профессор Г. Уокер в своей работе называет «новой материей собственности» – формой данных, обладающих признаками имущественной идентичности, но существующих

исключительно в цифровом пространстве [8]. Для криминалистики это означает: границы между «вещественными доказательствами» и «данными» размываются, а традиционное понятие материального следа постепенно трансформируется в концепцию цифрового следа – автономного, воспроизводимого и криптографически защищенного элемента доказательственной системы.

Тем самым, цифровой объект постепенно формируется как новый вид доказательства, обладающий комплексными свойствами:

- нематериальной природой (в отличие от вещдока);
- воспроизводимостью (в отличие от оригинала документа);
- связностью в распределенных сетях (в отличие от локальных хранилищ);
- криптографической защитой (как новой формой достоверности).

Идея профессора Г. Уокера о «противостоянии кода и закона» (law vs. code) [8] ярко проявляется и в казахстанской практике. Как писал Л. Лессиг, «код есть закон»: структура цифровой среды сама формирует пределы допустимого поведения [10].

Следственные органы нередко сталкиваются с тем, что смарт-контракты или блокчейн-записи невозможно интерпретировать в рамках существующих правовых категорий. Код выступает как саморегулирующийся механизм, где транзакция фиксируется и подтверждается без участия государства.

Такая ситуация формирует новую сферу цифрового суверенитета, где данные становятся самодостаточными юридическими фактами. В этом контексте цифровой объект приобретает двойственную природу:

- 1) с одной стороны – имущественную (как актив, токен, документ);
- 2) с другой – доказательственную (как след, запись, факт).

Казахстанская криминалистика пока не имеет единого понятийного аппарата для описания этой двойственности. Однако именно она определяет направление развития доктрины цифровых доказательств, которая должна учитывать как юридические, так и технологические параметры объекта.

По сравнению с законодательствами Англии, Сингапура и Эстонии, Казахстан находится на этапе перехода от фрагментарного признания цифровых активов к системному регулированию их доказательственной природы.

Однако, в отличие от многих стран, в Казахстане существует мощный ресурс – государственная инфраструктура цифровых платформ (eGov, eQonaQ, Smart Astana), что создает реальную базу для внедрения LawTech и ForensicTech-инструментов в уголовный процесс.

Таким образом, Казахстан способен выстроить собственную модель цифрового права, где категория цифрового объекта будет не только юридически определена, но и технологически защищена, что соответствует тезису профессора Г. Уокера о «необходимости примирения закона и кода» (new reconciliation) [8].

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что цифровизация стала не просто техническим фоном современного уголовного процесса Казахстана, а

фундаментальным фактором его трансформации. Цифровые объекты – от электронных документов до токенов и блокчейн-записей – постепенно формируют новый слой правовой реальности, в которой понятие доказательства выходит за рамки традиционных материальных и письменных форм.

На теоретическом уровне проведенный анализ позволил сделать следующие обобщения:

1. Цифровой объект обладает признаками собственности. Он характеризуется определяемостью, идентифицируемостью, стабильностью и исключительностью – критериями, предложенным профессором Г. Уокером [8]. Подтверждая, что цифровой объект может рассматриваться не только как источник данных, но и как носитель имущественных и процессуальных правомочий.

2. Цифровой объект является новым видом доказательства. Он сочетает свойства материального и информационного следа, что требует разработки специализированных процедур фиксации, хранения и экспертизы. Отсутствие криптографической верификации и единых методических стандартов снижает достоверность цифровых доказательств.

3. Казахстанская правовая система находится на этапе формирования доктрины цифрового права. В отличие от западных юрисдикций, где концепция цифровой собственности уже получила нормативное закрепление (Англия, Сингапур, Эстония), в Казахстане процесс идет от практики к теории. Следственная и судебная практика фактически формируют новую категорию – цифровой объект как доказательство.

4. Необходима концептуальная унификация понятий. Развитие уголовно-процессуальной и криминалистической доктрины требует интеграции гражданско-правового понимания цифровых активов с доказательственной функцией цифровых объектов. Это позволит установить четкие критерии допустимости, достоверности и идентификации цифровых доказательств.

5. Следует выработать национальные стандарты обращения с цифровыми следами.

На уровне Министерства юстиции и Центра судебных экспертиз РК целесообразно разработать методические рекомендации по фиксации, изъятию, хранению и исследованию цифровых объектов, включая их криптографическую идентификацию и восстановление цифровой целостности.

Таким образом, правовая природа

цифровых объектов в Казахстане сегодня находится в стадии активного становления. Их криминалистическое значение выходит за рамки технического аспекта и приобретает концептуальный смысл – как нового источника юридической истины, способного обеспечить достоверность и прозрачность цифрового правосудия.

Список использованной литературы:

1. Mason, S., Seng, D. (Eds.). *Electronic Evidence and Electronic Signatures*. – 5th ed. – London: University of London Press, 2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.5204/ltjh.3692> (дата обращения: 06.11.2025).
2. Брянская, Е.В. О вещественных доказательствах в уголовном судопроизводстве / Е.В. Брянская // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 2 (61). – С. 86-91.
3. Пастухов, П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве / П.С. Пастухов // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 149-153.
4. Карташов, И.И. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства / И.И. Карташов, О.А. Лесников // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. № 4. – С. 73-82.
5. Серімбетов, Н.Н. Особенности осмотра, изъятия и хранения информации в системах облачного хранения при производстве расследования: дис. ... м-ра юрид. наук / Н.Н. Серімбетов. – Косшы, 2024. – 98 с.
6. Сейтенов, К.К. Цифровой суверенитет как правовая категория: между государственной юрисдикцией и властью цифровых платформ / К.К. Сейтенов, М.Б. Садыков // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 26-33.
7. Bodle, R. Law, Code, and the Blockchain: How Code Becomes Law / R. Bodle // *Yale Journal of Law & Technology*. – 2018. – Vol. 20. № 1. – Pp. 25-63.
8. Walker, G.A. Digital Property Law: New Structure and New Reconciliation [Электронный ресурс] / G.A. Walker // *The International Lawyer*. – 2022. – Vol. 55. № 2. – Режим доступа: https://www.americanbar.org/groups/international_law/resources/international-lawyer/55-2/digital-property-law-new-structure-new-reconciliation/ (дата обращения: 06.11.2025).
9. Черецких, А.В. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве / А.В. Черецких // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4 (39). – С. 110-117.
10. Lessig, L. *Code and Other Laws of Cyberspace* / L. Lessig. – New York: Basic Books, 1999. – 320 p.

References:

1. Mason, S., Seng, D. (Eds.). *Electronic Evidence and Electronic Signatures*. – 5th ed. – London: University of London Press, 2021 [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.5204/ltjh.3692> (data obrashhenija: 06.11.2025).
2. Brjanskaja, E.V. O veshhestvennyh dokazatel'stvah v ugolovnom sudoproizvodstve / E.V. Brjanskaja // *Sibirskij juridicheskij vestnik*. – 2013. – № 2 (61). – S. 86-91.
3. Pastuhov, P.S. Jelektronnoe veshhestvennoe dokazatel'stvo v ugolovnom sudoproizvodstve / P.S. Pastuhov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – № 396. – S. 149-153.
4. Kartashov, I.I. Cifrovaja informacija v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: ponjatje i svojstva / I.I. Kartashov, O.A. Lesnikov // *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo*. – 2020. – T. 8. № 4. – S. 73-82.
5. Serimbetov, N.N. Osobennosti osmotra, iz#jatija i hranenija informacii v sistemah oblachnogo hranenija pri proizvodstve rassledovanija: dis. ... m-ra jurid. nauk / N.N. Serimbetov. – Kosshy, 2024.

– 98 s.

6. Sejtenov, K.K. Cifrovoy suverenitet kak pravovaja kategorija: mezhdru gosudarstvennoj jurisdikciej i vlast'ju cifrovyh platform / K.K. Sejtenov, M.B. Sadykov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – S. 26-33.

7. Bodle, R. Law, Code, and the Blockchain: How Code Becomes Law / R. Bodle // Yale Journal of Law & Technology. – 2018. – Vol. 20. № 1. – Pp. 25-63.

8. Walker, G.A. Digital Property Law: New Structure and New Reconciliation [Jelektronnyj resurs] / G.A. Walker // The International Lawyer. – 2022. – Vol. 55. № 2. – Rezhim dostupa: https://www.americanbar.org/groups/international_law/resources/international-lawyer/55-2/digital-property-law-new-structure-new-reconciliation/ (data obrashhenija: 06.11.2025).

9. Chereckih, A.V. Cifrovye (jelektronnye) dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve / A.V. Chereckih // Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. – 2023. – № 4 (39). – S. 110-117.

10. Lessig, L. Code and Other Laws of Cyberspace / L. Lessig. – New York: Basic Books, 1999. – 320 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Аслан Аскарлович Аскаров – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru.

Аскаров Аслан Аскарлович – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru.

Askarov Aslan Askarovich – Doctoral Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law Sciences, e-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru.

Ренат Амангельдіұлы Медиев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының жетекші ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Медиев Ренат Амангельдыевич – ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Mediyev Renat Amangeldyevich – Leading Researcher at the Center for Criminal Procedure Research Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: rina_okp@mail.ru.

Б.Д. Еркенов¹, А.С. Букенесов²

¹Алматинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова,
г. Алматы, Республика Казахстан

²Департамент экономических расследований по городу Алматы Агентства Республики Казахстан по
финансовому мониторингу, г. Алматы, Республика Казахстан

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПРИ КОНФИСКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию терминологических коллизий в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан при конфискации преступных доходов. Авторы проводят теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ различий между понятиями «незаконным путем» и «преступным путем», выявляют их несоответствие положениям Общей части Уголовно-процессуального кодекса (ст. 118), уголовного закона (ст. 218 УК РК) и международным стандартам FATF и ООН. На основе анализа международных конвенций, отечественной доктрины и зарубежного опыта обосновывается необходимость унификации терминологии в главе 71 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

В работе предложены конкретные редакционные изменения, направленные на обеспечение правовой определенности, системности законодательства и приведение национальных норм в соответствие с универсальной категорией *proceeds of crime* («доходы, полученные преступным путем»). Полученные результаты имеют как теоретическое, так и прикладное значение для совершенствования уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики Казахстана.

Ключевые слова: правонарушение; преступление; доход; имущество; конфискация; незаконный; преступный путь.

Б.Д. Еркенов¹, А.С. Букенесов²

¹Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Қаржы мониторингі агенттігі Алматы қаласы бойынша Экономикалық
тергеп-тексеру департаменті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ КІРІСТЕР ТӘРКІЛЕНГЕН КЕЗДЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ЗАҢНАМАСЫНДАҒЫ ТЕРМИНОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЙШЫЛЫҚТАР

Аннотация. Мақала қылмыстық кірістерді тәркілеу кезіндегі Қазақстан Республикасының Қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнамасындағы терминологиялық қайшылықтарды зерттеуге арналған. Авторлар «заңсыз жолмен» және «қылмыстық жолмен» ұғымдарының арасындағы айырмашылықтарға теориялық-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізеді, олардың Қылмыстық-процестік кодексінің (118-бап), Қылмыстық заңның (ҚР ҚК 218-бабы) жалпы бөлігінің ережелеріне және FATF және БҰҰ халықаралық стандарттарына сәйкестігін анықтайды. Халықаралық конвенцияларды, отандық доктринаны және шетелдік тәжірибені талдау негізінде Қазақстан Республикасы қылмыстық-процестік кодексінің 71-тарауында терминологияны біріздендіру қажеттілігі негізделеді.

Жұмыста құқықтық сенімділікті, заңнаманың жүйелілігін қамтамасыз етуге және ұлттық нормаларды *proceeds of crime* («қылмыстық жолмен алынған кірістер») әмбебап санатына сәйкес келтіруге бағытталған нақты редакциялық өзгерістер ұсынылған. Алынған нәтижелер Қазақстанның қылмыстық-процестік реттеуі мен құқық қолдану практикасын жетілдіру үшін теориялық және қолданбалы мәнге ие.

Түйінді сөздер: құқықбұзушылық; қылмыс; табыс; мүлік; тәркілеу; заңсыз; қылмыстық жол.

B.D. Yerkenov¹, A.S. Bukenessov²

¹*The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Almaty, the Republic of Kazakhstan*

²*Department of Economic Investigations of Almaty Financial Monitoring Agencies of the Republic of Kazakhstan, Almaty c., the Republic of Kazakhstan*

TERMINOLOGICAL INCONSISTENCIES IN THE CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF CONFISCATION OF CRIMINAL PROCEEDS

Abstract. The article explores terminological inconsistencies in the criminal and criminal-procedural legislation of the Republic of Kazakhstan related to the confiscation of criminal proceeds. The study provides a theoretical and comparative-legal analysis of the categories “obtained illegally” and “obtained through crime”, revealing their incompatibility with the General Part of the Criminal Procedure Code (Article 118), the Criminal Code (Article 218), and international standards of FATF and the United Nations. Based on international conventions and comparative practice, the author substantiates the necessity of harmonizing terminology in Chapter 71 of the CPC of Kazakhstan. The proposed amendments aim to ensure legal certainty, systematic coherence of national legislation, and compliance with the universal concept of proceeds of crime, thereby enhancing the effectiveness of criminal-procedure mechanisms for confiscation and anti-money-laundering enforcement.

Keywords: offence; crime; proceed; property; confiscation; illegal; by criminal mean.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_170

Введение. Исторически в уголовном законодательстве Казахстана использовались различные конструкции для обозначения предмета легализации. Так, в редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) 1997 года¹ в статье 193 закреплялась формула: «*легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем*».

Данная формулировка имела определенные преимущества с точки зрения широты охвата, однако вызывала обоснованную критику как в научной литературе, так и в правоприменительной практике. Основная претензия заключалась в неопределенности понятия «незаконный путь», которое могло включать не только уголовно наказуемые деяния, но и административные, гражданско-правовые и дисциплинарные правонарушения. Такая терминология противоречила принципу юридической определенности и создавала риск расширительного толкования уголовного

закона².

Существовала и альтернативная точка зрения. По мнению А.А. Смагулова, внесение изменений в статью 193 УК РК, а именно: замена термина «незаконный» на «преступный» как в названии, так и в тексте статьи, фактически сузило сферу правового воздействия на легализацию денежных средств либо иного имущества, полученного незаконным путем. Ученый предлагал сохранить прежнюю редакцию термина «незаконный» в законопроекте «О противодействии легализации (отмыванию) доходов...» и в проекте УК 2014 года [1, 12 стр.].

В 2014 году в ходе масштабной уголовно-правовой реформы был принят новый УК³, в котором норма о легализации закреплена в статье 218 уже с использованием формулы «*деньги и (или) иное имущество, полученные преступным путем*». Тем самым законодатель устранил прежнюю терминологическую неопределенность и

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 16 июля 1997 г. № 167 (Утратил силу) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167_ (дата обращения: 05.10.2025).

² Проект закона по вопросам дальнейшей декриминализации финансово-экономических преступлений предусматривает внесение поправок в 10 статей УК РК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31345215 (дата обращения: 03.10.2025).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226_ (дата обращения: 03.10.2025).

привел национальное право в соответствие с международными обязательствами РК. Однако на сегодня единообразие понятий обеспечено не в полной мере.

Материалы и методы. В исследовании использован комплекс общенаучных и специальных юридических методов. Применены анализ, синтез, индукция и дедукция для выявления содержания и эволюции терминов, связанных с происхождением имущества, подлежащего конфискации.

Историко-правовой метод позволил проследить развитие соответствующих норм от редакции статьи 193 УК РК 1997 года до современных положений статьи 218 УК РК и главы 71 Уголовно-процессуального кодекса РК.

Ключевым инструментом выступил сравнительно-правовой метод, примененный при сопоставлении отечественного законодательства со стандартами ООН (1988, 2000, 2003 гг.), Рекомендацией 3 FATF, а также правом ЕС, США и государств СНГ. Это позволило выявить различия в понимании категорий *illegal*, *unlawful*, *criminal* и *proceeds of crime* и определить степень их влияния на правоприменение.

Формально-логический и системно-структурный методы использованы для анализа согласованности норм УПК РК и проверки их соответствия Общей части Кодекса и принципу правовой определенности. Дополнительно применялся доктринальный анализ нормативных актов и зарубежной литературы по вопросам конфискации преступных доходов.

Изучение вопросов в рассматриваемой области являлось предметом исследований ряда отечественных ученых, таких как М.Б. Бактыбеков, М.Ч. Когамов, М.Х. Матаева., И.Ю. Остапович, А.А. Смагулов и др.

Среди ученых стран ближнего зарубежья следует отметить научные труды С.М. Иншаков, В.А. Казакова, Н.И. Хавронюк, А.В. Шашкова и др.

Проблемы в данной области явились предметом изысканий ученых стран дальнего зарубежья, таких как К. Баско, Э. Гриневич-

Лакс, Д. Гуруле, Б. Дикерсон, М. Леви, П. Олбридж, М. Пиет, П. Ройтер и др.

Результаты, обсуждение. Как справедливо отмечал К.-Ж. Токаев еще в период председательства в Сенате Парламента РК, «законотворческий процесс действительно нуждается в совершенствовании.

По-прежнему недостаточно высок уровень планирования законопроектных работ, что порождает отсутствие системности, кампанейщину, запоздалые решения давно назревших проблем и многочисленные хаотичные поправки в кодифицированные акты». По его мнению, такие подходы ведут к внутренним противоречиям и разночтениям в законодательстве, когда «одно и то же явление законы могут трактовать по-разному»⁴.

Слова Президента К.-Ж. Токаева о несистемности и противоречивости казахстанского законотворческого процесса особенно актуальны применительно к проблеме терминологической несогласованности между формулировками «незаконным» и «преступным путем», «правонарушение» и «преступление».

Вопрос терминологической унификации в национальном праве Казахстана тесно связан с более широкой проблемой согласования национального и международного законодательства. Как отмечают М.Б. Бактыбеков, М.Х. Матаева и И.Ю. Остапович, эффективность правового регулирования в условиях глобализации во многом зависит от гармонизации норм международного (в т.ч. регионального) и национального права, а также от устранения внутренних коллизий между ними. По их мнению, несогласованность правовых понятий и отсутствие системного подхода в имплементации международных норм создают риски нарушения принципа верховенства Конституции и затрудняют практическое применение международных стандартов на национальном уровне [2].

В этой связи следует подчеркнуть, что рассматриваемая терминологическая неопределенность затрагивает не только

⁴ Некоторые законы страдают противоречиями – Токаев [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nekotorye-zakony-stradaiut-protivoreciiami-tokaev-354032/ (дата обращения: 10.10.2025).

вопросы юридической техники, но и фундаментальные конституционные гарантии права собственности. Согласно статье 26 Конституции РК, *«право собственности каждого гарантируется законом, и никто не может быть произвольно лишен своей собственности иначе как по решению суда»*⁵. Применение нечетких категорий «имущество, полученное незаконным путем» и «правонарушение» может привести к произвольному вмешательству в сферу имущественных прав, что противоречит принципам правовой определенности, верховенства Конституции и международным обязательствам⁶ Казахстана в сфере защиты права собственности.

Следовательно, терминологическая унификация не только устраняет юридические противоречия, но и служит инструментом защиты конституционных гарантий права собственности.

Так, в действующем УПК⁷ (гл. 71) до сих пор сохраняются формулировки *«имущество, полученное незаконным путем»*, которые противоречат как нормам уголовного закона, так и положениям Общей части самого УПК (ст. 118).

Как отмечает М.Ч. Когамов, УПК делится на две взаимосвязанные части – Общую и Особенную. Содержание норм Общей части должно единообразно пониматься и применяться во всех стадиях уголовного судопроизводства. Это подчеркивает приоритет ее институтов, определяющих задачи уголовного процесса, основания возбуждения уголовного дела, порядок расследования, принципы доказывания и обращения с вещественными доказательствами [3, 22 стр.]. Нормы Общей части обладают системообразующим характером и должны служить методологической основой для толкования и применения положений Особенной части, включая нормы главы 71. Следовательно, использование в ней устаревшей

формулировки *«имущество, полученное незаконным путем»* противоречит базовому принципу единства уголовно-процессуального регулирования.

С 1 января 2018 года вступили в силу исследуемые положения главы 71 УПК РК о производстве по конфискации имущества, полученного незаконным путем, до вынесения приговора. По мнению М.Ч. Когамова, основанием для возбуждения такого производства должны быть доказательства, подтверждающие преступное происхождение имущества, т.е. его возникновение в результате совершения преступления [4].

Мы разделяем позицию М.Ч. Когамова, согласно которой возбуждение производства о конфискации допустимо лишь при наличии доказательств преступного, а не просто незаконного происхождения имущества, что соответствует принципу законности и исключает произвольное ограничение права собственности.

Как отмечает российский исследователь А.В. Шашкина, буквальное толкование понятия «незаконные доходы», закрепленного в уголовном законодательстве, способно привести к возбуждению уголовного преследования в отношении лиц, допустивших гражданско-правовые или административные правонарушения, что чревато неоправданными репрессивными последствиями. По ее мнению, уголовный закон должен быть направлен прежде всего на лишение организованной преступности ее экономической основы, а не на подавление малозначительных правонарушений [5].

Как справедливо отмечает М.К. Сулейменов, коллизии представляют собой противоречия между нормами права, и их преодоление требует применения специализированных (объединительных) коллизионных норм, что напрямую актуализирует необходимость устранения терминологических расхождений между формулами «незаконным путем» и

⁵ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 10.10.2025).

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 05.10.2025).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 06.10.2025).

«преступным путем» в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана [6].

Вместе с тем в подпункте 3 части 2 статьи 668 УПК РК используется термин «правонарушение», что расширяет сферу применения нормы и допускает конфискацию имущества, не связанного с преступлением. Согласно статье 10 УК РК, уголовные правонарушения подразделяются на преступления и уголовные проступки, следовательно, использование общего термина «правонарушение» в уголовном процессе искажает пределы его действия [7].

Этот пример наглядно иллюстрирует общую проблему, на которую указывает В.А. Казакова: эффективность правового регулирования во многом зависит от качества юридических формулировок. Современные уголовно-правовые нормы страдают от недооценки терминологической точности, частых изменений и отсутствия системного подхода, что приводит к ослаблению внутренней логики закона [8].

Особое внимание проблеме точности терминологии при определении предмета легализации уделяется и в зарубежной уголовно-правовой доктрине.

Так, американские исследователи подчеркивают, что чрезмерно широкое понимание термина «*proceeds*» способно привести к неоправданному расширению пределов уголовной ответственности и включению в сферу уголовного преследования доходов, не связанных с преступной деятельностью. По мнению Д. Гуруле законодательная цель института противодействия отмыванию заключается в ограничении ответственности случаями извлечения выгоды исключительно из преступления, а не из любого «незаконного» поведения [9]. Аналогичную позицию занимают Б. Дикерсон и К. Баско, указывая, что использование термина «*proceeds*» без прямой связи с преступлением создает неопределенность и подрывает правовую предсказуемость [10].

Подобную позицию разделяют и другие зарубежные исследователи. Так,

М. Леви и П. Ройтер подчеркивают, что отсутствие унифицированных терминов при определении предмета отмывания («illegal», «unlawful», «criminal») приводит к фрагментарности правоприменения и подрывает международное сотрудничество по возврату активов. По их мнению, именно терминологическая точность лежит в основе эффективной имплементации стандартов FATF и Конвенции ООН 1988 года [11].

Таким образом, зарубежная практика подтверждает необходимость узкого, криминально-правового понимания происхождения доходов, что совпадает с тенденцией приведения национальных законодательств к стандарту «*proceeds of crime*».

В европейской правовой науке акцент также делается на необходимости четкого разграничения между доходами, полученными преступным путем (*proceeds of crime*) и иными формами незаконного обогащения. По мнению британского исследователя П. Олдриджа, современная концепция противодействия отмыванию строится на положениях Венской конвенции 1988 года, которая закрепила уголовно-правовую ответственность именно за операции с имуществом, происходящим из преступления [12]. Этот подход был впоследствии кодифицирован в Директиве ЕС 2014/42/EU⁸, где подчеркивается, что конфискации подлежат исключительно экономические выгоды, прямо или косвенно полученные в результате преступления [13].

Тем самым европейская доктрина демонстрирует последовательное проведение принципа правовой определенности и поддерживают формулу «*proceeds of crime*» как универсальный стандарт, исключающий смешение с категориями «незаконного» или административного происхождения доходов.

Важность терминологической согласованности подчеркивает также швейцарский исследователь М. Пиет, отмечая, что успешное применение международных механизмов возврата активов возможно

⁸ Использование ареста и конфискации без вынесения обвинительного приговора // Совет Европы, 2021. – 44 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/the-use-of-non-conviction-based-confiscation-ru-final/1680a21d75> (дата обращения: 11.10.2025).

лишь при унификации ключевых понятий, используемых в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. По его мнению, расхождения между категориями «illegal proceeds», «unlawful assets» и «proceeds of crime» приводят к отказам в правовой помощи и затягиванию процедур конфискации [14].

Единый международный подход к определению предмета легализации и конфискации преступных доходов закреплен в универсальных актах ООН и рекомендациях FATF. Термин «*proceeds of crime*» («доходы, полученные преступным путем») впервые был зафиксирован в статье 3 Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ⁹, где государства-участники обязались криминализовать конверсию, передачу или сокрытие имущества, заведомо являющегося доходом от преступления. Дальнейшее развитие данный принцип получил в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности¹⁰ и Конвенции ООН против коррупции¹¹, которые утвердили международный стандарт криминализации действий с имуществом преступного происхождения.

Эти положения конкретизированы в Рекомендации 3 Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF)¹², согласно которой преступление отмывания должно распространяться на любое имущество, «независимо от его стоимости, прямо или косвенно представляющее доходы от преступления». При этом для признания имущества преступным не требуется вынесения приговора по предикатному деянию.

Таким образом, международное право и стандарты FATF формируют однозначный императив: конфискации и уголовной ответственности подлежит

исключительно имущество, полученное в результате преступления, а не любого иного правонарушения.

Несмотря на значительный теоретико-правовой интерес к институту конфискации имущества, полученного незаконным путем, на сегодня в открытых государственных источниках отсутствует официальная статистика по применению положений главы 71 УПК РК. Этот пробел не позволяет объективно оценить масштаб правоприменительной практики, выявить частоту использования процедуры конфискации до вынесения приговора и проанализировать ее эффективность. Отсутствие систематизированных данных указывает на недостаточную институциональную прозрачность и аналитическую разработанность рассматриваемого механизма, что подтверждает необходимость его дальнейшего научного и нормативного осмысления.

Закключение. Проведенное исследование показало, что терминологическая несогласованность главы 71 УПК РК – начиная с ее названия и до содержания статей 667-668 – является системной проблемой, затрагивающей основы правовой определенности в сфере конфискации имущества. Использование формулировки «имущество, полученное незаконным путем» и термина «правонарушение» вступает в противоречие не только с Общей частью УПК (ст. 118) и уголовным законом (ст. 218 УК РК), но и с международными стандартами FATF, Конвенциями ООН 1988, 2000 и 2003 гг., закрепляющими универсальную категорию «*proceeds of crime*» – «доходы, полученные преступным путем».

Сохранение таких устаревших формулировок создает риск расширительного толкования, допускает вмешательство в сферу

⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: принята Конференцией на ее 6-м пленарном заседании. 19 дек. 1988 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 08.10.2025).

¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 08.10.2025).

¹² International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation, FATF, Paris, France, 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html (дата обращения: 08.10.2025).

гражданско-правовых или административных нарушений и снижает доверие к институту конфискации. Это противоречит принципу правовой определенности, закрепленному в Конституции РК и международным обязательствам государства.

Учитывая изложенное, целесообразно провести комплексное обновление главы 71 УПК РК, обеспечив ее унификацию с Общей частью УПК и уголовным законом. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, представляется необходимым изменить название главы 71 УПК РК, заменив формулировку «Порядок осуществления производства о конфискации имущества, полученного незаконным путем, до вынесения приговора» на «Порядок осуществления производства о конфискации имущества, полученного преступным путем, до вынесения приговора». Такая корректировка устраняет терминологическое несоответствие с положениями статьи 118 УПК РК и статьи 218 УК РК, где закрепляется именно категория «преступным путем», и тем самым исключает возможность произвольного расширения сферы применения института конфискации на случаи, не связанные с совершением преступления.

Во-вторых, в подпункте 3 части 2 статьи 668 УПК РК целесообразно вместо термина «правонарушение» использовать термин «преступление», изложив соответствующий фрагмент в следующей редакции: «... обстоятельства приобретения имущества третьим лицом либо дающие основание полагать, что имущество приобретено в результате преступления». Понятие «правонарушение» по своему объему шире, чем «преступление», и включает в себя административные и гражданско-правовые деликты, что противоречит статье 10 УК РК и принципу правовой определенности, а также создает риск необоснованного распространения конфискации на имущество, не связанное с преступной деятельностью.

В-третьих, в части 4 статьи 668 УПК РК предлагается заменить формулировку «имущество, полученное незаконным путем» на «имущество, полученное преступным

путем». Это обеспечит терминологическое соответствие процессуальных норм положениям статьи 218 УК РК, а также международному стандарту FATF, закрепляющему универсальную категорию «proceeds of crime» – «доходы, полученные преступным путем».

В-четвертых, на уровне общих законодательных подходов необходимо обеспечить единообразие понятийного аппарата УПК РК и УК РК за счет отказа от использования конструкции «незаконным путем» применительно к предмету конфискации и перехода к единой формуле «полученное преступным путем». Это позволит устранить внутренние коллизии между Общей и Особенной частями УПК РК, укрепить системность уголовно-процессуального регулирования и привести национальные нормы в соответствие с международными обязательствами Казахстана, вытекающими из конвенций ООН и рекомендаций FATF.

В практическом плане внесение предлагаемых изменений в главу 71 УПК РК позволит:

- сузить сферу применения конфискации до имущества, реально связанного с совершением преступления, что снижает риск необоснованного вмешательства в гражданско-правовой оборот;
- упростить работу следователей, прокуроров и судей за счет единообразного понятийного аппарата УПК и УК РК;
- повысить предсказуемость правоприменения для участников экономического оборота и тем самым укрепить доверие к институту конфискации и механизмам противодействия легализации преступных доходов.

Таким образом, унификация терминов «незаконным путем» и «правонарушение» с категориями «преступным путем» и «преступление» обеспечит не только логическую и нормативную согласованность уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и повысит правовую предсказуемость применения института конфискации, укрепив его соответствие международным стандартам FATF и конвенциям ООН.

Список использованной литературы:

1. Смагулов, А.А. Некоторые вопросы совершенствования статьи 193 УК РК / А.А. Смагулов // Вестник Института законодательства РК. – 2014. – № 1 (33). – С. 12-15.
2. Бактыбеков, М.Б. Соотношение национального и международного права: теоретические и практические вопросы / М.Б. Бактыбеков, М.Х. Матаева, И.Ю. Остапович // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2022. – № 1 (23). – С. 16-24.
3. Когамов, М.Ч. Комментарий к УПК РК; Т.1. Общая часть / М.Ч. Когамов. – Алматы: Жеті Жарғы, 2020. – 352 с.
4. Когамов, М.Ч. Комментарий к УПК РК; Т.2. Особенная часть / М.Ч. Когамов. – Алматы: Жеті Жарғы, 2020. – 998 с.
5. Шашкова, А.В. Отмывание денег и конституционные права / А.В. Шашкова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6 (33). – С. 190-196.
6. М.К. Сулейменов. Коллизионные нормы права [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35109744 (дата обращения: 26.11.2025).
7. Хавронюк, Н.И. «Уголовное правонарушение», «преступление», «уголовный проступок», «административное правонарушение», «административный проступок», «дисциплинарный проступок»: схожесть и различия // Центр исследования правовой политики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Havronyuk-N.I.-Vystuplenie-20.03.pdf> (дата обращения: 08.10.2025).
8. Казакова, В.А. Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности / В.А. Казакова, С.М. Иншаков // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 120-133.
9. Gurulé, J. Does 'Proceeds' Really Mean 'Net Profits'? The Supreme Court's Efforts to Diminish the Utility of the Federal Money Laundering Statute [Электронный ресурс] / J. Gurulé // Ave Maria Law Review. – 2008. – 7: 339. – Режим доступа: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/384 (дата обращения: 03.11.2025).
10. Dickerson, B. Confusion in Defining 'Proceeds' Under the Money-Laundering Statute: A Survey of Circuit Opinions / B. Dickerson, K. Basko // The Federal Lawyer. – 2010. – № 5 (57). – Pp. 23-27.
11. Levi, M. Money Laundering / M. Levi, P. Reuter // Crime and Justice. – 2006. – № 1 (34). – Pp. 289-375.
12. Alldridge, P. Money Laundering Law: Forfeiture, Confiscation, Civil Recovery, Criminal Laundering and Taxation of the Proceeds of Crime [Электронный ресурс] / P. Alldridge. – London: Bloomsbury Publishing, 2003. – Режим доступа: <https://www.bloomsbury.com/in/money-laundering-law-9781847310019/> (дата обращения: 06.11.2025).
13. Hryniewicz-Lach, E. Expanding Confiscation and its Dimensions in EU Criminal Law / E. Hryniewicz-Lach // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2023. – № 3-4. – Pp. 243-267.
14. Recovering Stolen Assets / M. Pieth (ed.). – Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2008. XXXII. – 391 p.

References:

1. Smagulov, A.A. Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya stat'i 193 UK RK / A.A. Smagulov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva RK. – 2014. – № 1 (33). – S. 12-15.
2. Baktybekov, M.B. Sootnoshenie nacional'nogo i mezhdunarodnogo prava: teoreticheskie i prakticheskie voprosy / M.B. Baktybekov, M.H. Mataeva, I.Ju. Ostapovich // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2022. – № 1 (23). – S. 16-24.
3. Kogamov, M.Ch. Kommentarij k UPK RK; T.1. Obshhaja chast' / M.Ch. Kogamov. – Almaty: Zheti Zharғы, 2020. – 352 s.
4. Kogamov, M.Ch. Kommentarij k UPK RK; T.2. Osobennaja chast' / M.Ch. Kogamov. – Almaty: Zheti Zharғы, 2020. – 998 s.

5. Shashkova, A.V. Otmyvanie deneg i konstitucionnyye prava / A.V. Shashkova // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2013. – № 6 (33). – S. 190-196.
6. M.K. Sulejmenov. Kollizionnye normy prava [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35109744 (data obrashheniya: 26.11.2025).
7. Havronjuk, N.I. «Ugolovnoe pravonarushenie», «prestuplenie», «ugolovnyj prostupok», «administrativnoe pravonarushenie», «administrativnyj prostupok», «disciplinarnyj prostupok»: shozhest' i razlichija // Centr issledovaniya pravovoj politiki [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Havronyuk-N.I.-Vystuplenie-20.03.pdf> (data obrashheniya: 08.10.2025).
8. Kazakova, V.A. Korrekciya juridicheskoy terminologii v mehanizme obreteniya ugolovnym zakonom pravovoj sushhnosti / V.A. Kazakova, S.M. Inshakov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2020. – № 6. – S. 120-133.
9. Gurulé, J. Does 'Proceeds' Really Mean 'Net Profits'? The Supreme Court's Efforts to Diminish the Utility of the Federal Money Laundering Statute [Jelektronnyj resurs] / J. Gurulé // Ave Maria Law Review. – 2008. – 7: 339. – Rezhim dostupa: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/384 (data obrashheniya: 03.11.2025).
10. Dickerson, B. Confusion in Defining 'Proceeds' Under the Money-Laundering Statute: A Survey of Circuit Opinions / B. Dickerson, K. Basko // The Federal Lawyer. – 2010. – № 5 (57). – Pp. 23-27.
11. Levi, M. Money Laundering / M. Levi, P. Reuter // Crime and Justice. – 2006. – № 1 (34). – Pp. 289-375.
12. Alldridge, P. Money Laundering Law: Forfeiture, Confiscation, Civil Recovery, Criminal Laundering and Taxation of the Proceeds of Crime [Jelektronnyj resurs] / P. Alldridge. – London: Bloomsbury Publishing, 2003. – Rezhim dostupa: <https://www.bloomsbury.com/in/money-laundering-law-9781847310019/> (data obrashheniya: 06.11.2025).
13. Hryniewicz-Lach, E. Expanding Confiscation and its Dimensions in EU Criminal Law / E. Hryniewicz-Lach // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2023. – № 3-4. – Pp. 243-267.
14. Recovering Stolen Assets / M. Pieth (ed.). – Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2008. XXXII. – 391 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Болат Досжанович Еркенов – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясының докторанты, ұлттық қауіпсіздік және әскери іс магистрі, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6696-5680>, e-mail: bolat_erkenov@mail.ru.

Еркенов Болат Досжанович – докторант Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6696-5680>, e-mail: bolat_erkenov@mail.ru.

Yerkenov Bolat Doszhanovich – Doctoral Student of the M. Yesbolatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Case, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6696-5680>, e-mail: bolat_erkenov@mail.ru.

Азамат Серикбаевич Букенесов – Қазақстан Республикасы Қаржы мониторингі агенттігі Алматы қаласы бойынша Экономикалық тергеп-тексеру департаментінің Талдамалық – әзірleme басқармасы басшысының орынбасары, заң ғылымдарының магистрі, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2452-7590>, e-mail: bukenesov@mail.ru.

Букенесов Азамат Серикбаевич – заместитель руководителя Управления аналитических разработок Департамента экономических расследований г. Алматы Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу, магистр юридических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2452-7590>, e-mail: bukenesov@mail.ru.

Bukenessov Azamat Serikbayevich – Deputy Head of the Analytical Development Department of the Almaty Department of Economic Investigations of the Financial Monitoring Agency of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2452-7590>, e-mail: bukenesov@mail.ru.

УДК 343.1; 378; 771.531.021:772.2; 771.531.021:772.1.065
МРНТИ 10.79.01; 14.35.07; 61.41.35; 61.41.29

А.А. Калиев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ГЕЙМИФИКАЦИЯ И СИМУЛЯЦИОННЫЕ ТРЕНАЖЕРЫ В ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В условиях стремительного роста цифровых угроз правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью модернизации подготовки специалистов, занимающихся расследованием киберпреступлений.

В статье рассматривается потенциал использования геймификации и симуляционных тренажеров как эффективных инструментов практикоориентированного обучения.

Обоснованы психолого-педагогические и организационные основания применения данных подходов, представлены успешные кейсы из международной практики (США, ЕС, Израиль, Сингапур). Проведена оценка экономической эффективности и правовых ограничений.

Особое внимание уделено возможностям внедрения подобных решений в Казахстане и в первую очередь в учебные заведения правоохранительной направленности, включая адаптацию национальных стандартов, требований к цифровым платформам и создание законодательной базы.

Результаты исследования представляют практическую ценность для разработчиков учебных программ научно-образовательных учреждений и могут быть использованы при подготовке киберспециалистов.

Ключевые слова: геймификация; симуляционный тренажер; киберпреступление; цифровое обучение; расследование; криминалистика; виртуальная реальность; искусственный интеллект; правовое регулирование; методика подготовки.

А.А. Қалиев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

КИБЕРҚЫЛМЫСТЫ ТЕРГЕУ МАМАНДАРЫН ОҚЫТУДАҒЫ ГЕЙМИФИКАЦИЯ ЖӘНЕ СИМУЛЯЦИЯЛЫҚ ТРЕНАЖЕРЛЕР

Аннотация. Цифрлық қатерлердің қарқынды өсуі жағдайында құқық қорғау органдары киберқылмыстарды тергеумен айналысатын мамандарды даярлауды жаңғырту қажеттілігіне тап болады.

Мақалада геймификация мен симуляциялық тренажерлерді тәжірибеге бағытталған оқытудың тиімді құралдары ретінде пайдалану мүмкіндігі қарастырылады.

Осы тәсілдерді қолданудың психологиялық-педагогикалық және ұйымдастырушылық негіздері негізделген, халықаралық практикадан (АҚШ, ЕО, Израиль, Сингапур) табысты кейстер ұсынылған. Экономикалық тиімділік пен құқықтық шектеулерге баға берілді.

Ұлттық стандарттарды, цифрлық платформаларға қойылатын талаптарды бейімдеуді және заңнамалық базаны құруды қоса алғанда, Қазақстанда және бірінші кезекте құқық қорғау бағытындағы оқу орындарына осындай шешімдерді енгізу мүмкіндіктеріне ерекше назар аударылды.

Зерттеу нәтижелері ғылыми-білім беру мекемелерінің оқу бағдарламаларын жасаушылар үшін практикалық құндылық болып табылады және оларды кибер мамандарды даярлауда қолдануға болады.

Түйінді сөздер: геймификация; симуляциялық тренажер; киберқылмыс; цифрлық оқыту; тергеу; криминалистика; виртуалды шындық; жасанды интеллект; құқықтық реттеу; дайындық әдістемесі.

A.A. Kaliyev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

GAMIFICATION AND SIMULATORS IN THE TRAINING OF CYBERCRIME INVESTIGATORS

Abstract. With the rapid growth of digital threats, law enforcement agencies face the need to modernize the training of specialists involved in the investigation of cybercrime.

The article considers the potential of using gamification and simulators as effective tools of practice-oriented training.

Psychological, pedagogical and organizational grounds for the application of these approaches are substantiated, and successful cases from international practice (USA, EU, Israel, Singapore) are presented. Economic efficiency and legal limitations are assessed.

Special attention is paid to the possibilities of introducing such solutions in Kazakhstan and, first of all, in law enforcement educational institutions, including the adaptation of national standards, requirements for digital platforms and the creation of a legislative framework.

The results of the study are of practical value for curriculum developers of scientific and educational institutions and can be used in the training of cyber specialists.

Keywords: gamification; simulator; cybercrime; digital learning; investigation; forensics; virtual reality; artificial intelligence; legal regulation; training methodology.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_180

Введение. В условиях стремительного роста цифровых угроз и киберпреступности требуется переосмысление традиционных подходов к обучению сотрудников правоохранительных органов.

Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, приобретают глобальный характер. Так, в Африке доля цифровых преступлений составляет более 30 % от общего количества зарегистрированных правонарушений, при этом Interpol отмечает резкий рост числа подобных инцидентов в 2024-2025 гг.¹ Эти тенденции подчеркивают необходимость усиления институциональных и образовательных механизмов в борьбе с растущими вызовами кибербезопасности.

Современные преступники все чаще применяют инструменты социальной инженерии, вредоносное программное обеспечение, анонимные сети (Tor, I2P), криптовалюты (Bitcoin, Monero), а также сложные схемы сокрытия цифровых следов. Для расследования таких преступлений требуется не только

базовая подготовка в области права и криминалистики, но и владение актуальными техническими знаниями, навыками командного взаимодействия в условиях неопределенности, умением работать с цифровыми следами и использовать автоматизированные инструменты анализа.

На этом фоне существующие методы подготовки следователей, криминалистов и цифровых аналитиков демонстрируют существенные ограничения. Преобладание лекционного формата, слабая адаптация к изменениям цифровой среды, ограниченность практических заданий и отсутствие имитационных сценариев делают такую подготовку малорезультативной.

В этих условиях назрела необходимость поиска решений, способных компенсировать дефицит практической подготовки и адаптировать образовательный процесс к условиям цифровой среды. Одним из наиболее перспективных направлений в этом контексте становится внедрение геймифицированных подходов и симуляционных тренажеров. Эти технологии позволяют создать иммерсивную,

¹ Africa Cyberthreat Assessment Report 2025: 4th Edition / Lyon: INTERPOL, May 2025. – 33 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.interpol.int/content/download/23094/file/INTERPOL_Africa_Cyberthreat_Assessment_Report_2025.pdf (дата обращения: 05.08.2025).

динамическую и многопользовательскую среду, в которой обучающиеся могут отрабатывать навыки на основе реальных или близких к реальности кейсов, включая расследование кибератак, анализ цифровых доказательств, отслеживание криптовалютных транзакций, выявление злоумышленников в даркнете и работу с big data.

Геймификация как метод повышения мотивации и эффективности усвоения знаний все чаще используется в различных сферах образования. В контексте киберподготовки она обеспечивает высокий уровень вовлеченности, персонализацию обучения и создание условий, способствующих закреплению навыков на практике. Симуляционные тренажеры, в свою очередь, дают возможность имитировать сценарии цифровых расследований с учетом факторов риска, ограничения ресурсов и необходимости быстрого принятия решений.

Эффективность геймифицированного подхода подтверждается результатами внедрения таких технологий в различных странах. Например, в рамках проекта Hack The Box в университетах США 83 % студентов продемонстрировали рост практических навыков менее чем за полгода после включения платформы в учебные курсы².

Аналогичные результаты были получены в исследовании Queen's University Belfast, где обучение с использованием TryHackMe повысило уверенность обучающихся в применении безопасных практик в реальных условиях [1, 10 стр.].

Интерактивная программа подготовки HiTET, разработанная Федеральным бюро расследований, использует симуляционные сценарии и цифровые тренажеры, что, по данным ФБР, позволяет существенно сократить среднее время реагирования и повысить уровень усвоения материалов [2, 5 стр.].

Платформы Europol CyberSim и Interpol Cyber Academy отмечены как инструменты, успешно применяемые в более чем 80%

программ подготовки специалистов по расследованию киберпреступлений в ЕС и за его пределами³.

Таким образом, данная статья направлена на системный анализ теоретических и практических основ применения геймификации и симуляционных тренажеров в подготовке специалистов по расследованию киберпреступлений. Особое внимание будет уделено международному опыту, правовым аспектам, экономической целесообразности и перспективам внедрения данных подходов в Республике Казахстан (далее – РК) и странах СНГ.

Материалы и методы. Методологическая база исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий криминалистический, педагогический, правовой и информационно-технологический анализ. Такой подход обусловлен тем, что феномен геймификации в профессиональной подготовке специалистов по расследованию киберпреступлений находится на пересечении права, педагогики и цифровых технологий.

В качестве общенаучных методов применялись анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и системный подход, позволившие выявить взаимосвязь между уровнями образовательных практик, правовым регулированием и технологическими решениями. Специальные методы включали сравнительно-правовой анализ, формально-логический, контент-анализ, а также метод кейс-стади, ориентированный на изучение конкретных международных и национальных примеров внедрения симуляционных тренажеров.

Эмпирическую базу исследования составили системный анализ публикаций по проблематике геймификации в обучении специалистов правоохранительных органов; изучение программ и платформ, внедренных в системе подготовки киберследователей в США (FBI Virtual Training Environment, DHS Cyber Range), ЕС (Europol CyberSim), Израиле (Unit 8200) и Сингапуре (Cyber

² Hack The Box. Hack The Box launches 5th annual University CTF competition / Hack The Box. – 30.11.2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hackthebox.com/blog/htb-uni-ctf-2023> (дата обращения: 05.08.2025).

³ E-learning courses [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.interpol.int/en/How-we-work/Capacity-building/INTERPOL-Virtual-Academy/E-learning-courses> (дата обращения: 05.08.2025).

Defense Academy); анализ международных стандартов: NIST SP 800-50 (Training Requirements), Европейского регламента GDPR (в части цифровой безопасности обучаемых), а также рекомендаций Interpol по построению цифровых учебных центров.

Научную основу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих психолого-педагогические, криминалистические и технологические аспекты геймификации.

Результаты, обсуждение. Развитие геймификации как образовательной технологии опирается на прочный теоретико-методологический фундамент, включающий концепции когнитивной психологии, педагогики и цифровой дидактики. Центральное место занимает теория самодетерминации (Self-Determination Theory), предложенная Э. Деси и Р. Райаном, согласно которой внутренняя мотивация повышается в условиях автономии, компетентности и социального включения [3, 112 стр.].

Это находит подтверждение в образовательной практике: обучающиеся, участвующие в геймифицированных форматах, демонстрируют более высокую вовлеченность и устойчивость к стрессовым ситуациям, характерным для цифровых исследований. Кроме того, теория «потока» М. Чиксентмихайи (Flow Theory) позволяет объяснить, каким образом иммерсивные тренажеры создают состояние максимальной концентрации и продуктивности при выполнении заданий, моделирующих киберпреступления [4, 75 стр.].

Геймификация в подготовке следователей и криминалистов реализуется через различные элементы: балльные системы, уровни сложности, сценарии цифровых атак, соревновательные и командные режимы. В числе наиболее успешных решений можно назвать CTF-форматы (Capture the Flag), используемые в Hack The Box

и TryHackMe. Эти платформы позволяют участникам соревноваться в решении задач по анализу сетевого трафика, эксплуатации уязвимостей, криптографическим задачам и обратной разработке вредоносного кода⁴. Их преимущества заключаются в возможности гибкой настройки сложности, наличии системы обратной связи и адаптации заданий под уровень подготовки.

Примером масштабного внедрения геймификации в структуру государственной подготовки является платформа FBI Virtual Training Environment (США), которая применяется для обучения следователей, цифровых аналитиков и прокуроров⁵.

В ходе виртуальных тренировок имитируются сценарии расследования цифрового взлома, компрометации данных, киберугроз в даркнете. Согласно внутреннему отчету подразделения подготовки ФБР (2023), внедрение VTE позволило сократить время базовой подготовки с шести месяцев до четырех, а также повысить средний уровень точности анализа цифровых улик на 50%⁶.

Аналогичная платформа – DHS Cyber Range, которая используется Министерством внутренней безопасности США и обеспечивает ежегодную подготовку более 10 000 специалистов, включая моделирование атак на критическую инфраструктуру и расследование инцидентов, связанных с использованием шифровальщиков⁷.

В Европе ту же роль выполняет платформа Europol CyberSim, которая позволяет моделировать международные расследования, в т.ч. связанные с криптовалютными транзакциями и незаконной деятельностью в даркнете [5].

В 2023 году более 80% следователей из стран ЕС прошли обучение на данной платформе, а среднее время реагирования на кибератаки сократилось на 35%. Interpol Cyber Academy дополняет эту систему за счет онлайн-курсов и симуляций, ориентированных на международные

⁴ The best platform to measure and motivate security teams [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hackthebox.com/capture-the-flag> (дата обращения: 05.08.2025).

⁵ Federal Bureau of Investigation (FBI) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://le.fbi.gov/training/virtual-academy> (дата обращения: 05.08.2025).

⁶ Training and capacity building [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/how-we-work/services-support/training-and-capacity-building> (дата обращения: 05.08.2025).

⁷ Defend Against Ransomware Attacks — Cyber Range Training (IR-209) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cisa.gov/resources-tools/training/defend-against-ransomware-attacks-cyber-range-training-ir209> (дата обращения: 05.08.2025).

команды расследования. Более 15 000 специалистов из 50 стран прошли обучение в рамках этой программы, имеются положительные отзывы о применимости моделей расследования к реальным делам.

В Израиле и Сингапуре геймификация сочетается с глубоким применением искусственного интеллекта. В Израиле киберполигоны подразделения Unit 8200 используют AI-аналитику для генерации сценариев, основанных на реальных кейсах, что позволяет офицерам тренироваться на моделях, близких к практике⁸.

В Сингапуре государственная платформа Cyber Defense Academy применяет VR-модули для моделирования атак на финансовые системы, с акцентом на межведомственное взаимодействие между полицией, банковским сектором и военными⁹.

Таким образом, международный опыт подтверждает потенциал геймификации в подготовке специалистов. Однако в странах СНГ, включая Казахстан, развитие этих форматов пока находится на начальной стадии. В частности, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК использует в обучающем процессе симуляционные тренинги, что свидетельствует о наличии интереса и начальных наработок, однако в учебном заведении по сей день отсутствуют полноценные цифровые тренажеры, в т.ч. с использованием VR и AI, и нормативное признание геймификации как официальной формы подготовки.

Помимо педагогической и технологической результативности, большое значение имеет и экономическая составляющая внедрения геймификации.

Несмотря на высокую стоимость начального этапа, связанного с разработкой программного обеспечения, закупкой VR-оборудования, подготовкой преподавателей, практика развитых стран показывает, что уже в среднесрочной перспективе (3-5 лет)

возврат инвестиций составляет от 300 до 500%¹⁰.

Это связано не только с повышением эффективности усвоения материала, но и с сокращением сроков подготовки специалистов, снижением количества допущенных ошибок при расследованиях и уменьшением операционных издержек в правоохранительных структурах.

Для обоснованной оценки результативности геймифицированных форматов обучения активно применяются научно валидные методики. Наиболее распространенной является четырехуровневая модель Д. Киркпатрика, включающая: уровень реакции (удовлетворенность обучающихся), уровень обучения (прирост знаний и навыков), уровень поведения (изменение действий в профессиональной практике), уровень результатов (влияние на деятельность организации в целом) [6, 88 стр.].

Эти модели оценки активно применяются в международной практике и могут быть адаптированы в странах СНГ. Так, согласно внутренним исследованиям Академии, внедрение симуляционных упражнений с элементами геймификации увеличило уровень освоения материала и навыков обучающихся.

Дополнительно применяются когнитивные тесты до и после обучения, позволяющие выявить рост аналитических и прикладных навыков [7, 107 стр.]. В Сингапуре государственные и отраслевые организации (включая *GovTech*, *IMDA* и *Monetary Authority of Singapore*) внедряют симуляционные и цифровые обучающие платформы, а также программы сертификации, в которые включены практико-ориентированные тесты. В ряде программ используются элементы адаптивного обучения и аналитики на базе AI для персонализации траекторий обучения и подбора уровня сложности задач, однако публичные документы не дают полного подтверждения, что подобные тесты

⁸ Business continuity exercise to bolster financial-sector operational resilience [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2024/business-continuity-exercise-to-bolster-financial-sector-operational-resilience> (дата обращения: 05.08.2025).

⁹ Accenture. Augmented Future of Training: AR and VR Deliver Transformative Learning [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.accenture.com/us-en/insights/technology/augmented-future-training> (дата обращения: 27.11.2025).

¹⁰ Can Gamification in Training Programs Enhance ROI? Exploring Innovative Learning Methods [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://psico-smart.com/en/blogs/blog-can-gamification-in-training-programs-enhance-roi-exploring-innovative-learning-methods-181115> (дата обращения: 05.08.2025).

повсеместно являются обязательной частью официальной сертификации и что адаптация выполняется полностью автоматически [8].

В Германии и Израиле при проведении практических тренингов и симуляционных упражнений в области цифровых расследований используются показатели качества выполнения заданий, точности принятых решений и временные параметры обработки цифровых данных, что подтверждается публикациями Европейской группы по обучению киберпреступности и методическими документами Israel National Cyber Directorate (INCD, 2023)¹¹.

Интеграция искусственного интеллекта в симуляционные среды позволяет значительно расширить возможности индивидуального обучения [9]. Алгоритмы анализируют поведение обучающегося, выявляют пробелы в знаниях и динамически подбирают задания. В свою очередь Europol отмечает, что внедрение AI-инструментов (через innovation Lab и совместные инициативы с LEA) значительно повышает эффективность и оперативность расследований.

Таким образом, применение геймификации и симуляционных тренажеров в обучении специалистов по расследованию киберпреступлений демонстрирует высокую эффективность не только с точки зрения освоения навыков, но и с позиции экономической и юридической целесообразности. Однако для устойчивого внедрения подобных форматов необходимо обеспечить нормативную поддержку, институциональную интеграцию и постоянную верификацию методик обучения с учетом технологических изменений и стандартов доказательственного права. Только комплексное сочетание этих компонентов позволит сформировать подготовленные кадры, способные эффективно реагировать на вызовы цифровой эпохи.

Заключение. В условиях цифровизации правовой системы и трансформации преступности геймификация и симуляционные тренажеры становятся не просто инновационным элементом,

а необходимым компонентом профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере расследования киберпреступлений. Обобщенный анализ теоретических основ, международной практики, экономических и правовых аспектов подтверждает высокую эффективность этих технологий в повышении качества образования, адаптации к новым угрозам и сокращении времени реагирования на киберинциденты.

Результаты, полученные в рамках исследования, демонстрируют, что геймифицированные платформы обеспечивают более высокий уровень вовлеченности и когнитивной активности обучающихся, а также позволяют моделировать реальные ситуации без риска, связанного с экспериментами в оперативной практике.

Международный опыт США, стран ЕС, Израиля и Сингапура подтверждает успешность системного внедрения таких решений в учебные и ведомственные программы. Вместе с тем внедрение геймификации требует не только технологической готовности, но и институциональной поддержки, в т.ч. создания нормативной базы, стандартов оценки, сертификации платформ и защиты данных обучающихся.

Для РК и стран СНГ обозначены значительные перспективы внедрения цифровых симуляторов и геймифицированных подходов в образовательный процесс. Однако для достижения устойчивого эффекта необходима государственная программа по модернизации подготовки следователей и криминалистов, включающая:

- разработку и внедрение национального киберполигона;
- создание адаптивных VR и AI-симуляторов по направлениям цифровой криминалистики;
- формирование сети партнерств с международными учебными центрами и организациями (Europol, Interpol, UNODC).

Таким образом, геймификация и симуляционные тренажеры выступают в роли стра-

¹¹ Cyber Defense Methodology for an Organization. – Israel, 2021. – 76 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.il/BlobFolder/generalpage/cyber_security_methodology_2/he/ICDM%20V2.pdf (дата обращения: 05.08.2025).

тегического ресурса, способного обеспечить качественный прорыв в подготовке кадров в сфере цифровой безопасности. Их интеграция в систему профессионального образования не только соответствует мировым

стандартам, но и отвечает вызовам современного киберпространства, где быстрота, точность и технологическая готовность следователя становятся ключевыми факторами успеха.

Список использованной литературы:

1. Jordon, H. Gamifying Cybersecurity: A Study of the Effectiveness of a Specific CTF Platform / H. Jordon, J. Wallace. – Queen's University Belfast, 2023. – 22 p.
2. Matthews, S. Federal Bureau of Investigation. High-Technology Environment Training (HiTET): Embracing Modern Challenges // FBI Law Enforcement Bulletin. Washington, D.C. – 2023. – № 5. – Pp. 3-8.
3. Деси, Э.Л. Мотивация и личность. Теория и практика / Э.Л. Деси, Р.М. Райан. – М.: Питер, 2004. – 320 с.
4. Чиксентмихайи, М. Поток: Психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 368 с.
5. S. Cordey. Trend Analysis: The Israeli Unit 8200 — An OSINT-based study [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Cyber-Reports-2019-12-Unit-8200.pdf> (дата обращения: 05.08.2025).
6. Kirkpatrick, D.L. Evaluating Training Programs: The Four Levels; 3rd ed. / D.L. Kirkpatrick, J.D. Kirkpatrick. – San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2006. – 226 p.
7. Shadish, W.R. Experimental and Quasi-Experimental Designs for Generalized Causal Inference / W.R. Shadish, T.D. Cook, D.T. Campbell. – Boston: Houghton Mifflin, 2002. – 623 p.
8. Ihichr, A. A Systematic Review on Assessment in Adaptive Learning: Theories, Algorithms and Techniques / A. Ihichr, et al. // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. – 2024. – Vol. 15. № 7. – Pp. 855-868.
9. Ruberto, A.J. Adaptive simulation utilizing a deep multitask neural network / A.J. Ruberto, et al. // JMIR Medical Simulation. – 2021. – Vol. 3. No. 2. – Pp. e22391-1–e22391-14.

References:

1. Jordon, H. Gamifying Cybersecurity: A Study of the Effectiveness of a Specific CTF Platform / H. Jordon, J. Wallace. – Queen's University Belfast, 2023. – 22 p.
2. Matthews, S. Federal Bureau of Investigation. High-Technology Environment Training (HiTET): Embracing Modern Challenges // FBI Law Enforcement Bulletin. Washington, D.C. – 2023. – № 5. – Pp. 3-8.
3. Desi, Je.L. Motivacija i lichnost'. Teorija i praktika / Je.L. Desi, R.M. Rajan. – M.: Piter, 2004. – 320 s.
4. Chiksentmihaji, M. Potok: Psihologija optimal'nogo perezhivaniya / M. Chiksentmihaji. – M.: Al'pina non-fikshn, 2021. – 368 s.
5. S. Cordey. Trend Analysis: The Israeli Unit 8200 — An OSINT-based study [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Cyber-Reports-2019-12-Unit-8200.pdf> (data obrashheniya: 05.08.2025).
6. Kirkpatrick, D.L. Evaluating Training Programs: The Four Levels; 3rd ed. / D.L. Kirkpatrick, J.D. Kirkpatrick. – San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2006. – 226 p.
7. Shadish, W.R. Experimental and Quasi-Experimental Designs for Generalized Causal Inference / W.R. Shadish, T.D. Cook, D.T. Campbell. – Boston: Houghton Mifflin, 2002. – 623 p.
8. Ihichr, A. A Systematic Review on Assessment in Adaptive Learning: Theories, Algorithms and Techniques / A. Ihichr, et al. // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. – 2024. – Vol. 15. № 7. – Pp. 855-868.
9. Ruberto, A.J. Adaptive simulation utilizing a deep multitask neural network / A.J. Ruberto, et al.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Асқар Абужанұлы Қалиев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратура жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының жаһандық қатерлерге қарсы іс-қимыл жөніндегі арнайы даярлық кафедрасының доценті, e-mail: askar909@mail.ru.

Калиев Асқар Абужанович – доцент кафедры специальной подготовки по противодействию глобальным угрозам Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: askar909@mail.ru.

Kaliyev Askar Abuzhanovich – Associate Professor of the Department of Special Training in Countering Global Threats at the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: askar909@mail.ru.

D.Zh. Mukanov¹, Y.A. Omarov²

¹Chief Military Prosecutor, Astana, the Republic of Kazakhstan

²Institute of Legislation and Legal Information of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan,
Astana, the Republic of Kazakhstan

PROBLEMS OF IMPLEMENTING GUARANTEES OF PROTECTION OF SUSPECTS AND PREVENTING TORTURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the systemic factors contributing to the use of torture and other forms of cruel, inhuman, or degrading treatment in the activities of law enforcement agencies in the Republic of Kazakhstan. It analyzes national legislation, law enforcement practices, and international standards, including the 1984 United Nations Convention against Torture and its Optional Protocol. Special attention is given to the impact of the system of planned crime detection rates, the dependence of investigations on confessions, the conditions of detention, and the insufficient implementation of procedural guarantees for suspects. The study examines foreign approaches (Germany, France, the United Kingdom, and the United States) aimed at ensuring transparency, independence of investigations, and judicial control. The study formulates proposals for improving legislation, strengthening criminal liability for torture, expanding the powers of prosecutorial oversight, and strengthening institutional guarantees for the protection of human rights.

Keywords: torture; abuse; human rights; criminal proceedings; procedural guarantees; suspect; law enforcement agencies; responsibility.

Д.Ж. Муканов¹, Е.А. Омаров²

¹Бас әскери прокуратура, Астана қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің Заңнама және құқықтық ақпарат институты,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

КҮДІКТІЛЕРДІ ҚОРҒАУ КЕПІЛДІКТЕРІН ІСКЕ АСЫРУ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕ АЗАПТАУДЫҢ АЛДЫН АЛУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы құқық қорғау органдарының қызметінде азаптауды және қатыгездік, адамгершілікке жатпайтын немесе ар-намысты қорлайтын қарым-қатынастың өзге де нысандарын қолдануға ықпал ететін жүйелік факторлар қарастырылады. БҰҰ-ның 1984 жылғы азаптауға қарсы конвенциясын және оған Факультативтік хаттаманы қоса алғанда, ұлттық заңнамаға, құқық қолдану практикасына және халықаралық стандарттарға талдау жүргізілді. Қылмыстарды ашудың жоспарлы көрсеткіштері жүйесінің ықпалына, тергеудің мойындау айғақтарына тәуелділігіне, қамауда ұстау жағдайларына және күдіктілердің процестік кепілдіктерінің жеткіліксіз іске асырылуына ерекше назар аударылды. Тергеулер мен сот бақылауының ашықтығын, тәуелсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған шетелдік тәсілдер (Германия, Франция, Ұлыбритания, АҚШ) зерттелуде. Заңнаманы жетілдіру, азаптау үшін қылмыстық жауаптылықты күшейту, прокурорлық қадағалау өкілеттіктерін кеңейту және қорғаудың институционалдық кепілдіктерін нығайту жөнінде ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: азаптау; қатыгездік; адам құқықтары; қылмыстық сот өндірісі; қылмыстық кепілдіктер; күдікті; құқық қорғау органдары; жауаптылық.

Д.Ж. Муқанов¹, Е.А. Омаров²

¹Главная военная прокуратура, г. Астана, Республика Казахстан

²Институт законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЫТОК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются системные факторы, способствующие применению пыток и иных форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан. Проведен анализ национального законодательства, правоприменительной практики и международных стандартов, включая Конвенцию ООН против пыток 1984 года и Факультативный протокол к ней. Особое внимание уделено влиянию системы плановых показателей раскрываемости преступлений, зависимости следствия от признательных показаний, условиям содержания под стражей и недостаточной реализации процессуальных гарантий подозреваемых. Исследуются зарубежные подходы (Германия, Франция, Великобритания, США), направленные на обеспечение прозрачности, независимости расследований и судебного контроля. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, усилению уголовной ответственности за пытки, расширению полномочий прокурорского надзора и укреплению институциональных гарантий защиты прав человека.

Ключевые слова: пытки; жестокое обращение; права человека; уголовное судопроизводство; процессуальные гарантии; подозреваемый; правоохранительные органы; ответственность.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_188

Introduction. The use of torture and other cruel, inhuman, or degrading treatment or punishment remains one of the most pressing issues in the modern system of human rights protection. Despite international prohibitions and the commitments undertaken by states, torture continues to be reported across numerous countries, indicating a discrepancy between formal legal regulation and actual law enforcement practice [1, 11 p.].

In the context of the strengthening of the rule of law and the declared priority of human rights and freedoms, it is particularly important to analyze the effectiveness of national mechanisms for combating torture. The relevance of this study is determined by the need to comprehensively examine the factors contributing to the persistence of cases of abuse, as well as to develop proposals aimed at preventing and eliminating them.

This article analyzes the national legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of ensuring the rights of suspects and countering torture, taking into account the state's international obligations and the practice of their implementation. Special attention is paid

to the problems of implementing procedural guarantees for suspects, the role of a lawyer in the early stages of pre-trial investigation, and the issues of improving criminal and criminal procedure legislation.

A special emphasis is placed on studying foreign experience (Germany, France, the United Kingdom, the United States, etc.), where legal mechanisms for protecting suspects and independent judicial control are effective means of preventing torture. The use of these approaches allows us to assess the extent to which the domestic legal system complies with international standards and to identify areas for further improvement.

The purpose of the study is to identify the key problems of national legislation and law enforcement practices that contribute to the use of torture, as well as to develop practical recommendations for improving the effectiveness of the human rights and freedoms protection system in the Republic of Kazakhstan.

Materials and methods. The study employed general scientific and specific legal methods of inquiry: formal-legal, comparative-legal, systemic, and analytical. The empirical basis

consisted of the provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Criminal and Criminal Procedure Codes, regulatory decisions of the Supreme Court, as well as international treaties, including the 1984 UN Convention against Torture and the Optional Protocol to it. The comparative legal method allowed for the comparison of national legislation with the legal systems of Germany, France, the United Kingdom, and the United States, providing a comprehensive approach to assessing the effectiveness of existing guarantees for protecting suspects from torture and other forms of ill-treatment.

Results, discussion. An analysis of national legislation and law enforcement practices reveals a number of systemic factors that contribute to the persistence of torture and other forms of ill-treatment in law enforcement agencies. These factors include a focus on quantitative indicators of crime detection, which puts pressure on officers; has a mutually reinforcing effect on the overall effectiveness of anti-torture efforts; the practice of prolonged detention in conditions that amount to inhumane treatment; and a lack of procedural safeguards for suspects and lenient criminal penalties for torture. Each of these factors has a mutually reinforcing effect on the overall effectiveness of anti-torture efforts and requires a comprehensive approach to reforming legislation, the evaluation system for law enforcement agencies, and the mechanisms for prosecutorial and judicial oversight.

1. The existing system of evaluating the activities of law enforcement agencies, which is focused on quantitative indicators (the number of crimes solved, criminal cases submitted to the court, and convictions), creates the preconditions for human rights violations and the use of torture. Failure to meet targets often leads to disciplinary actions, lower performance ratings, and the risk of dismissal, which encourages employees to achieve the necessary results at any cost.

On February 9, 2015, the Prosecutor General issued Order No. 29, and on February 5, 2015, the Acting Minister of Internal Affairs issued Order No. 90, which approved the Methodology

for Calculating Crime Detection Rates aimed at improving statistical observation and optimizing the system of criteria for evaluating the activities of internal affairs bodies. According to the document, the detection rates of serious and particularly serious crimes should not serve as a basis for holding employees accountable. However, in practice, low performance is often criticized by management, which cascades to lower-level departments, pressuring employees and distorting the objectives of law enforcement.

According to Igor Rogov, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, who spoke on November 8, 2024 at the presentation of the Consolidated Report on the results of visits by members of the National Preventive Mechanism in 2023, Germany, the United Kingdom, and the United States do not use crime detection rates to evaluate police performance. Instead, they rely on public trust to assess the effectiveness of police operations¹. In Kazakhstan, the risk of disciplinary liability for similar situations often encourages employees to seek confessions by any means, including illegal ones [2].

The results of sociological surveys conducted by the National Center for Human Rights among prisoners confirm this trend: in 45% of cases, torture was used to obtain confessions and improve crime detection rates. Among the surveyed police officers, 20.2% justified the use of torture by the need to meet performance targets, while 14.3% believed that without it, criminals would be able to escape punishment. The reasons include weak departmental control (23.8%), low professional level (26%), and unfavorable psychological state of employees (16.4%). Most acts of torture occur in the early stages of an investigation, during detention (35.3%), interrogations (17.6%), and in temporary detention centers (10.3%)².

To reduce the dependence of police performance on statistical indicators, it is necessary to reform the system for evaluating the activities of internal affairs bodies. The introduction of disciplinary mechanisms for the heads of units where torture has been identified,

¹ Консолидированный доклад участников национального превентивного механизма Республики Казахстан по итогам превентивных посещений, выполненных в 2023 году [Electronic resource] – Access mode: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/763455> (Access date: 20.09.2025).

² In the same place.

similar to anti-corruption legislation, as well as the temporary suspension of the assignment of special and military ranks until the completion of rehabilitative investigations, will help to shift priorities towards respect for human rights and strengthening internal control.

International practice demonstrates the effectiveness of alternative assessment models. Since the mid-2000s, the activities of the internal affairs bodies in Belarus have been assessed based on sociological surveys of the population³, and in Moldova, the planned indicators were completely abolished in 2015. In the United States, it is prohibited by law to set quantitative plans for arrests and subpoenas [6]. An example is the practice in Belgium, where prosecutors are evaluated based on their level of training, communication skills, and overall performance, and quantitative indicators are used only for workload analysis and do not influence career decisions. This approach helps to reduce the formalization of law enforcement, strengthens public trust in the justice system, and creates conditions for sustainable human rights compliance.

2. According to paragraph 9) of part 3 of Article 77 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, “no one can be convicted solely on the basis of their own confessions”. However, in national law enforcement practice, confessions remain a key element of the evidence base, which creates a risk of violating the rights of suspects. The greatest risk of torture occurs during the initial stages of detention, when pre-trial investigators seek to obtain confessions as a quick way to establish guilt. Justice systems that are overly dependent on confessions actually encourage officers to obtain them by any means necessary, including the use of torture and psychological pressure.

Confessions are one of the main motives for the use of torture and are explicitly mentioned in the definition of torture in the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CTT)⁴. In foreign legal systems, the permissibility of

confessions is directly linked to the observance of procedural guarantees. For example, in the Federal Republic of Germany, courts prioritize the strict adherence to the suspect's right to remain silent and to legal assistance. Violation of these rights, including failure to notify the witness of their right to refuse to testify, results in the inadmissibility of such evidence.

Section 13 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan provides for a simplified procedure for handling cases in which a procedural agreement in the form of a plea bargain has been reached. According to the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, such individuals may be granted benefits, such as a sentence below the lowest limit of the article's sanction or the application of a suspended sentence. However, the excessive reliance of the justice system on confessions increases the risk of torture, as the absence of a full trial undermines the process's guarantees for verifying the admissibility of evidence and excluding illegally obtained evidence [3, 65 p.].

The European Court of Human Rights has repeatedly emphasized that a waiver of trial is only permissible if the accused freely and knowingly agrees, and that plea agreements are subject to effective judicial review. A similar approach is reflected in the position of the UN Human Rights Committee, which states that such agreements are only legitimate if the individual has a real alternative; the absence of a choice is considered a violation of the principles of fair trial.

An important factor that increases the dependence of the investigation on confessions is the lack of modern investigative tools. An effective and legitimate investigation requires access to alternative methods of proof, such as DNA analysis, digital data, video recording, and forensic research. In the absence of these tools, investigators are forced to rely on confessions as the primary source of evidence, which increases the risk of illegal methods.

International practice confirms that a sustainable reduction in the use of torture is

³ Об оценке эффективности деятельности органов внутренних дел при осуществлении ведомственного контроля // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 12.02.2020 [Electronic resource] – Access mode: <https://etalonline.by/document/?regnum=u02003069b> (Access date: 25.11.2025).

⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 дек. 1984 г. [Electronic resource] – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (Access date: 05.10.2025).

achieved not so much by tightening sanctions as by institutional and technological measures. The experience of England and Wales is particularly illustrative, where, following a series of judicial errors caused by confessions obtained under duress, the Police and Criminal Evidence Act of 1984 (PACE) was passed. This act keeps the recording of interrogations, provides detainees with the right to legal representation, and limited the duration of detention. The law has become a key tool for preventing torture and has ensured transparency in pre-trial procedures.

The UN and international human rights mechanisms emphasize the importance of mandatory audio and video recording of interrogations, stating that evidence obtained without recording should not be recognized by the court⁵. This recording not only protects suspects but also protects police officers from false accusations, increasing public trust in the law enforcement system.

Thus, effective protection of a suspect's rights can only be achieved through a combination of legal and procedural guarantees, as well as the provision of technical investigative tools, professional training for investigators, and the institutional readiness of the state to use modern and legitimate methods of proof.

3. Pre-trial detention should be considered exclusively as an extreme measure of procedural coercion, applied only in cases where other preventive measures are unable to achieve the goals of criminal proceedings. The abuse of this measure is largely due to a political and legal culture that prioritizes a "hard approach" to crime over the presumption of innocence, as well as an institutional imbalance between the prosecution and defense sides in terms of access to information, time, and resources. The practice of the courts formally granting the prosecutor's office and the investigation authorities' requests for detention without analyzing the specific circumstances of the case also plays a significant role.

Prisoners in pre-trial detention facilities are particularly vulnerable to torture and other forms of ill-treatment. Limited contact with the outside world and lack of access to lawyers, civil society

representatives, and independent experts create conditions conducive to the concealment of violations. The proximity of the detainee to those involved in the investigation reduces the likelihood of complaints about torture or coercion. Even if the measure itself is legal, its prolonged use and inadequate conditions of detention may be considered as cruel or degrading treatment under Article 7 of the International Covenant on Civil and Political Rights.

This situation is exacerbated by the poor condition of the institutions' infrastructure, which directly affects the conditions of detention and the level of respect for prisoners' rights. Most of the buildings were constructed in the 19th and 20th centuries and do not meet modern sanitary, hygienic, and engineering requirements.

Overcrowding, dilapidated infrastructure, and insufficient funding make the detention system particularly vulnerable to human rights violations. With detention facilities operating at capacity, ensuring security and proper management becomes challenging, increasing the risk of violence and inhumane treatment.

In order to address these issues, it is advisable to include the construction of new-type multidisciplinary correctional facilities in each region as part of a comprehensive reform of the penal system. These facilities should comply with international standards for the treatment of prisoners (particularly the Nelson Mandela Rules) and provide for the differentiated placement of individuals based on the category of crime, stage of the trial, and mode of detention. Implementing these measures will enhance the humanization of preventive measures, minimize the risk of torture, and strengthen the personal security of suspects and accused individuals.

4. Despite the procedural guarantees provided by law, police officers often disregard them, believing that the use of physical and psychological pressure is the most effective way to obtain confessions. In practice, the right of suspects to defense, including the involvement of a lawyer from the moment of detention, is often restricted due to the pre-trial investigation bodies' focus on achieving quick results and meeting formal targets. Most reported cases

⁵ Доклад Специального докладчика сэра Найджея Родли по вопросам гражданских и политических прав, включая вопросы пыток и задержаний (E/CN.4/2002/76), Нью-Йорк, 2001 [Electronic resource] – Access mode: <https://docs.un.org/ru/E/CN.4/2002/76> (Access date: 27.11.2025).

of torture occur during the period between actual detention and placement in a temporary detention center, when access to a defense attorney and prosecutorial oversight is limited.

The mandatory participation of a defense attorney is of particular importance. According to Article 67 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the participation of a lawyer is mandatory in cases where a person is facing a sentence of more than ten years in prison or life imprisonment. However, according to Article 11 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, serious crimes include offenses punishable by five to twelve years in prison. As a result, in cases where the sentence does not exceed ten years, the participation of a lawyer is not mandatory, which is exploited by investigators in practice to isolate suspects from qualified legal assistance. In order to strengthen the legal guarantees for suspects, it seems appropriate to lower the specified threshold to five years, extending the mandatory participation of a lawyer to all serious and particularly serious crimes.

The international experience of developed legal systems (the United Kingdom, France, Germany, the United States, the Netherlands, and Sweden) demonstrates that effective protection of a suspect is provided from the moment of detention. In these countries, interrogations are recorded on audio and video, the presence of a lawyer is mandatory, and any evidence obtained without the participation of a defense attorney is considered inadmissible. This practice eliminates the possibility of pressure and falsification of evidence, strengthening public trust in the justice system.

An important additional guarantee in domestic law is the normative resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated December 28, 2009, No. 7, "On the Application of Criminal and Criminal Procedure Legislation on the Observance of Personal Freedom and Human Dignity, the Prevention of Torture, Violence, and Other Cruel or Degrading Treatment or Punishment". This act requires the prosecutor to immediately register complaints of torture in the Unified Register of Pre-Trial

Investigations and transfer the criminal case to the appropriate investigative authority.

A significant preventive mechanism is also the reduction of the time interval between the actual detention and the procedural decision to register it. It is reasonable to propose reducing this period from three to one hour, as this is the stage where most acts of torture and other forms of ill-treatment occur. Strengthening the institution of a defence lawyer, the supervision of a prosecutor, and the procedural recording of the actions of officials will significantly increase the level of legal guarantees for suspects and reduce the risks of arbitrariness at the pre-trial stage.

5. The absolute nature of the prohibition of torture implies the establishment of strict and unavoidable sanctions in national legislation. However, the current version of Article 146 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan retains mild types of punishment, such as fines, correctional labor, and restrictions on freedom, as well as the possibility of conditional sentencing (Article 63 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) and exemption from criminal liability (Article 55 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan). We believe that such a disposition may indicate a lack of state determination to combat torture and does not correspond to the severity of these crimes, which are classified as particularly serious human rights violations under international law.

International practice demonstrates the opposite approach: conditional sentences and exemptions from liability for torture are completely excluded. In the Federal Republic of Germany, only Absprachen are allowed, which are agreements within the framework of strictly regulated procedures that do not exempt the perpetrator from criminal liability. In France, similar deals are limited to the public interest and the rights of victims. In the United States and the United Kingdom, the court is obliged to reject any agreements that undermine public trust in the justice system and violate the principle of the inevitability of punishment. Thus, international standards stipulate that crimes related to torture are not subject to mitigation, and any form of

compromise between the prosecution and the defense is unacceptable⁶.

A serious problem in domestic practice is the qualification of torture under related offenses, such as coercion to testify or abuse of official authority. This leads to unjustified mitigation of liability and distortion of statistics. Additionally, Article 146 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan does not provide for qualifying features that reflect the severity of the consequences, such as “causing a person to commit suicide” or “committing torture against multiple victims”. There is also no provision for the imposition of a lifetime ban on holding positions in law enforcement agencies, despite the fact that the maximum additional sentence currently stands at only three years.

Meanwhile, in a number of post-Soviet countries (Georgia, Azerbaijan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Russia, and Moldova), the ban on further holding positions related to the exercise of authority is mandatory and applies for a long period of time, and in some cases, for life. This approach helps to prevent the possibility of repeated abuse of official positions and enhances the preventive function of criminal law.

In this regard, it seems reasonable to tighten the sanctions under Article 146 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, introduce qualifying features that reflect the severity of the consequences of the act, and establish a lifetime ban on working in law enforcement and penitentiary agencies for individuals found guilty of torture. These measures will ensure that the national legal system complies with international standards and the principle of the inevitability of punishment, as enshrined in the United Nations Convention against Torture.

Conclusion. The analysis demonstrates that the persistence of torture and other forms of ill-treatment in the Republic of Kazakhstan is systemic and is caused by both institutional and regulatory factors. Despite the existence of a well-developed legal framework and the ratification of international treaties, there are still prerequisites that contribute to the violation of the rights of suspects and accused during the pre-trial stage of the criminal process.

The key reasons include:

- the existence of performance indicators that encourage law enforcement agencies to achieve statistical results at any cost;
- the dependence of the justice system on confessions and the focus on formal confirmation of guilt, which creates a risk of torture for “ensuring the detection of crimes”;
- the abuse of detention as a preventive measure in unsatisfactory conditions of pre-trial detention centers;
- the lack of procedural guarantees and the absence of mandatory participation of a defense attorney for a number of categories of serious crimes;
- the leniency of the sanctions under Article 146 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and the possibility of conditional conviction or release from liability for torture.

Addressing these factors requires a comprehensive approach that combines legal, institutional, and organizational-technical measures. In order to improve the anti-torture system, it is advisable to:

- abolish the system of formal performance indicators, replacing it with an assessment of the effectiveness of law enforcement agencies based on the level of public trust and the quality of crime investigations;
- ensure the mandatory participation of a lawyer in all cases of serious and particularly serious crimes, starting from the moment of detention, and reduce the period between actual detention and its procedural formalization from three to one hour;
- introduce mandatory audio and video recording of all interrogations, and provide for the inadmissibility of evidence obtained without recording or in the absence of a defense attorney in court;
- to reform the system of execution of punishments with ensuring proper conditions of detention in accordance with international standards;
- to toughen criminal liability for torture, excluding the possibility of conditional conviction and deals with the investigation, as well as establishing a lifetime ban on working in law enforcement and penitentiary bodies for those

⁶ Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. 24 January 2008 [Electronic resource] – Access mode: https://atlas-of-torture.org/en/entity/ztlatx3ed7bo6cjbpijc92j4i?file=15350032034674drm4fj0jcxkf3cyetv8daq0k9.pdf&utm_source=chatgpt.com&page=1 (Access date: 10.12.2025).

convicted under Article 146 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan;

- to establish personal responsibility of law enforcement agency heads for the facts of torture in their subordinate units, in line with anti-corruption legislation;

- to develop a separate law on countering torture, which would include all elements of the state system, from prevention and monitoring

to investigation, protection of victims and compensation for damages.

Implementing these measures will strengthen the rule of law, enhance public confidence in law enforcement, and ensure the practical realization of the constitutional principle of the inadmissibility of torture as one of the fundamental standards for the protection of human rights.

List of used literature:

1. Jensen, S. Human Rights Protection and Torture / S. Jensen, T. Kelly // British Academy Journal of Humanities and Social Sciences. – 2022. – Vol. 10 (S3). – Pp. 5-25.

2. Мицкая, Е.В. О новой редакции статьи 146 УК РК и ее соответствии Конвенции против пыток / Е.В. Мицкая, А.М. Космамбетова, Р.А. Альшуразова // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2024. – № 2. – С. 45-58.

3. Turlaev, A.V. Human rights to protection from torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment / A.V. Turlaev, N.S. Akhmetova // Вестник Карагандинского университета им. Е.А. Букетова. Серия: Право. – 2025. – № 30, 3 (119). – С. 59-68.

References:

1. Jensen, S. Human Rights Protection and Torture / S. Jensen, T. Kelly // British Academy Journal of Humanities and Social Sciences. – 2022. – Vol. 10 (S3). – Pp. 5-25.

2. Mickaja, E.V. O novoj redakcii stat'i 146 UK RK i ee sootvetstvii Konvencii protiv pytok / E.V. Mickaja, A.M. Kosmambetova, R.A. Al'shurazova // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2024. – № 2. – S. 45-58.

3. Turlaev, A.V. Human rights to protection from torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment / A.V. Turlaev, N.S. Akhmetova // Vestnik Karagandinskogo universiteta im. E.A. Buketova. Serija: Pravo. – 2025. – № 30, 3 (119). – S. 59-68.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Данияр Жумагатович Муканов – Бас әскери прокурор Аппараты басшысының орынбасары, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Муканов Данияр Жумагатович – заместитель руководителя Аппарата Главного военного прокурора, кандидат юридических наук, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Mukanov Daniyar Zhumagatovich – Deputy Chief of Staff of the Chief Military Prosecutor, Candidate of Law Sciences, e-mail: centr.nii@mail.ru.

Ербол Ағыбайұлы Омаров – Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі Заңнама және құқықтық ақпарат институтының қылмыстық, қылмыстық-процестік қылмыстық-атқару заңнамасы бөлімінің басшысы, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: e.omarovmirza@gmail.com.

Омаров Ербол Агбаевич – руководитель отдела уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: e.omarovmirza@gmail.com.

Omarov Yerbol Agbayevich – Head of the Department of Criminal, Criminal Procedure, and Penal Law at the Institute of Legislation and Legal Information of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associated Professor, e-mail: e.omarovmirza@gmail.com.

Г.Г. Нубаева¹, Ж.А. Құранбек²

¹Академия правоохранных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

²Генеральная прокуратура Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРИ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются теоретико-правовые и практические аспекты двойственной природы функции государственного обвинителя в уголовном процессе с участием присяжных заседателей в Республике Казахстан. Анализируются противоречия между надзорной и обвинительной функциями прокурора в судебной стадии, что приводит к процессуальному дисбалансу и снижает эффективность публичного обвинения. В условиях состязательного судопроизводства с участием присяжных заседателей, смешение ролей государственного обвинителя как стороны обвинения и одновременно гаранта законности, подчеркивают авторы, противоречит принципам справедливого правосудия.

Особое внимание уделяется соотношению норм Уголовно-процессуального кодекса с положениями Конституции Республики Казахстан, в частности со статьями 58 и 83. В статье авторы обосновывают необходимость законодательного разграничения понятий «прокурор» и «государственный обвинитель», предложена новая редакция статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Проведен сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей уголовного преследования, в т.ч. в правовых системах Великобритании, США, Германии, Франции, а также постсоветских государств. Сделан вывод о необходимости институциональной реформы, направленной на обеспечение объективности и равноправия сторон в суде присяжных.

Ключевые слова: государственный обвинитель; прокурор; суд присяжных; уголовное преследование; состязательность сторон; надзорная функция; уголовный процесс; основной закон; уголовно-процессуальное законодательство; процессуальный статус; правовая реформа; международные стандарты правосудия.

Г.Г. Нубаева¹, Ж.А. Құранбек²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы, Астана қ., Қазақстан Республикасы

АЛҚАБИЛЕРДІҢ ҚАТЫСУЫМЕН ҚЫЛМЫСТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУ КЕЗІНДЕ МЕМЛЕКЕТТІК АЙЫПТАУШЫ МӘРТЕБЕСІНДЕГІ ПРОЦЕСТІК ДУАЛИЗМ ЖӘНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ҚАЙШЫЛЫҚТАР: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ЖАҢАНДЫҚ ҮРДІСТЕР

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы алқабилер қатысатын қылмыстық сот ісін жүргізудегі мемлекеттік айыптаушы функциясының екі жақты сипатының теориялық, құқықтық және практикалық аспектілері қарастырылады. Сот сатысындағы прокурордың қадағалау және айыптау функциялары арасындағы қайшылықтар талданады, бұл процестік теңгерімсіздікке әкеледі және мемлекеттік айыптау тиімділігін төмендетеді. Авторлар алқабилердің қатысуымен өтетін бәсекелестік сот ісін жүргізу жағдайында мемлекеттік айыптаушының айыптаушы және сонымен бірге заңдылықтың кепілі ретіндегі рөлдерінің араласуы әділ сот төрелігі қағидаттарына қайшы келетінін атап көрсетеді.

Мақалада Қазақстан Республикасының Конституциясының 58 және 83-баптары мен Қылмыстық-

процестік кодекс нормаларының арақатынасына ерекше назар аударылады. «Прокурор» және «мемлекеттік айыптаушы» ұғымдарын заңнамалық деңгейде нақты ажырату қажеттілігі негізделіп, ҚПК-нің 7-бабына жаңа редакция ұсынылады.

Сонымен қатар, мақалада Ұлыбритания, АҚШ, Германия, Франция және посткеңестік мемлекеттердің құқықтық жүйелеріндегі қылмыстық қудалау үлгілеріне салыстырмалы-құқықтық талдау жасалған. Алқабилер сотында тараптардың объективтілігі мен тең құқықтылығын қамтамасыз етуге бағытталған институционалдық реформаның қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: мемлекеттік айыптаушы; прокурор; алқабилер соты; қылмыстық қудалау; тараптардың жарыспалылығы; қадағалау функциясы; қылмыстық процесс; негізгі заң; қылмыстық-процестік заңнама; процестік мәртебе; құқықтық реформа; әділ сот төрелігінің халықаралық стандарттары.

G.G. Nubaeva¹, Z.A. Kuranbek²

¹*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

²*General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan*

PROCEDURAL DUALISM AND INSTITUTIONAL CONTRADICTIONS IN THE STATUS OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITH JURY PARTICIPATION: THE KAZAKHSTANI EXPERIENCE AND GLOBAL TRENDS

Abstract. This article explores the theoretical, legal, and practical aspects of the dual nature of the public prosecutor's role in criminal proceedings involving jury trials in the Republic of Kazakhstan. The author examines the contradictions between the prosecutorial oversight and accusatory functions during the trial stage, which create procedural imbalances and reduce the effectiveness of public prosecution. It is emphasized that under adversarial proceedings with jury participation, the merging of roles – where the public prosecutor simultaneously acts as a party to the prosecution and as a guarantor of legality – contradicts the principles of fair trial.

Particular attention is given to the correlation between the provisions of the Criminal Procedure Code and the Constitution of the Republic of Kazakhstan, especially Articles 58 and 83. The article substantiates the need for legislative delineation between the concepts of “prosecutor” and “public prosecutor”, and proposes a revised version of Article 7 of the Criminal Procedure Code.

A comparative legal analysis of foreign models of criminal prosecution is conducted, including systems in the United Kingdom, the United States, Germany, France, and several post-Soviet states. The author concludes that institutional reform is necessary to ensure objectivity and equality of arms in jury trials.

Keywords: public prosecutor; prosecutor; jury trial; criminal prosecution; adversarial proceedings; oversight function; criminal procedure; constitution; criminal procedural legislation; procedural status; legal reform; international standards of justice.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_196

Введение. В современных условиях уголовного судопроизводства Республики Казахстан (далее – РК) исследование правового статуса государственного обвинителя приобретает особую значимость в связи с внедрением института присяжных заседателей, который усиливает роль принципа состязательности и демократичности судебного разбирательства.

Согласно уголовно-процессуальным нормам, государственный обвинитель наделен исключительным правом

осуществлять уголовное преследование от имени государства (ст.ст. 58 и 337 Уголовно-процессуального кодекса РК (далее – УПК РК)). При этом статья 4 Конституционного закона РК «О прокуратуре» (далее – КЗ «О прокуратуре») закрепляет обязанность органов прокуратуры защищать права и свободы человека, восстанавливать нарушенные права и обеспечивать соблюдение законности в деятельности государственных органов. В свою очередь, положения Конституции РК (ст.ст. 13 и 83

Конституции РК), возлагают на прокурора обязанность следить за соблюдением конституционных прав и свобод обвиняемого, а также иных участников уголовного процесса¹.

В юридической доктрине Казахстана подчеркивается дуалистический характер функции государственного обвинителя, который проявляется в его двуединой роли, с одной стороны, как субъекта публичного обвинения, с другой – гаранта законности уголовного процесса и прав участников судопроизводства [1, 78 стр.]; [2, 95 стр.].

Справка: «Процессуальный дуализм – это юридический конструкт, означающий совмещение одним участником уголовного процесса двух функционально различающихся полномочий (например, функции обвинения и надзорной функции), реализуемых в рамках одного процессуального статуса»².

Материалы и методы. В настоящем исследовании применяется комплексный научный подход, основанный на анализе действующего законодательства, правоприменительной практики и научно-теоретических источников, касающихся процессуального статуса государственного обвинителя и особенностей участия присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве РК.

Используются аналитический и сравнительно-правовой методы, направленные на выявление правовой природы, противоречий и особенностей реализации функций государственного обвинения в сопоставлении с зарубежным опытом. Анализ международного законодательства, как стран ближнего, так и дальнего зарубежья, позволяет проследить институциональное разграничение функций обвинителя в контексте конституционно-правовых и уголовно-процессуальных норм. В качестве эмпирической базы использованы нормативные правовые акты, судебные

решения, международные документы, научные публикации и официальные доклады. Примененный методологический инструментарий обеспечивает системное осмысление двойственной природы статуса государственного обвинителя и обоснование предложений по его реформированию с целью повышения эффективности и справедливости уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей в РК.

Результаты, обсуждение. В контексте судопроизводства с участием присяжных заседателей, характеризующегося высокой степенью состязательности и демократичности, а также повышенными требованиями к аргументации сторон и соблюдению процессуального баланса, описанная двойственность может вызвать противоречия в реализации прокурорской функции, затрудняя эффективное осуществление уголовного преследования [3].

На практике, особенно ярко, проявляется необходимость постоянного балансирования между активным поддержанием обвинения и обязанностью не допускать нарушения прав подсудимого, что объективно требует от государственного обвинителя выверенной процессуальной позиции и четкого понимания пределов своих полномочий [4, 52 стр.]. При этом уголовно-процессуальный закон определяет государственное обвинение как процессуальную деятельность прокурора в суде первой и апелляционной инстанций, которое выражается в доказывании обвинения, с целью привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего уголовное правонарушение (п. 28 ст. 7 УПК РК). Одновременно в УПК РК закреплено понятие процессуального прокурора – должностного лица, на которое возложен надзор за применением законов по конкретному уголовному делу (п. 35 ст. 7 УПК РК), что предполагает сохранение за прокурором контрольной и правозащитной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 10.10.2025);

Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 10.10.2025);

О прокуратуре: Конституционный закон Республики Казахстан от 5 нояб. 2022 г. № 155-VII ЗПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 12.12.2025).

² Юридическая энциклопедия; под ред. Л. В. Тихомировой и М. Ю. Тихомирова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., Юринформ-центр, 2001. – 1267 с.

функции также на стадии судебного разбирательства.

Кроме того, обеспечение процессуального порядка, соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, согласно статьям 57 и 334 УПК РК, относится к компетенции председательствующего судьи, который руководит ходом судебного заседания, принимает меры к справедливому рассмотрению уголовного дела и обеспечивает надлежащее поведение всех присутствующих в суде. Такое нормативное распределение полномочий формирует коллизионную ситуацию, при которой отдельные элементы надзорной и правозащитной функции прокурора фактически пересекаются с полномочиями председательствующего.

Дублирование функций процессуального контроля и обеспечения законности способно осложнять процессуальное руководство судебным разбирательством, размывать границы ответственности участников и, как следствие, негативно отражаться и на эффективности судебного процесса, и на работе стороны обвинения.

Когда одному органу приходится одновременно и преследовать обвиняемого, и следить за соблюдением процедур, его активность в доказательственном процессе неизбежно снижается. Обвинение становится менее настойчивым в сборе и представлении доказательств, что ослабляет его процессуальные позиции. Такое положение дел приводит к фактическому нарушению принципа состязательности и равных возможностей сторон, о котором говорится в части 1 статьи 23 УПК РК.

Конституция РК и КЗ «О прокуратуре» формулируют предназначение прокурора на концептуальном уровне, закрепляя за ним широкий круг задач, связанных с обеспечением законности, защитой прав и свобод человека и восстановлением нарушенных прав. Эту роль подтверждает и Нормативное постановление Конституционного Суда РК от

29 мая 2024 года № 45-НП (далее – НП КС РК № 45-НП), отмечающее, что прокуратура одновременно защищает конституционные права граждан и представляет интересы государства (п. 3)³.

Иной, более узкий ракурс правового регулирования деятельности прокурора задает уголовно-процессуальный закон. В нем отражается лишь одна, хотя и принципиально важная, сторона прокурорской деятельности, в рамках которой прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. В судебном разбирательстве, особенно с участием присяжных заседателей, именно данная процессуальная модель наиболее наглядно раскрывает роль и предназначение государственного обвинителя, концентрируя внимание на реализации им функции доказывания обвинения в условиях состязательного процесса.

Таким образом, при рассмотрении уголовных дел участие прокурора в судебном процессе в статусе государственного обвинителя объективно предопределяются пределы его процессуального поведения. Осуществляя функцию доказывания обвинения и настаивая на виновности подсудимого, он не может ни фактически, ни процессуально реализовывать иную модель прокурорской деятельности, особенно в части, предполагающую одновременную защиту прав обвиняемого. Совмещение в рамках одного судебного разбирательства активного обвинения и полноценного правозащитного надзора носит внутренне противоречивый характер и в условиях состязательного процесса, особенно в суде с участием присяжных заседателей, представляется невозможным без подмены или размывания процессуальных ролей.

Данное нормативное расхождение создает конкуренцию между надзорной и обвинительной функциями прокуратуры, что может негативно сказаться на защите прав участников уголовного процесса.

Также важно учитывать международные правовые стандарты, закрепленные в статье

³ Об истолковании пункта 6 постановляющей части нормативного постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 года № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан: нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 29 мая 2024 г. № 45-НП [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000045/links> (дата обращения: 10.10.2025).

14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, участником которого является РК, включающие фундаментальные гарантии права на справедливое судебное разбирательство⁴.

В связи с этим, для повышения эффективности уголовного процесса, представляется целесообразным нормативно разграничить функции участников. Необходимо четко разделить функциональные и терминологические различия между «государственным обвинителем» и «прокурором», что позволит избежать смешения надзорных и обвинительных начал в деятельности органов прокуратуры.

Указанный подход находит поддержку и в научных исследованиях, посвященных проблематике участия прокурора в уголовном процессе, отмечающие, что «Государственный обвинитель должен быть ограничен рамками уголовного процесса по конкретному уголовному делу, своей основной процессуальной задачей – представлением допустимых, достоверных и объективных доказательств вины подсудимого» [5]. Также подчеркивается необходимость сосредоточения государственным обвинителем своих усилий преимущественно на реализации функции публичного обвинения в строгом соответствии с принципами состязательности сторон и допустимости доказательств [6, 121 стр.]; [7].

Анализ действующих процессуальных норм показывает наличие в уголовном судопроизводстве, в т.ч. при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей, двух субъектов. Они наделены функциями процессуального арбитража и контроля за соблюдением прав и свобод участников процесса.

Указанные функции возложены и на председательствующего судью, обеспечивающего процессуальный порядок, равенство сторон и законность судебного разбирательства.

Следовательно, в рамках судебного разбирательства наблюдается частичное

дублирование функций процессуального контроля.

Подобное дублирование правозащитных и контрольных начал способно создавать определенные процессуальные затруднения, а в отдельных случаях приводить к возникновению противоречий между позицией председательствующего судьи и деятельностью государственного обвинителя. В результате, снижается степень процессуальной определенности распределения ролей и может негативно отражаться на балансе состязательных начал в уголовном процессе, что особенно чувствительно при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей [4]; [8, 98 стр.].

Таким образом, отказ от надзорной функции государственного обвинителя представляется необходимым шагом к укреплению принципов законности, состязательности и справедливости, а также к приведению уголовного процесса РК в соответствие с международными стандартами правосудия. Так, в ряде правовых систем, преимущественно англосаксонского типа, государственный обвинитель исполняет строго ограниченную функцию – исключительно представление обвинения в суде, без участия в расследовании или осуществлении надзора за законностью досудебного производства.

Одним из наглядных примеров такой модели является Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, где функции уголовного преследования возложены на Коронную прокуратуру (Crown Prosecution Service, CPS). В соответствии с УПК и административными положениями прокуроры CPS не участвуют в расследовании преступлений, которое осуществляется исключительно полицейскими органами. Их компетенция начинается с момента получения материалов расследования и ограничена оценкой обоснованности предъявления обвинения и его последующим судебным представлением [9]. Такая специализация позволяет обеспечить объективность обвинителя, поскольку он не вовлечен в

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010760&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 10.10.2025).

сбор доказательств и не заинтересован в их оправдании любой ценой [10].

Аналогичный подход применяется и в Соединенных Штатах Америки, несмотря на разнообразие моделей в разных штатах, сохраняется общая тенденция институционального отделения функции обвинения от функций предварительного следствия. Процессуальная роль прокурора сводится к выдвижению обвинения и поддержанию его в суде, включая взаимодействие с присяжными заседателями [11]. Данное институциональное разделение обеспечивает более четкое соблюдение принципа состязательности (*adversarial process*) и нейтралитет обвинения [12].

В Федеративной Республике Германия прокуратура обладает правом надзора за предварительным расследованием, в судебной стадии ее роль ограничена функцией обвинения. В судебном процессе прокурор выступает на равных началах с защитой, не обладая полномочиями вмешиваться в процессуальные действия суда и сторон. Более того, в делах с участием присяжных (*Schwurgericht*), которые рассматриваются в составе коллегии профессиональных и непрофессиональных судей, прокурор не может оказывать влияние на оценку доказательств, а его аргументация подлежит проверке исключительно в рамках состязательного механизма [13].

Такой подход продемонстрировал свою эффективность и во Французской Республике, в делах, рассматриваемых с участием присяжных (*cours d'assises*), прокурор выполняет исключительно обвинительную функцию, не вмешиваясь в деятельность судебной коллегии и не осуществляя надзор за действиями защиты. Его выступления ограничены рамками судебного заседания, тем самым позволяя минимизировать риск нарушения прав подсудимого и обеспечивает равенство сторон перед законом⁵.

Прокуратура, несмотря на ее надзорные полномочия на стадии предварительного расследования, в судебном процессе

действует исключительно как сторона обвинения. Она не вправе вмешиваться в оценку доказательств судом и не обладает особыми процессуальными преимуществами перед защитой, гарантируя равенство сторон и соблюдение принципа состязательности. Анализ международных норм демонстрирует наличие эффективных правовых моделей, основанных на институциональном разграничении функций обвинения и надзора [14].

Таким образом, международная практика стран дальнего зарубежья показывает, что в судебной стадии государственный обвинитель, реализуется исключительно функцию публичного обвинения. В суде он выступает как сторона процесса и не осуществляет надзорных либо арбитражных полномочий. В указанных государствах широко применяется судопроизводство с участием присяжных заседателей, придавая особое значение строгому соблюдению принципов состязательности и равенства сторон.

В странах постсоветского правового пространства, также наблюдается характерная двойственность правового статуса государственного обвинителя, аналогичная казахстанской модели. Особое внимание заслуживает анализ опыта Российской Федерации (далее – РФ), где наиболее системно реализуется судопроизводство с участием присяжных заседателей в рамках континентальной правовой традиции.

В соответствии с положениями УПК РФ государственный обвинитель в судебной стадии уголовного судопроизводства, включая разбирательство дел с участием присяжных заседателей, осуществляет две ключевые функции: одна, поддерживающая государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37, ст. 246 УПК РФ), и другая, реализующая прокурорские полномочия, вытекающие из надзорной компетенции за соблюдением требований уголовно-процессуального

⁵ The public prosecutor's office in the French legal system [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dpceonline.it/index.php/dpceonline/article/view/2082> (дата обращения: 06.11.2025).

закона иными участниками процесса, включая органы предварительного расследования⁶.

Российские ученые-юристы отмечают юридические и практические сложности совмещения несовместимых ролей, обвинительной и надзорной, в одном субъекте, особенно проявляющиеся в условиях высокой состязательности процесса с участием присяжных [15]; [7]; [8].

Так, в суде с участием присяжных заседателей прокурор обязан, с одной стороны, аргументированно и активно отстаивать позицию обвинения, формируя у присяжных убеждение в виновности подсудимого, с другой, контролировать соблюдение прав и законных интересов подсудимого, следить за допустимостью доказательств, а при необходимости даже отказываться от обвинения в случае выявления нарушений. Такая правовая коллизия нередко приводит к противоречиям в его поведении, особенно при оценке процессуальных действий следователя, когда прокурор одновременно и проверяет законность полученных доказательств, и использует их для убеждения присяжных в виновности подсудимого. Данная ситуация порождает сомнения в объективности государственного обвинителя и ставит под угрозу принцип равноправия сторон в суде присяжных [15].

Вопросы о необходимости институционального разделения указанных функций активно обсуждаются и в научной среде Республики Беларусь. Предлагается, в частности, ввести нормативный запрет на совмещение прокурором функций обвинения и надзора в рамках уголовного дела на стадии судебного разбирательства, чтобы обеспечить процессуальный баланс и исключить риск доминирования обвинения над защитой [16].

В Республике Узбекистан (далее – РУ), в отличие от ряда других стран СНГ, в уголовном судопроизводстве действует система «народных заседателей», которые участвуют

в осуществлении правосудия в составе суда первой инстанции. Указанная модель является наследием советской судебной системы и получила развитие в действующем УПК РУ. Функции государственного обвинителя остаются неизменными: представляет интересы государства в суде, поддерживает обвинение, а также осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов (статья 143 Конституции РУ и 33, 34, 409 УПК РУ)⁷.

Такая правовая конструкция формирует объективный риск конфликта интересов, во-первых, государственный обвинитель обязан добиваться обвинительного приговора, при этом, одновременно должен реагировать на любые нарушения прав обвиняемого, в т.ч. при необходимости инициировать прекращение уголовного преследования. Эта ситуация особенно чувствительна при участии коллегиальных органов, таких как народные заседатели, которые могут быть подвержены влиянию авторитетного мнения прокурора, олицетворяющего государственную законность [17].

В научной литературе Узбекистана подчеркивается, что объединение в одном лице функций обвинения и контроля за соблюдением закона ставит под сомнение реальную состязательность сторон, где прокурор в таких условиях может занимать позицию, юридически неравную защитнику, особенно с точки зрения народных заседателей, не обладающих профессиональной юридической подготовкой [18].

Кроме того, прокурор в данной модели фактически сохраняет возможность процессуального давления на суд, участвуя в формировании позиции суда при оценке допустимости доказательств или соблюдении процессуальных процедур [18].

Таким образом, правовые системы России, Беларуси и Узбекистана предусматривают сочетание функций обвинения и надзора в

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.10.2025).

⁷ Конституция Республики Узбекистан: от 8 декабря 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30433237 (дата обращения: 08.10.2025);

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 08.10.2025).

деятельности государственного обвинителя, в т.ч. при рассмотрении дел с участием присяжных или народных заседателей. В этих процедурах прокурор одновременно выступает стороной обвинения и одновременно субъектом надзора за соблюдением законности, создавая специфические процессуальные риски. Двойственность функций способна порождать конфликты интересов, снижать объективность обвинителя и ставить под угрозу равноправие сторон в суде.

В научной и доктринальной литературе высказывается позиция о необходимости институционального или нормативного разграничения функций обвинения и надзора для обеспечения состязательности, объективности и прозрачности уголовного судопроизводства.

Данная правовая конструкция порождает объективную угрозу реализации принципов состязательности и равенства сторон, создает предпосылки для процессуального дисбаланса, требуя нормативного реагирования и возможного пересмотра роли прокуратуры в судебной фазе уголовного процесса.

Закключение. Следует отметить, заявленная тематика исследования носила ограниченный характер и рассматривала особенности исключительно в рамках суда с участием присяжных заседателей. Тем не менее, выявленная проблематика отражает общие сложности всего института государственного обвинения, поскольку функция обвинителя в уголовном судопроизводстве обладает сложной, двойственной природой, выражающейся в совмещении обвинительной и надзорной составляющих.

Совмещение функции публичного обвинения с обязанностью по обеспечению законности в процессе фактически ставит прокурора в противоречивое положение, когда он одновременно должен быть активным участником состязательной борьбы и арбитром процессуальной законности. Такая позиция порождает внутренний конфликт интересов, отрицательно влияющий на восприятие роли прокурора и подрывающий доверие к институту государственного

обвинения в целом.

Учитывая вышеизложенное, в условиях правовой системы РК целесообразно рассмотреть возможность реформирования института государственного обвинения в направлении законодательного разграничения функций прокурора на досудебной и судебной стадиях, точно обозначив, что в суде прокурор выступает исключительно как государственный обвинитель без функций надзора.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы.

В частности, предлагается дополнить статью 7 УПК следующим определением:

«Государственный обвинитель – прокурор, выступающий в уголовном процессе в качестве процессуального лица, уполномоченного от имени государства осуществлять уголовное преследование и поддерживать обвинение в суде первой и апелляционной инстанций с целью доказывания вины лица, совершившего уголовное правонарушение».

Указанная редакция позволит устранить функциональную двойственность, разграничив надзорные и обвинительные полномочия прокуратуры, и обеспечит процессуальную определенность роли государственного обвинителя в судебной стадии уголовного процесса.

Разделение функций прокурора и его процессуального статуса, государственного обвинителя, является юридически оправданным и отражает конституционный подход к структуре и полномочиям органов прокуратуры.

Кроме того, предложенные корректировки соответствуют принципам правосудия, указанных в статье 77 Конституции РК.

Законодательное закрепление предложенной редакции будет способствовать приведению уголовно-процессуального законодательства в соответствие с конституционно-правовыми нормами, обеспечит эффективность, прозрачность и справедливость уголовного судопроизводства, в т.ч. с участием присяжных заседателей, а также укрепит доверие общества к институту государственного обвинения.

Список использованной литературы:

1. Кулибаева, Ж.Е. Правовой статус государственного обвинителя в уголовном процессе Республики Казахстан / Ж.Е. Кулибаева // Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 75-82.
2. Сагинтаев, К.Б. Обеспечение прав и свобод участников уголовного процесса прокурором / К.Б. Сагинтаев // Право и государство в Казахстане. – 2015. – № 3. – С. 90-100.
3. Кузнецов, М.И. Суд присяжных и процессуальный баланс: аналитический обзор / М.И. Кузнецов // Вестник юридической науки. – 2017. – № 3. – С. 39-41.
4. Кожамжаров, М.С. Прокурорская функция в судопроизводстве с участием присяжных заседателей / М.С. Кожамжаров // Уголовный процесс и криминология Казахстана. – 2017. – № 1. – С. 48-55.
5. Макишева, Л.А. Роль прокурора в уголовном процессе: казахстанский контекст и зарубежный опыт / Л.А. Макишева, И.В. Осыко // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). Том 3. – Научная статья № 61.
6. Абдуллин, А.Т. Процессуальные полномочия государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан / А.Т. Абдуллин // Юрист. – 2012. – № 5. – С. 118-125.
7. Лебедев, Д.В. Состязательность и допустимость доказательств в уголовном процессе / Д.В. Лебедев. – М.: Норма, 2013. – 156 с.
8. Волков, А.Г. Институциональное разграничение ролей в уголовном процессе с участием присяжных заседателей / А.Г. Волков. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – 156 с.
9. Ashworth, A. The Criminal Process: An Evaluative Study / A. Ashworth. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 468 p.
10. Soubise, L. Professional identity, legitimacy and managerialism at the Crown Prosecution Service / L. Soubise // Legal Studies. – 2023. – № 43 (3). – Pp. 425-442.
11. D.W. Neubauer, H.F. Fradella. America's Courts and the Criminal Justice System [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://epdf.pub/americas-courts-and-the-criminal-justice-system-10th-edition.html> (дата обращения: 03.10.2025).
12. Garg, A. A Dynamic Theory of Prosecutorial Roles in Adversarial Trials / A. Garg // Asian Journal of Law and Society. – 2024. – № 11 (2). – Pp. 152-177.
13. B. Elsner, J. Peters. The Prosecution Service Function within the German Criminal Justice System. In: Coping with Overloaded Criminal Justice Systems. Springer, Berlin, Heidelberg, 2006. – Pp. 207-236.
14. Glaser, S. CJEU: Germany's Public Prosecution Authorities Cannot be Regarded as a "Judicial Authority" with Regard to EAWs – The Truth or a Misconstrual of the Legal Reality? / S. Glaser, S. Hartmann // German Law Journal. – 2022. – № 23 (4). – Pp. 650-660.
15. Горюнов, В.Е. Роль прокурора в судебных стадиях уголовного процесса / В.Е. Горюнов, В.Н. Беленков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 3. – С. 119-124.
16. Е.Е. Полесникова. Перспективы введения института суда присяжных в Республике Беларусь // Молодость. Интеллект. Инициатива: мат-лы XI междунаро. науч.-практ. конф. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2023. – Т. 2. – С. 84-86.
17. Султанов, А.У. Роль государственного обвинителя в обеспечении законности в суде первой инстанции / А.У. Султанов // Юридическая наука и практика Узбекистана. – 2021. – № 2. – С. 58-63.
18. Джурраев, Ш.Ш. О противоречиях в статусе прокурора в судебной стадии уголовного процесса / Ш.Ш. Джурраев // Теория и практика современного права. – 2023. – № 4 (60). – С. 34-39.

References:

1. Kulibaeva, Zh.E. Pravovoj status gosudarstvennogo obvinitelja v ugovnom processe Respubliki Kazahstan / Zh.E. Kulibaeva // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta imeni al'-Farabi. Serija: Pravo. – 2014. – № 2. – S. 75-82.

2. Sagintaev, K.B. Obespechenie prav i svobod uchastnikov ugolovnogo processa prokurorom / K.B. Sagintaev // Pravo i gosudarstvo v Kazahstane. – 2015. – № 3. – S. 90-100.
3. Kuznecov, M.I. Sud prisjazhnyh i processual'nyj balans: analiticheskij obzor / M.I. Kuznecov // Vestnik juridicheskoy nauki. – 2017. – № 3. – S. 39-41.
4. Kozhamzharov, M.S. Prokurorskaja funkcija v sudoproizvodstve s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej / M.S. Kozhamzharov // Ugolovnyj process i kriminologija Kazahstana. – 2017. – № 1. – S. 48-55.
5. Makisheva, L.A. Rol' prokurora v ugolovnom processe: kazahstanskij kontekst i zarubezhnyj opyt / L.A. Makisheva, I.V. Osyko // Vestnik nauki. – 2025. – № 5 (86). Tom 3. – Nauchnaja stat'ja № 61.
6. Abdullin, A.T. Processual'nye polnomochija gosudarstvennogo obvinitelja v ugolovnom sudoproizvodstve Respubliki Kazahstan / A.T. Abdullin // Jurist. – 2012. – № 5. – S. 118-125.
7. Lebedev, D.V. Sostjazatel'nost' i dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom processe / D.V. Lebedev. – M.: Norma, 2013. – 156 s.
8. Volkov, A.G. Institucional'noe razgranichenie rolej v ugolovnom processe s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej / A.G. Volkov. – Ekaterinburg: UrFU, 2016. – 156 s.
9. Ashworth, A. The Criminal Process: An Evaluative Study / A. Ashworth. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 468 p.
10. Soubise, L. Professional identity, legitimacy and managerialism at the Crown Prosecution Service / L. Soubise // Legal Studies. – 2023. – № 43 (3). – Pp. 425-442.
11. D.W. Neubauer, H.F. Fradella. America's Courts and the Criminal Justice System [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://epdf.pub/americas-courts-and-the-criminal-justice-system-10th-edition.html> (data obrashhenija: 03.10.2025).
12. Garg, A. A Dynamic Theory of Prosecutorial Roles in Adversarial Trials / A. Garg // Asian Journal of Law and Society. – 2024. – № 11 (2). – Pp. 152-177.
13. B. Elsner, J. Peters. The Prosecution Service Function within the German Criminal Justice System. In: Coping with Overloaded Criminal Justice Systems. Springer, Berlin, Heidelberg, 2006. – Pp. 207-236.
14. Glaser, S. CJEU: Germany's Public Prosecution Authorities Cannot be Regarded as a "Judicial Authority" with Regard to EAWs – The Truth or a Misconstrual of the Legal Reality? / S. Glaser, S. Hartmann // German Law Journal. – 2022. – № 23 (4). – Pp. 650-660.
15. Gorjunov, V.E. Rol' prokurora v sudebnyh stadijah ugolovnogo processa / V.E. Gorjunov, V.N. Belenkov // Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. – 2021. – № 3. – S. 119-124.
16. E.E. Polesnikova. Perspektivy vvedenija instituta suda prisjazhnyh v Respublike Belarus' // Molodost'. Intellekt. Inicijativa: mat-ly XI mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova, 2023. – T. 2. – S. 84-86.
17. Sultanov, A.U. Rol' gosudarstvennogo obvinitelja v obespechenii zakonnosti v sude pervoj instancii / A.U. Sultanov // Juridicheskaja nauka i praktika Uzbekistana. – 2021. – № 2. – S. 58-63.
18. Dzhuraev, Sh.Sh. O protivorechijah v statuse prokurora v sudebnoj stadii ugolovnogo processa / Sh.Sh. Dzhuraev // Teorija i praktika sovremennogo prava. – 2023. – № 4 (60). – S. 34-39.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гулмира Галымовна Нубаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Нубаева Гулмира Галымовна – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии

правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Nubaeva Gulmira Galymovna – Senior Researcher at the Center for the Study of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Жебеген Абайұлы Құранбек – Қазақстан Республикасы Бас прокурорының аға көмекшісі-Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының өтініштермен жұмыс және іс жүргізу департаментінің мемлекеттік тілді дамыту жөніндегі тобының басшысы, философия докторы (PhD), e-mail: zhebegenphd@mail.ru.

Құранбек Жебеген Абайұлы – старший помощник Генерального Прокурора Республики Казахстан – руководитель группы по развитию государственного языка Департамента по работе с обращениями и делопроизводству Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: zhebegenphd@mail.ru.

Kuranbek Zhebegen Abayuli – Senior Assistant to the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan – Head of the Group for the Development of the State language of the Department for Handling Appeals and Records Management of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: zhebegenphd@mail.ru.

УДК 343.14
МРНТИ 10.79.35

М.Е. Тулеуова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРИМЕНЕНИЕ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ (OSINT) В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация. Эффективность предварительного расследования зависит от качества сбора информации на его первоначальном этапе, особенно при раскрытии преступлений «по горячим следам». В статье анализируются правовые основы использования открытых данных (OSINT) в уголовном процессе Республики Казахстан. Рассматриваются законодательные нормы, регулирующие применение информации из открытых источников в качестве доказательств, а также трактовки понятия «компьютерная информация» в различных нормативных актах и международных соглашениях. Особое внимание уделено внедрению OSINT в деятельность казахстанских правоохранительных органов, его потенциалу и правовым пробелам. Приводится международный опыт США и ЕС, включая анализ цифровых следов, мониторинг соцсетей, отслеживание финансовых транзакций и блокчейн-данных. Автор делает вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и расширения возможностей правоохранительных органов в использовании OSINT.

Ключевые слова: уголовное правонарушение; доказательство; открытый источник данных; OSINT; компьютерная информация; сбор информации; оперативно-розыскная деятельность; цифровой след.

М.Е. Тулеуова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУДІ ДӘЛЕЛДЕУДЕ АШЫҚ ДЕРЕКТЕР КӨЗДЕРІН (OSINT) ҚОЛДАНУ

Аннотация. Алдын ала тергеудің тиімділігі оның бастапқы кезеңінде ақпарат жинау сапасына байланысты, әсіресе қылмыстарды «ізбе із» ашқан кезде. Мақалада Қазақстан Республикасының Қылмыстық процесінде ашық деректерді (OSINT) пайдаланудың құқықтық негіздері талданады. Ашық көздерден алынған ақпаратты дәлел ретінде қолдануды реттейтін заңнамалық нормалар, сондай-ақ әртүрлі нормативтік актілер мен халықаралық келісімдерде «компьютерлік ақпарат» ұғымын түсіндіру қарастырылады. OSINT-ті қазақстандық құқық қорғау органдарының қызметіне енгізуге, оның әлеуеті мен құқықтық олқылықтарына ерекше назар аударылды. Цифрлық іздерді талдау, әлеуметтік медиа мониторингі, қаржылық транзакцияларды қадағалау және блокчейн деректерін қоса алғанда, АҚШ пен ЕО-ның халықаралық тәжірибесі келтірілген. Авторлар OSINT-ті қолдануда құқықтық реттеуді жетілдіру және құқық қорғау органдарының мүмкіндіктерін кеңейту қажеттілігі туралы қорытынды жасайды.

Түйінді сөздер: қылмыстық құқық бұзушылық; дәлелдеме; ашық дерек көздері; OSINT; компьютерлік ақпарат; ақпарат жинау; жедел-ізвестіру қызметі; цифрлық із.

M.Ye. Tuleuova

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

THE USE OF OPEN DATA SOURCES (OSINT) IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE

Abstract. The effectiveness of a preliminary investigation depends on the quality of information collection at its initial stage, especially when solving crimes “in hot pursuit”. The article analyzes the legal basis for the use of

open data (OSINT) in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. The article considers the legislative norms governing the use of information from open sources as evidence, as well as the interpretation of the concept of “computer information” in various regulations and international agreements. Special attention is paid to the implementation of OSINT in the activities of Kazakhstani law enforcement agencies, its potential and legal gaps. The international experience of the USA and the EU is presented, including the analysis of digital footprints, monitoring of social networks, tracking of financial transactions and blockchain data. The author concludes that it is necessary to improve legal regulation and expand the capabilities of law enforcement agencies in using OSINT.

Keywords: criminal offense; evidence; open data source; OSINT; computer information; information collection; operational investigative activities; digital trace.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_207

Введение. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием информационных технологий и расширением их применения в уголовно-процессуальной сфере. В современных условиях возникает необходимость в систематическом подходе к идентификации, сбору, проверке и процессуальному закреплению цифровой информации.

Несмотря на очевидный потенциал OSINT, в национальном уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан до сих пор отсутствуют нормы, четко регламентирующие порядок сбора, фиксации и использования данных из открытых источников. Не урегулирован и вопрос их соотношения с другими видами доказательств. Это создает правовую неопределенность и снижает эффективность применения цифровых технологий в расследовании преступлений.

Международный опыт показывает, что многие страны уже выработали правовые и организационные стандарты, направленные на интеграцию OSINT в уголовный процесс. Этот опыт демонстрирует, что при наличии правового регулирования OSINT может стать эффективным инструментом не только оперативно-розыскной деятельности, но и полноценным элементом процессуального доказывания.

Исследование направлено на выявление проблем и пробелов в действующем законодательстве Республики Казахстан, касающемся использования OSINT, и разработку предложений по его совершенствованию с учетом положительного международного опыта. Практическая значимость работы заключается в том, что

ее результаты могут быть использованы для модернизации правовых механизмов, обеспечивающих эффективность и законность применения открытых источников данных в уголовно-процессуальной деятельности.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. В данной работе использованы труды Д.А. Влезько, Е.Р. Россинской, А.И. Усова, Э.Г. Минькашева, зарубежные публикации – Т.М. Паулсон, рекомендации FATF, сведения Open Data Charter и др. Проведен анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) (ст.ст. 111, 120, 125), Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (ст. 272), законов РК («О доступе к информации», «Об информатизации», «О масс-медиа», «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе»), международных актов (Соглашение СНГ о киберпреступлениях 2018 г., Меморандум об открытом правительстве США 2009 г., Руководство ООН по открытым данным 2013 г.), также отчетов ЕАГ 2023 года о взаимной оценке РК, данные о применении OSINT в США (80% разведданных).

Результаты, обсуждение. В национальном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкая дефиниция понятия «компьютерная информация», что затрудняет ее использование в следственной и судебной практике. Анализ показал, что законодательные подходы Казахстана не учитывают специфику современных цифровых носителей и технологий. Международный опыт (США, ЕС)

демонстрирует широкое применение OSINT, в частности: мониторинг социальных сетей, анализ цифровых следов, отслеживание финансовых транзакций, исследование данных блокчейна. В то же время в РК наблюдается недооценка потенциала OSINT: правоохранительные органы в основном полагаются на внутренние базы данных. При этом использование OSINT имеет ряд преимуществ – доступность, легальность, оперативность, возможность применения без прямого контакта с источниками.

В.Е. Пирогов определяет компьютерную информацию как данные, закодированные или раскодированные, которые хранятся на материальных носителях с возможностью их хранения, обработки, передачи и (или) копирования [1, 537 стр.]. Автор использует фразу «на материальных носителях», не раскрывая их содержание.

По мнению Э.Г. Минькашева, «компьютерная информация – это данные, хранящиеся в памяти или на любом устройстве компьютера. Эти данные представлены в формате, который может быть обработан компьютером или передан по сети» [2, 283 стр.]. Это определение включает в себя все типы носителей информации, обобщенных как «любые».

Согласно Соглашению о сотрудничестве в борьбе с киберпреступлениями в рамках Содружества Независимых Государств (Душанбе, 28 сентября 2018 г.), компьютерная информация определяется как информация, находящаяся в памяти компьютерной системы, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию компьютерной системы, или передающаяся по каналам связи¹. Этот ключевой признак отличает данное определение от теоретических дефиниций, приведенных ранее.

Согласно части 2 статьи 111 УПК РК, открытые данные могут быть использованы в качестве доказательств наряду с другими документами, содержащими сведения,

значимые для объективного рассмотрения уголовного дела. При этом в статье 120 УПК РК указано, что к таким документам могут относиться компьютерная информация, аудио- и видеозаписи, а также данные, полученные в рамках оперативно-розыскной деятельности.

В примечании к статье 272 УК РФ также содержится определение понятия «компьютерная информация» как сведений (сообщений, данных), представленных в виде электрических сигналов, способных храниться, обрабатываться и передаваться с помощью различных устройств². Однако в данном определении не указано, на каких конкретно устройствах может происходить хранение, обработка и передача информации.

Е.Р. Россинская и А.И. Усов предлагают рассматривать компьютерную информацию в контексте уголовно-процессуального доказывания как фактические данные, обработанные компьютером или передаваемые по телекоммуникационным каналам. Эти данные доступны для восприятия человеком и используются для установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовных или гражданских дел [3, 30 стр.]. Авторы отмечают важность соответствия установленного законом порядка при получении такой информации в процессуальных целях.

В отчете и резюме о взаимной оценке РК в рамках второго раунда обзоров ЕАГ, завершенных в 2023 году, отмечается отставание в развитии технологий поиска информации в системе правоохранительных органов страны³. Сотрудники правоохранительных органов обычно полагаются на служебные информационные ресурсы, главным образом на Систему информационного обмена правоохранительных и специальных органов (СИОПСО) для получения необходимых данных.

¹ О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий: закон Республики Казахстан от 9 дек. 2019 г. № 277-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000277#z6> (дата обращения: 04.02.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.03.2025).

³ Mutual evaluation report of the Republic of Kazakhstan. – 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/ME_\(2023\)_1_eng_rev1_1.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/ME_(2023)_1_eng_rev1_1.pdf) (дата обращения: 16.09.2025).

Казахстанские правоохранительные органы недооценивают потенциал OSINT, тогда как в США она широко применялась с 2005 по 2009 гг. С целью централизованного анализа доступной разведывательной информации в публичном доступе был учрежден Центр мониторинга иностранных трансляций (Foreign Broadcast Information Service, FBIS). Согласно данным западных экспертов, около 80% разведывательной информации в настоящее время собирается с помощью OSINT [4]. В условиях трансформации преступности в информационную эпоху использование открытых источников данных становится необходимым элементом расследования, позволяющим выявлять цифровые следы и анализировать поведение субъектов в сети. Как отмечают Т. Рид и М. Хекер, современные конфликты и преступные практики все чаще переносятся в киберпространство, что требует от правоохранительных органов активного применения OSINT-технологий для установления обстоятельств уголовных дел [5].

Важность OSINT в правоохранительной деятельности подчеркивается рекомендациями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) от 2012 года, призывающими использовать информацию из открытых источников для противодействия отмыванию доходов от преступной деятельности⁴.

К примеру, отечественные ученые Б.Д. Еркенов и С.А. Сейлханова в борьбе с отмыванием преступных доходов предлагают использовать инструменты Open Source Intelligence (OSINT), такие как:

- анализ цифровых следов (онлайн-активность);
- сканирование сообщений в мессенджерах;
- отслеживание финансовых транзакций;
- мониторинг даркнета;
- картирование корпоративных сетей;
- выявление финансирования терроризма;
- анализ данных блокчейна [6, 180 стр.].

Концепция открытых данных возникла в

1995 году в американском научном сообществе как часть инициативы по обеспечению открытого обмена данными, касающимися глобальных экологических проблем [7, 185 стр.]. В наши дни концепция открытых данных получила широкое распространение во всех аспектах общественной жизни. Сегодня ученые используют открытые данные как инструмент академического исследования и вовлекают общественность в процесс принятия государственных решений [7, 185 стр.].

Открытые данные предполагают, что определенные массивы данных предоставляются без каких-либо ограничений, что позволяет свободно их использовать, читать машинами и повторно публиковать. Для освобождения данных от авторских прав могут применяться некоммерческие лицензии, например, Creative Commons. Согласно определению, представленному на официальном сайте Международной хартии открытых данных, «открытые данные» – это данные и контент, доступные для свободного использования и обмена без каких-либо ограничений и финансовых обязательств⁵.

С.А. Панюкова определяет открытые данные как массивы данных в цифровом формате, размещенные в Интернете, которые содержат информацию о деятельности органов власти и местного самоуправления, а также как данные, собранные информационно-аналитическими организациями. При этом эти данные доступны для автоматической обработки и повторного использования без предварительного вмешательства человека. Любое лицо может использовать их бесплатно и в законных целях независимо от способа публикации [8, 27 стр.].

Таким образом, открытые данные характеризуются следующими ключевыми признаками: свободный доступ к просмотру и повторному использованию; отсутствие ограничений авторского права, лицензий или патентов; возможность многократного использования в законных целях; охват данных государственных и местных органов, а также организаций, проводящих

⁴ Operational Issues – Financial Investigations Guidance // Paris, FATF/OECD, 2012. – 66 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/Operationalissues-financialinvestigationguidance.html> (дата обращения: 16.09.2025).

⁵ Open data charter [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://opendatacharter.org/> (дата обращения: 16.02.2025).

исследования в различных отраслях; безвозмездное (бесплатное) использование; представление в машиночитаемом формате.

В рамках Меморандума об открытом правительстве, выпущенного в США 20 января 2009 года, были провозглашены три принципа открытости: «прозрачность правительства», «совместная работа правительства» и «сотрудничество правительства»⁶. Меморандум стал основополагающим для Директивы об открытом правительстве (Open Government Directive)⁷.

В 2013 году Организация Объединенных Наций выпустила Руководство по открытым государственным данным для участия граждан. Согласно этому руководству, открытые данные – это информация, которую любой может свободно использовать в любых целях, не сталкиваясь с какими-либо ограничениями⁸.

Согласно содержанию Модельного закона государств-участников СНГ от 18 ноября 2005 года «Об информатизации, информации и защите информации», «информация» – это любые сведения или данные, которые подлежат правовому регулированию вне зависимости от формы их представления, хранения или организации⁹.

В Казахстане такие понятия, как «информация», «данные», «сообщения», «интернет-ресурс», «электронный информационный ресурс», определяются Законами РК «О доступе к информации» от 16 ноября 2015 года, «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года, «О масс-медиа» от 19 июня 2024 года, «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» от 10 июля 2023 года. Кроме того, эти законы устанавливают правовую основу для работы со свободными данными

и получения к ним доступа.

Так, в Законе РК «О доступе к информации» содержатся следующие определения:

- информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях, процессах, зафиксированных в любой форме (п. 1) ст. 1);

- открытые данные – данные, представленные в машиночитаемом виде и предназначенные для дальнейшего использования, повторной публикации в неизменном виде (п. 5) ст. 1)¹⁰.

Закон РК «Об информатизации» дает разъяснение следующих определений:

- интернет-ресурс – информация (в текстовом, графическом, аудиовизуальном или ином виде), размещенная на аппаратно-программном комплексе, имеющем уникальный сетевой адрес и (или) доменное имя и функционирующем в Интернете;

- электронные информационные ресурсы – данные в электронно-цифровой форме, содержащиеся на электронном носителе и в объектах информатизации¹¹.

В Законе РК «О масс-медиа» можно обнаружить определение официального сообщения, под которым предлагается понимать информацию, предоставляемую и (или) распространяемую посредством масс-медиа обладателем информации, установленным в соответствии с Законом РК «О доступе к информации»¹².

В Законе РК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» разъясняется, что под ложной информацией следует понимать информацию, не соответствующую действительности либо содержащую существенные искажения фактов, создающих ложное представление о лицах,

⁶ Transparency and Open Government / Memorandum for the heads of executive departments and agencies, 2009 // The White House [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/transparency-and-open-government> (дата обращения: 15.03.2025).

⁷ Open Government Directive / Memorandum for the heads of executive departments and agencies, 2009 // The White House [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/open/documents/open-government-directive> (дата обращения: 15.03.2025).

⁸ Guidelines on Open Government Data for Citizen Engagement [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/Guidelines%20on%20OGDCE%20May17%202013.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

⁹ Модельный закон «Об информатизации, информации и защите информации»: принят на двадцать шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ постановлением № 26-7 от 18 нояб. 2005 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30161686 (дата обращения: 11.09.2025).

¹⁰ О доступе к информации: закон Республики Казахстан от 16 нояб. 2015 г. № 401-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000401> (дата обращения: 08.03.2025).

¹¹ Об информатизации: закон Республики Казахстан от 24 нояб. 2015 г. № 418-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 08.03.2025).

¹² О масс-медиа: закон Республики Казахстан от 19 июня 2024 г. № 93-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093> (дата обращения: 08.03.2025).

предметах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированная в любой форме¹³.

Как видим из нормативных актов, понятия «информация» и «открытые данные» взаимосвязаны, но различны по объему. «Информация» – более широкое понятие, включающее все данные в любой форме, в то время как «открытые данные» относятся к данным, доступным в машиночитаемом формате. Несмотря на это, Закон РК «О доступе к информации» не определяет иерархические отношения между этими понятиями, что может создавать неясность в их интерпретации.

Мы присоединяемся к мнению Э.Г. Минькашева, полагающего, что информация должна быть определена через термин «данные», соединенный разделительным союзом «или» со словом «сведения» [2, 287 стр.]. Таким образом, информация представляет собой либо данные, либо сведения, а не объединение сведений, сообщений и данных. Такое определение соответствует логике Модельного закона об информатизации, информации и защите информации 2005 года¹⁴.

Поскольку Закон РК «О доступе к информации» является фундаментальным в указанном нормативно-правовом комплексе, необходимо привести определение информации, содержащееся в нем, в соответствие с Модельным законом об информатизации, информации и защите информации от 2005 года. Это позволит обеспечить согласованность в использовании понятия «информация» во всех нормативных актах, связанных с реализацией права граждан на доступ к информации, включая открытые данные. Такое изменение повысит качество применения этих документов.

Открытые данные охватывают множество разнообразных источников, которые можно классифицировать следующим образом:

- поисковые системы, такие как Google и Bing, которые предоставляют доступ к

обширным объемам информации, включая веб-страницы, изображения и видео;

- базы данных, содержащие структурированную информацию по конкретным темам, такую как научные исследования, статистические данные и каталоги;

- электронные новости и новостные агентства, предоставляющие актуальную информацию по различным темам;

- платформы социальных сетей, такие как Facebook и Twitter, которые генерируют большие объемы пользовательского контента, что в свою очередь может быть использовано для анализа общественных настроений и тенденций;

- сайты информационных агентств, публикующих новости, аналитику и информацию на своих веб-сайтах;

- личные сайты, принадлежащие организациям или физическим лицам.

Основные преимущества OSINT:

- информация доступна в режиме близком к реальному времени;

- данные доступны быстро и легко;

- информация получена законно;

- источники информации легко идентифицировать;

- пользователи могут легко получить доступ к данным;

- доступ к информации в основном бесплатный или недорогой.

Таким образом, OSINT выступает не просто как дополнительная возможность, а как неотъемлемая часть предотвращения, раскрытия и расследования преступлений, поскольку открытые источники данных позволяют оперативно получать достоверную информацию при минимальных затратах. Как подчеркивает М. Баззелл, эффективный специалист в сфере OSINT должен обладать собственными инструментами и навыками поиска, что обеспечивает независимость и надежность результатов расследования [9].

Как отмечает М.М. Лоувенталь, современная разведывательная деятельность в зна-

¹³ Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе: закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 г. № 18-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018> (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁴ Модельный закон «Об информатизации, информации и защите информации»: принят на двадцать шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ постановлением № 26-7 от 18 нояб. 2005 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30161686 (дата обращения: 08.02.2025).

чительной степени опирается на открытые данные, что делает их применение в уголовно-процессуальном доказывании объективно востребованным и эффективным [10]. Учитывая, что доказательствами в уголовном деле могут служить материалы, полученные из открытых источников в соответствии с законами об оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности, необходимо рассмотреть вопрос об использовании открытых источников в оперативно-розыскной деятельности.

Помимо использования в расследовании уголовных дел, эти материалы также могут выступать в качестве повода для начала досудебного производства.

Хотя оперативно-розыскная деятельность регулируется отдельным законом, важно отметить, как Закон об оперативно-розыскной деятельности устанавливает порядок использования открытых источников информации.

Основным методом получения информации в оперативно-розыскной деятельности являются негласные методы, но использование открытых данных также может быть эффективным. По мнению А.О. Сукманова, одним из ключевых применений является оперативно-розыскной мониторинг печатных и интернет-источников. Это позволяет правоохранительным органам отслеживать преступную активность и реагировать на нее [11, 18 стр.].

М.М. Сарычев и А.А. Дягилев подчеркивают, что оперативно-розыскной мониторинг в Интернете может выявить сайты преступных группировок и незаконный контент, включая пропаганду экстремизма, терроризма и наркотиков. С помощью компьютерных данных, полученных в результате такого мониторинга, можно укреплять доказательную базу в уголовных процессах [12, 151 стр.].

Закон предусматривает использование технических средств для сбора информации в рамках оперативно-розыскных мероприятий. При этом не должны нарушаться охраняемая законом

тайна частной жизни, неприкосновенность жилища, личной и семейной тайны, а также тайна вкладов, сообщений и переписки. Определение «специальных технических средств» в законе включает устройства, аппаратуру, приспособления и программное обеспечение, предназначенные для получения и документирования информации в ходе оперативно-розыскных мероприятий или негласных следственных действий.

Однако использование таких средств не ограничивается исключительно компьютерной информацией¹⁵.

В Законе отсутствуют конкретные указания о правомерных способах получения информации из открытых источников. В статье 1 Закона определение «перехват информации» охватывает широкий спектр данных, включая сигналы, текст, изображения и звуки, передаваемые по электромагнитным системам. Однако это определение не делает различий между перехватом информации из закрытых и открытых источников¹⁶.

А.Л. Осипенко определяет оперативно-розыскной мониторинг информационного пространства как комплексную систему наблюдения за криминальными процессами в сетевых социальных средах. Эта система основана на применении оперативно-розыскных мер и методов. В частности, оперативно-розыскное наблюдение предполагает сбор, анализ и оценку информации о криминальных явлениях в Интернете. С его помощью можно анализировать оперативную обстановку в сети и прогнозировать ее изменения под влиянием криминогенных факторов [13, 29 стр.].

В отличие от этого, А.О. Сукманов предлагает сосредоточиться на наблюдении за ресурсами сети, поскольку они могут содержать не только непосредственно криминальные данные, но и информацию о любых процессах, которая может иметь криминалистическую ценность [11, 19 стр.].

А.С. Овчинский и К.К. Борзунов выделяют важную характеристику оперативно-розыскного мониторинга: он включает в

¹⁵ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15 сент. 1994 г. № 154-ХІІІ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_ (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶ Там же.

себя непрерывную обработку фоновых информационных потоков о текущих событиях. Это позволяет выявлять признаки криминальной активности и предпосылки совершения преступлений в сети Интернет [14, 182 стр.].

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования применения открытых источников данных в уголовном процессе и оперативно-розыскной деятельности. Представляется целесообразным закрепить в статье 7 УПК РК понятие «компьютерная информация» в следующей редакции: «Компьютерная информация – полученные в соответствии с законодательством сведения о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела, которые хранятся, обрабатываются или передаются электронными устройствами в виде электрических сигналов».

В статью 1 Закона РК «Об оперативно-

розыскной деятельности» предлагается ввести определение понятия «оперативно-розыскной мониторинг открытых источников информации» в следующей редакции: «Оперативно-розыскной мониторинг открытых источников информации – это систематическое наблюдение за информационно-телекоммуникационными сетями и системами для своевременного выявления, сбора и анализа сведений о социально опасных явлениях, а также о факторах, которые их обуславливают, с целью предотвращения или расследования преступлений».

Применение рекомендаций из исследования по совершенствованию уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства поможет эффективно использовать открытые источники данных для доказательства в уголовных делах и позволит повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Список использованной литературы:

1. Пирогов, В.Е. Неправомерный доступ к компьютерной информации: теоретические проблемы толкования понятия компьютерной информации / В.Е. Пирогов // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: сб. науч. ст. 14-й Всерос. науч.-практ. конф. – Курск, 2024. – С. 537-539.
2. Минькашев, Э.Г. Понятие информации и компьютерной информации: правовые аспекты / Э.Г. Минькашев // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 283-287.
3. Россинская, Е.Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е.Р. Россинская, А.И. Усов. – М.: Право и закон, 2001. – 414 с.
4. Paulson, T.M. Intelligence Issues & Developm / T.M. Paulson. – Nova Publishers, 2008. – 177 p.
5. Rid, T. War 2.0: Irregular Warfare in the Information Age / T. Rid, M. Hecker. – Praeger, 2009. – 278 p.
6. Еркенов, Б.Д. Эффективность применения инструментов OSINT при противодействии преступной легализации (отмыванию) / Б.Д. Еркенов, С.А. Сейлханова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 175-183.
7. Дарменова, А.С. Открытые данные: двадцатипятилетняя история развития / А.С. Дарменова, Ж.Д. Мамыкова, К.Н. Андерсен // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 2. – С. 183-197.
8. Панюкова, С.А. Роль открытых данных в развитии журналистики данных/ С.А. Панюкова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – № 1 (15). – С. 25-33.
9. Bazzell, M. Open Source Intelligence Techniques: Resources for Searching and Analyzing Online Information. – 9th ed. / M. Bazzell. – Independently Published, 2021. – 666 p.
10. Lowenthal, M.M. Intelligence: From Secrets to Policy. – 7th ed. / M.M. Lowenthal. – CQ Press, 2017. – 593 p.
11. Сукманов, А.О. Понятие и сущность оперативно-розыскного мониторинга открытых источников информации / А.О. Сукманов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2011. – № 1 (23). – С. 17-19.

12. Сарычев, М.М. Использование открытых источников в раках ОРД / М.М. Сарычев // Научные исследования XXI века. – 2024. – № 2 (28). – С. 151-154.

13. Осипенко, А.Л. Оперативно-розыскной мониторинг информационных ресурсов глобальных компьютерных сетей / А.Л. Осипенко // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 3 (20). – С. 28-32.

14. Овчинский, А.С. Оперативно-розыскная информация в инициативных аналитических исследованиях / А.С. Овчинский, К.К. Борзунов // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 180-183.

References:

1. Pirogov, V.E. Nepravomernyj dostup k komp'yuternoj informacii: teoreticheskie problemy tolkovaniya ponjatija komp'yuternoj informacii / V.E. Pirogov // Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, jeconomicheskie i social'nye aspekty: sb. nauch. st. 14-j Vseros. nauch.-prakt. konf. – Kursk, 2024. – S. 537-539.

2. Min'kashev, Je.G. Ponjatie informacii i komp'yuternoj informacii: pravovye aspekty / Je.G. Min'kashev // Molodoj uchenyj. – 2021. – № 50 (392). – S. 283-287.

3. Rossinskaja, E.R. Sudebnaja komp'yuterno-tehnicheskaja jekspertiza / E.R. Rossinskaja, A.I. Usov. – M.: Pravo i zakon, 2001. – 414 s.

4. Paulson, T.M. Intelligence Issues & Developm / T.M. Paulson. – Nova Publishers, 2008. – 177 p.

5. Rid, T. War 2.0: Irregular Warfare in the Information Age / T. Rid, M. Hecker. – Praeger, 2009. – 278 p.

6. Erkenov, B.D. Jefferektivnost' primenenija instrumentov OSINT pri protivodejstvii prestupnoj legalizacii (otmyvaniju) / B.D. Erkenov, S.A. Sejlhanova // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – S. 175-183.

7. Darmenova, A.S. Otkrytye dannye: dvadcatipjatiletnijaja istorija razvitiya / A.S. Darmenova, Zh.D. Mamykova, K.N. Andersen // Vestnik NGUJeU. – 2020. – № 2. – S. 183-197.

8. Panjukova, S.A. Rol' otkrytyh dannyh v razvitii zhurnalistiki dannyh/ S.A. Panjukova // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. – 2015. – № 1 (15). – S. 25-33.

9. Bazzell, M. Open Source Intelligence Techniques: Resources for Searching and Analyzing Online Information. – 9th ed. / M. Bazzell. – Independently Published, 2021. – 666 p.

10. Lowenthal, M.M. Intelligence: From Secrets to Policy. – 7th ed. / M.M. Lowenthal. – CQ Press, 2017. – 593 p.

11. Sukmanov, A.O. Ponjatie i sushhnost' operativno-rozysknogo monitoringa otkrytyh istochnikov informacii / A.O. Sukmanov // Vestnik Kaliningradskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2011. – № 1 (23). – S. 17-19.

12. Sarychev, M.M. Ispol'zovanie otkrytyh istochnikov v rakah ORD / M.M. Sarychev // Nauchnye issledovaniya XXI veka. – 2024. – № 2 (28). – S. 151-154.

13. Osipenko, A.L. Operativno-rozysknoj monitoring informacionnyh resursov global'nyh komp'yuternyh setej / A.L. Osipenko // Operativnik (syshhik). – 2009. – № 3 (20). – S. 28-32.

14. Ovchinskij, A.S. Operativno-rozysknaja informacija v iniciativnyh analiticheskikh issledovaniyah / A.S. Ovchinskij, K.K. Borzunov // Vestnik jeconomicheskoy bezopasnosti. – 2016. – № 2. – S. 180-183.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мұльдир Ерлановна Тулеуова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, құқықтану магистрі, e-mail: bdykva@mail.ru.

Тулеуова Мұлдир Ерлановна – старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юриспруденции, e-mail: bdykva@mail.ru.

Tuleuova Muldir Yerlanovna – Senior lecturer at the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law Sciences, e-mail: bdykva@mail.ru.

УДК 343.12
МРНТИ 10.79.21

Ш.Ш. Шаяхметов, Е.А. Смаилов

Судебная администрация Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОГО СЫСКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ АДАПТАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются существующие модели правового регулирования частной детективной деятельности (частного сыска) в зарубежных странах – в первую очередь, в Европейском союзе, Соединенных Штатах Америки и странах СНГ. Проведен анализ институциональных и правовых подходов: от строгой государственной регламентации с лицензированием и надзором до децентрализованных и фрагментарных систем. Выявлены основные преимущества и недостатки различных моделей. Особое внимание уделено возможности адаптации зарубежного опыта в Казахстане – предлагаются рекомендации по внедрению лицензирования, созданию надзорного органа, интеграции частных детективов в правовую систему и соблюдению международных стандартов прав человека. Сделан вывод о необходимости сбалансированного подхода, позволяющего легализовать и контролировать частный сыск в Казахстане, избегая чрезмерной зарегулированности и правового вакуума.

Ключевые слова: частная детективная деятельность; частный сыск; лицензирование; правовое регулирование; профессиональный детектив; международный опыт; Казахстан; модель регулирования; частная безопасность.

Ш.Ш. Шаяхметов, Е.А. Смаилов

Қазақстан Республикасының Сот әкімшілігі, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ШЕТЕЛ МЕМЛЕКЕТТЕРІНДЕГІ ЖЕКЕ ДЕТЕКТИВТІК ҚЫЗМЕТІН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ҮЛГІЛЕРІ ЖӘНЕ ОНЫ ҚАЗАҚСТАНДА БЕЙІМДЕУ ПЕРСПЕКТИВАСЫ

Аннотация. Мақалада шетел мемлекеттеріндегі, ең алдымен Еуропалық одақ, Америка Құрама Штаттары және ТМД елдеріндегі жеке детективтік қызметті (жекеше іздестіруді) құқықтық реттеу үлгілері қарастырылады. Мемлекеттік лицензиялау мен бақылауға негізделген қатаң реттеу жүйесінен бастап, фрагменталдық модельдерге дейінгі институционалдық және құқықтық тәсілдер талданған. Әр түрлі модельдердің негізгі артықшылықтары мен кемшіліктері айқындалды. Ерекше назар шетелдік тәжірибені Қазақстан жағдайына бейімдеу мүмкіндігіне аударылған – лицензиялау жүйесін енгізу, бақылау органын құру, жеке детективтерді құқықтық жүйеге кіріктіру және адам құқықтарының халықаралық стандарттарын сақтау жөнінде ұсынымдар берілген. Қорытындысында Қазақстанда жекеше іздестіру қызметін заңдастыру мен бақылауды шамадан тыс реттеу мен құқықтық вакуумның алдын алатын теңгерімді тәсілмен жүзеге асыру қажеттігі атап өтілген.

Түйінді сөздер: жеке детективтік қызмет; жекеше іздестіру; лицензиялау; құқықтық реттеу; кәсіби детектив; халықаралық тәжірибе; Қазақстан; реттеу үлгісі; жеке қауіпсіздік.

Sh.Sh. Shayakhmetov, Y.A. Smailov

Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan

MODELS OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE INVESTIGATION IN FOREIGN COUNTRIES AND PROSPECTS FOR THEIR ADAPTATION IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines existing models of legal regulation of private detective activity (private investigation) in foreign countries – primarily in the European Union, the United States of America, and the CIS states. The study analyzes institutional and legal approaches ranging from strict state regulation with licensing and oversight to decentralized and fragmented systems. The main advantages and disadvantages of different models

are identified. Particular attention is paid to the possibility of adapting foreign experience to Kazakhstan, with recommendations for introducing licensing, establishing a supervisory authority, integrating private detectives into the legal system, and ensuring compliance with international human rights standards. The conclusion emphasizes the need for a balanced approach that would legalize and control private investigations in Kazakhstan while avoiding both excessive regulation and legal vacuum.

Keywords: private detective activity; private investigation; licensing; legal regulation; professional detective; international experience; Kazakhstan; regulatory model; private security.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_217

Введение. Частная детективная деятельность (далее – ЧДД) сегодня рассматривается как важный элемент системы обеспечения безопасности и защиты прав граждан, однако в Республике Казахстан (далее – РК) специальный закон, регулирующий частный сыск, до сих пор не принят. Отсутствие четкого правового статуса для частных детективов порождает множество дискуссий относительно роли и границ их деятельности. С одной стороны, общественная потребность в услугах частных сыщиков очевидна – они заполняют те ниши, где у государственных органов не хватает ресурсов или гибкости. Как отмечают исследователи, при отсутствии национального закона частные детективы могут выполнять важную функцию по защите прав личности, но без законодательного оформления их работа неизбежно приобретает маргинальный характер [1]. С другой стороны, неурегулированность порождает риски злоупотреблений, нарушения прав граждан (например, на неприкосновенность частной жизни) и недоверие к профессии.

В таких условиях обращение к зарубежному опыту представляется необходимым шагом для обоснования оптимальной модели регулирования ЧДД в Казахстане. В странах, где институт частного сыска имеет более давнюю историю развития, накоплены различные правовые подходы, от либерального до крайне регламентированного. Изучение этих моделей позволяет выявить положительные стороны (которые можно заимствовать) и риски, которых следует избегать, адаптируя иностранный опыт к казахстанским реалиям. Подобный сравнительно-правовой подход

поддерживается многими учеными: они подчеркивают, что в условиях правового вакуума частные детективы способны играть заметную роль в защите прав и интересов граждан, однако для обеспечения легитимности и эффективности их деятельности требуется законодательная база [2].

Следует отметить, что исторически отношение к частному сыску неоднозначно. В некоторых странах частные детективы появились еще в XIX веке как «необходимый, но опасный класс». Например, во Франции с фигуры Эжена Видока, в США – с детективным агентством Аллана Пинкертона, и т.д. [3]. Без государственного контроля частные сыщики прошлых эпох зачастую прибегали к сомнительным методам, что вызывало требования ограничить их деятельность законодательными мерами [3]. Постепенно сформировалось понимание, что правовое регулирование необходимо для придания профессии легитимности, защиты прав граждан от произвола и установления профессиональных стандартов. Тем не менее, подходы к регулированию значительно разнятся: где-то ставка сделана на жесткий государственный надзор (как во Франции), где-то – на саморегулирование рынка (как исторически в Великобритании), а где-то наблюдается компромиссный вариант, сочетающий элементы государственного контроля и свободы деятельности (как, например, во многих штатах США).

Материалы и методы. Исследование основано на сравнительно-правовом анализе нормативных моделей ЧДД в зарубежных странах и странах СНГ. Использовались нормативные акты, регулирующие ЧДД в Германии, Франции, Австралии, США,

России, Украине и Кыргызстане, а также доктринальные источники казахстанских и зарубежных ученых. Применялись методы контент-анализа, индукции и дедукции, а также сравнительно-исторический подход для выявления эволюции регулирования профессии. Анализ опирался на труды, раскрывающие институциональные и правовые механизмы (лицензирование, надзор, саморегулирование, этические стандарты). Цель метода – выявить закономерности и сильные стороны зарубежных систем для адаптации в казахстанской правовой среде, с учетом принципов правового государства и защиты прав личности.

Результаты, обсуждение.

Европейский союз: институционализация и государственный контроль

Европейские страны представляют широкий спектр моделей регулирования ЧДД, но их объединяет стремление к институционализации профессии и защите прав человека. В большинстве государств ЕС частный сыск легализован и регулируется специальными нормами, хотя единых наднациональных правил нет, каждая страна вырабатывает собственную систему. В этом контексте показательно, что Резолюция Европейского парламента формулирует общепринятую декларацию принципов регулирования частной безопасности, определяя рамочные ориентиры, в пределах которых государства ЕС формируют национальные стандарты для частных охранных и детективных услуг¹. Можно выделить несколько типичных подходов на примере разных стран ЕС.

Франция – один из наиболее показательных примеров строгого государственного контроля в сфере ЧДД. Еще с XIX века во французской правовой культуре утвердилось представление, что частные сыщики должны действовать под надзором государства во избежание злоупотреблений. Первоначально профессия регулировалась Законом № 83-629 от 12 июля 1983 года, который заложил основы контроля за частными

охранными и детективными службами, установил требования к добропорядочности, регистрации и сертификации специалистов. В 2012 году данные нормы были систематизированы и инкорпорированы в Кодекс внутренней безопасности (Code de la sécurité intérieure), в котором детективы получили статус *agents de recherches privées*. Примечательно, что если закон 1983 года делал акцент преимущественно на деятельности и запретах, то Кодекс 2012 года выстроил полноценный институт надзора через CNAPS, определил стандарты подготовки, механизмы дисциплинарной ответственности и единый порядок лицензирования² [5]. Таким образом, французская модель характеризуется централизацией: все ключевые решения (выдача лицензий, стандарты обучения, контроль) сосредоточены в одном государственном органе. Для получения лицензии кандидат во Франции обязан пройти проверку благонадежности (отсутствие судимостей, достойная репутация), подтвердить наличие профессиональной подготовки (специальные курсы в аккредитованных учреждениях) и соответствовать требованиям по этике поведения. Нарушение этих требований влечет строгие дисциплинарные меры вплоть до отзыва лицензии. Важно, что французские детективы не наделены полицейскими полномочиями, им запрещены оперативно-розыскные действия, вторжение в частную жизнь, прослушивание без санкции и т.п. Однако их деятельность официально признана частью системы обеспечения безопасности, а государство поддерживает взаимодействие частных сыщиков с правоохранительными органами в пределах закона. Французская модель в целом демонстрирует, как жесткий надзор (лицензирование + постоянный контроль) сочетается с соблюдением европейских стандартов в сфере защиты данных и приватности, CNAPS следит, чтобы детективы уважали нормы GDPR и иных актов о персональных данных [4]. Данный опыт интересен тем, что обеспечивает

¹ European Parliament. Private Security Companies: Resolution P8_TA(2017)0289 of 5 July 2017. – Strasbourg, 2017. – 12 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017IP0289> (дата обращения: 10.12.2025).

² France. Code de la sécurité intérieure. Livre VI «Activités privées de sécurité». – Paris: Ministère de l'Intérieur, 2012. – 512 p.

высокое доверие общества к частным детективам: наличие единого регулятора и четких правил повышает легитимность профессии. Для Казахстана французский подход может служить ориентиром в части создания специализированного госоргана, отвечающего за эту сферу, а также внедрения обязательного профессионального обучения и этических стандартов [5].

Германия представляет иной европейский путь – децентрализованное регулирование при участии полиции и суда. В ФРГ нет единого федерального закона о частных детективах, однако в каждой федеральной земле действуют свои правила лицензирования и контроля. Лицензии выдаются уполномоченными органами земель (чаще всего подразделениями полиции или административными органами), проверяющими благонадежность и квалификацию заявителя [6]. Такой федеративный подход позволяет учитывать региональные особенности, но базовые требования схожи: отсутствие судимости, наличие определенного образования или опыта, соблюдение установленных методов работы. Полиция играет ключевую надзорную роль: хотя частные детективы в Германии – субъекты частного права, их деятельность постоянно мониторится правоохранительными органами. Например, детектив обязан по требованию предоставлять полиции информацию о своих расследованиях, а при выявлении нарушений лицензия может быть отозвана. Судебная практика в Германии сформировала строгий подход к допустимости доказательств, собранных детективами: любые сведения, полученные с нарушением конституционных прав (тайны частной жизни, неприкосновенности жилища и т.д.), суды признают недопустимыми [7]. Тем самым верховенство права ставится выше интересов частного расследования – лицензия не дает индульгенции на нарушения прав граждан. Кроме того, в Германии активно действуют профессиональные объединения детективов, разрабатывающие кодексы этики и способствующие обмену лучшими практиками [6]. В целом немецкая модель

показывает строгий, но сбалансированный подход: децентрализация (региональное регулирование) сочетается с едиными принципами (полиция и суд контролируют соблюдение закона). Для Казахстана этот опыт ценен идеей полицейского надзора за частными сыщиками, а также необходимостью заранее предусмотреть процессуальные правила для работы детективов (например, критерии допустимости собранных доказательств по аналогии с германской судебной практикой) [8].

Великобритания заслуживает отдельного упоминания. Британский подход долгое время был ультралиберальным: до недавнего времени в Соединенном Королевстве отсутствовала система лицензирования частных детективов, и практически любой желающий мог оказывать такие услуги без специального разрешения [6]. Только в 2001 году был принят закон о частной охранной деятельности (PSIA 2001), предусмотревший введение лицензий для частных сыщиков, однако реальное лицензирование затянулось на годы. На практике вплоть до 2010-х гг. рынок детективных услуг в Британии был непрозрачным, имелись случаи продажи персональных данных, незаконного сбора сведений и т.д. Скандалы (например, связанные с частными расследованиями журналистов) подтолкнули власти к ужесточению контроля. Отсутствие надзора подрывало легитимность профессии: как отмечал один британский исследователь, детектив в Британии – обычное явление, как личный врач или адвокат, но без лицензирования сфера уязвима для злоупотреблений [4]. Британский пример служит предупреждением: чрезмерная свобода без регуляции приводит к снижению доверия общества и необходимости позднее вводить экстренные меры. Казахстану важно избежать подобного сценария – как чрезмерной зарегулированности, так и полного отсутствия контроля [2].

Правовое регулирование частных детективов в *США* существенно отличается от европейского. Главная особенность – отсутствие федерального закона о ЧДД [8]. Каждый из 50 штатов и столичный округ

имеют собственные законы и правила, регулирующие лицензирование и работу частных сыщиков, либо не имеют таковых вообще. Таким образом, американская модель – это децентрализованная система, фактически 50 разных систем в одной стране. Это создает фрагментарность: требования к лицензии, квалификации, разрешенные методы и даже терминология могут значительно различаться от штата к штату.

Большинство крупных штатов США все же установили обязательное лицензирование частных детективов, понимая важность проверки их благонадежности. Например, Калифорния предъявляет очень высокие требования: лицензии выдает Бюро охранных и следственных служб (BSIS) при департаменте по делам потребителей, причем кандидат должен иметь не менее трех лет опыта работы в сфере расследований или правоохранительных органов, пройти проверку биографии (background check на наличие судимостей и пр.) и сдать экзамен по профессии (Lonardo et al., 2012). Кроме того, в Калифорнии детектив обязан иметь зарегистрированный офис и соблюдать строгие правила хранения документальных материалов. Все это направлено на повышение прозрачности деятельности³.

В штате Нью-Йорк аналогично требуется как минимум 3 года стажа следственной работы (или эквивалент в полиции), предоставление рекомендаций, уплата значительной госпошлины; особое внимание уделяется репутации и благонадежности – проверяется отсутствие связей с криминалом, коррупцией и т.п. [8]. Таким образом, крупные штаты внедрили фильтры, не пуская в профессию случайных людей.

В то же время некоторые штаты исторически были более либеральны. Например, до 2015 года штат Колорадо вообще не требовал лицензии частного детектива, что позволяло деятельности вестись свободно (до введения в последующем некоторого регулирования).

Характерная черта США – высокая роль рыночного саморегулирования и страховых

механизмов. Наряду с государственными требованиями, существует множество профессиональных ассоциаций частных детективов (национальных и штатовских), которые разрабатывают кодексы этики, обучающие программы, могут отстранять недобросовестных членов. Например, существуют Ассоциация лицензированных детективов, Международная ассоциация расследований и др. Их влияние не законодательное, но они поддерживают имидж профессии и задают стандарты поведения [8]. Другой инструмент – страхование ответственности. В ряде штатов (например, в Техасе) закон требует, чтобы детективное агентство оформило страховку профессиональной ответственности, прежде чем получить лицензию⁴. Это уникальный для США подход: считается, что страховой полис защищает клиентов от возможных ошибок детектива, гарантируя компенсацию ущерба, а также дисциплинирует сыщиков, ведь страховые компании не станут работать с теми, кто часто нарушает правила [9]. В Европе обязательное страхование детективов встречается редко, поэтому это можно считать особенностью американской модели управления рисками.

Важным элементом американского опыта является участие частных детективов в уголовном судопроизводстве. Поскольку в США действует состязательная система правосудия, частные сыщики часто нанимаются адвокатами для сбора доказательств в защиту обвиняемых лиц. Когда государственные органы неэффективны или перегружены, именно частные детективы могут выявить новые факты, найти свидетелей, собрать альтернативные версии событий [8]. Суды США, как правило, принимают материалы, собранные частными детективами, при условии, что эти материалы добыты законным путем и не нарушают конституционные права [8].

Страны СНГ: постсоветские подходы и их проблемы. В странах постсоветского пространства правовое регулирование частного сыска формировалось в особых

³ California. Business and Professions Code. Chapter 11.3 – Private Investigator Act. – Sacramento: State of California, 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://leginfo.ca.gov> (дата обращения: 10.12.2025).

⁴ Там же.

условиях переходного периода и до сих пор отличается неоднородностью и противоречивостью. Казахстан на данный момент не имеет собственного закона о ЧДД, поэтому особенно важен анализ опыта ближайших соседей – России, Украины, Кыргызстана, а также ситуации в Беларуси, где закон отсутствует, как и в Казахстане. Эти примеры показывают, какие модели предлагались в схожей правовой культуре и к каким результатам они привели.

Россия стала одной из первых стран СНГ, узаконивших ЧДД: еще в 1992 году был принят Закон «О частной детективной и охранной деятельности». Российская модель правового регулирования частной детективной и охранной деятельности построена на разрешительном принципе, когда частные субъекты действуют в строго установленных законом пределах. Любое отступление от этих пределов, выход за рамки предоставленных полномочий влечет уголовную ответственность по статье 203 Уголовного кодекса Российской Федерации, что отражает государственный приоритет контроля над данной сферой [9]. Также в законе 1992 года не был определен процессуальный статус детектива: в уголовном судопроизводстве собранные им материалы рассматриваются просто как «иная информация», зачастую суды отказывались признавать их доказательствами [10].

Проблемой российской модели стало отсутствие развития и обновления законодательства. Закон 1992 года мало изменялся, хотя ситуация в стране и технология расследований существенно продвинулись. В результате конкурентная среда в сфере детективных услуг осталась слаборазвитой – лицензии есть, но спрос на официальных детективов невелик, многие клиенты предпочитают либо силовые структуры, либо полулегальных «решал» [11]. Исследователи отмечают, что российское регулирование фактически сохраняет монополию государства на все силовые и следственные функции: частный сыск разрешен чисто номинально и полностью зависит от МВД, а механизмы саморегулирования в профессии не развиты

[6].

Украина долгое время оставалась в правовом вакууме относительно ЧДД, несмотря на растущий рынок сыскных услуг в 1990-2000 гг., отдельного закона не было. Лишь в 2017 году был принят Закон «О частной детективной (розыскной) деятельности», легализовавший эту сферу. Украинский закон во многом опирается на зарубежный опыт и стал предметом изучения среди специалистов СНГ. В нем предусмотрено лицензирование через Министерство внутренних дел, установлены квалификационные требования и перечислены допустимые методы работы [12]. Одновременно закон прямо запретил детективам применять методы, связанные с вмешательством в частную жизнь, оперативно-розыскные действия, а также участвовать в следственных действиях наравне со следователем. Таким образом, украинская модель попыталась найти баланс: узаконить профессию и установить для нее четкие рамки. Принятие закона стало результатом длительного общественного и научного обсуждения и было призвано легализовать практику, которая де-факто уже существовала в тени [12]. К сильным сторонам украинского подхода относят то, что частные детективы получили официальный статус, могут открыто рекламировать услуги, заключать договоры с клиентами, их доказательства иногда приобщаются к делам. Кроме того, в законе прописано взаимодействие детективов с правоохранительными органами. Например, они обязаны сообщать в полицию о выявленных тяжких преступлениях. Украинские авторы подчеркивают, что институт частного детектива рассматривается как необходимый элемент демократического государства, позволяющий гражданам самостоятельно защищать свои права [12].

Однако украинская модель сталкивается и с трудностями. Примером могут служить пробелы в процессуальном статусе: закон о ЧДД существует, но Уголовно-процессуальный кодекс Украины прямо не определяет, как использовать материалы, собранные детективом. Практика показывает, что многое зависит от суда и конкретного

дела, нет однозначных гарантий принятия таких доказательств [10].

Кыргызстан – одна из немногих стран Центральной Азии, где существует закон о частных детективах. Еще в 1996 году был принят Закон Кыргызской Республики «О частной детективной деятельности», который стал вторым подобным актом на постсоветском пространстве после России. Детективы обязаны получать лицензию в МВД, должны соответствовать требованиям по образованию и опыту, проверяться на благонадежность [2]. Перечень полномочий детективов по этому закону также ограничен консультативными и информационными услугами – никаких силовых или процессуальных функций. Фактически кыргызский закон ранней институционализации закрепил символическое признание профессии, но не сделал ее влиятельным институтом. Судебная практика почти не упоминает детективов, их роль в раскрытии преступлений минимальна [13]. Тем не менее, сам факт наличия закона в 90-е годы был важен. Кыргызстан одним из первых открыто признал необходимость института ЧДД, что могло бы дать старт его развитию [2].

Заключение. Сравнительный анализ зарубежных моделей регулирования ЧДД показывает, что универсальной идеальной модели не существует, каждая страна выработала свой подход, отражающий исторические, правовые и социальные особенности. Тем не менее, можно выделить общие черты успешных систем: это институционализация и профессионализация частного сыска посредством лицензирования, контроля и стандартов, а также обеспечение легитимности и доверия через защиту прав граждан и интеграцию детективов в правовое поле.

Положительные аспекты зарубежного опыта включают: обязательное лицензирование (практически во всех развитых юрисдикциях детективы подлежат лицензированию, что служит фильтром для случайных и неблагонадежных лиц и повышает доверие клиентов) [6]; установление квалификационных требований

– эти меры подняли качество услуг и престиж профессии [6]; [8]; наличие государственного надзора или саморегулируемых органов (централизованный регулятор типа CNAPS во Франции, активная роль полиции в Германии либо профессиональные ассоциации в США – во всех случаях контроль защищает интересы клиентов и предотвращает злоупотребления); уважение прав человека (например, суды в Европе и США не примут доказательства, собранные с нарушением конституционных прав, даже если детектив имел лицензию) [7]. Кроме того, многие страны добились конструктивного взаимодействия частных детективов с официальными структурами: в Германии суды сформировали предсказуемые критерии допустимости детективных доказательств; в США детективы активно помогают адвокатам в судах; во Франции и Италии детективы допущены до ряда неуголовных расследований, что расширяет возможности граждан. Все это формирует устойчивый институт частного сыска, который выполняет полезные функции в обществе, оставаясь при этом подконтрольным закону [2].

Отрицательные аспекты и риски, выявленные в зарубежной практике, представляют особую значимость для учета при формировании национального законодательства. К их числу относятся: фрагментарность и отсутствие унификации в крупных правовых образованиях (отсутствие единой политики на уровне ЕС, разрозненное регулирование на уровне штатов США, что мешает трансграничной деятельности детективов и создает неравномерность правовых требований); сохранение чрезмерно узких рамок, обусловленных монополией государства (во многих странах СНГ детективам по сути запрещено все, кроме сбора открытой информации, что делает их малополезными) [1]; крайние проявления либерального подхода, выражающиеся в отсутствии должного контроля, что в итоге ведет к дискредитации профессии.

Для Казахстана, стоящего на пороге разработки собственного закона о частном сыске, ключевой рекомендацией является формирование сбалансированного подхода,

основанного на заимствовании лучших зарубежных практик с одновременным учетом национальных реалий. Конкретные шаги, вытекающие из анализа зарубежного опыта, могут быть следующими:

1. Введение лицензирования и государственного (или смешанного) надзора. Необходимо принять закон, устанавливающий обязательное получение лицензии для частных детективов. Для выдачи лицензий и контроля за деятельностью можно создать уполномоченный орган – например, совет или департамент при МВД, аналогичный французскому CNAPS [5]. Этот орган должен не только регистрировать детективов, но и осуществлять дисциплинарный надзор, рассматривать жалобы граждан, при необходимости лишать лицензий. Наличие такого регулятора повысит легитимность профессии в глазах общества и государства.

2. Строгие критерии допуска в профессию. Законодательству Казахстана следует перенять требование о минимальном образовании и/или опыте для детектива. Эти меры отсеют случайных людей и повысят профессиональный уровень частных сыщиков.

3. Интеграция в систему правосудия. Закон должен четко прописать процессуальный статус частного детектива. Необходимо разрешить использовать в судах доказательства, собранные лицензированным детективом, при условии законности методов.

4. Этические нормы и саморегулирование. Помимо закона, необходимо внедрение профессионального кодекса частного детектива на уровне подзаконного акта или через создание ассоциации детективов. Также целесообразно ввести обязательное страхование ответственности детективов [6]. Страховой полис будет гарантом возмещения ущерба клиентам в случае грубых ошибок или правонарушений со стороны сыщика, что повысит доверие к услугам.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что зарубежные модели дают Казахстану ценный материал для формирования собственной системы частного сыска. Необходимо сочетать жесткий контроль и прозрачные правила, с одной стороны, и стимулы для развития профессии, - с другой.

Список использованной литературы:

1. Mukhamadieva, G.N. Private Detective Work as a Guarantee of the Realization of Individual Rights and Freedoms in Criminal Proceedings / G.N. Mukhamadieva, Y.T. Alimkulov, A.A. Aryn // *Bulletin of Law (Al-Farabi Kazakh National University)*. – 2021. – № 98 (2). – С. 84-92.
2. Sharipova, A. Legal Characteristics of Private Detective Activity in the Republic of Kazakhstan / A. Sharipova, et al. // *Eurasian Journal of Law and Security*. – 2024. – Vol. 3. No. 2. – Pp. 67-78.
3. Whitford, T. “A Necessary but Dangerous Class”: Early Private Investigators in Australia / T. Whitford // *Salus Journal*. – 2015. – Vol. 3. No. 3. – Pp. 28-39.
4. P. De Hert, S. Gutwirth. Privacy, data protection and law enforcement. Opacity of the individual and transparency of power. In: Claes E., Duff A., Gutwirth S. (eds) *Privacy and the criminal law*. Antwerp-Oxford: Intersentia, 2006. – Pp. 61-104.
5. Frantsuz, A. Organisational and Legal Basis of Private Detectives in Poland and Ukraine / A. Frantsuz, Y. Tupichenko // *Journal of Law and Administration*. – 2022. – Vol. 18. No. 3. – Pp. 117-128.
6. Nassyrov, G. Public Interest in the Private Detective / G. Nassyrov. – Almaty: Institute of Law, 2011. – 145 p.
7. Heinze, A. Evidence Illegally Obtained by Private Investigators and Its Use Before International Criminal Tribunals / A. Heinze // *New Criminal Law Review*. – 2021. – Vol. 24. № 2. – Pp. 212-253.
8. Przybyłowicz, P. The Role of the Private Investigator in Criminal Proceedings / P. Przybyłowicz // *Polish Yearbook of Criminology and Criminal Law*. – 2024. – Vol. 9. – Pp. 25-39.
9. Geddes, R. The Private Investigator and the Right to Privacy / R. Geddes // *Alberta Law Review*. – 1989. – Vol. 27. – Pp. 256.
10. Zaleckis, K. Unused Possibilities of Detective Activities: comparative analysis / K. Zaleckis. –

Vilnius: Lithuanian Law University Press, 2017. – 126 p.

11. Дудкин, Д.А. Проблемы гражданско-правовых отношений между детективами и правоохранительными органами / Д.А. Дудкин // Право и экономика. – 2023. – № 1 (419). – С. 48-53.

12. Frantsuz, A.J. Technical Support of Private Detective Activity in Ukraine / A.J. Frantsuz, I.S. Yelisieiev // Legal Bulletin. – 2022. – № 5 (94). – Pp. 74-80.

13. Zhursimbayev, S.K. About the importance of the adoption of the law in relation to private detectives / S.K. Zhursimbayev, E.S. Kemali // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2024. – № 1 (6). – Pp. 36-43.

References:

1. Mukhamadieva, G.N. Private Detective Work as a Guarantee of the Realization of Individual Rights and Freedoms in Criminal Proceedings / G.N. Mukhamadieva, Y.T. Alimkulov, A.A. Aryn // Bulletin of Law (Al-Farabi Kazakh National University). – 2021. – № 98 (2). – S. 84-92.

2. Sharipova, A. Legal Characteristics of Private Detective Activity in the Republic of Kazakhstan / A. Sharipova, et al. // Eurasian Journal of Law and Security. – 2024. – Vol. 3. No. 2. – Pp. 67-78.

3. Whitford, T. “A Necessary but Dangerous Class”: Early Private Investigators in Australia / T. Whitford // Salus Journal. – 2015. – Vol. 3. No. 3. – Pp. 28-39.

4. P. De Hert, S. Gutwirth. Privacy, data protection and law enforcement. Opacity of the individual and transparency of power. In: Claes E., Duff A., Gutwirth S. (eds) Privacy and the criminal law. Antwerp-Oxford: Intersentia, 2006. – Pp. 61-104.

5. Frantsuz, A. Organisational and Legal Basis of Private Detectives in Poland and Ukraine / A. Frantsuz, Y. Tupichenko // Journal of Law and Administration. – 2022. – Vol. 18. No. 3. – Pp. 117-128.

6. Nassyrov, G. Public Interest in the Private Detective / G. Nassyrov. – Almaty: Institute of Law, 2011. – 145 p.

7. Heinze, A. Evidence Illegally Obtained by Private Investigators and Its Use Before International Criminal Tribunals / A. Heinze // New Criminal Law Review. – 2021. – Vol. 24. № 2. – Pp. 212-253.

8. Przybyłowicz, P. The Role of the Private Investigator in Criminal Proceedings / P. Przybyłowicz // Polish Yearbook of Criminology and Criminal Law. – 2024. – Vol. 9. – Pp. 25-39.

9. Geddes, R. The Private Investigator and the Right to Privacy / R. Geddes // Alberta Law Review. – 1989. – Vol. 27. – Pp. 256.

10. Zaleckis, K. Unused Possibilities of Detective Activities: comparative analysis / K. Zaleckis. – Vilnius: Lithuanian Law University Press, 2017. – 126 p.

11. Dudkin, D.A. Problemy grazhdansko-pravovyh otnoshenij mezhdru detektivami i pravoohranitel'nymi organami / D.A. Dudkin // Pravo i jekonomika. – 2023. – № 1 (419). – S. 48-53.

12. Frantsuz, A.J. Technical Support of Private Detective Activity in Ukraine / A.J. Frantsuz, I.S. Yelisieiev // Legal Bulletin. – 2022. – № 5 (94). – Pp. 74-80.

13. Zhursimbayev, S.K. About the importance of the adoption of the law in relation to private detectives / S.K. Zhursimbayev, E.S. Kemali // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2024. – № 1 (6). – Pp. 36-43.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Шәкір Шамильевич Шаяхметов – Қазақстан Республикасы Сот әкімшілігі Басшысының бірінші орынбасары, заң ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: shayhmet@mail.ru.

Шаяхметов Шакир Шамильевич – Первый заместитель руководителя Судебной администрации Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: shayhmet@mail.ru.

Shayakhmetov Shakir Shamilevich – First Deputy Head of the Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, e-mail: shayhmet@mail.ru.

Ердаулет Аскарович Смаилов – Қазақстан Республикасы Сот әкімшілігінің Жергілікті соттардың жұмысын үйлестіру бөлімінің бас консультанты, e-mail: yerdauelts@gmail.com.

Смаилов Ердаулет Аскарович – главный консультант Отдела координации работы местных судов Судебной администрации Республики Казахстан, e-mail: yerdauelts@gmail.com.

Smailov Yerdaulet Askarovich – Chief Consultant Department for Coordination of Local Courts Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan, e-mail: yerdauelts@gmail.com.

ӨОЖ 349.6:502.14
ХҒТАР 10.53.30

Г.Б. Телеуев¹, А.С. Молдағалиева²

¹І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған қ., Қазақстан Республикасы

²Қонаев Университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫҢ ҚАУІПСІЗДІГІН ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі адам мен қоршаған ортаның қауіпсіздігін қамтамасыз етуді, гидротораптардағы апаттық жағдай және олардың зардаптарын болдырмауды, сондай-ақ техникалық құралдармен, қадағалаумен, қауіпсіздік декларациясы мен қауіптерді азайту жөніндегі іс-шаралар кешенімен жүзеге асырылатын объектілерді үздіксіз және сенімді пайдалануды қамтиды. Елімізде әзірге 1500-ден астам гидротехникалық құрылыстар қолданыста бар.

Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі оның бұзылып қана қоймай, салдарының халықтың өмірі мен денсаулығына, сондай-ақ экологиялық ахуалға әсері үшін де маңызды мәнге ие, сайып келгенде, гидротехникалық құрылыстар орналасқан аймақтардағы аграрлық және ауыл шаруашылығының жай-күйіне әсер етеді.

Мақалада «қауіпсіздік» ұғымын және оның түрлеріне теориялық талдау жүргізіледі. Агроөнеркәсіптік кешенде қолданылатын гидротехникалық құрылыстарға бақылау жүргізудің мақсаты мен гидротехникалық құрылыстардың сақталуын бақылауды жүргізетін органдардың функциялары қарастырылады. Сондай-ақ, еліміздің гидроқұрылыстары қауіпсіздігін қамтамасыз ету жүйесіндегі бірқатар кемшіліктері анықталып және оны шешудің авторлық ұстанымдары беріледі.

Түйінді сөздер: тұрақты даму; Су кодексі; гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі; экологиялық қауіпсіздік; ауыл шаруашылығы; азаматтық қорғаныс; су ресурстары.

Г.Б. Телеуев¹, А.С. Молдағалиева²

¹Жетысуский университет имени И. Жансугурова, г. Талдыкорган, Республика Казахстан

²Университет Конаева, г. Алматы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ

Аннотация. Безопасность гидротехнических сооружений включает в себя обеспечение безопасности людей и окружающей среды, предупреждение аварий на гидротехнических сооружениях и их последствий, а также бесперебойную и надежную эксплуатацию объектов, которая осуществляется с использованием технических средств, надзора, декларации безопасности и комплекса мер по снижению рисков. В настоящее время в нашей стране эксплуатируется более 1 500 гидротехнических сооружений.

Безопасность гидротехнических сооружений имеет большое значение не только с точки зрения выхода их из строя, но и с точки зрения влияния последствий нарушения их безопасности на жизнь и здоровье населения, а также на экологическую обстановку, что в конечном итоге сказывается на состоянии сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в регионах расположения гидротехнических сооружений.

В статье проводится теоретический анализ понятия «безопасность» и его видов. Рассматриваются цели проведения контроля гидротехнических сооружений в агропромышленном комплексе и функции органов, осуществляющих контроль за сохранностью гидротехнических сооружений. Также выявлен ряд недостатков в системе обеспечения безопасности гидротехнических сооружений страны и представлены авторские подходы к их устранению.

Ключевые слова: устойчивое развитие; Водный кодекс; безопасность гидротехнических сооружений; экологическая безопасность; сельское хозяйство; гражданская оборона; водные ресурсы.

G.B. Teleuyev¹, A.S. Moldagalieva²

¹I. Zhansugurov Zhetisu University, Taldykorgan, the Republic of Kazakhstan

²Kunaev University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

PROBLEMS OF LEGAL SECURITY OF HYDRAULIC STRUCTURES

Abstract. The safety of hydraulic structures includes ensuring the safety of people and the environment, preventing accidents at hydraulic structures and their consequences, as well as uninterrupted and reliable operation of facilities, which is carried out using technical means, supervision, a safety declaration and a set of risk mitigation measures. Currently, more than 1,500 hydraulic structures are in operation in our country.

The safety of hydraulic structures is of great importance not only from the point of view of their failure, but also from the point of view of the impact of their consequences on the life and health of the population, as well as on the environmental situation, which ultimately affects the state of agriculture and the agro-industrial complex in the regions where hydraulic structures are located.

The article provides a theoretical analysis of the concept of «security» and its types. The objectives of monitoring hydraulic structures used in the agro-industrial complex and the functions of bodies responsible for monitoring the safety of hydraulic structures are considered. There are also a number of shortcomings in the system of ensuring the safety of hydraulic structures in the country and the author's positions regarding its solution.

Keywords: sustainable development; water code; safety of hydraulic structures; environmental safety; agriculture; civil defense; water resources.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_227

Кіріспе. Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі – мемлекет пен қоғамның тұрақты дамуының, сондай-ақ экологиялық және әлеуметтік тұрақтылықтың маңызды құрамдас бөлігі. Бұл нысандар елдің су шаруашылығы жүйесінде стратегиялық маңызға ие болып, энергия өндіру, ауыл шаруашылығын сумен қамтамасыз ету, ауыз су мен ирригациялық ресурстарды бөлу сияқты негізгі қызметтерді атқарады. Алайда, гидротехникалық құрылыстардың бұзылуы немесе олардың қауіпсіздік талаптарының сақталмауы адам өміріне, қоршаған ортаға және экономикалық инфрақұрылымға зор қауіп төндіреді. Сондықтан гидротехникалық құрылыстардың техникалық, экологиялық және құқықтық қауіпсіздігін қамтамасыз ету – мемлекеттік басқару мен құқықтық реттеудің басым бағыттарының бірі болып табылады. Қауіпсіздік жүйесін жетілдіру тек инженерлік-техникалық шаралармен шектелмей, сонымен бірге құқықтық тетіктерді, тәуекелдерді бағалау мен алдын алу механизмдерін, бақылау және жауаптылық институттарын күшейтуді талап етеді. Осы тұрғыдан алғанда, гидротехникалық

құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету ұлттық қауіпсіздіктің, экологиялық тұрақтылықтың және табиғи апаттардың алдын алу саясатының ажырамас бөлігі болып саналады [1].

Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев 2019 жылғы 2 қыркүйектегі «Сындарлы қоғамдық диалог – Қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі» атты Қазақстан халқына Жолдауында агроөнеркәсіптік кешеннің әлеуетін дамытудың міндеттері, атап айтқанда, суармалы жер көлемін кезең-кезеңімен 2030 жылға қарай 3 миллион гектарға дейін ұлғайту туралы тапсырма берілген болатын, бұл ауыл шаруашылығы өнімін 4,5 есеге арттыруды қамтамасыз етеді¹.

Қазіргі кезеңде технологиялар су ресурстарын басқарудың тиімділігін арттырудың негізгі құралдарының бірі ретінде қарастырылады. Ақпараттық-коммуникациялық жүйелер мен деректерді талдау технологиялары су балансының жай-күйін нақты бағалауға, судың пайдаланылуы мен таралуын оңтайландыруға, сондай-ақ климаттық өзгерістер мен антропогендік

¹ Сындарлы қоғамдық диалог – Қазақстанның тұрақтылығы мен өркендеуінің негізі: мемлекет Басшысының 2019 ж. 2 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1900002019> (жүгінген күні: 31.10.2025).

факторлардың әсерін болжауға мүмкіндік береді. Цифрлық мониторинг, геоақпараттық жүйелер және жасанды интеллект элементтерін енгізу су ресурстарын басқарудағы шешім қабылдау сапасын арттырып, экологиялық қауіпсіздік пен тұрақты дамудың құқықтық және институционалдық негіздерін нығайтады [2].

Агроөнеркәсіптік кешенде гидротехникалық құрылыстар (бұдан әрі – ГТҚ) маңызды рөл атқарады және елаумақтарының экологиялық және әлеуметтік салаларына әсер етеді. ГТҚ агроөнеркәсіптік кешенінде су объектілерін реттеуді, су ресурстарын тасымалдауды, сондай-ақ сарқынды суларды ағызуды жүзеге асыруға мүмкіндік беретін жалғыз құрал болып табылады. Агроөнеркәсіптік кешенін сумен қамтамасыз ету толығымен ГТҚ техникалық жағдайына байланысты [3].

Қазіргі таңда республикамызда барлығы 1823 гидротехникалық құрылыс бар, оның ішінде: 581-і республикалық меншікте, 979-ы коммуналдық меншікте, 238 жеке меншікте; 25-і иесіз қалған. Гидротехникалық құрылыстардың 1646-сы тексеріліп, 527 нысан жөндеуді қажет ететіндігі анықталды. Жөндеуді қажет ететін гидротехникалық құрылыстардың ең көп саны Қарағанды облысында – 226.

Өткен ғасырдың 60-80 жылдарында салынған гидротехникалық құрылыстарды ұзақ пайдалану, күрделі жөндеудің болмауы және оған қаржыландырудың жеткіліксіздігі, сондай-ақ климаттық және сейсмикалық факторлардың әсері біртіндеп бүкіл ГТҚ кешенінің тозуына әкелді, бүгінгі күні гидротехникалық құрылыстардың 60%-дан астамы ескіріп, қауіпті әрі апатты жағдайда тұр, ал гидротехникалық құрылыстардың жалпы санының 90%-дан астамы негізінен шаруашылық жолмен салынған IV класс капиталының құрылымдарымен ұсынылған².

Елімізде гидротехникалық құрылыстардың істен шығуының салдарынан төтенше жағдайлардың орын алуы бірнеше рет қайталанды. Еске салсақ, 2010 жылы болған Қызылағаш ауылындағы бөгеттің жарылуы салдарынан болған су тасқыны, 2014 жылы

Қарағанды облысы Бұқар жырау ауданындағы Көкпекті су қоймасының бөгетінің шайылуы бұл болашағамыз үшін қателікті кешірмейтін баршамызға сабақ болды десек болады.

Бұл ретте, Қазақстан Республикасының қолданыстағы Су кодексінің ГТҚ қамтамасыз ету мәселелері туралы нормалары және өзге де заңнамалық актілердің бөгеттердің қауіпсіздігіне қатысты ережелері ГТҚ қауіпсіз пайдаланудың, осы объектілердегі төтенше жағдайлардың алдын алу мен оларды жоюдың құқықтық мәселелерін шешуді толық қамтамасыз ете алмайтындығын көрсетті.

Гидротехникалық құрылыстарды қауіпсіз және сенімді пайдалану мәселесі қазіргі жағдайда еліміз үшін өзекті проблемалардың бірі. Сондықтан төтенше жағдайлар жүйелі бақылауды, ГТҚ қауіпсіздігіне тиісті қадағалауды орнатуды, сондай-ақ нормативтік-құқықтық базаны жетілдіруді қажет етеді.

Материалдар мен әдістер. Мақалада гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін құқықтық қамтамасыз ету мәселелерін талдау барысында статистикалық деректерді өңдеу әдісі пайдаланылды. Әдіс су шаруашылығы нысандарындағы апаттар мен төтенше жағдайлар туралы ресми мәліметтерді жинақтап, олардың жиілігі мен себептерін салыстырмалы түрде талдауға мүмкіндік берді. Нәтижесінде құқықтық реттеудің әлсіз тұстары, нормативтік талаптардың орындалу деңгейі және қауіпсіздік жүйесін жетілдіру қажеттілігі айқындалды, ал алынған статистикалық қорытындылар негізінде заңнаманы жетілдіруге бағытталған нақты ұсыныстар әзірленді. Сонымен қатар мақалада гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін құқықтық қамтамасыз ету мәселелерін зерделеу барысында индукция әдісі қолданылды. Бұл әдіс арқылы жеке мысалдар мен нақты жағдайлардан жалпы ғылыми қорытындылар шығарылып, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігіне байланысты заңнамалық және практикалық мәселелердің ортақ заңдылықтары айқындалды. Индуктивтік талдау нәтижесінде нақты оқиғалар мен

² Многие гидротехнические сооружения в РК являются объектами повышенной опасности [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.inform.kz/ru/mnogie-gidrotehnicheskie-sooruzheniya-v-rk-yavlyayutsya-ob-ektami-povyshennoy-opasnosti_a3925884 (жүгінген күні: 31.10.2025).

тәжірибелік деректерге сүйене отырып, құқықтық реттеу тетіктерін жетілдірудің жалпы бағыттары анықталды. Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін құқықтық қамтамасыз ету мәселелерін талдау кезінде дедукция әдісі қолданылды. Әдіс жалпы теориялық қағидалар мен құқықтық нормалардан нақты жағдайларға өтуге мүмкіндік беріп, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласындағы заңнаманы талдауда жүйелілік пен логикалық дәйектілік орнатты. Дедуктивтік тәсіл арқылы құқықтық реттеудің жалпы принциптерінен нақты проблемалық тұстар анықталып, оларды шешу бойынша ғылыми негізделген қорытындылар мен ұсыныстар жасалды. Аналогия әдісі ұқсас құқықтық құбылыстар мен нормалардың мазмұнын, құрылымдық ерекшеліктерін және олардың өзара байланысын салыстыра талдау арқылы зерттеу нысанын тереңірек түсінуге мүмкіндік берді. Аналогияны пайдалану нәтижесінде гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған құқықтық нормалардың өзара үйлесімділігі, сондай-ақ оларды қолдану тәжірибесіндегі ортақ және айырмашылық белгілері айқындалды. Сонымен қатар, ұқсас құқықтық қатынастарды салыстыру арқылы заңнамалық реттеудің тиімділігі мен жетілдіру қажет тұстары айқындалып, ғылыми қорытындылар мен нақты ұсыныстар тұжырымдалды. Тәсіл зерттеудің логикалық бірізділігін сақтауға және құқықтық талдаудың дәлдігін арттыруға ықпал етті.

Нәтижелер, талқылау. Жаңартылатын энергия көздеріне қызығушылық толқынында әлем елдерінде гидротехникалық құрылыстар көптеп салынуда. Энергия өндірудің экологиялық таза әдістерінің бірі болып, саналатын гидроэнергетика табиғатқа айтарлықтай әсер етеді. Бұл әсердің оң және теріс жақтары бар.

Гидротехникалық құрылыстардың оң әсері су электр станцияларында таза энергияны құру, өнеркәсіпті, ауыл шаруашылығын және тұрмыстық қажеттіліктерді сумен қамтамасыз ету, су тасқыны мен жағалау эрозиясынан қорғау, су ресурстарын ұтымды пайдалану, сондай-ақ кеме жолдары мен порттарын

қалыптастырудан көрініс табады.

Гидротехникалық құрылыстарды салу мен пайдаланудың жағымсыз тұсы, бір жағынан, қоғамның әлеуметтік-экономикалық дамуына, халықты сумен, азық-түлікпен, энергиямен қамтамасыз ету, су тасқынына қарсы күрес және т.б. үшін объективті түрде қажет. Екіншіден, бөгет алаңынан жоғары және төмен орналасқан өзен аңғарларының табиғаты мен шаруашылығына кері әсерін тигізеді, сондай-ақ гидротехникалық құрылыстардан төмен орналасқан құрылыс, материалдық және гидростардың зақымдануының ықтимал қауіп көзі болып саналады.

Гидротехникалық құрылыстарды жобалау кезінде де құрылыс пен пайдалану кезінде құрылымдардың қауіпсіздігі мен сенімділігін қамтамасыз ететін шараларды жүзеге асыруды қамтамасыз ету қажет. Шараларды сақтамау материалдық, экологиялық және әлеуметтік зиян келтіретін апаттарға әкеліп соқтыруы мүмкін.

Қауіпсіздік деп әдетте адамдардың өмірі мен денсаулығына, сондай-ақ қоршаған ортаның жай-күйіне қатысты объектілердің сенімділігі түсініледі.

«Қауіпсіздік» термині (латын тілінен аударғанда *securitas* – «уайымсыз болу») доктринада кең түсіндірмеге ие. Бұл жалпы қауіп-қатерлердің болмауын да, егер олар бар болса, қауіптер мен қауіптерден қорғауды қамтитын көп деңгейлі тұжырымдама. «Қауіпсіздік» ұғымы құқықтық реттеу тетіктеріне енгізілген, оның мазмұны нормативтік тұрғыдан бекітілген. Мәселен, ТМД елдерінің («Ұлттық қауіпсіздік туралы» модельдік заң, ТМД-ға қатысушы мемлекеттердің Парламентаралық ассамблеясының 2022 жылғы 28 қазандағы № 54-5 қаулысы және т.б.) модельдік заңдарында қауіпсіздікті қауіп-қатерлерден қорғалу жағдайы ретінде және қазіргі және болашақта қауіп-қатерлерден қорғалу кепілдіктерін қамтамасыз етуге бағытталған шаралар жүйесі ретінде көздейді [4].

Кең мағынада қауіпсіздік дегеніміз адамның, қоғамның және мемлекеттің өмірлік маңызды мүдделерінің, құндылықтарының ішкі және сыртқы қауіп-қатерден қорғалуының жай-күйі. Көбінесе қауіпсіздікті анықтағанда

қаражаттың болуы және ұйымдастырушылық шаралар, арнайы институттар, серіктестермен келісімдер сияқты құндылықтарды қорғауға бағытталған іс-әрекеттерге баса назар аударылады. Бірақ қауіпсіздікті қамтамасыз етудің барлық кешені қатерлердің сипаты және масштабымен анықталады, сондықтан «қауіпсіздік» ұғымы қауіп-қатерлер мен олардан қорғану шараларын біріктіреді [5].

«Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігі туралы» Заңында «қауіпсіздік» ұғымына заңнамалық тұрғыда анықтама берілмеген³. Ресей Федерациясының 2010 жылғы 28 желтоқсандағы № 390-ФЗ «Қауіпсіздік туралы» федералдық заңында да «қауіпсіздік» терминінің анықтамасы жоқ⁴, бұл, біздің ойымызша, заң шығарушының елеулі кемшілігі болып табылады.

Қауіпсіздік түрлерінің неғұрлым толық және жүйелі жіктелуін тұжырымдауға кедергі келтіретін мәселе – қауіпсіздік түрлерін анықтауда ғалымдардың бірыңғай көзқарасының болмауы.

Ғылыми әдебиеттерді қауіпсіздік түрлерін талдау үш деңгейді анықтауға мүмкіндік береді:

1) қауіп-қатер түрлерінің деңгейі мен қауіпсіздікті қамтамасыз ету құралдары (әскери, экологиялық, әлеуметтік, экономикалық);

2) қауіпсіздіктің географиялық аймағын қамтитын кеңістік деңгейі (ұлттық, халықаралық, өңірлік);

3) субъектілердің деңгейі – қауіп төндіретіндер мен қауіпсіздікті қамтамасыз ететіндер.

«Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігі туралы» Заңына сәйкес ұлттық қауіпсіздіктің келесідей түрлері көзделеді: қоғамдық қауіпсіздік, әскери қауіпсіздік, саяси қауіпсіздік, экономикалық қауіпсіздік, ақпараттық қауіпсіздік және экологиялық қауіпсіздік.

Гидротехникалық құрылыстардың экологиялық қауіпсіздігі – қоршаған ор-

таны құрылыстың өзінің теріс әсерінен, оның ішінде оның ықтимал серпілісінен қорғауды қамтамасыз ететін, сондай-ақ оны пайдаланумен байланысты экологиялық дағдарыстардың алдын алуға бағытталған сипаты. Бұған ГТҚ жай-күйінің тұрақты мониторингі, оның құрылымы мен гидрологиялық режимін бақылау, сондай-ақ авариялардың алдын алу және олардың табиғат үшін салдарларын барынша азайту жөніндегі шараларды әзірлеу және енгізу арқылы қол жеткізіледі.

Гидравликалық жобаларды жүзеге асырудың тағы бір маңызды себебі қоршаған ортаны қорғау және суды басқару болып табылады, оған топырақ эрозиясымен күресу арқылы ауыл шаруашылық жерлерін жақсарту, экологиялық таза гидроэнергетикамен қамтамасыз ету, адамдар, жануарлар мен өнеркәсіптер тұтынуы үшін судың сапасын жақсарту және су ресурстарын азық-түлікпен қамтамасыз ету кіруі мүмкін. Десе де, жаппай гидротехникалық құрылымдардың қоршаған ортаға және қоғамдық қауіпсіздікке теріс әсері жобалау және құрылыс процесінде әрқашан ескерілуі тиіс.

Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздік мәселелері Су ресурстары және ирригация министрінің 2025 жылғы 15 шілдедегі бұйрығымен бекітілген «Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі туралы» Регламентпен (бұдан әрі – Регламент) реттеледі⁵, ол гидротехникалық құрылыстардың қауіптілік сыныптарын және олардың қауіпсіздігіне қойылатын талаптарды белгілейді.

Регламент гидротехникалық құрылыстардың меншік иелері мен пайдаланушы ұйымдардың міндеттерін белгілейді, олар құрылыстардың жай-күйіне бақылауды ұйымдастыруға, қажетті жөндеу-қалпына келтіру жұмыстарын жедел жүргізуге, гидротехникалық құрылыстарды қауіпсіз пайдалану ережелерін қатаң сақтауға,

³ Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігі туралы: Қазақстан Республикасының 2012 ж. 6 қаңтардағы № 527-IV Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1200000527> (жүгінген күні: 31.10.2025).

⁴ О безопасности: Федеральный закон Российской Федерации от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (жүгінген күні: 31.10.2025).

⁵ Гидротехникалық құрылыс жайлардың қауіпсіздігі туралы регламентті бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Су ресурстары және ирригация министрінің 2025 ж. 15 шілдедегі № 173-НҚ бұйрығы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2500036459> (жүгінген күні: 31.10.2025).

гидротехникалық құрылыстың қауіпсіздігінің алдын алу мен жоюға, гидротехникалық құрылысты жоюға материалдық және қаржылық резервтер жасауға, қадағалау органдарына олардың жай-күйі мен сенімділігін егжей-тегжейлі көрсете отырып, құрылыстардың жай-күйі мен қауіпсіздік деңгейі туралы халықты хабардар етеді, авариялардың зардаптары мен олардан келтірілген залал үшін құқықтық және қаржылық жауапкершілікте болады.

Қазақстан Республикасының «Азаматтық қорғаныс туралы» Заңына сәйкес қорғаныс және басқа да гидротехникалық құрылыстарды бақылау қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің негізгі әдістерінің бірі болып табылады⁶. Гидротехникалық құрылыстарды бақылаудың мақсаты жоспарлар мен іс-шаралардың толық және тиімді орындалуын, белгіленген нормативтік құқықтық актілердің, стандарттар мен ережелердің талаптарының сақталуын, меншік иелері мен пайдаланушы ұйымдардың осы құрылыстардағы төтенше жағдайлардың алдын алу және жою бойынша іс-шараларды қабылдауға дайындығын тексеру болып табылады.

Гидротехникалық құрылыстардың сақталуын бақылау функцияларын Қазақстан Республикасы Ауыл шаруашылығы министрлігінің Су ресурстары комитеті және Қазақстан Республикасы Төтенше жағдайлар министрлігінің Төтенше жағдайларды және өнеркәсіптік қауіпсіздікті мемлекеттік бақылау комитеті жүзеге асырады. Су ресурстары комитетінің және оның бассейндік су шаруашылығы инспекцияларының осы саладағы функцияларына су объектілерін пайдалану режимін, сондай-ақ тікелей су объектілерінде орналасқан су шаруашылығы құрылыстарын пайдалану ережелерін бекіту жатады. Төтенше жағдайларды және өнеркәсіптік қауіпсіздікті мемлекеттік бақылау комитеті өз кезегінде гидротехникалық құрылыстардағы төтенше жағдайлардың алдын алу және жою, авариялардың алдын алу және жою жөніндегі іс-шараларды

ұйымдастыру бойынша мемлекеттік бақылауды жүзеге асырады.

Қазақстан Республикасының Су кодексіне сәйкес меншік иелерінің су шаруашылығы объектілерінің қауіпсіздігін қамтамасыз етуді бақылауды су қорын пайдалану мен қорғау, төтенше жағдайлар және өнеркәсіптік қауіпсіздік саласындағы уәкілетті органдар жүзеге асырады⁷.

Гидротехникалық құрылыстарды мемлекеттік бақылаудың нәтижесінде 2017-2021 жылдар аралығында 16 апатты су қоймасы қалпына келтірілді. Мемлекет басшысының тапсырмасы бойынша 2025 жылы 6 облыста: Ақмола, Алматы, Жамбыл, Түркістан, Қызылорда, Батыс Қазақстанда 9 жаңа су қоймасын салу іске асырылуда. Судың жалпы көлемі 1,7 млрд текше метрді құрайды. 2021 жылы Түркістан облысында су жинақтау көлемі 18,5 миллион текше метр болатын Кеңсай-Қосқорған-2 су қоймасы салынды.

Сондай-ақ, Батыс Қазақстан облысында 2023 жылдан бастап Үлкен Өзен өзенінде Жалпақтал су қоймасын салу жоспарлануда, қойма сыйымдылығы 28 млн текше метрді құрайды. Қалған нысандар бойынша жобалау жұмыстары жүргізілуде [3].

Гидротехникалық құрылыстарды тұтастай алғанда және олардың жекелеген құрылымдарын пайдаланудың сенімділігі мен қауіпсіздігі бақылаулар мен диагностика деректерін жобалау процесінде анықталатын және пайдалану кезінде нақтылануы мүмкін сәйкес көрсеткіштердің рұқсат етілген шекті мәндерімен салыстыру негізінде жүзеге асырылады.

Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі адам және қоршаған ортаның қауіпсіздігін қамтамасыз етуді, гидротараптардағы апаттық жағдай мен олардың зардаптарын болдырмауды, сондай-ақ техникалық құралдармен, қадағалаумен, қауіпсіздік декларациясы мен қауіптерді азайту жөніндегі іс-шаралар кешенін жүзеге асырумен, соның ішінде халықты қорғау және төтенше жағдайлар кезінде көмек

⁶ Азаматтық қорғау туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2014 ж. 11 сәуірдегі № 188-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000188> (жүгінген күні: 31.10.2025).

⁷ Қазақстан Республикасының Су кодексі: Қазақстан Республикасының 2025 ж. 9 сәуірдегі № 178-VIII Кодексі (2025.15.09. берілген өзгерттер мен толықтыруларымен) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51042116&doc_id2=39717953#pos=6;-106&pos2=4;-98 (жүгінген күні: 31.10.2025).

көрсету жоспарларын әзірлеу арқылы жүзеге асырылатын объектілерді үздіксіз және сенімді пайдалануды қамтиды.

Өкінішке орай, елімізде күні бүгінге дейін гидроқұрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету жүйесі әлі қалыптаспаған, бұл осы саладағы практикалық іс-қимылдардың стратегиялық бағыттарын әзірлеуге мүмкіндік бермейді. Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етудің заңнамалық негізі, гидротехникалық құрылыстардың ерекшелігін ескеретін төтенше жағдайлардың алдын алудың және оларға ден қоюдың бірыңғай мемлекеттік жүйесі жоқ.

Сонымен қатар, гидротехникалық құрылымдардың жай-күйін бақылау мен диагностикалаудың заманауи құралдарын қолдануға негізделген әртүрлі гидротехникалық құрылыстарды пайдаланудың халықаралық тәжірибесі жалпыланбаған.

Қазіргі уақытта гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету жөніндегі іс-шараларды тиісті үйлестірудің болмауына байланысты келесі бірқатар мәселелер туындауда:

1. Гидротехникалық құрылыстардың жағдайы мен қауіпсіздік деңгейін сипаттайтын бірыңғай терминологияның болмауы.

2. Әртүрлі ұйымдардың операциялық қызметтерімен алынған мәліметтердің жинақтау әдістерінің, бағдарламалық және аппараттық құралдардың айырмашылығына байланысты салыстырылмауы.

3. Объектілерде ақпарат жинау проблемасы (негізінен IV класс), білікті кадрлардың, компьютерлер мен арнайы бағдарламалық қамтамасыз етудің болмауы немесе тапшылығы.

4. Гидротехникалық құрылыстардың физикалық ескіруі, олардың жай-күйін бақылаудың техникалық құралдарына барған сайын қатаң талаптар қояды.

5. Гидротехникалық құрылыстардың сейсмикалық қауіпсіздігін қамтамасыз ететін мониторинг жүйесінің болмауы. Осы объектілерді пайдалануға жауапты тиісті құрылымдардан ресми ақпараттың болмауы ГТҚ жағдайына толық талдау жүргізуге, ГТҚ апатының орташа көрсеткішін анықтауға,

конструкциялар класы бойынша ГТҚ авариялық дәрежесін анықтауға мыналарға мүмкіндік бермейді.

Су энергиясының орасан қорларын жинақтайтын қысымды жерүсті гидротехникалық құрылыстарының көп санының болуы (70%) әлеуметтік-экономикалық инфрақұрылым мен табиғи ортаның қауіпсіздігіне әлеуетті қауіп төндіреді. Гидротехникалық құрылыстардағы апаттардың ықтималдылығы күрт арта бастайтынын және олардың жойылу қаупінің арта бастағанын ескере отырып, бүгінгі күні олар дереу қайта құруды талап етеді.

Көптеген су шаруашылығы нысандарының нақты тозуы бүгінде 60% немесе одан да көпті құрайды. Аты аталған және басқа да көптеген нысандарда пайдалануға берілгеннен бері жөндеу немесе қалпына келтіру жұмыстары жүргізілмеген, сондықтан олардың сенімділігі мен қауіпсіздігі жылдан жылға төмендеп барады [5].

Өнеркәсіптік, көліктік және басқа құрылыстардан айырмашылығы, олардың істен шығуы көп жағдайда құрылымның қираған бөліктерін қалпына келтіру құнымен бағаланады, тірек гидротехникалық құрылыстың апатынан залал әдетте оның құнынан бірнеше есе асып түседі. Осы жағдайда адам шығынынан басқа, өзендегі және оның жағалауындағы басқа да құрылыстардың қирап қалуымен, осы гидротехникалық құрылысқа негізделген тұтас облыстар кәсіпорындарының қызметі сал болып, соңғысын қалпына келтіру әдетте бірнеше жылды қажет ететіндігімен түсіндіріледі. Бұл жағдай гидротехникалық құрылыстарды жобалау, салу және пайдалану ерекше назар аударуды қажет ететін өте маңызды құрылыстар ретінде қарастыруды қажет етеді.

Қорытынды. Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстар экономикаға, экологиялық және әлеуметтік салаға әсер етіп, маңызды функцияларды атқаратын құрылыстардың кең тараған түрі болып табылады.

Елімізде әзірге 1500-ден астам гидротехникалық құрылыстар қолданыста бар. Алайда, гидротехникалық құрылыс-

тардың қауіпсіздігі оның бұзылып қана қоймай, салдарының халықтың өмірі мен денсаулығына, сондай-ақ экологиялық ахуалға әсері үшін де маңызды мәнге ие, сайып келгенде, гидротехникалық құрылыстар орналасқан аймақтардағы аграрлық және ауыл шаруашылығының жай-күйіне әсер етеді.

Қорытындылай келе, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету және ГТҚ салдарынан төтенше жағдайлардың алдын алу мақсатында: біріншіден, халықаралық сарапшылардың көмегімен гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі бойынша нормативтік құқықтық базаға талдау жүргізу қажет; екіншіден, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі саласындағы заңнамалық және нормативтік актілерді халықаралық талаптарға сәйкестендіру қажет; үшіншіден, ГТҚ жай-күйі туралы нақты ақпарат алу үшін ГТҚ-ні басқарудың және бақылаудың автоматтандырылған жүйелерін әзірлеу қажет деп санаймыз. Зерттеудің нәтижесінде ұлттық заңнаманы жетілдіруге қатысты келесі қорытындылар жасалынды. Қолданыстағы нормативтік база гидротехникалық нысандардың құқықтық мәртебесін, олардың функционалдық жіктемесін, мемлекеттік органдар арасындағы өкілеттіктердің бөлінісін және қауіпсіздік талаптарының толық көлемін әрдайым жеткілікті деңгейде қамти бермейді. Осыған орай, заңнаманы жетілдіру гидротехникалық құрылыстардың өмірлік цикліне қатысты барлық құқықтық нормаларды ғылыми негізделген ұстанымдар бойынша қайта қарастыруды қажет етеді. Жүйелі құқықтық реформалау нысандар туралы техникалық деректерді біріктіретін бірыңғай цифрлық реестр құруды, тәуекелге негізделген мониторингті заңнамалық деңгейде бекітуді және төтенше жағдайлардың алдын алуға бағытталған

бақылау тетіктерін күшейтуді талап етеді. Сонымен қатар, халықаралық стандарттар мен институционалдық тәжірибелерді ұлттық құқықтық жүйеге үйлестіру гидротехникалық құрылыстар қауіпсіздігін қамтамасыз етудің тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді. Ғылыми зерттеулер нәтижелерін құқықтық шешімдерге енгізу, саланың кадрлық дайындығын жетілдіру және мемлекеттік бақылау жүйесінің транспаренттілігін арттыру гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен олардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласындағы құқықтық реттеудің өзектілігі мен сапасын айтарлықтай арттыратын маңызды бағыттар болып табылады. Аталған мәселелер Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстар туралы заңы қабылдану қажет деген тұжырымға негіз болып отыр. «Гидротехникалық құрылыстар туралы» заңда ең алдымен гидротехникалық құрылыстардың құқықтық мәртебесі, олардың түрлері мен қауіптілік санаттары нақты айқындалуы тиіс. Гидротехникалық құрылыстарды жобалау, салу, пайдалану, қайта жаңарту және тоқтату тәртібі бірыңғай техникалық регламенттермен реттелуі қажет. Қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін тәуекелдерді бағалау, тұрақты мониторинг жүргізу, автоматтандырылған бақылау жүйелерін орнату, инженерлік диагностика мен гидрологиялық болжамдау талаптары заң деңгейінде бекітілуі керек. Авариялық жағдайлардың алдын алу, апат кезіндегі іс-қимыл жоспарларын әзірлеу және жыл сайынғы техникалық сараптамадан өткізу міндетті нормаларға енгізіледі. Сонымен қатар, уәкілетті мемлекеттік органдардың бақылау және қадағалау өкілеттіктері, иеленуші ұйымның жауапкершілігі, қауіпті Гидротехникалық құрылыстар бойынша ерекше режим мен экологиялық қауіпсіздік талаптары көрсетілуі тиіс.

Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетімен қаржыландырылатын «Тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды және олардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуді құқықтық реттеу» атты гранттық жобасы аясында дайындалды (AP26193915).

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Pierce, D.E. Employing a Reservoir Community Analysis to Define and Marshal Correlative Rights in the Oil and Gas Reservoir / D.E. Pierce // Louisiana Law Review. – 2016. – Vol. 76. –

Рр.18-26.

2. Айгаринова, Г.Т. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в сфере охраны окружающей среды / Г.Т. Айгаринова, Ж.Б. Акшатаева // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – 15-22 б.

3. Chen, A. Influence law of pore water storage characteristics on the gas adsorption characteristics of coal / A. Chen, et al. // Journal of Hydrology. – 2025. – Vol. 66. – Pp.169-178.

4. Стамбулов, С.Б. Халықаралық қауіпсіздік түсінігінің қалыптасуы және оның мәні: теориялық аспект / С.Б. Стамбулов және т.б. // Қарағанды университетінің Хабаршысы. Тарих. Философия сериясы. – 2022. – № 3 (107). – 202-214 б.

5. Oruma, S.O. Enhancing security, privacy, and usability in social robots: A software development framework / S.O. Oruma, M. Sánchez-Gordón, V. Gkioulos // Journal of Systems and Software. – 2024. – № 212. – 111027.

References:

1. Pierce, D.E. Employing a Reservoir Community Analysis to Define and Marshal Correlative Rights in the Oil and Gas Reservoir / D.E. Pierce // Louisiana Law Review. – 2016. – Vol. 76. – Pp.18-26.

2. Ajgarinova, G.T. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v sfere ohrany okruzhajushhej sredy / G.T. Ajgarinova, Zh.B. Akshataeva // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – 15-22 б.

3. Chen, A. Influence law of pore water storage characteristics on the gas adsorption characteristics of coal / A. Chen, et al. // Journal of Hydrology. – 2025. – Vol. 66. – Pp.169-178.

4. Stambulov, S.B. Halyқаралық қауіпсіздік түсінігінің қалыптасуы және оның мәні: теориялық аспект / S.B. Stambulov және т.б. // Қарағанды университетінің Хабаршысы. Тарих. Философия сериясы. – 2022. – № 3 (107). – 202-214 б.

5. Oruma, S.O. Enhancing security, privacy, and usability in social robots: A software development framework / S.O. Oruma, M. Sánchez-Gordón, V. Gkioulos // Journal of Systems and Software. – 2024. – № 212. – 111027.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Галым Байгазыевич Телеуев – І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің Құқық және экономика факультетінің деканы, философия докторы (PhD), e-mail: galim200385@mail.ru.

Телеуев Галым Байгазыевич – декан факультета права и экономики Жетысуского университета имени И. Жансугурова, доктор философии (PhD), e-mail: galim200385@mail.ru.

Teleuyev Galym Baygazyevich – Dean of the Faculty of Law and Economics of I. Zhansugurov Zhetysu University, PhD, e-mail: galim200385@mail.ru.

Айжан Сундетовна Молдағалиева – Қонаев университетінің аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: aijan86_86@mail.ru.

Молдағалиева Айжан Сундетовна – старший преподаватель Университета Кунаева, магистр юридических наук, e-mail: aijan86_86@mail.ru.

Moldagalieva Aizhan Sundetovna – Senior Lecturer at Kunaev University, Master of Law, e-mail: aijan86_86@mail.ru.

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ / ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ / THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES

УДК 347.96(4/9); 159.9:001.12/.18
МРНТИ 10.71.91; 15.01.11

А.В. Плотников, Н.А. Биекенов

*Карагандинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б.Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье проведен анализ системы психологической поддержки полицейских Великобритании с целью заимствования положительного инструментария для обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел Республики Казахстан. Объектом исследования стали институциональные механизмы обеспечения психологической безопасности личного состава полиции. Выделены ключевые направления зарубежной практики, а именно: программы взаимопомощи, мобильные центры благополучия, управление рисками и травмами, а также цифровые технологии мониторинга нападений на сотрудников полиции Великобритании. В сравнительном плане рассмотрены положительные стороны и недостатки национальной практики оказания профессиональной психологической поддержки. Предложены пути ее трансформации и совершенствования. Сделан вывод о необходимости увеличения численности ведомственных психологов, внедрения цифровых инструментов мониторинга и расширения медико-психологического сопровождения.

Реализация указанных мер позволит повысить личную безопасность, профессиональную надежность и уровень готовности сотрудников полиции к выполнению служебных задач как в повседневной, так и в экстремальной ситуации.

Ключевые слова: психологическая диагностика; психологическая поддержка; психологическое благополучие; эмоциональное выгорание; психологическая подготовка; личная безопасность; сотрудник полиции.

А.В. Плотников, Н.А. Биекенов

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы*

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ПОЛИЦЕЙЛЕРІН ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ҚОЛДАУ ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ОНЫ ҚАЗАҚСТАН ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ЖЕКЕ ҚАУІПСІЗДІГІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ЖҮЙЕСІНДЕ ПАЙДАЛАНУ МҮМКІНДІКТЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы Ішкі істер органдары қызметкерлерінің жеке қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін оң құралдарды алу мақсатында Великобритания полицейлерін психологиялық қолдау жүйесіне талдау жүргізілді. Зерттеу объектісі полиция қызметкерлерінің психологиялық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің институционалдық тетіктері болды. Шетелдік тәжірибенің негізгі бағыттары, атап айтқанда өзара көмек бағдарламалары, мобильді әл-ауқат орталықтары, тәуекелдер мен жарақаттарды басқару, сондай-ақ Великобритания полиция қызметкерлеріне жасалған шабуылдарды бақылаудың цифрлық технологиялары бөлінді. Салыстырмалы түрде кәсіби психологиялық қолдау көрсетудің Ұлттық тәжірибесінің оң жақтары мен кемшіліктері қарастырылды. Оны өзгерту және жетілдіру жолдары ұсынылды. Ведомстволық психологтардың санын көбейту, мониторингтің цифрлық құралдарын енгізу және

медициналық-психологиялық қолдауды кеңейту қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Аталған шараларды іске асыру жеке қауіпсіздікті, кәсіби сенімділікті және полиция қызметкерлерінің күнделікті және төтенше жағдайларда қызметтік міндеттерді орындауға дайындық деңгейін арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: психологиялық диагностика; психологиялық қолдау; психологиялық әл-ауқат; эмоциональды күйіп кету; психологиялық дайындық; жеке қауіпсіздік; полиция қызметкері.

A.V. Plotnikov, N.A. Biyekenov

*Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov,
Karaganda, the Republic of Kazakhstan*

THE EXPERIENCE OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR BRITISH POLICE OFFICERS AND THE POSSIBILITY OF ITS USE IN THE SYSTEM OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article analyzes the system of psychological support for British police officers in order to borrow positive tools to ensure the personal safety of employees of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan. The object of the study was the institutional mechanisms for ensuring the psychological safety of police personnel. The key areas of foreign practice are highlighted, namely mutual assistance programs, mobile well-being centers, risk and injury management, as well as digital technologies for monitoring attacks on UK police officers. The positive aspects and disadvantages of the national practice of providing professional psychological support are considered in comparative terms. The ways of its transformation and improvement are proposed. It is concluded that it is necessary to increase the number of departmental psychologists, introduce digital monitoring tools and expand medical and psychological support.

The implementation of these measures will improve personal safety, professional reliability and the level of readiness of police officers to perform official tasks, both in everyday and in extreme situations.

Keywords: psychological diagnostics; psychological support; psychological well-being; emotional burnout; psychological training; personal safety; police officer.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_236

Введение. Служба в полиции сопряжена с высоким уровнем профессиональных рисков и постоянным психологическим напряжением. Сотрудники ежедневно сталкиваются с конфликтами, агрессией, угрозами жизни и здоровью, что ведет к росту эмоциональной нагрузки и появлению симптомов выгорания. Работа в экстремальных условиях требует от сотрудников высокой психологической устойчивости, которая становится одним из ключевых факторов эффективности деятельности органов правопорядка и сохранения кадрового потенциала.

Зарубежный опыт показывает, что успешное выполнение служебных обязанностей напрямую зависит от наличия институциональных механизмов поддержки психического здоровья сотрудников полиции. Подобные системы активно развиваются в ряде европейских стран, однако

наиболее показательной является практика Великобритании, где психологическая поддержка оформлена как целостная государственная система. Ее модель характеризуется наличием национальной службы благополучия (National Police Wellbeing Service), специализированных программ реагирования на травматические события и развитой системой цифрового мониторинга нападений на сотрудников полиции. Британский опыт содержит высокую степень эмпирической проработанности, регулярно проводятся национальные опросы и прикладные исследования, что позволяет опираться не только на нормативные документы, но и на доказательную базу о реальном состоянии психологического здоровья личного состава.

При этом надо отметить, что Соединенное Королевство остается одной из немногих

стран мира, в которой полиция при несении службы не имеет при себе огнестрельного оружия (*исключение составляют полицейские силы Северной Ирландии*)¹ [1]. Такой подход нередко приводит к формированию у сотрудников устойчивого чувства тревожности, эмоционального напряжения и неуверенности в собственной защищенности.

Так, согласно данным за 2023 год, количество рабочих дней, потерянных из-за посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР), тревожности, депрессии и иных психологических расстройств, достигло 774 тысячи. Это значение эквивалентно пяти дням на каждого сотрудника полиции Великобритании. Результатом этого становится рост числа

добровольных увольнений – с 18% в 2013 году до 56% в 2022 году, и увеличение досрочных выходов на пенсию [2].

В этом плане проблема эмоционального выгорания сотрудников полиции актуальна и для Республики Казахстан (далее – РК). Этот факт находит свое подтверждение по итогам проведенного нами анонимного анкетирования среди 5 742 сотрудников в 6 областных Департаментах полиции. Так, 2 647 (46%) опрошенных сотрудников указали на регулярные проявления эмоционального выгорания, а каждый десятый (11%) отметил крайне высокий уровень психоэмоционального напряжения, что подчеркивает необходимость поиска дополнительных форм психологического сопровождения (диаграмма 1)².

Диаграмма 1. Результаты анонимного анкетирования по вопросу состояния эмоционального выгорания у сотрудников полиции

Аналогичные выводы относительно факторов стресса и эмоционального выгорания у сотрудников полиции отражены в работе Г.Т. Ысқақ, О.С. Сангилбаева и Л.Н. Рогалевой. Так, в своем исследовании авторы подчеркивают, что профессиональные нагрузки и негативные факторы служебной деятельности закономерно приводят к эмоциональному истощению сотрудников органов внутренних дел, что требует постоянной психологической поддержки [3].

Материалы и методы. В исследовании

использован комплексный подход, включающий общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также частнонаучные методы, среди которых сравнительно-правовой, нормативный, формально-юридический и статистический методы. Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты и иные официальные документы Великобритании и РК, регулирующие вопросы психологической поддержки сотрудников полиции, а также научные труды отечественных [3] и

¹ Armed policing [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hmicfrs.justiceinspectorates.gov.uk/our-work/article/armed-policing/> (дата обращения: 25.08.2025).

² Результаты анонимного анкетирования среди сотрудников полиции Акмолинской, Атырауской, Карагандинской, Павлодарской области, области Жетісу и Департамента полиции на транспорте (исх. № 1-23-12/389, 390, 392, 395, 396, 437 от 12.03.2025 г.).

зарубежных [1]; [2]; [5] авторов. При анализе учитывались предложения исследователей, результаты изучения нормативных актов и статистических данных, что позволило определить особенности институциональной организации психологической защищенности сотрудников полиции и направления ее совершенствования.

Результаты, обсуждение. Осознавая масштабы проблемы, связанной с психологическим здоровьем сотрудников полиции, Великобритания инициировала ряд масштабных научных исследований, направленных на изучение психологического благополучия личного состава и выработку системных решений.

Так, в период с 2016 по 2019 год было реализовано 11 масштабных проектов. В исследовании приняли участие 415 офицеров и сотрудников полиции. В онлайн-опросе участвовали 8 843 человека (5 791 сотрудник полиции). Исследование охватывало темы психологического состояния, восприятия работы, благополучия, коучинга, а также препятствия и возможности для трансформаций [4].

В ходе исследования были выявлены ключевые проблемы, связанные с обеспечением благополучия сотрудников полиции на практике. Разработаны специальные рекомендации по их устранению, предложены меры по созданию национального механизма мониторинга и оценки эффективности программ, направленных на поддержание психологического и эмоционального состояния сотрудников полиции³.

Еще одним достижением данной работы является создание и подписание «Полицейского соглашения» (договор между правительством, полицией и обществом, признающий жертвы, на которые идут действующие и бывшие сотрудники полиции). Соглашение гарантирует, что офицеры, сотрудники, добровольцы и члены их семей не окажутся в невыгодном положении из-за службы. Эти выводы также

послужили основой для создания в 2019 году Национальной службы благополучия полиции Великобритании (National Police Wellbeing Service) (далее – NPWS)⁴.

Программа NPWS в свою очередь состоит из ряда скоординированных мероприятий, направленных на реализацию концепции – «Общая цель для благополучия полиции». Программа работает в целях обеспечения комплексного подхода сохранения психологического здоровья и благополучия сотрудников полиции.

Так, в сотрудничестве с Колледжем полиции, Национальным советом начальников полиции и МБД NPWS оказывает значительную поддержку сотрудникам полиции в семи ключевых областях, включающих медицинское управление и охрану труда, продвижение здорового образа жизни, реализацию операции «Хэмпшир», поддержку сотрудников, управление психологическими рисками и травмами, использование собак для эмоциональной поддержки, а также функционирование мобильных центров благополучия.

Указанные программы имеют свои особенности, однако с учетом поставленных задачи имеющейся национальной программы психологической поддержки, мы считаем, что особый интерес для нас представляют четыре направления, а именно:

1. Программа поддержки сотрудников, направленная на создание устойчивой сети взаимопомощи, обеспечивающая взаимную поддержку среди сотрудников. Главной целью данной программы выступает внедрение единого национального подхода к поддержке коллег и формирование сети подготовленных помощников, действующих на базе полицейских подразделений.

Следует отметить, что она основана на базе всесторонних зарубежных исследованиях, проведенных в Канаде, Австралии и Америке, и была разработана совместно с 14 подразделениями МБД Англии и Уэльса. Программа поддержки охватывает множество направлений работы,

³ Front line review stock take report: progress on key deliverables and next steps (accessible) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/front-line-policing-review/front-line-review-stocktake-report-progress-on-key-deliverables-and-next-steps-accessible> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ About us [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/about-us> (дата обращения: 12.06.2025).

включая курсы повышения квалификации сотрудников, оказывающих психологическую помощь своим коллегам⁵.

При этом в научных исследованиях Великобритании дополнительно отмечаются такие программы психологической поддержки, как TRiM (Trauma Risk Management), ESTIP (Emergency Services Trauma Intervention Programme) и CISM (Critical Incident Stress Management). Эти программы доказали свою эффективность в снижении посттравматических последствий и содействии преодолению барьеров при обращении за психологической помощью [5].

2. Мобильные центры благополучия, представляющие собой специально оборудованные фургоны, оказывающие поддержку офицерам и сотрудникам полиции непосредственно на местах их работы. Основными их задачами являются мониторинг общего состояния сотрудников, оказание психологической и медицинской помощи на крупных мероприятиях и после серьезных инцидентов⁶.

3. Программа «Управление психологическими рисками и травмами», направленная на защиту сотрудников полиции от потенциальных психических расстройств и травм, связанных с профессиональной деятельностью, посредством ранней диагностики и специализированного лечения. Работу по выявлению психологических рисков и оказанию оперативной поддержки осуществляют квалифицированные медсестры, консультанты и психологи⁷.

Интересен также опыт, где рассматриваемая помощь помимо ведомственных специалистов реализуется через благотворительные фонды и неправительственные организации. Этот аспект оказывает дополнительную поддержку полицейским и расширяет

доступ к необходимым ресурсам. В их числе благотворительная организация «Флинт Хаус», которая ежегодно оказывает помощь до 3,5 тысяч сотрудников⁸.

4. Операция «Хэмпшир» – это национальная инициатива по улучшению реагирования на агрессию в отношении сотрудников полиции. Получив национальный статус, программа признана Федерацией полиции Англии и Уэльса, Советом начальников национальной полиции и Министерством внутренних дел⁹.

Основная цель Операции «Хэмпшир» заключается в обеспечении каждого полицейского подразделения стратегией и необходимыми инструментами для быстрого и последовательного реагирования в случаях нападений на сотрудников полиции. Это позволяет стандартизировать подход к защите, минимизировать задержки в реагировании и оказания помощи пострадавшим.

В контексте психологической безопасности операция «Хэмпшир» интересна в части имеющихся инструментов по сбору и анализу информации. Так, основным инструментом в управлении рисками и совершенствовании стратегий защиты стало специально разработанное приложения «Police Assaults and Injuries» («Нападения и травмы сотрудников полиции»)¹⁰.

Долгосрочные аспекты «Хэмпшир» сосредоточены на глубоком анализе масштабов и закономерностей таких инцидентов. Это позволяет принимать актуальные решения о выборе необходимого оборудования и разработке соответствующей политики защиты сотрудников. Такой подход направлен на снижение количества случаев агрессии, уменьшение причиняемого ущерба, а также оказание точечной психологической помощи пострадавшим сотрудникам.

⁵ Peer support for wellbeing [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/services/peer-support-for-wellbeing> (дата обращения: 12.06.2025).

⁶ Wellbeing vans [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/services/wellbeing-vans> (дата обращения: 12.06.2025).

⁷ Psychological and trauma risk management [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/services/psychological-and-trauma-risk-management> (дата обращения: 12.06.2025).

⁸ Flint House Police Rehabilitation [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.polfed.org/gloucs/benefits/flint-house-police-rehabilitation> (дата обращения: 12.06.2025).

⁹ Operation Hampshire [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/services/operation-hampshire> (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁰ Delivering the transformative Police Assaults and Injuries App. June 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.agilisys.co.uk/insights/delivering-the-transformative-police-assaults-and-injuries-app/> (дата обращения: 16.02.2025).

Помимо указанных программ, еще одним ключевым направлением NPWS является ежегодное национальное исследование благополучия сотрудников полиции. Результаты деятельности по всем направлениям отражаются на официальном сайте, что обеспечивает открытость и доступность информации для широкой аудитории.

Так, в 2023 году совместно с исследовательским отделом полиции Даремского университета было проведено крупнейшее независимое исследование в сфере благополучия полиции Королевства. Исследование длилось семь недель – с мая по июль 2023 года, были получены ответы от более чем 42 000 респондентов, что делает его самым масштабным анализом состояния здоровья сотрудников полиции Великобритании¹¹.

В 2024 году национальный опрос благополучия сотрудников полиции не состоялся по причине необходимости тщательного анализа результатов предыдущих исследований и внесения корректировок в существующие политику, процедуры и практику полицейской деятельности. В 2025 году в опросе приняли участие более 40 000 человек из 33 подразделений.

По словам директора NPWS Энди Роудс, «для полиции очень важно слушать, понимать и действовать. Теперь у нас есть четкое представление о том, в каком состоянии находится служба и что нужно изменить. Благополучие – это не просто «приятное дополнение», оно крайне важно для вас, вашей семьи, вашей команды и общества, которому вы служите. Мы все должны работать сообща, чтобы создать культуру, в которой каждый чувствует, что его ценят, поддерживают и дают ему возможность развиваться»¹².

Таким образом, психологическая поддержка сотрудников Великобритании

реализует комплекс мероприятий, направленных на улучшение физического и психологического состояния сотрудников полиции. Ключевым аспектом является осознание того, что здоровье сотрудников (в т.ч. психологическое) напрямую влияет на их способность эффективно выполнять служебные обязанности и поддерживать общественный порядок.

В Казахстане, в отличие от Великобритании, вопрос психологической поддержки сотрудников полиции имеет менее развитую институциональную основу. Если в Королевстве действует национальная служба благополучия, объединяющая широкий спектр ресурсов и методик, то в Казахстане работа строится преимущественно на ведомственных нормативных актах.

Ключевую роль здесь играют правила организации воспитательной, психологической и идеологической работы с личным составом ОВД, которые определяют порядок и формы оказания психологической помощи¹³. Основная ее цель заключается в системном мониторинге морально-психологического климата подразделений, развитии профессионально значимых качеств сотрудников и поддержании их психологической устойчивости, включая экстремальные ситуации.

Ключевыми направлениями деятельности являются психологическая диагностика индивидуально-личностных особенностей, психологическая подготовка и помощь личному составу, психокоррекционная работа и психологическая профилактика.

Психологическая диагностика проводится ежегодно и направлена на всестороннее изучение индивидуально-личностных особенностей сотрудников с использованием стандартизированных методик (тестирование, анализ поведенческих реакций, оценка стрессоустойчивости). По ее итогам определяются лица, подлежащие углубленному психологическому изучению, сотрудники с

¹¹ National Police Wellbeing Survey 2023 results [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/news/national-police-wellbeing-survey-2023-results> (дата обращения: 17.05.2025).

¹² National Police Wellbeing Survey [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oscarkilo.org.uk/resources/national-wellbeing-survey> (дата обращения: 10.08.2025).

¹³ Об утверждении Правил организации воспитательной, психологической и идеологической работы с личным составом органов внутренних дел: приказ и.о. Министра внутренних дел Республики Казахстан от 30 нояб. 2022 г. № 921 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200030844> (дата обращения: 26.04.2025).

высоким суицидальным риском, признаками нервно-психической неустойчивости, депрессии или переживающих острые жизненные трудности.

Психологическая подготовка в основном включает тренинги, моделирование экстремальных ситуаций и лекции, направленные на развитие стрессоустойчивости, лидерских качеств, коммуникативных навыков. Реабилитационные мероприятия проводятся после участия в антитеррористических операциях, инцидентах с применением оружия или гибелью коллег, что способствует снижению посттравматических последствий.

Вместе с тем эффективность всех этих мер во многом зависит от кадрового обеспе-

чения психологической службы. Недостаточное количество ведомственных психологов снижает доступность и эффективность психологической помощи для личного состава. Так, в Алматы на 6 тысяч полицейских приходится лишь около 20 психологов, что создает нагрузку до 300 сотрудников на одного специалиста¹⁴, в результате чего многие полицейские не осведомлены о возможности получения такой поддержки.

Это подтверждается и результатами проведенного анонимного анкетирования. Согласно опросу, 1 182 (20,6%) сотрудника отметили, что не знают о доступных ресурсах психологической помощи, а 329 (5,7%) затруднились с ответом¹⁵ (диаграмма 2).

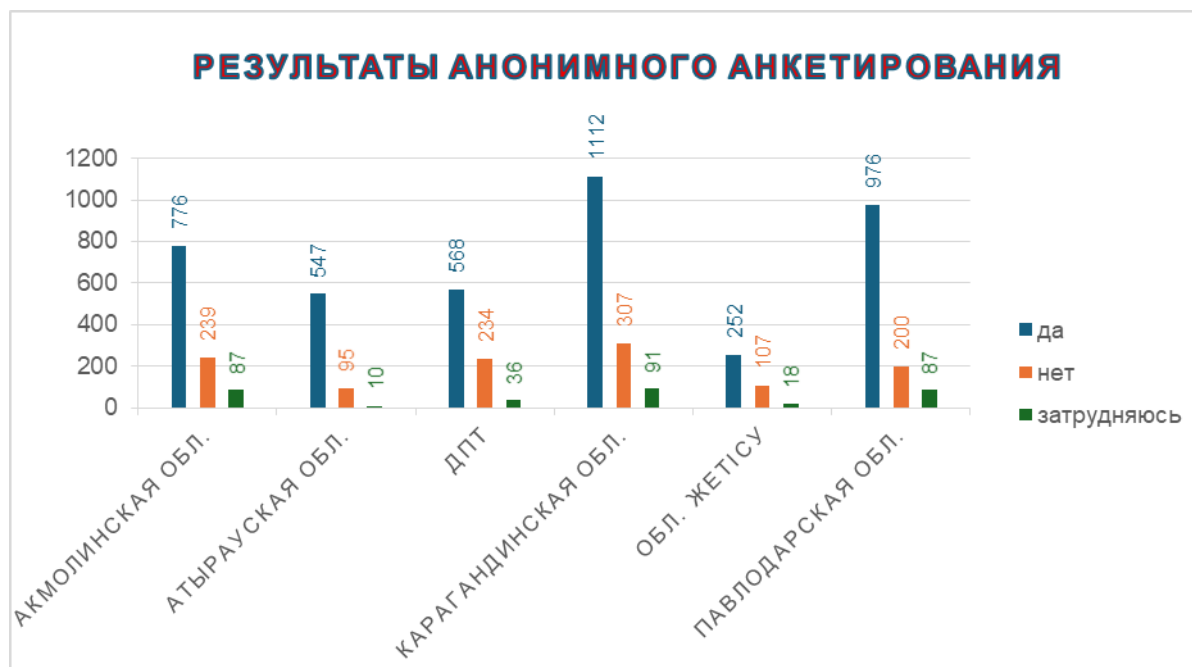

Диаграмма 2. Результаты анонимного анкетирования по вопросу осведомленности сотрудников полиции о доступной психологической помощи

Таким образом, система психологической работы в ОВД Казахстана нормативно сочетает профилактику, мониторинг и реабилитацию сотрудников полиции, ориентируясь на повышение профессиональной надежности и сохранения психического здоровья. Однако действующая модель поддержки опирается исключительно на ресурсы штатных ведом-

ственных психологов, что в условиях их ограниченной численности существенно снижает доступность психологической помощи и не позволяет в полной мере охватывать весь личный состав. При этом система мониторинга морально-психологического климата подразделений ОВД выделена в отдельный нормативный блок и утверждена приказом

¹⁴ Понять и почувствовать: как работают полицейские психологи? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20181215/policeyskiy-psiholog-interview-8505124.html> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁵ Результаты анонимного анкетирования среди сотрудников полиции Акмолинской, Атырауской, Карагандинской, Павлодарской области, области Жетісу и Департамента полиции на транспорте (исх. № 1-23-12/389, 390, 392, 395. 396, 437 от 12.03.2025 г.).

МВД РК¹⁶.

Основными целями социологического мониторинга являются: оценка текущего состояния морально-психологического климата, анализ удовлетворенности сотрудников условиями службы, выявление факторов, влияющих на боевой дух и мотивацию, а также изучение межличностных отношений.

Такой подход к социологическому исследованию, несомненно, играет важную роль в оценке общего психологического состояния личного состава. Однако, в отличие от Великобритании, где с помощью приложения Police Assaults and Injuries сведения о сотрудниках полиции поступают на регулярной основе, национальный опыт является менее продуктивным и исключает оказание точечной помощи конкретным сотрудниками или отдельным подразделениям. Индивидуальная же диагностика проводится всего один раз в год, что недостаточно для своевременного выявления и оказания профессиональной помощи.

В этом контексте негативно выглядит и отсутствие в Казахстане практики выездов мобильных групп психологической помощи, способных оперативно реагировать на кризисные состояния сотрудников по месту их службы.

Действующая система наблюдения за состоянием здоровья сотрудников полиции реализуется преимущественно в виде ежегодных медицинских осмотров, проводимых выездными врачебными комиссиями, в состав которых не входит психолог¹⁷. Таким образом, один из таких важнейших аспектов личной безопасности, как психологическая защищенность, остается без должного внимания.

Заключение. На основании вышеуказанного в целях эффективного обеспечения психологической защищенности сотрудников полиции мы предлагаем следующие решения:

Увеличение штатной численности ведомственных психологов с дислокацией по всей области (в т.ч. в районных подразделениях) или привлечение специалистов смежных областей (консультантов, психологов, социальных работников). В случае объективной невозможности закрепления в каждом районном подразделении психолога можно использовать кустовой метод, при котором за одним психологом идет закрепление 2-3 районных отделов полиции (исходя из численности личного состава, отдаленности и т.д.).

Такой подход позволит сделать психологическую помощь не формальной опцией ОВД, а реально доступным инструментом для каждого сотрудника по месту службы. При этом постоянный контакт с ведомственным специалистом будет способствовать постепенному преодолению сложившихся в профессиональной среде установок и стереотипов, при которых обращение за психологической поддержкой воспринимается как признак слабости или поведенческого отклонения.

Развитие национальных механизмов сбора и анализа данных на базе цифровых платформ (по аналогии с приложением Police Assaults and Injuries). Такое инновационное решение позволит сформировать систему постоянного мониторинга психологического состояния сотрудников полиции, обеспечить своевременное выявление признаков эмоционального выгорания, повышенного стресса и психоэмоциональной нестабильности. Наличие актуальной и систематизированной информации в сочетании с реализацией предложенных выше мер создаст условия для раннего реагирования и оказания адресной психологической помощи.

Дополнение перечня специалистов, осуществляющих медицинский осмотр сотрудников, закрепленного подпунктом 11

¹⁶ Об утверждении Правил и методики проведения ежегодного социологического мониторинга состояния морально-психологического климата в подразделениях органов внутренних дел Республики Казахстан: приказ Министерства внутренних дел Республики Казахстан от 29 дек. 2015 г. № 1094 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012713> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁷ Об утверждении Правил и периодичности проведения медицинских осмотров сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих органов внутренних дел в военно-медицинских (медицинских) подразделениях (организациях) органов внутренних дел Республики Казахстан: приказ Министерства внутренних дел Республики Казахстан от 16 нояб. 2020 г. № 780 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021665#z18> (дата обращения: 26.04.2025).

пункта 12 Правил, и увеличение периодичности проведения медицинских осмотров сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих ОВД в военно-медицинских (медицинских) подразделениях (организациях) ОВД РК, утвержденных приказом Министра внутренних дел РК № 780 от 16 ноября 2020 года – ведомственным психологом. Такое изменение законодательства позволит оптимизировать анализ психологического благополучия сотрудников полиции, интегрировав его в практику ежегодного медицинского обследования.

В заключение следует подчеркнуть, что психологическая поддержка в Великобритании формируется в

рамках индивидуалистической модели, акцентированной на личной ответственности сотрудника за психическое здоровье и его инициативность в обращении за помощью. В системе правоохранительных органов Казахстана преобладает коллективистская модель, ориентированная на групповую дисциплину, вертикаль подчинения и доминирование директивных методов управления.

В связи с этим внедрение британского опыта рассматривается не как прямое заимствование, а как адаптируемая модель, требующая учета ведомственной культуры, традиций и организационной специфики МВД РК.

Список использованной литературы:

1. Морозов, В.А. Опыт обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран: учеб. пос.; под общ. ред. В.А. Морозов, С.П. Шатилова, С.П. Шубина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – 43 с.
2. M. Davies. Police officers take a week off every year for mental health issues [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.thetimes.com/uk/crime/article/police-officers-week-off-year-mental-health-crisis-crime-justice-commission-wwztpn8zb?region=global> (дата обращения: 25.08.2025).
3. Ысқақ, Г. Психологическое сопровождение сотрудников полиции / Г. Ысқақ, О. Сангилбаев, Л. Рогалева // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. – 2025. – № 82 (1). – С. 70-83.
4. Knight, L. Key themes in qualitative research projects with police forces in England and Wales (accessible version) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/front-line-policing-review/key-themes-in-qualitative-research-projects-with-police-forces-in-england-and-wales> (дата обращения: 25.08.2025).
5. Porter, C. Constant pressures from all angles: Understanding the mental health of UK police officers / C. Porter // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. – 2025. – Vol. 98. № 2. – С. 306-323.

References:

1. Morozov, V.A. Opyt obespechenija lichnoj bezopasnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov zarubezhnyh stran: ucheb. pos.; pod obshh. red. V.A. Morozov, S.P. Shatilova, S.P. Shubina. – Barnaul: Barnaul'skij juridicheskij institut MVD Rossii, 2021. – 43 s.
2. M. Davies. Police officers take a week off every year for mental health issues [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.thetimes.com/uk/crime/article/police-officers-week-off-year-mental-health-crisis-crime-justice-commission-wwztpn8zb?region=global> (data obrashhenija: 25.08.2025).
3. Ysqaq, G. Psihologicheskoe soprovozhdenie sotrudnikov policii / G. Ysqaq, O. Cangilbaev, L. Rogaleva // Vestnik KazNPU imeni Abaja. Serija: Psihologija. – 2025. – № 82 (1). – S. 70-83.
4. Knight, L. Key themes in qualitative research projects with police forces in England and Wales (accessible version) [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.gov.uk/government/publications/front-line-policing-review/key-themes-in-qualitative-research-projects-with-police-forces-in-england-and-wales> (data obrashhenija: 25.08.2025).
5. Porter, S. Constant pressures from all angles: Understanding the mental health of UK police officers / S. Porter // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. – 2025. – Vol. 98. № 2. – S. 306-323.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Андрей Викторович Плотников – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының докторанты, құқық магистрі, e-mail: andry_26@bk.ru.

Плотников Андрей Викторович – докторант Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, магистр права, e-mail: andry_26@bk.ru.

Plotnikov Andrey Viktorovich – Doctoral Student of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Master of Law, e-mail: andry_26@bk.ru.

Нұрлан Амангелдіұлы Биєкенов – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының бастығы, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: nbiekenov@mail.ru.

Биєкенов Нурлан Амангелдинович – начальник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук, профессор, e-mail: nbiekenov@mail.ru.

Biyekenov Nurlan Amangeldinovich – Head of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Doctor of Law, Professor, e-mail: nbiekenov@mail.ru.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ / МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ / INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

ӨОЖ 341.24; 341.3
ХҒТАР 10.87.68

Д.Н. Бекежанов, С.А. Алжанкулова

І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған қ., Қазақстан Республикасы

ГИБРИДТІ СОҒЫС ЖАҒДАЙЫНДА ЖЕКЕ ӘСКЕРИ КОМПАНИЯЛАР

Аннотация. Мақалада өзінің ресми халықаралық-құқықтық мәртебесін әлі ала алмаған құбылыстарды заңдастыру процесі қарастырылады. Жеке әскери компаниялардың заңдылығы мәселесі қазіргі уақытта ЖӘК-ны заңдастыру процесі арқылы өтіп жатқан құбылыс ретінде екі процестің нәтижесі ретінде зерттелуде: жекешелендіру – жеке әскери компаниялар бұрын мемлекеттердің қарулы күштеріне тән міндеттерді шешу мақсатында қауіпсіздікті қамтамасыз ету жөніндегі функцияларды өз мойнына алған кезде; жаһандану – жеке әскери компаниялар нақты мемлекетпен байланысы жоқ трансұлттық корпорациялардың мүдделерін қорғаған кезде. Қазіргі заманғы соғыс гибридік сипатта болғандықтан, бүгінгі күнгі қақтығыстар ассиметриялы болып табылады, нәтижесінде дәстүрлі әскери күштерді оларға қарсы қою қиындыққа әкеледі. Сондықтан осындай қақтығыстарды халықаралық жария құқықта белгісіз мәртебеге ие, жеке әскери компаниялар сияқты акторлар бірінші орынға шығады. Жеке әскери компаниялардың халықаралық құқықта нақты анықтау және бірыңғай ережелерді белгілейтін және олардың қызметіне бақылауды қамтамасыз ететін халықаралық орган құру қажеттілігі туралы қорытынды негізделеді.

Түйінді сөздер: жеке әскери компания; жауынгерлер; комбатант; халықаралық гуманитарлық құқық; гибридік соғыс; қарулы күштер; қарулы қақтығыс; барлау; жеке әскери компаниялар қызметкерлері.

Д.Н. Бекежанов, С.А. Алжанкулова

Жетісуский университет имени И. Жансугурова, г. Талдықорған, Республика Казахстан

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается процесс легитимизации существующих явлений, которые еще не приобрели своего официального международно-правового статуса. Изучается вопрос легитимности частных военных компаний как явления, в настоящее время проходящего сквозь процесс легитимизации. Частные военные компании рассматриваются как результат двух процессов: приватизации – когда частные военные компании берут на себя функции по обеспечению безопасности с целью решения задач, ранее присущих вооруженным силам государств, и глобализации – когда, например, частная военная компания отстаивает интересы транснациональных корпораций, не имеющих четкой государственной принадлежности. В связи с тем, что современная война является гибридной, а современные конфликты чаще являются асимметричными, соответственно, противопоставить им традиционные военные силы достаточно трудно, на первое место выходят основные акторы подобных военных конфликтов, носящие характер гибридных войн – частные военные компании, которые на сегодня имеют неопределенный статус в международном публичном праве. Обосновывается вывод о необходимости четкого определения частных военных компаний в международном праве и учреждения международного органа, который бы устанавливал унифицированные правила и обеспечивал контроль за их деятельностью.

Ключевые слова: частная военная компания; воин; комбатант; международное гуманитарное право; гибридная война; вооруженные силы; вооруженный конфликт; разведка; сотрудники частных военных компаний.

PRIVATE MILITARY COMPANIES IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF HYBRID WARFARE

Abstract. The article examines the process of legitimizing existing phenomena that have not yet acquired their official international legal status. The issue of the legitimacy of private military companies as a phenomenon currently undergoing the process of legitimization is being studied. Private military companies are the result of two processes: privatization, when private military companies assume security functions in order to solve problems previously inherent in the armed forces of states, and globalization, when, for example, a private military company defends the interests of Multinational corporations that do not have a clear state affiliation. Due to the fact that modern warfare is hybrid, and modern conflicts are more often asymmetric, respectively, it is difficult to oppose traditional military forces to them, and therefore the main actors of such military conflicts, which have the character of hybrid wars, such as private military companies, which today have an uncertain status in the international community, come out on top. public law. The author substantiates the conclusion that it is necessary to clearly define private military companies in international law and establish an international body that would establish unified rules and ensure control over their activities.

Keywords: private military companies; warrior; combatant; international humanitarian law; hybrid warfare; armed forces; armed conflict; intelligence; employees of private military companies.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_246

Кіріспе. Әлемдік саясат пен тәртіп өзара тәуелділікті қалыптастыруда және оған сәйкес әр актор басқалармен байланыста болуда, сондай-ақ жалпы құрылымға тәуелді және басқалармен өзара әрекеттесуде ғана өз маңыздылығына ие бола алады. Жүйенің негізінде әр түрлі қарама-қарсы, бірақ өзара тәуелді қажеттіліктер жатыр: жаһандану мен локализация, патриотизм мен космополитизм, ядролық қарусыз қауіпсіз әлемге деген ұмтылыс және ауқымды апаттардан «сақтандырғыш» қажеттілігі. Сондай-ақ басқа мемлекеттерге қауіп төндіретін қауіпсіздікті нығайту («қауіпсіздік дилеммасы»), мемлекеттің күшке монополиясын сақтау және «жеке күш» саналатын жеке әскери компанияларға (әрі қарай – ЖӘК деген қажеттілік те осы жүйенің құрамына кіреді. ЖӘК – бұл екі процестің нәтижесі: жекешелендіру барысында жеке әскери компаниялар мемлекеттердің қарулы күштеріне тән міндеттерді атқарып, қауіпсіздік қызметтерін ұсына бастады (мысалы, пенитенциарлық жүйеде түзеу мекемелерінің толықтай ЖӘК қызметкерлерінің бақылауына берілуі). Сонымен бірге жаһандану нәтижесінде ЖӘК нақты бір мемлекетке байланысы жоқ

трансұлттық корпорациялардың мүдделерін қорғауға кірісті.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің мақсаты гибридік соғыс жағдайында жеке меншік әскери компаниялардың рөлін, функциялары мен ерекшеліктерін кешенді талдау, сондай-ақ олардың қазіргі заманғы қарулы қақтығыстардың сипатына, халықаралық қауіпсіздікке және құқықтық реттеу жүйесіне әсерін анықтау болып табылады.

Зерттеу нысаны қазіргі заманғы халықаралық қатынастарда қарулы күштерді мемлекеттік емес қолданудың ерекше институты ретінде жеке әскери компаниялардың қызметі болып табылады. Зерттеудің пәні гибридік соғыстар құрылымында жеке әскери компаниялардың функционалдық рөлін, құқықтық мәртебесін, стратегиялық мәнін және қазіргі заманғы жанжалдар серпініне әсерін қоса алғанда, оларды пайдалану нысандары, тетіктері мен ерекшеліктері болып табылады.

Зерттеу барысында гибридік соғыстың мәні туралы ғылыми көзқарастарды жүйелеу және қазіргі қақтығыстардағы ЖӘК қызметінің негізгі сипаттамаларын анықтау үшін талдау және синтез сияқты жалпы ғылыми зерттеу

әдістері қолданылды. ЖӘК-ды қолданудың бұрын зерттелген жағдайлары негізінде жалпы қорытындыларды тұжырымдау және олардың қарулы қақтығыстарға қатысу заңдылықтары мен құқықтық салдарын шығару үшін индукция және дедукция әдістері пайдаланылды. Абстракциялау және жалпылау ЖӘК жұмысының әмбебап белгілерін анықтауға, сондай-ақ гибриді соғыстағы ЖӘК рөлі туралы тұжырымдамалық анықтамалар мен теориялық қорытындыларды қалыптастыруға мүмкіндік берді.

«Жалдамалы», «жеке әскери компания» санаттарын талдау кезінде формалды-құқықтық әдіс қолданылды. Салыстырмалы құқықтық әдіс ЖӘК (АҚШ, Ұлыбритания) қызметін реттеудің шетелдік модельдерін және халықаралық актілер мен аймақтық бастамаларды салыстыру үшін қолданылды. Жалдамалылықтың эволюциясын және жеке әскери қызмет институтын зерттеу, сондай-ақ биполярлықтан кейінгі қақтығыстар дәуіріндегі ЖӘК трансформациясын талдау үшін тарихи зерттеу әдісі қолданылды.

Халықаралық актілерді талдау әдістемесі нормалар мен құқықтық анықтамаларды формалды-құқықтық талдауды және қазіргі қақтығыстарда халықаралық актілерді қолданудың тиімділігін бағалауды қамтыды. Сонымен, Женева конвенцияларына I Қосымша хаттама жалдамалылардың мәртебесін нақтылағанымен, көптеген ЖӘК қызметкерлері жалдамалылар анықтамасына жатпайды, сондықтан құқықтық қорғау немесе жауаптылық әрқашан анық бола бермейді. Демек, сәйкестік ұлттық қадағалау тетіктеріне және мемлекеттердің бұзушылықтарды тексеру мүмкіндігіне байланысты болып табылады. 2010 жылғы Жеке қауіпсіздік компанияларының халықаралық мінез-құлық кодексі этикалық стандарттар, есеп берушілік, ашықтық және халықаралық құқық нормаларын сақтау, осы компанияларға деген сенімді арттыру және бұзушылық тәуекелдерін азайту арқылы ЖӘК әрекеттерін реттеуге бағытталған.

Осы тақырып бойынша ғылыми әдебиетті талдау қазіргі заманғы қақтығыстардың эволюциясына, мемлекеттік емес қарулы акторлардың рөліне және әскери күштерді

жекешелендіруге арналған шетелдік зерттеушілердің еңбектеріне сүйенеді. Фрэнк Г. Хоффманның жұмысы гибридік соғыстар теориясының негізгілерінің бірі және қазіргі заманғы қарулы қақтығыстардың сипатын қайта анықтайтын іргелі еңбек болып табылады. Н. Нилссонның, М. Вайссманның және Б. Палмерцтің зерттеуі гибридік қауіп-қатерлерге қарсы әрекет етудегі барлау құрылымдарының рөліне арналған заманауи талдамалық зерттеу болып табылады. А. Саржитоның еңбегінде жеке меншік әскери компаниялардың қазіргі заманғы қорғаныс саясаты мен әскери операциялардағы рөлі зерттеледі. Осылайша, зерделенген әдебиеттер гибридік соғыс жағдайындағы жеке меншік әскери компаниялардың рөлін зерттеу үшін қажетті берік теориялық-талдамалық негізді қалыптастырады.

Нәтижелер, талқылау. Соңғы жылдары үкіметке қарсы «бейбіт» әрекеттерден басталып, зорлық-зомбылық азаматтық текетіреске ұласатын және сыртқы араласумен аяқталуы мүмкін әскери қақтығыстың жаңа түрі пайда болды. Мұндай қақтығыстарды қазіргі дәуірдегі соғыстың жаңа түрі деп атауға болады. Әйгілі американдық әскери теоретик Фрэнк Хоффман алғашқылардың бірі болып: «...қазіргі дәуірдегі соғыстар будандастыру процесімен сипатталады, оның шеңберінде соғыстың дәстүрлі түрлері, киберсоғыс, ұйымдасқан қылмыс, ретсіз қақтығыстар, терроризм және т.б. араласады» деп атап өткен. Жаңа әскери шындықты сипаттау үшін ол «гибридік соғыс» терминін ұсынды, бұл соғыстардың өзгермейтін сипатын сақтай отырып, олардың табиғатындағы маңызды өзгерістерді дәлірек көрсетуге мүмкіндік береді [1].

Мұндай соғыс ол туралы дәстүрлі ұғымдарының шегінен шығып, ол саяси интригалардың шиеленісіне, елге, территорияларға, ресурстарға және қаржылық ағындарға саяси-экономикалық үстемдік үшін қатал күреске айнала отырып, аралас сипатқа ие болады. Оның үстіне, тараптар мүмкін болатын барлық құралдарды және кез келген, тіпті ең арамдық әдістер мен әрекеттерді күшпен де, күштеусіз де қолданады. Мұндай соғыстың

құрбандары, әдетте, бейбіт тұрғындар, ең алдымен халықтың қорғансыз санаттары: қарттар, әйелдер мен балалар жатады. Мұндай қақтығыс жағдайында кінәсізді кінәліден, жауды одақтастардан, қарапайым бейбіт тұрғындарды террористтерден, жалдамалылар мен содырлардан ажырату қиынға соғады. Жоғары технологиялық барлау және жою құралдарының қолдауымен көршілес елдердің содыр топтары жүзеге асырған жасырын сыртқы әскери интервенция мұндай әскери қақтығысты одан сайын түсініксіз және екіұшты сипат береді. Осы типтегі соғыстағы әскери іс-қимылдардың мазмұны жаудың қарулы күштерін физикалық түрде жою емес, агрессордың ерік-жігерін мемлекеттің бүкіл халқына таныту және моральсыздандыру болып табылады.

Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, гибридік қауіптер киберкеңістік, дипломатия, саясат, мәдениет, әлеуметтік сала, Қарулы Күштер, ғарыш, әкімшілік, инфрақұрылым, экономика, барлау және ақпарат сияқты әртүрлі салаларда және олардың арасындағы түйісулерде қолданылатынын атап өтеміз [2, 3 б.].

Демек, мұндай жағдайларда көптеген елдердің ұлттық құқығында да, халықаралық деңгейде де мәртебесі белгісіз жеке әскери компаниялар сияқты факторлар бірінші орынға шығады. Бүгінгі таңда жеке әскери компаниялар (ЖӘК) бүкіл әлем бойынша қорғаныс саясаты мен операцияларының маңызды субъектілеріне айналды [3, 38 б.]. Олар ұрыс іс-қимылдар, стратегиялық жоспарлау, әскери дайындық, барлау, материалдық-техникалық қамтамасыз ету, объектілер мен адамдардың қарулы қауіпсіздігін қамтамасыз етуге байланысты тапсырмаларды орындайды. Қазіргі уақытта әлемде ЖӘК-ның негізгі клиенттері мемлекеттер, трансұлттық корпорациялар, халықаралық ұйымдар, үкіметтік емес ұйымдар болып табылады. Жеке әскери компаниялардың артықшылықтары мен кемшіліктері бар: біріншіден, олар тұрақты қарулы күштер сияқты көп ресурстарды қажет етпейді, олар қажет болған жағдайда нақты тапсырмаларды орындауға тартылады; екіншіден, ЖӘК көбінесе кәсіби

және дайындығы жоғары, өйткені олар бұрынғы әскери қызметшілер арасынан өз қызметкерлерін жалдайды; үшіншіден, ЖӘК пайдалану жергілікті қарулы қақтығыс кезінде ресми шығындарды азайтуды білдіреді, бұл егер ЖӘК қызметтеріне тапсырыс беруші мемлекет болса, бұл өте маңызды.

Кемшіліктердің ішінде «жеке әскерлердің» қызметіндегі ашықтықтың жоқтығын атап өтуге болады; «жалдамалы сарбаздардың» жалғыз мотивациясы ақша болғандықтан, ЖӘК бөлімшелері барлық тәуекелдерді өлшей отырып, бұйрықтарды орындаудан бас тарта алады; халықаралық құқықта да, көптеген мемлекеттердің ұлттық заңнамасында да «жеке әскерлердің» қызметі мен жауапкершілігін реттеудің нақты нормалары жоқ. Кейбіреулер ЖӘК-ға тек теріс көзқараспен қараса, басқалары олардан бүкіл планетадағы бітімгершілік күштердің болашағы деп санайды.

М. Уруэнья-Санчес пен Х.О. Алодсоның айтуынша, идеологиялық сыртқы жағы ЖӘКК-тың басты мақсаты пайда табу екенін дәлелдеу қажеттілігімен байланысты болады. Бұл талап халықаралық ұйымдар мен ҰЕҰ-ға ЖӘКК ұсынатын қорғаудың түптеп келгенде олардың басқа іс-әрекеттерін заңдастыруға бағытталған деген ойын білдіреді [4, 50 б.].

Д.Э. Джидонг, Э.Э. Айоби және басқалары ЖӘКК әлеуетті пайдалы болып саналғанымен, олардың ұзақ мерзімді рөлі мен басқаруы қақтығыстан кейінгі тұрақтылық үшін теріс салдарды болдырмау үшін мұқият қарауды талап етеді деп санайды [5, 3884 б.]. Осылайша, кез келген тапсырыс беруші – мемлекеттің, халықаралық ұйымның немесе трансұлттық корпорацияның ЖӘК пайдалануы іс жүзінде әрқашан қауіпті болып табылады. Соның ішінде ЖӘК құқықтық субъектілігі мәселесі бойынша әлемдік қоғамдастық ұстанымының болмауы себебінен әлемдік саясаттың «әрекет етуші тұлғалары» жүйесіндегі «жеке әскерлер» өздері акторлар немесе басқа субъектілердің мақсаттарына жету үшін жай ғана құрал болып табылады. ЖӘК индустриясының ауқымын қарастырайық, американдық ЖӘК Blackwater, әлемдегі ең қуатты жеке армия, 1997 жылы Эрик Принс пен Аль Кларк негізін

қалаған. 2009 жылы компания өз атауын қазіргі уақытта Academi логотипімен танымал Xe Services LLC деп өзгертті. ЖӘК штаб-пәтері Солтүстік Каролина штатының Мойок қаласында орналасқан, сонымен қатар компанияның Лондон, Дубай, Лагос және Вашингтонда (DC) аймақтық өкілеттіліктері бар [6, 7 б.].

Британдық G4S компаниясы масштабы бойынша Academi-ден кем түспейді. Бұл ЖӘК-ың штаб-пәтері Ұлыбританияда Кроли қаласында орналасқан. Компания 6 континентте жұмыс істейді, жұмысшылар саны 570 000 адамды құрайды [7, 28 б.].

DynCorp International жеке әскери компаниясы әлемдегі ең танымал ЖӘК-ың бірі болып табылады. Компанияның штаб-пәтері Вирджиния штатында, АҚШ-та орналасқан, компанияның қызметкерлері 14 000 адамнан тұрады, жалпы табысы \$3,047 млрд құрайды. DynCorp қызметтерінің негізгі тұтынушысы АҚШ армиясы [7, 28 б.].

Aegis Defence Services – 2002 жылы Тим Спайсер құрған, БАӘ, Ауғанстан, Ирак, Мозамбик, Ливия, Сомали сияқты елдерде кеңселері бар британдық жеке әскери компания¹. Northbridge Services Group Ltd – Доминикан Республикасында тіркелген жеке әскери компания, Ұлыбританияда, Украинада және АҚШ-та кеңселері бар². Үкіметтік функцияларды жекешелендіру туралы және тар форматта жеке әскери компаниялар туралы пікірталас халықаралық құқық нормалары тұрғысынан ЖӘК қызметкерлерінің кім екенін анықтау мәселесіне жиі келіп тіреледі. «ЖӘК қызметкерлері жалдамалы болып табыла ма?» деген сұраққа нақты жауап жоқ.

Екі халықаралық конвенция жалдамалылардың қызметін анықтап қылмыстық жауаптылыққа тартуда, атап айтқанда, 1989 жылғы 4 желтоқсандағы жалдамалыларды жалдауға, пайдалануға, қаржыландыруға және оқытуға қарсы күрес туралы Халықаралық конвенция

және 1977 жылғы 3 шілдедегі Африкадағы жалдамалылықты жою туралы Африка Одағы ұйымының конвенциясы. Халықаралық гуманитарлық құқықта: 1949 жылғы 12 тамыздағы Женева конвенцияларына 1977 жылғы 8 маусымдағы халықаралық қарулы қақтығыстардың құрбандарын қорғауға қатысты Қосымша хаттама. 1 Қосымша хаттамада да, конвенцияларда да жалдамалылардың анықтамасы іс жүзінде бірдей, бірақ конвенциялар бойынша жалдамалы болу осы қызмет үшін қудалауды білдіреді, ал халықаралық гуманитарлық құқық бойынша жалдамалы болу бұл адамның әскери тұтқын мәртебесінен айырылатынын білдіреді, атап айтқанда, «жалдамалы адамның жауынгер немесе әскери тұтқын мәртебесіне құқығы жоқ»³.

Халықаралық гуманитарлық құқықтың да, конвенциялардың да (БҰҰ және Африка Одағы) проблемасы мынада: екі режим де «РМК персоналы жалдамалы ма?» деген сұраққа біржақты жауап беруге мүмкіндік бермейді, егер әскери тұтқындар тұтқынға алынса, екі сала да мәселені әр жағдайда жеке шешуді талап етеді. Женева конвенцияларына қосымша 1 Хаттама бойынша жалдамалы адам – бұл:

1) қарулы қақтығысқа қатысу үшін жергілікті жерде немесе шетелде арнайы жалданған;

2) іс жүзінде әскери іс-қимылдарға тікелей қатысатын кез келген адам;

3) ең алдымен, тарап шын мәнінде уәде еткен немесе қақтығыста жүрген тараптың тапсырмасы бойынша осы тарап Қарулы Күштерінің жеке құрамына кіретін сол дәрежедегі және функциялардағы комбатанттарға уәде берілген немесе төленетін сыйақыдан асатын жеке пайда алу ниетін басшылыққа ала отырып, әскери іс-қимылдарға қатысады;

4) қақтығыс тарапының азаматы да, қақтығыс тарапының бақылауындағы аумақта тұрақты тұратын адам да емес;

¹ Aegis Defence Services Ltd [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.bloomberg.com/profile/company/0027243D:LN> (жүгінген күні: 20.02.2025).

² One of the Largest Private Defense Corporations in the World [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://northbridgeservices.com/> (жүгінген күні: 20.02.2025).

³ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (жүгінген күні: 20.02.2025).

5) қақтығыста жүрген тарап Қарулы Күштерінің жеке құрамына кірмейді;

6) қақтығыстағы тарап болып табылмайтын мемлекет өзінің қарулы күштерінің құрамына кіретін адам ретінде ресми міндеттерді орындау үшін жібермеген»⁴.

Адам барлық критерийлерге бірден жауап беруі қажет, бірақ бұл іс жүзінде мүмкін емес. Мысалы, мемлекет 1997 жылы Папуа-Жаңа Гвинеяның «Sandline International» қызметкерлеріне қатысты арнайы констабль мәртебесі берілген сияқты жалдамалыларды өздерінің қарулы күштерінің қатарына қосуы мүмкін [8]. Одан әрі заңды сұрақ туындайды: «ЖӘК қызметкерлері комбатанттар болып табыла ма?». Комбатант мәртебесі қақтығыстағы тараптардың бірінің қарулы күштеріне тиесілі болуымен байланысты болып келеді. Қосымша Хаттаманың 43-бабының 2 және 3-тармақтарына сәйкес «қақтығыстағы тараптың Қарулы күштерінің құрамына кіретін адамдар жауынгер болып табылады, яғни олардың әскери іс-қимылдарға тікелей қатысуға құқығы бар. Қақтығыстағы тарап өзінің Қарулы күштері қатарына тәртіпті қорғауды қамтамасыз ететін жартылай әскери ұйымды немесе қарулы ұйымды қосқан кезде, ол бұл туралы қақтығыстағы басқа тараптарды хабардар етеді» делінген⁵.

Тиісінше, егер ЖӘК-ның барлық қызметкерлері Қарулы күштердің құрамына кірсе, бұл қызметкерлерді санаттау бойынша барлық мәселелерді шешер еді, егер бір мәселе ғана болмаса, қарулы күштерді жекешелендірудің мәні дәл мемлекеттік функцияларды мемлекеттен бөлек жеке бизнеске, аутсорсингке беру болып табылады. Көп жағдайда мемлекеттер керісінше, соларға жұмыс істейтін ЖӘК қызметкерлерін азаматтық тұлғалар болып табылатынын атап өтуге тырысады.

«Әскери тұтқындарға қарау туралы» III Женева конвенциясына сәйкес комбатанттар мәртебесін алудың тағы бір жолы бар –

ЖӘК қақтығыс тараптарының бірінде тұрған әскерилерге, ерікті жасақтарға, қарсылық қозғалыстарына жатуы және мынадай талаптарға сәйкес келуі тиіс: а) төрағалық етуші жауапты тұлға болуы; б) айырым белгілерінің болуы; в) қаруды ашық алып жүру; г) әдет-ғұрыптар мен заңдарды сақтау⁶.

Бұл критерийлердің барлығына сйкес келу керек. Бірақ егер ЖӘК қақтығысқа қатысушы тараптардың бірінің ерікті күштеріне тиесілі екендігі анықталса да, тиісті үкіметтің бұл мүшелік үшін жауапкершілікті алуға дайын болуы екіталай. Сонымен, ЖӘК қызметкерлері үшін үшінші әдіс – бұл сағыс тараптарының бірінің азаматы болуы (Женева конвенциясының III 4а/2 бабы).

Демек, ЖӘК қызметкерлерінің жауынгер ретіндегі біліктілігінің құқықтық базасы айтарлықтай шектеулі, алайда мұндай мердігерлердің мәртебесін нақтылау мәселесі маңызды және ашық болып қала береді, бұл бізді басқа мәселеге алып келеді: индивид не комбатант, не азаматтық тұлға болуы тиіс. Егер ЖӘК қызметкерлері комбатант емес болса, онда олар азаматтық тұлғалар болып саналады, сондықтан олардың жауынгерлік (әскери) әрекеттерге қатысуға құқығы жоқ. Мұндағы мәселе «соғыс қимылдарына жеке қатысу» дегенді білдіретін нақты критерийлердің жоқтығында. Мысалы, әскерлерді материалдық-техникалық қамтамасыз ету, атыс орындарында қызмет көрсету, объектілерді күзету және т.б. Бұл жағдайда ЖӘК қызметкерлері «квази-комбатанттар» ретінде әрекет ете алады. Сондай-ақ, әскери объектілердің белгіленген тізімі жоқ. Егер ЖӘК күзететін объект қандай да бір себептермен әскери тұрғыдан стратегиялық маңызды болса, ЖӘК қызметкерлері әскери іс-қимылдарға заңсыз қатысады деп есептеле ме деген сұрақ туындайды.

Себебі ЖӘК аумақты минадан тазартудан бастап президенттерді, маңызды жүктер мен стратегиялық объектілерді қарулы күзетуге

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (жүрінген күні: 20.02.2025).

⁵ Сол жерде.

⁶ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (жүрінген күні: 01.03.2025).

дейін және т.б. функциялардың өте кең спектрін орындайды. Бұл олардың соғыс әрекетіне қатысты ма екендігіне шатасуын тудырады. Бір мезгілде иә да, жоқ та, демек олардың қызметі белгісіздік аймағында деп айтуға болады. Сонымен, неліктен жеке әскери және күзет компаниялары өз қызметтеріне сұранысқа ие болады, неге олар бүкіл өмір бойы айналасындағы барлық жанжалдарға қарамастан, соншалықты танымал және қызықты? Қойылған сұрақтың жауабы: қазіргі заманғы соғыстың ерекшелігі, оның символы – хамелеон: бейбітшілікті қолдау жөніндегі халықаралық операция – бұл соғыс па, әлде жоқ па? Талдау негізінде біз әртүрлі жауаптар алудамыз. Демек, мемлекет ол туралы білмей, мысалы, ЖӨК көмегіне жүгіне отырып соғыс жүргізе алады. Қазіргі заманғы соғыстың сипаттамалары туралы ойды дамыта отырып, бұл соғыс ресми түрде жарияланбаған соғыстар, бұл асимметриялық және төмен қарқынды қақтығыстар, сонымен қатар киберкеңістіктегі соғыстар, мысалы, АҚШ Қарулы күштерінің құрамында 2006 жылдан бастап Киберкомандование деп аталатын құрылым ұйымдастырылды [9]. Сарапшылар гибриді соғысты ХХІ ғасырда жиі қолданылатын қақтығыс түрі деп атайды. Лондон халықаралық стратегиялық зерттеулер институтының «Military Balance 2015» жыл сайынғы басылымының алғысөзінде гибриді соғыс келесідей анықталады: «Кенетке қол жеткізуге бағытталған интеграцияланған науқанда әскери және әскери емес құралдарды қолдану, бастаманы басып алу және дипломатиялық іс-әрекеттерде пайдаланылатын психологиялық артықшылықтарға ие болу; ауқымды және жедел ақпараттық, электрондық кибероперациялар; экономикалық қысыммен ұштастыра отырып, әскери және барлау әрекеттерін жасыру» [10].

Жеке әскери және күзет компанияларын «жұмсақ реттеудің» тағы бір маңызды құралы 2010 жылғы Жеке күзет/әскери компанияларға арналған халықаралық мінез-құлық Кодексі болып табылады⁷. Ол этикалық

және заңды мінез-құлық стандарттарын қалыптастырып ашықтық пен есептілікті арттырады, бірақ ұлттық заңнама мен халықаралық келісімдерді алмастырмайды. Тиімділік компаниялардың ерікті түрде қатысуына және мемлекеттердің қолдауына байланысты болып келеді.

Айта кетейік, бүгінгі таңда жеке әскери және күзет компанияларының қызметін реттеу мәселелеріне арналған халықаралық қоғамдастық мойындаған бір ғана құжат – Швейцария Үкіметі мен Халықаралық Қызыл Крест комитетінің бастамасы шеңберінде құрылған Монтрё құжаты бар. Алайда бұл құжаттың заңдық күші жоқ және тек қана ұсынымдық сипатта болады.

Монтрё құжатын жеке әскери компанияларды пайдалануды реттейтін халықаралық-құқықтық базаны кеңінен түсіндіру процесінде негізгі құрал ретінде қарастыруға болады. Құжат ЖӨК құқықтық вакуумда жұмыс істемейтінін көрсетеді. Ол мемлекеттер мен халықаралық гуманитарлық құқық және адам құқықтары бойынша жеке мердігерлердің халықаралық құқыққа сәйкес әрекет етуін және өз қызметі үшін жауапты болуын қамтамасыз ету жөніндегі негізгі міндеттемелерді еске салады [11, 107 б.]. Монтрё құжаты – жеке әскери және күзет компанияларының қызметін реттеу ісіндегі алғашқы қадам. Бұл ретте жеке әскери және күзет компанияларының шығу тегі мен қызметіне байланысты мемлекеттердің ұлттық заңнамасын жетілдірумен бірге бейінді халықаралық шарт жасау қажет.

Дегенмен, Қазақстан өз аумағында немесе одан тыс жерлерде әрекет ететін ЖӨК-ды заңдастыруды қолдамайды. Оның орнына мемлекет жалдамалы әрекеттердің жолын кесуге және шетелдегі қақтығыстарға қатысқан адамдарды, әсіресе материалдық пайда табуды көздеген адамдарды жазалауға басымдық береді. Қазақстанның саясаты жеке әскери секторды ұлттық қауіпсіздік жүйесіне кіріктіруге емес, оның алдын алуға бағытталған. Бұл позиция мемлекеттің жеке қарулы күштер тудыратын ықтимал қауіптерге: мемлекеттің егемендігіне, қауіпсіздігіне

⁷ Международный кодекс поведения частных охранных компаний: от 9 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] – Айналыс режимі: <https://newsb.ru/wp-content/docs/> (жүргінген күні: 20.11.2025).

және құқық қорғау ресурстарын бақылауға төнетін қауіптерге қатысты алаңдаушылығын көрсетеді.

Қорытынды. Жүргізілген талдау нәтижесінде жалдамалылар мен ЖӘК қолдану гибридік соғыстардың маңызды элементі болып табылады деген қорытынды жасалды. Қазіргі заманғы бірде-бір ауқымды әскери қақтығыс жеке меншік әскери компаниялардың жалдамалыларының қатысуынсыз болып жатқан жоқ. ЖӘК-ны біз әскери сипаттағы және кәсіби деңгейдегі қызметтер көрсететін құрылымдар ретінде қарастырамыз. Сонымен қатар, мұндай ұйымдардың негізгі мақсаты – өз қызметінен қаржылық кіріс алу. Жалпы, гибридік соғыс саяси келісімдермен немесе ашық қақтығыстармен, соның ішінде әскери келісімдермен ресурстардың жетіспеушілігін өтеу стратегияларына негізделген. Соңғысы адам ресурстарының жоғалуын болжағанымен, олар кейде дәл осы мағынада қарастырылады.

Асимметриялық стратегияларға қарсы асимметриялық стратегиялар да қолданылуы керек, сондықтан ең алдымен коалициялық ақпараттық қауіпсіздік құралдарын күшейту қажет. Сондай-ақ, стратегиялардың бір бөлігі осы коалициялық байланыстарды бұзуға бағытталған – қолда бар коалициялардың, демократиялық құрылымдардың ыдырауы, олардың орнына ұлтшыл, діни және басқа бағыттағы террористік топтарға айналатын қарсыласу

топтары бойынша коалициялар құру. Сонымен қатар, гибридік соғыстардың кейбір бастамашылары ЖӘК-ны агрессор ел үшін елеулі ішкі саяси қауіп-қатер төндірмейтін шетелде әскери ықпалды жүзеге асыру үшін экономикалық жағынан орынды құрал ретінде қолданады. Бұл ретте қажет болған жағдайда агрессор ел кез-келген уақытта осындай әрекеттерден көпшілік алдында бас тарта алады. Дәл осындай агрессор елдердің гибридік соғыстарды жүргізу кезіндегі алдау әрекеттері жеке әскери компанияларды қолдану тәжірибесін жаңа деңгейге шығарды.

Осыны ескере отырып, халықаралық қауымдастық ЖӘК атын жамылған гибридік әскерлерге қарсы тұрудың тәсілдерін табуы тиіс. Жеке әскери компанияларды гибридік соғыстарға тартудың өзектілігін айқындай отырып, халықаралық құқық бойынша ЖӘК-ның нақты мәртебесін анықтау және бірыңғай ережелерді белгілейтін және ЖӘК қызметін қатаң бақылауды қамтамасыз ететін халықаралық орган құру қажет. Сонымен бірге, жеке әскери және қауіпсіздік секторының қызметін оңтайландыру мақсатында әскери саладағы жеке кәсіпорындардың қызметін одан әрі талқылау және жетілдіру қажет, болашақта жеке әскери компаниялардың қызметін реттеу жөніндегі БҰҰ-ның жаңа Конвенциясын қабылдау ерекше маңызға ие болады. Ұлттық және халықаралық деңгейде қабылданған кешенді тәсіл ғана осы жеке компаниялардың тиімді реттеуі мен жауапкершілігін қамтамасыз ете алады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Hoffman, F.G. Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict. Strategic Forum / F.G. Hoffman. – Institute for National Strategic Studies National Defense University, 2009. – 240 p.
2. Nilsson, N. Hybrid Threats and the Intelligence Community: Priming for a Volatile Age / N. Nilsson, M. Weissmann, B. Palmertz // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. – 2025. – № 38 (1). – Pp. 1-23.
3. Sarjito, A. The Role of Private Military Companies in Defense Policy and Military Operations / A. Sarjito // Andalas Journal of International Studies (AJIS). – 2023. – Vol. XII. № 1. – Pp. 38-53.
4. Urueña-Sánchez, M. Private military and security companies: towards an operational definition for international humanitarian law. Empresas privadas militares e de segurança: rumo a operacional para o direito humanitário internacional / M. Urueña-Sánchez, H.O. Alonso // Revista Criminalidad. – 2022. – № 64 (2). – Pp. 47-61.
5. Ike, T.J. Insecurity, Counterterrorism and the Use of Private Military and Security Companies in Nigeria: A Qualitative Study / T.J. Ike, et al. // Journal of Asian and African Studies. – 2025. – № 60 (6).

– Pp. 3879–3897.

6. Скейхилл, Д. Blackwater: самая могущественная наемная армия в мире; пер. с англ. А.Ю. Колгашкина, Д. Скейхилл. – М.: Кучково поле; Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2015. – 480 с.

7. Пономарев, В. Частные военные компании: агенты стратегии не прямых действий / В. Пономарев // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – № 2 (27). – С. 27-30.

8. Bures, O. Bridging which gaps? The European Union's use of private military and security companies in common security and defence policy missions / O. Bures, E. Cusumano // Defense and Security Analysis. – 2025. – № 41 (3). – Pp. 464-489.

9. Coon, D. Threats to United States fully reviewed and strategic plan for integration of transgender military members into the armed forces / D. Coon, P.M. Neira, B.D. Lau // American Journal of Public Health. – 2018. – № 108 (7). – Pp. 892-894.

10. Radin, A. Hybrid Warfare in the Baltics. Threats and Potential Responses / A. Radin. – Santa Monica, Calif, 2017. – 48 p.

11. Сайфуллин, Э.К. Документ Монтрё как инструмент регулирования частных военных и охранных компаний: контекст принятия и анализ положений / Э.К. Сайфуллин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 3. – С. 107-116.

References:

1. Hoffman, F.G. Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict. Strategic Forum / F.G. Hoffman. – Institute for National Strategic Studies National Defense University, 2009. – 240 p.

2. Nilsson, N. Hybrid Threats and the Intelligence Community: Priming for a Volatile Age / N. Nilsson, M. Weissmann, V. Palmertz // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. – 2025. – № 38 (1). – Pp. 1-23.

3. Sarjito, A. The Role of Private Military Companies in Defense Policy and Military Operations / A. Sarjito // Andalus Journal of International Studies (AJIS). – 2023. – Vol. XII. № 1. – Pp. 38-53.

4. Urueña-Sánchez, M. Private military and security companies: towards an operational definition for international humanitarian law. Empresas privadas militares e de segurança: rumo a operacional para o direito humanitário internacional / M. Urueña-Sánchez, H.O. Alonso // Revista Criminalidad. – 2022. – № 64 (2). – Pp. 47-61.

5. Ike, T.J. Insecurity, Counterterrorism and the Use of Private Military and Security Companies in Nigeria: A Qualitative Study / T.J. Ike, et al. // Journal of Asian and African Studies. – 2025. – № 60 (6). – Pp. 3879-3897.

6. Skejhill, D. Blackwater: samaja mogushhestvennaja naemnaja armija v mire; per. s angl. A.Ju. Kolgashkina, D. Skejhill. – М.: Кучково поле; Institut vneshnepoliticheskikh issledovanij i iniciativ, 2015. – 480 s.

7. Ponomarev, V. Chastnye voennye kompanii: agenty strategii neprjamyh dejstvij / V. Ponomarev // Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie. – 2019. – № 2 (27). – S. 27-30.

8. Bures, O. Bridging which gaps? The European Union's use of private military and security companies in common security and defence policy missions / O. Bures, E. Cusumano // Defense and Security Analysis. – 2025. – № 41 (3). – Pp. 464-489.

9. Coon, D. Threats to United States fully reviewed and strategic plan for integration of transgender military members into the armed forces / D. Coon, P.M. Neira, B.D. Lau // American Journal of Public Health. – 2018. – № 108 (7). – Pp. 892-894.

10. Radin, A. Hybrid Warfare in the Baltics. Threats and Potential Responses / A. Radin. – Santa Monica, Calif, 2017. – 48 p.

11. Sajfullin, Je.K. Dokument Montrjo kak instrument regulirovanija chastnyh voennyh i ohrannyh kompanij: kontekst prinjatija i analiz polozhenij / Je.K. Sajfullin // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Даурен Нуржанович Бекежанов – І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің құқықтық пәндер кафедрасының меңгерушісі, философия доктор (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: bek_dauren@mail.ru.

Бекежанов Даурен Нуржанович – заведующий кафедрой правовых дисциплин Жетысуского университета имени И. Жансугурова, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: bek_dauren@mail.ru.

Bekezhanov Dauren Nurzhanovich – Head of the Department of Legal Disciplines Zhetysu I. Zhansugurov University, PhD, Associate Professor, e-mail: bek_dauren@mail.ru.

Светлана Абильдаходжаевна Алжанкулова – І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің құқықтық пәндер кафедрасының оқытушы-дәріскері, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: azhar_damir.tdk@mail.ru.

Алжанкулова Светлана Абильдаходжаевна – преподаватель-лектор кафедры юридических дисциплин Жетысуского университета имени И. Жансугурова, кандидат юридических наук, e-mail: azhar_damir.tdk@mail.ru.

Alzhankulova Svetlana Abildakhodzhaevna – Lecturer of the Department of Legal Disciplines of Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Candidate of Legal Sciences, e-mail: azhar_damir.tdk@mail.ru.

А.А. Прокопова¹, Е.А. Байжанов²

*¹Карагандинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

²Кокшетауский университет имени А. Мырзахметова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРИНЦИПЫ, РАЗЛИЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. В статье представлен комплексный сравнительно-правовой анализ ключевых международных этических кодексов, регулирующих разработку и применение технологий искусственного интеллекта. Исследование охватывает документы, созданные правительственными организациями, правозащитными институтами, научным сообществом и частными корпорациями. На основе типологической классификации выделяются три группы кодексов: социально-гуманитарные, технические и правовые, а также корпоративные инициативы. Особое внимание уделяется ключевым этическим принципам, таким как прозрачность, справедливость, ответственность и инклюзивность, а также различиям в механизмах реализации этих норм. Проанализированы как позитивные стороны кодексов, включая формирование универсальных ориентиров и повышение доверия к искусственному интеллекту, так и проблемные аспекты, в частности, декларативность, отсутствие механизмов принуждения и ограниченность правоприменения. В заключение предложены направления совершенствования этических стандартов искусственного интеллекта, включающие юридическую интеграцию норм, международную координацию, институциональный надзор, встроенную этику в разработку и активизацию участия гражданского общества. Работа подчеркивает необходимость перехода от этики «на бумаге» к реальным инструментам подотчетности и правовой защиты в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; этика; кодекс; права человека; прозрачность; ответственность; ОЭСР; ЮНЕСКО; Европейская комиссия.

А.А. Прокопова¹, Е.А. Байжанов²

*¹Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы*

²А. Мырзахметов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау қ., Қазақстан Республикасы

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ САЛАСЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЭТИКАЛЫҚ КОДЕКСТЕРДІҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУЫ: ҚАҒИДАТТАР, АЙЫРМАШЫЛЫҚТАР, ҚҰҚЫҚТЫҚ ЕНГІЗУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада жасанды интеллект технологияларын әзірлеу мен қолдануды реттейтін негізгі халықаралық этикалық кодекстерге кешенді салыстырмалы талдау ұсынылған. Зерттеу үкіметтік ұйымдар, адам құқықтарын қорғау институттары, ғылыми қауымдастық және жеке корпорациялар әзірлеген құжаттарды қамтиды. Типологиялық жіктеу негізінде кодекстердің үш тобы бөлінеді: әлеуметтік-гуманитарлық, техникалық және құқықтық, сонымен қатар корпоративтік бастамалар. Ерекше назар ашықтық, әділдік, жауаптылық және инклюзивтілік сияқты негізгі этикалық қағидаттарға, сондай-ақ осы нормаларды іске асыру тетіктеріндегі айырмашылықтарға аударылған. Кодекстердің жағымды жақтары – әмбебап бағыт-бағдар қалыптастыру және жасанды интеллект деген сенімді арттыру, сондай-ақ проблемалық тұстары – декларативтілік, мәжбүрлеу тетіктерінің болмауы және құқықтық қолданудың шектеулілігі талданады. Қорытынды бөлімде жасанды интеллект этикалық стандарттарын жетілдіру жолдары ұсынылады: нормаларды құқықтық тұрғыда интеграциялау, халықаралық үйлестіру, институционалдық қадағалау, этиканы бағдарламалық түрде енгізу және азаматтық қоғамның белсенді қатысуын арттыру. Зерттеу цифрландыру дәуірінде «қағаздағы этикадан» нақты есеп беру және құқықтық қорғау құралдарына көшу

қажеттігін атап көрсетеді.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; этика; кодекс; адам құқықтары; ашықтық; жауаптылық; ЭЫДҰ; ЮНЕСКО; Еуропалық комиссия.

A.A. Prokopova¹, Y.A. Baizhanov²

¹Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beysenov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan

²A. Myrzakhmetov Kokshetau University, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL ETHICAL CODES IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PRINCIPLES, DIFFERENCES, AND LEGAL IMPLEMENTATION PROSPECTS

Abstract. The article presents a comprehensive comparative analysis of international ethical codes regulating the development and use of artificial intelligence technologies. The study covers documents developed by governmental bodies, human rights organizations, academic institutions, and private corporations. Based on typological classification, three groups of codes are identified: socio-humanitarian, technical and legal, and corporate initiatives. Special attention is given to core ethical principles such as transparency, fairness, accountability, and inclusiveness, as well as the differences in implementation mechanisms. The analysis considers both positive aspects such as the formation of universal guidelines and increasing public trust in artificial intelligence and problematic ones, including declarative language, lack of enforcement mechanisms, and limited applicability. In conclusion, the paper proposes directions for improving artificial intelligence ethical standards, including legal integration of the norms, international coordination, institutional oversight, embedding ethics into the development lifecycle and enhancing the participation of civil society. The study emphasizes the urgent need to move from “ethics on paper” to practical tools for accountability and legal protection in the digital age.

Keywords: artificial intelligence; ethics; code; human rights; transparency; accountability; OECD; UNESCO; European Commission.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_256

Введение. Современный этап цифровизации характеризуется активным внедрением алгоритмов искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различные сферы общественной жизни, что порождает широкий спектр этико-правовых проблем. ИИ все чаще применяется в здравоохранении, транспорте, образовании, промышленности и особенно в области безопасности, включая криминалистику и уголовное судопроизводство. Потенциал ИИ в этих сферах охватывает автоматизированную обработку больших массивов данных, прогнозирование преступности, анализ видео- и аудиозаписей, распознавание лиц, а также поддержку следственных и экспертных решений.

В условиях отсутствия универсального международного регламента особую значимость приобретают этические кодексы, формируемые на уровне международных

организаций, региональных объединений и отдельных субъектов технологического рынка [1]. Эти кодексы становятся основой для формирования доверия общества к ИИ и необходимым инструментом предупреждения нарушений прав человека.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении структурных и содержательных особенностей ведущих международных кодексов в сфере ИИ, определении присущих им глобальных тенденций и их концептуальном сопоставлении в контексте перспектив международной нормативной гармонизации.

Материалы и методы. В качестве методологической базы использованы сравнительно-правовой, аксиологический и системный подходы, обеспечивающие комплексное рассмотрение исследуемой проблемы, кроме того исследуются научные труды ученых в сфере регулирования ИИ.

Результаты, обсуждение. Программа с сильным ИИ «будет не просто моделью разума; она в буквальном смысле слова сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум – это разум» [2, 25 стр.]. Очевидно, что с одной стороны, развитие тех или иных опасных технологий без учета вопросов этики может привести человечество к совершенно катастрофическому результату. С другой стороны, если «загнать» развитие современных технологий в слишком жесткие рамки, это станет причиной замедления темпов научно-технического прогресса (очень характерен пример с уже упомянутыми технологиями генной инженерии) [3]. Этическое регулирование технологий ИИ получило импульс с публикацией Рекомендации ОЭСР (2019), в которой были закреплены принципы инклюзивного развития, устойчивости, соблюдения прав человека, прозрачности и подотчетности. В 2021 году ЮНЕСКО утвердила первый в истории универсальный документ по этике ИИ, ориентированный на межкультурный, инклюзивный и человекоцентричный подход. Однако некоторые ученые оценивают их критично, говоря о том, что «...рекомендации полны конъюнктурных и сомнительных пассажей» [4].

В настоящий момент международная практика регулирования ИИ характеризуется значительным разнообразием подходов, отражающих специфику инициаторов, целевых групп и предполагаемых механизмов внедрения [5]. Существует широкий спектр документов, регламентирующих этические принципы и нормы работы ИИ – от гуманитарных деклараций до инженерных стандартов и корпоративных обязательств. Эти документы условно можно объединить под общим термином «этические рамочные документы в сфере ИИ», или «этические и регуляторные инициативы в области ИИ».

Для систематизации анализа они

классифицированы на три основные группы:

1. *Социально-гуманитарные кодексы*, направлены на защиту прав человека, предотвращение дискриминации, обеспечение инклюзивности и социальной справедливости. Эти документы поднимают важнейшие вопросы влияния ИИ на уязвимые категории граждан, включая мигрантов, женщин, меньшинства и трудящихся. Они акцентируют внимание на необходимости прозрачности, недопущения алгоритмической предвзятости и участия гражданского общества в формировании этики ИИ. Инициаторами принятия данных документов являются правозащитные организации, академические сообщества, профсоюзы.

Примеры:

1) *10 Principles for Ethical AI (UNI Global Union)* – создан международным профсоюзным объединением UNI Global Union. Цель – защита прав работников в эпоху ИИ. Принципы включают запрет дискриминации, прозрачность алгоритмов, контроль за автоматизированными решениями и коллективную защиту прав трудящихся¹;

2) *23 Принципа Асиломара (Asilomar AI Principles)* – иницированы Future of Life Institute (США). Формируют международную повестку ИИ-безопасности. Основные положения: превентивное управление рисками, кооперация, научная открытость, ценностное соответствие систем ИИ²;

3) *Монреальская декларация (Канада)* – документ, подготовленный учеными, юристами и активистами. Подчеркивает социальную справедливость, учет экологических последствий, равенство и гендерный баланс в ИИ-разработках³;

4) *AI Now Report (NYU, США)* – ежегодный аналитический отчет о влиянии ИИ на общество. Охватывает вопросы дискриминации, труда, надзора, приватности,

¹ 10 Principles for Ethical Artificial Intelligence [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uniglobalunion.org/report/10-principles-for-ethical-artificial-intelligence> (дата обращения: 01.04.2025).

² Asilomar AI Principles [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/#dropdown> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Монреальская декларация об ответственном развитии искусственного интеллекта. – Монреаль, 2018. – 21 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://declarationmontreal-iaresponsable.com/wp-content/uploads/2023/01/RU-UdeM_Decl-IA-Resp_LA-Declaration-ENG_v2.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

государственной ответственности и рисков неравенства⁴;

5) *Торонтийская декларация (Amnesty + AccessNow)* – международная правозащитная инициатива. Освещает недопустимость алгоритмической предвзятости и нарушений прав уязвимых групп, в т.ч. мигрантов и меньшинств⁵.

2. *Технические и правовые документы* отражают институционализированный подход к разработке и применению ИИ. Эти инициативы исходят от международных организаций, профильных комитетов и научных центров. Они направлены на интеграцию ИИ в правовые системы, стандартизацию процессов, сертификацию технологий и выработку единых подходов к ответственности и регулированию. Значительное внимание в этих документах уделяется соблюдению законности, правовой определенности и устойчивости технологических решений. Инициаторы создания: международные организации (ЮНЕСКО, ОЭСР, Совет Европы), научные институты.

Примеры:

1) *Ethically Aligned Design* – разработан Институтом инженеров электротехники и электроники (IEEE). Содержит рекомендации по внедрению ИИ с ориентацией на гуманистические ценности: уважение к автономии человека, предотвращение предвзятости, приватность, устойчивость и ответственность разработчиков. Документ ориентирован на инженеров и исследователей, действующих в рамках международных технических стандартов⁶;

2) *Ethical Guidelines for Trustworthy AI* – разработаны в рамках Совета Европы и направлены на обеспечение соответствия ИИ правам человека и верховенству закона. Основные положения: оценка воздействия, прозрачность, ответственность, запрет на недопустимые формы дискриминации⁷;

3) *Европейская этическая хартия по использованию ИИ в судебной системе* – принята Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ) в 2018 году. Регламентирует использование ИИ в судах, предусматривает гарантии защиты прав участников процесса, прозрачность алгоритмов и судебного решения⁸;

4) *Доклад по этике робототехники (КОМЭСТ ЮНЕСКО)* – разработан Комитетом по этике научных знаний и технологий ЮНЕСКО. Освещает вопросы автономии роботов, ответственности разработчиков, взаимодействия с социальной инфраструктурой и влияние на рынок труда⁹;

5) *Recommendation on AI (OECD)* – принят странами ОЭСР. Закрепляет 5 базовых принципов: соблюдение прав человека, устойчивость, инклюзивный рост, прозрачность и подотчетность. Влияет на разработку национальных стратегий ИИ¹⁰;

6) *Этические руководящие принципы Японского общества ИИ (JSAI Ethical Guidelines)*, или *8 принципов Сусуму Хирано (Япония)* – научно-этическая база, разработанная японским институтом по праву ИИ. Основывается на автономии, доброжелательности, ответственности, прозрачности и уважении к частной жизни¹¹;

7) *Модельная конвенция по*

⁴ AI Now 2019 Report. New York: AI Now Institute. 2019. - 100 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ainowinstitute.org/publications/ai-now-2019-report-2> (дата обращения: 25.08.2025).

⁵ The Toronto Declaration. Protecting the right to equality in machine learning [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.torontodeclaration.org> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Ethically Aligned design [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://standards.ieee.org/wp-content/uploads/import/documents/other/ead_v2.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

⁷ Ethical Guidelines for Trustworthy AI [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/196377/AI%20HLEG_Ethics%20Guidelines%20for%20Trustworthy%20AI.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

⁸ CEPEJ European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment> (дата обращения: 01.04.2025).

⁹ Report of COMEST on robotics ethics / Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий UNESCO, 2017. – 64 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000253952> (дата обращения: 01.04.2025).

¹⁰ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence / OECD Legal, 2025. – 25 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449#dates> (дата обращения: 01.04.2025).

¹¹ The Japanese Society for Artificial Intelligence Ethical Guidelines [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ai-gakkai.or.jp/ai-elsi/wp-content/uploads/sites/19/2017/05/JSAI-Ethical-Guidelines-1.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

робототехнике и ИИ (Россия) – правовая инициатива по созданию основ регулирования роботов и ИИ. Предусматривает сертификацию, определение ответственности и формирование экспертной оценки технологий [6].

3. *Корпоративные кодексы этики* представляют собой добровольные обязательства ведущих технологических компаний и консорциумов в сфере ИИ. Они нацелены на саморегулирование и снижение репутационных, правовых и социальных рисков, связанных с внедрением ИИ. Эти кодексы содержат принципы социальной пользы, научной добросовестности, безопасности, отказа от вредоносных применений, защиты приватности и внутреннего обучения сотрудников.

Примеры:

1) Google – 7 принципов (социальная польза, отказ от оружия, справедливость и безопасность)¹²;

2) Microsoft – 10 законов, ориентированных на демократию, приватность и инклюзию¹³;

3) SAP, Sony, Deutsche Telekom – фокус на корпоративной этике, обучении персонала, управлении рисками;

4) DeepMind – 6 направлений этики, включая научную ответственность, прозрачность и справедливость¹⁴;

5) Partnership on AI – объединение крупнейших ИТ-компаний, содействующее выработке общих этических стандартов¹⁵.

Сравнительный анализ представленных этических кодексов ИИ позволяет выявить как общие концептуальные основания, так и существенные различия в подходах к реализации базовых принципов. Прежде всего, большинство документов ориентированы на соблюдение ключевых универсальных ценностей, таких как прозрачность, справедливость, подотчетность, недопущение дискриминации и защита прав личности. Однако конкретные акценты и механизмы реализации этих принципов различаются в зависимости

от институционального происхождения документа, его правового статуса и целевой аудитории [7].

Так, относительно *прозрачности и объяснимости алгоритмов* наиболее детально данный принцип разработан в документах Европейского союза, в частности в Хартии CEPEJ и Руководстве по доверенному ИИ Совета Европы, где предлагаются механизмы оценки воздействия и правовой имплементации. Доклады ЮНЕСКО также затрагивают прозрачность, но преимущественно в гуманитарной плоскости, включая информированное согласие и культурную адекватность. В корпоративных документах, таких как принципы Google или DeepMind, прозрачность декларируется как внутренний приоритет, но зачастую лишена механизмов внешнего контроля.

Принцип недопущения дискриминации получил наиболее обстоятельную проработку в правозащитных инициативах, таких как 10 принципов UNI Global Union, Торонтийская декларация и отчеты AI Now Institute, где он связан с борьбой против алгоритмической предвзятости, защитой трудовых прав и уязвимых групп. Монреальская декларация расширяет рамки этики, включая экологические и гендерные аспекты. В отличие от этого, более технократичные документы (например, ОЭСР или IEEE) признают этот принцип, но трактуют его обобщенно, без прямой правозащитной детализации.

Вопрос *ответственности* также получает различную трактовку. Так, в технических и правовых стандартах (IEEE, OECD, JSAI, CEPEJ) ответственность понимается как разработка механизмов прослеживаемости решений и управление рисками. Юридически ориентированные документы, включая модельную конвенцию Российской Федерации, закрепляют ответственность через процедуры сертификации и институционального надзора. В то время как корпоративные кодексы апеллируют

¹² Our AI Principles [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ai.google/responsibility/principles> (дата обращения: 01.04.2025).

¹³ Responsible AI at Microsoft [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.microsoft.com/en-us/ai/responsible-ai> (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁴ Create and edit images with Gemini 2.5 Flash Image [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://deepmind.google> (дата обращения: 28.05.2025).

¹⁵ Advancing positive outcomes for people and society [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://partnershiponai.org/about/#tenets> (дата обращения: 28.08.2025).

к внутренним этическим комитетам и прозрачности процессов, их эффективность во многом зависит от доброй воли компании, а не от обязательных регламентов.

Наконец, *принципы инклюзивности и устойчивости* имеют наиболее развитое содержание в документах ЮНЕСКО, Монреальской декларации и AI Now, где подчеркиваются социальная ответственность, равенство доступа к технологиям и защита интересов будущих поколений. ОЭСР и некоторые корпоративные участники (SAP, Microsoft) связывают устойчивость с экономическим ростом и социальной стабильностью, что придает этому понятию более прагматичный характер.

Таким образом, прослеживается устойчивая тенденция к сближению этических ориентиров в различных инициативах, однако практические механизмы их реализации по-прежнему остаются разрозненными и неоднородными. Международные организации тяготеют к институциональной регламентации и правовой имплементации норм. Академические и правозащитные инициативы развивают ценностную и социальную составляющую этики ИИ. Корпоративные кодексы опираются на внутренние процедуры и саморегулирование, что делает их менее устойчивыми к внешним вызовам. В этих условиях выстраивание единой этической архитектуры ИИ требует согласования междисциплинарных подходов, формирования гибкой, но обязательной нормативной базы, а также координации усилий со стороны государств, бизнеса и гражданского общества.

Анализ международных этических кодексов ИИ позволяет выделить ряд значимых положительных аспектов (плюсов), которые способствуют формированию более безопасной, справедливой и устойчивой цифровой среды, среди которых:

1. Формирование универсальных этических ориентиров. К таковым можно отнести уважение прав человека и достоинства личности, недопустимость дискриминации и алгоритмической предвзятости, обеспечение справедливости, прозрачности и по возможности

объяснимости решений, подотчетность и ответственность разработчиков и пользователей за последствия применения ИИ, защита приватности и персональных данных, гарантия безопасности и минимизации риска причинения вреда, приоритет человекоцентричности и сохранение значимой роли человека в социально чувствительных решениях, а также ориентация использования ИИ на общественное благо и устойчивое, инклюзивное развитие.

2. Повышение доверия общества к ИИ. Наличие четко сформулированных этических норм снижает опасения пользователей и гражданского общества по поводу непрозрачности, предвзятости и возможных злоупотреблений со стороны технологий. Кодексы укрепляют доверие к разработчикам и внедряющим структурам.

3. Стимулирование саморегуляции и ответственности разработчиков, поскольку многие документы (особенно IEEE, Microsoft, Google) побуждают компании к этически ориентированной разработке систем ИИ, что снижает вероятность технологических или социальных сбоев. Это актуально при отсутствии строгого государственного контроля.

4. Защита уязвимых групп. Кодексы, ориентированные на права человека (UN Global Union, Торонтийская декларация), поднимают важнейшие темы защиты мигрантов, женщин, меньшинств, трудящихся и других уязвимых категорий, предлагая механизмы предотвращения алгоритмической дискриминации.

5. Продвижение этической экспертизы и научной ответственности. Документы JSAI, DeepMind, AI Now и другие подчеркивают необходимость научной обоснованности, независимой экспертизы и открытости к общественному обсуждению решений, принимаемых с участием ИИ.

6. Основа для международной гармонизации законодательства. Такие документы, как рекомендации ОЭСР, CEPEJ и ЮНЕСКО, служат основой для унификации правовых подходов в разных странах, упрощая трансграничное взаимодействие,

торговлю и совместные технологические проекты.

7. Баланс интересов государства, общества и бизнеса. Кодексы показывают, что возможна координация между различными секторами – правительствами, НПО, университетами и компаниями – для выработки совместных решений в этике ИИ, способных учитывать интересы всех сторон.

Однако, наряду с достоинствами, анализ этических кодексов ИИ также выявляет ряд проблемных и ограничивающих факторов, которые важно учитывать в научной и практической дискуссии. К ключевым негативным аспектам можно отнести:

1. Отсутствие юридической обязательности. Большинство кодексов, особенно корпоративных и технических (Google, IEEE, DeepMind), носит декларативный характер и не имеют силы закона. Это снижает их эффективность: соблюдение норм зависит от доброй воли организаций, а не от внешнего контроля.

2. Недостаточная конкретизация механизмов реализации. Многие документы провозглашают важные принципы (например, прозрачность, справедливость), но не предлагают практических инструментов для их внедрения в инженерные или правовые процедуры, что затрудняет их применение на практике.

3. Угроза этического формализма и репутационного «отмывания». Этические кодексы нередко используются как инструмент этического маркетинга или «этического фасада» (ethics washing), особенно в бизнесе, без реального изменения процессов и практик компаний.

4. Конфликт интересов в корпоративных подходах. Внутренние кодексы крупных ИТ-компаний (Microsoft, SAP, Google) разрабатываются в условиях конфликта интересов между этическими принципами и бизнес-целями. Это подрывает объективность и доверие к их положениям.

5. Игнорирование культурных и региональных различий. Большинство кодексов формировались в глобальном

Северо-Западе (ЕС, США, Япония) и отражают преимущественно западные представления о праве, этике и управлении. Это может привести к культурной неадекватности при их импорте в иные контексты (например, в страны Азии, Африки, СНГ).

6. Отсутствие надзорных и санкционных механизмов. Даже те документы, что предусматривают оценку воздействия (например, CEPEJ, Совета Европы), не закрепляют системы санкций или ответственности за нарушение этических норм. Это снижает их регуляторную эффективность.

7. Недостаточная вовлеченность гражданского общества. Процессы разработки кодексов часто исключают представителей граждан, пользователей, уязвимых групп, что ограничивает их легитимность и практическую релевантность.

Таким образом, несмотря на важную роль в формировании глобальной этической архитектуры ИИ, существующие кодексы страдают нормативной неопределенностью, отсутствием механизма принуждения, искажением баланса интересов и дефицитом подотчетности. Эти недостатки указывают на необходимость перехода от этики «на бумаге» к институтам, способным обеспечить реальную ответственность и защиту прав в цифровую эпоху.

Виден системный разрыв между провозглашенными этическими принципами и их практической реализацией в сфере ИИ. Возникает объективная необходимость в трансформации этики из совокупности декларативных положений в действенные регуляторные и институциональные механизмы, базирующиеся на устойчивых правовых и управленческих конструкциях.

Одним из ключевых направлений совершенствования этических механизмов является *придание этическим кодексам юридического статуса*. Это предполагает интеграцию фундаментальных принципов этики ИИ в национальные и международные нормативные акты (по примеру Республики Казахстан)¹⁶. Такая интеграция

¹⁶ Об искусственном интеллекте: закон Республики Казахстан от 17 нояб. 2025 г. № 230-VIII ЗР [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (дата обращения: 26.11.2025).

может выражаться в разработке специализированных законов об ответственности ИИ, введении обязательной процедуры оценки воздействия алгоритмических систем на права человека, а также признании нарушений этики ИИ в качестве административных или уголовных правонарушений. Включение этических норм в правовую систему создает предпосылки для их фактического соблюдения и формализует ответственность за отступления от установленных принципов.

Вторым направлением является *создание независимых надзорных структур*, способных обеспечивать объективный контроль за соблюдением этических норм. Эффективными инструментами в данном случае могут выступать как национальные, так и транснациональные этические комитеты по вопросам ИИ, механизмы внешнего аудита алгоритмов и цифровых решений, а также платформы для приема жалоб и мониторинга со стороны гражданского общества. Наличие таких институтов существенно снижает риски этического формализма и повышает доверие к цифровым технологиям [8].

Следующим важным элементом является *унификация этических стандартов на международном уровне*. Это предполагает развитие глобальных рамок этики ИИ, при активном участии различных регионов, включая страны Глобального Юга. Усиление роли международных организаций, таких как ЮНЕСКО, ОЭСР и ООН, в разработке согласованных и культурно чувствительных стандартов позволит избежать нормативной фрагментации и усилить глобальную легитимность этических принципов [9].

Не менее значимым направлением является *встраивание этики в процессы разработки, тестирования и внедрения ИИ-систем*. Переход к модели «этики по проекту» (ethics by design) предполагает обязательное этическое сопровождение на всех этапах жизненного цикла технологии, включая обучение специалистов, применение этических чек-листов и внедрение принципов объяснимого ИИ. Такая трансформация позволяет превратить этику из внешнего ограничителя в органичную часть инженерной и управленческой практики [10, 47 стр.].

Наконец, необходимым условием устой-

чивости этической архитектуры ИИ является *расширение участия гражданского общества*. Вовлечение представителей уязвимых групп в процессы выработки норм, поддержка гражданских наблюдателей, развитие цифровой грамотности и просвещения способствуют формированию инклюзивных и социально чувствительных механизмов регулирования. Только при активном участии пользователей, правозащитников, исследователей и профессиональных сообществ возможно достижение реального баланса интересов в цифровом пространстве [11].

Таким образом, переход от декларативной этики к рабочим и подотчетным этическим механизмам требует комплексного подхода, который сможет обеспечить устойчивое и справедливое развитие систем ИИ в интересах человека и общества [12, 124 стр.]. Невзирая на совпадение базовых принципов, унификация этических подходов наталкивается на сложности, связанные с разными правовыми традициями, экономическими приоритетами и уровнем технологического развития государств. Разные модели регулирования – от либерально-рыночной до нормативно-государственной – обуславливают вариативность содержания кодексов. Перспективным направлением представляется институциональное сближение на базе принципов ЮНЕСКО как наиболее универсальных и адаптивных к многообразию национальных контекстов [13].

Заключение. Этические кодексы ИИ отражают попытку согласовать технологический прогресс с фундаментальными ценностями прав человека и общественной безопасности. Несмотря на отсутствие унифицированного подхода, выявляется устойчивая тенденция к сближению ключевых позиций. В целях эффективного глобального управления ИИ необходима разработка комплексной этико-правовой платформы, обеспечивающей баланс интересов различных субъектов и прозрачность алгоритмического управления. Развитие таких механизмов возможно на базе международного диалога, направленного на формирование согласованных стандартов ответственности, подотчетности и инклюзивности в сфере ИИ.

Список использованной литературы:

1. Jobin, A. The global landscape of AI ethics guidelines / A. Jobin, M. Ienca, E. Vayena // *Nature Machine Intelligence*. – 2019. – Vol. 1. – Pp. 389-399.
2. Searle, J.R. Is the Brain's Mind a Computer Program? / J.R. Searle // *Scientific American*. – 1990. – № 262. – Pp. 26-31.
3. Юдин, Б.Г. Человек как объект, потребитель и мишень технотехники [Электронный ресурс] / Б.Г. Юдин // *Знание. Понимание. Умение*. – 2016. – № 5. – Режим доступа: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/5/Yudin_Human-Being-Technoscience/index.php?sphrase_id=384671 (дата обращения: 21.08.2025).
4. Леушина, В.В. Этика искусственного интеллекта / В.В. Леушина, В.Э. Карпов // *Философия и общество*. – 2022. – № 3. – С. 124-140.
5. Разин, А.В. Этика искусственного интеллекта / А.В. Разин // *Философия и общество*. – 2019. – № 1. – С. 57-73.
6. Незнамов, А. Модельная конвенция по робототехнике и ИИ. Правила создания и использования роботов и ИИ / А. Незнамов, В. Наумов. – М: Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта АНО «Робоправо», 2017. – 12 с.
7. Ryan, M. Artificial intelligence ethics guidelines for developers and users: clarifying their content and normative implications / M. Ryan, B.C. Stahl // *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. – 2021. – Vol. 19. № 1. – Pp. 61-86.
8. Boddington, P. Towards a Code of Ethics for Artificial Intelligence / P. Boddington. – Springer, 2017. – 42 p.
9. Müller Vincent, C. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2020; edited by Edward N. Zalta [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-ai/> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Гусарова, Н.Ф. Введение в теорию искусственного интеллекта / Н.Ф. Гусарова. – СПб: Университет ИТМО, 2018. – 56 с.
11. Горман, А.В. Этапы формирования концепции доверенного искусственного интеллекта / А.В. Горман // *Ценности и смыслы*. – 2024. – № 2 (90). – С. 54-63.
12. Жандыкеева, Г.Е. Интеграция искусственного интеллекта в экосистему уголовного судопроизводства: новые возможности для повышения эффективности расследований и обеспечения общественной безопасности / Г.Е. Жандыкеева, А.А. Кызылходжаева // *Вестник Академии правоохранительных органов*. – 2025. – № 2 (36). – С. 123-131.
13. Batool, A. AI governance: a systematic literature review / A. Batool, D. Zowghi, M. Bano // *AI and Ethics*. – 2025. – Vol. 5. – Pp. 3265-3279.

References:

1. Jobin, A. The global landscape of AI ethics guidelines / A. Jobin, M. Ienca, E. Vayena // *Nature Machine Intelligence*. – 2019. – Vol. 1. – Pp. 389-399.
2. Searle, J.R. Is the Brain's Mind a Computer Program? / J.R. Searle // *Scientific American*. – 1990. – № 262. – Pp. 26-31.
3. Judin, B.G. Chelovek kak ob#ekt, potrebitel' i mishen' tehnonauki [Jelektronnyj resurs] / B.G. Judin // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. – 2016. – № 5. – Rezhim dostupa: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/5/Yudin_Human-Being-Technoscience/index.php?sphrase_id=384671 (data obrashhenija: 21.08.2025).
4. Leushina, V.V. Jetika iskusstvennogo intellekta / V.V. Leushina, V.Je. Karpov // *Filosofija i obshhestvo*. – 2022. – № 3. – S. 124-140.
5. Razin, A.V. Jetika iskusstvennogo intellekta / A.V. Razin // *Filosofija i obshhestvo*. – 2019. – № 1. – S. 57-73.
6. Neznamov, A. Model'naja konvencija po robototekhnike i II. Pravila sozdaniya i ispol'zovaniya robotov i II / A. Neznamov, V. Naumov. – M: Issledovatel'skij centr problem regulirovaniya robototekhniki

i iskusstvennogo intellekta ANO «Robopravo», 2017. – 12 s.

7. Ryan, M. Artificial intelligence ethics guidelines for developers and users: clarifying their content and normative implications / M. Ryan, B.C. Stahl // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. – 2021. – Vol. 19. № 1. – Pp. 61-86.

8. Boddington, P. Towards a Code of Ethics for Artificial Intelligence / P. Boddington. – Springer, 2017. – 42 p.

9. Müller Vincent, C. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2020; edited by Edward N. Zalta [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-ai/> (data obrashheniya: 20.03.2025).

10. Gusarova, N.F. Vvedenie v teoriyu iskusstvennogo intellekta / N.F. Gusarova. – SPb: Universitet ITMO, 2018. – 56 s.

11. Gorman, A.V. Jetapy formirovaniya koncepcii doverennogo iskusstvennogo intellekta / A.V. Gorman // Cennosti i smysly. – 2024. – № 2 (90). – S. 54-63.

12. Zhandykeeva, G.E. Integraciya iskusstvennogo intellekta v jekosistemu ugolovnogo sudoproizvodstva: novye vozmozhnosti dlja povysheniya jeffektivnosti rassledovanij i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti / G.E. Zhandykeeva, A.A. Kzyldhodzhaeva // Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov. – 2025. – № 2 (36). – S. 123-131.

13. Batool, A. AI governance: a systematic literature review / A. Batool, D. Zowghi, M. Bano // AI and Ethics. – 2025. – Vol. 5. – Pp. 3265-3279.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Анна Алексеевна Прокопова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы Қылмыстық процесс кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: snezhinka1000@mail.ru.

Прокопова Анна Алексеевна – профессор кафедры уголовного процесса Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, кандидат юридических наук, e-mail: snezhinka1000@mail.ru.

Prokopova Anna Alekseevna – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Candidate of Law Sciences, e-mail: snezhinka1000@mail.ru.

Ербол Аманжолович Байжанов – А. Мырзахметов атындағы Көкшетау университетінің құқықтану кафедрасының аға оқытушысы, құқық магистрі, e-mail: baizhanov_erbol@mail.ru.

Байжанов Ербол Аманжолович – старший преподаватель кафедры юриспруденции Кокшетауского университета имени А. Мырзахметова, магистр права, e-mail: baizhanov_erbol@mail.ru.

Baizhanov Yerbol Amanzholovich – Senior Lecturer Department of Jurisprudence A. Myrzakhmetov Kokshetau University, Master of Laws, e-mail: baizhanov_erbol@mail.ru.

УДК 341:342(4/9)
МРНТИ 10.87.17

Н.М. Суиндигов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ВОЗВРАТ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВНЕДРЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возврата активов в гражданском судопроизводстве как актуальная проблема, обусловленная ограниченностью уголовно-правового воздействия на случаи незаконного обогащения. Подчеркивается необходимость разработки эффективных механизмов гражданской конфискации, способствующих достижению справедливости и восстановлению нарушенных прав. Цель исследования заключается в анализе международных стандартов в области возврата активов и оценке перспектив их внедрения в правовую систему Казахстана. В работе использованы сравнительно-правовой, историко-правовой и аналитический подходы, что обеспечило комплексное изучение вопроса на основе сопоставления национальных и зарубежных нормативных актов, а также международной судебной практики. Основные результаты исследования включают выявление существующих пробелов в национальном законодательстве, обоснование значимости положений Европейского суда по правам человека и Суда Европейского союза для совершенствования правоприменительной практики. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства Казахстана с целью расширения института гражданской конфискации как эффективного инструмента противодействия незаконному обогащению.

Ключевые слова: возврат активов; гражданская конфискации; конфискации без вынесения приговора; незаконное обогащение; незаконно приобретенные активы; международный стандарт; гражданское судопроизводство; коррупция.

Н.М. Суиндигов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

АЗАМАТТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДЕГІ АКТИВТЕРДІ ҚАЙТАРУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ҚАЗАҚСТАНДА ЕНГІЗУДІҢ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада азаматтық сот ісін жүргізудегі активтерді қайтару мәселелері заңсыз баю жағдайларына қылмыстық-құқықтық ықпал етудің шектелуінен туындайтын өзекті мәселе ретінде қарастырылады. Өділдікке қол жеткізуге және бұзылған құқықтарды қалпына келтіруге ықпал ететін азаматтық тәркілеудің тиімді тетіктерін әзірлеу қажеттігі атап өтілді. Зерттеудің мақсаты – активтерді қайтару саласындағы халықаралық стандарттарды талдау және оларды Қазақстанның құқықтық жүйесіне енгізу перспективаларын бағалау. Жұмыста ұлттық және шетелдік нормативтік құқықтық актілерді, сондай-ақ халықаралық сот тәжірибесін салыстыру негізінде мәселені жан-жақты зерттеуді қамтамасыз ететін салыстырмалы құқықтық, тарихи-құқықтық және аналитикалық тәсілдер қолданылды. Зерттеудің негізгі нәтижелеріне ұлттық заңнамадағы бар олқылықтарды анықтау, Еуропалық Адам құқықтары соты мен Еуропалық Одақ Сотының құқық қолдану тәжірибесін жетілдірудегі маңыздылығын негіздеу кіреді. Заңсыз баюға қарсы іс-қимылдың тиімді құралы ретінде азаматтық тәркілеу институтын кеңейту мақсатында Қазақстан заңнамасын одан әрі жетілдіру қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: активтерді қайтару; азаматтық тәркілеу; үкім шығармай тәркілеу; заңсыз баю; заңсыз алынған активтер; халықаралық стандарт; азаматтық іс жүргізу; сыбайлас жемқорлық.

N.M. Suindikov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

RETURN OF ASSETS IN CIVIL PROCEEDINGS: INTERNATIONAL STANDARDS AND PROSPECTS FOR THEIR IMPLEMENTATION IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines issues related to the return of assets in civil proceedings as a pressing problem caused by the limited scope of criminal law enforcement in cases of illegal enrichment. The need to develop effective civil forfeiture mechanisms that promote justice and restore violated rights is emphasised. The purpose of the study is to analyse international standards in the field of asset recovery and assess the prospects for their implementation in the legal system of Kazakhstan. The work uses comparative legal, historical legal and analytical approaches, which ensured a comprehensive study of the issue based on a comparison of national and foreign regulatory acts, as well as international judicial practice. The main findings of the study include identifying existing gaps in national legislation and justifying the significance of the rulings of the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union for improving law enforcement practices. It was concluded that Kazakhstan's legislation needs to be further improved in order to expand the institution of civil forfeiture as an effective tool for combating illicit enrichment.

Keywords: asset recovery; civil forfeiture; non-sentencing confiscation; illicit enrichment; illegally acquired assets; international standard; civil proceedings; corruption.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_266

Введение. Согласно отчету Ernst&Young, в среднем по миру теневая экономика оценивается на уровне 11,8% от ВВП и составляет 12,5 трлн долларов США¹. При этом, по оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, мировые криминальные доходы составляют около 3,6% мирового ВВП, а это порядка 3 трлн долларов США [1, 76 стр.].

Как с теоретической, так и с практической точки зрения очевидно и бесспорно, что лишение стяжателей незаконно нажитого имущества является одной из эффективных мер противодействия правонарушениям корыстной направленности.

В данном вопросе необходим комплексный подход. По мнению К. Такоффа невозможно победить коррупцию средствами одной изолированной отрасли права. Если бороться с ней, используя только уголовно-правовые средства, то такая борьба обречена на провал. Поэтому в борьбу должны быть вовлечены и другие отрасли права. Гражданское право занимает особое место. Хотя оно не налагает санкций по определению, только оно способно лишить

коррупцию экономического жала, сделав ее неэффективной [2, 195 стр.].

Саймон Н.М. Янг, в свою очередь, считает, что гражданские иски против коррупции необязательно свидетельствуют о неэффективности уголовного правосудия, но и об отсутствии лучшей альтернативы взысканию [3, 145 стр.]. Так или иначе в вопросах возврата активов чаша весов в последние десятилетия склонилась в пользу конфискации без вынесения приговора, в т.ч. в гражданском судопроизводстве.

Незаконное обогащение, как правило, предполагает сложные схемы и с учетом процессов глобализации, развития цифровых активов, увеличения удельного веса киберпреступлений в большинстве своем носит транснациональный характер. В этой связи не только в вопросах правового преследования правонарушителей, но и в контексте изъятия нелегального капитала в особенности важно межгосударственное взаимодействие, основанное на универсальных и/или специальных международных стандартах.

Актуальность комплексного изучения этих

¹ Shadow economy exposed. Estimates for the world and policy paths. March 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-gl/insights/tax/documents/ey-gl-shadow-economy-report-02-2025.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

международных стандартов обусловлена неоднородностью подхода разных правовых систем и стран, а также нахождением механизмов гражданской конфискации незаконно приобретенных активов на различных стадиях внедрения и развития.

Ограниченная осведомленность о преимуществах гражданско-правовых средств защиты, отсутствие систематических положений о них, различия в правовых режимах отнесены ООН к основным проблемам применения гражданского права в борьбе с коррупцией, включая возврат активов. Они, по мнению международных экспертов, создают серьезные трудности для международного сотрудничества².

Практика подтверждает данные выводы. За 2024-2025 гг. из 14 рассмотренных по существу запросов Комитета по возврату активов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в иностранные юрисдикции, направленных в рамках процедуры гражданской конфискации, в 9 случаях в оказании помощи было отказано со ссылкой на отсутствие уголовного дела.

В этой связи целью данного исследования является изучение и определение глобальных норм, критериев, правил возврата активов в гражданско-правовом порядке и перспективы их применения в Казахстане. С учетом относительной новизны анализируемого института результаты изучения будут иметь как теоретическую, так и практическую значимость.

Материалы и методы. В рамках исследования были использованы международные договоры, руководства по их исполнению, решения и рекомендации интернациональных организаций, теоретические и научно-практические работы по теме. Кроме того, изучена практика Европейского суда по правам человека и Суда Европейского Союза.

Применены сравнительно-правовой, историко-правовой и аналитический методы исследования.

Сравнительно-правовым методом сопоставлены подходы и требования

различных общепризнанных актов, историко-правовой способ позволил проследить эволюцию международных норм по вопросу внедрения гражданско-правовых мер защиты от незаконного обогащения, системным анализом определены тенденции и перспективы развития института гражданской конфискации.

Результаты, обсуждение. Зарубежный опыт и требования международных организаций по вопросу возврата активов в силу актуальности темы являются предметом постоянного внимания ученых и экспертов.

К примеру, С.Ж. Айдарбаев и С.Т. Турсунбеков по итогам исследования предложили улучшение правовой базы Казахстана на основе опыта Европейского Союза и Совета Европы [4, 195 стр.], а Г.М. Абубакирова и Г.Е. Жандыкеева сделали вывод об эффективности сочетания в Китайской Народной Республике правовых и политических инструментов в ускорении процесса репатриации активов [5, 187 стр.].

Данная работа в эволюционном порядке и комплексно охватывает обзор глобальных мер и стандартов. При этом приведены примеры из европейской судебной практики, более полно раскрывающие суть и потенциал тех или иных международно-правовых норм.

Несмотря на то, что наиболее часто возврат активов рассматривается с позиций противодействия коррупции, он охватывает весь спектр правонарушений, преследующих корыстные цели и приводящих к противоправному завладению имуществом.

Важно отметить, что первые усилия по созданию интернациональной правовой базы для изъятия у преступников криминальной собственности были приняты в сфере борьбы против незаконного оборота наркотиков. В частности, согласно статье 5 Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (далее – Венская конвенция), Стороны должны принять меры для конфискации доходов, полученных в результате совершения наркотических правонарушений, либо собственности, стоимость которой

² Civil and Administrative Liability for Corruption: Domestic Practices and Ways to Enhance International Cooperation under the United Nations Convention Against Corruption. Vienna, 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2023/Civil_and_Administrative_Liability_for_Corruption_UNODC_2023_EN.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

соответствует таким доходам³.

Примечательно, что в контексте возможности применения гражданско-правовых мер защиты Венская конвенция, как в вопросе конфискации, так и при наложении ареста на имущество, допускает «суд или другой компетентный орган», при этом не выделяя суд по уголовным делам и не ставя рассматриваемые решения в зависимость от вынесения приговора.

Широкое усмотрение в урегулировании соответствующих процедур предоставлено национальному законодательству. По Венской конвенции Стороны могут рассмотреть возможность обеспечения переноса бремени доказывания законного происхождения предполагаемых доходов или другой собственности, подлежащих конфискации, в той степени, в какой такая мера соответствует принципам ее национального законодательства и характеру судебного и иного разбирательства (п. 7 ст. 5 Венской конвенции).

Исходя из незыблемой в уголовном праве презумпции невиновности, представляется, что Венская конвенция таким образом допускает конфискацию преступных доходов в гражданском судопроизводстве и, более того, не исключает иное разбирательство.

Принятая в 1990 году Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности также предусмотрела лишение виновных любой экономической выгоды, полученной в результате совершения уголовного правонарушения. Однако в ней четко обозначено, что такое наказание или мера могут быть назначены судом в результате разбирательства по уголовному делу или уголовным делам⁴.

Возможность переноса бремени доказывания законности происхождения имущества, подлежащего конфискации, а также вынесения решения судом или другим

компетентным органом в судебном и ином разбирательстве вновь получила отражение в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция)⁵.

Будучи убежденным, что борьба с коррупцией должна быть мультидисциплинарной, в конце двадцатого столетия Совет Европы начал активно продвигать гражданско-правовые средства противодействия данному виду правонарушений.

4 ноября 1999 года в Страсбурге принята Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию⁶. Данный международный договор предметно рассматривает исключительно гражданско-правовой порядок возмещения ущерба от актов коррупции, включая упущенную финансовую выгоду, аннулирования коррупционных сделок, получения доказательств в гражданском судопроизводстве и принятия временных мер для защиты прав и интересов сторон.

Важно отметить, что именно эта Конвенция с достаточной определенностью устанавливает международные стандарты по отдельным ключевым, но дискуссионным аспектам возврата активов в гражданском судопроизводстве. К примеру, статья 7 Конвенции устанавливает десятилетний предельный срок исковой давности для предъявления требований о возмещении ущерба, причиненного в результате совершения акта коррупции. По вопросу пределов, объема средств, подлежащих взысканию с виновных, установлено, что восстановлению подлежит реальный ущерб, упущенная финансовая выгода, а также компенсация морального вреда (ст. 3 Конвенции).

Одновременно закрепление в международно-правовых нормах гражданско-правовых санкций за коррупцию осуществлялось Организацией

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 20 декабря 1988 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности. Страсбург, 8 ноября 1990 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007bd4a> (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Палермо, 13 декабря 2000 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0800000040_ (дата обращения: 15.10.2025).

⁶ Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Страсбург, 4 ноября 1999 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007f58d> (дата обращения: 15.10.2025).

экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР).

21 ноября 1997 года была принята Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций (далее – Конвенция ОЭСР)⁷. В контексте рассматриваемой темы статьи 3, 9 Конвенции ОЭСР предусматривают: применение к юридическим лицам эффективного и соразмерного неуголовного наказания, включая финансовые санкции; изъятие, конфискацию суммы подкупа и доходов от подкупа либо наложение штрафов, обеспечивающих соразмерный эффект; применение гражданско-правовых санкций против лиц, подлежащих наказанию за подкуп; взаимную правовую помощь в рамках неуголовных судебных преследований.

Убежденность в необходимости во всеобъемлющем и многодисциплинарном подходе для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней выражена в Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года (далее – Мери́дская конвенция)⁸.

На сегодня это единственный глобальный документ, участником которого являются практически все государства-участники ООН и который содержит базовые нормы относительно борьбы с незаконным обогащением в результате коррупционных деяний и возврата активов.

Мери́дская конвенция закладывает прочные основы для использования потенциала гражданского права с целью изъятия нелегально добытого имущества и возмещения ущерба. Статьи 31, 34, 35, 43, 53, 54, 55 и многие другие нормы прямо предписывают государствам-участникам не ограничиваться уголовно-правовыми инструментами, принимая весь комплекс мер, включая гражданские судебные разбирательства.

Статья 53 Мери́дской конвенции, например, устанавливает, что каждое государство-участник должно разрешить другому государству-участнику предъявлять в свои суды гражданские иски об установлении правового титула или права собственности на имущество, приобретенное в результате совершения коррупционных преступлений.

Как уже отмечалось, несмотря на то, что многие международные организации и документы связывают возвращение активов с противодействием коррупции, сам термин «возврат активов» имеет более широкое значение. Этот процесс играет особую роль при реализации рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), которые охватывают намного больший круг предикатных преступлений.

Рекомендация 4 ФАТФ гласит, что страны должны обеспечить наличие политики и законодательства, обеспечивающих приоритет возврата активов как на национальном, так и на международном уровнях. При этом странам следует иметь меры, в т.ч. законодательные, позволяющие их компетентным органам конфисковать преступное имущество путем конфискации, не основанной на осуждении⁹.

Одним из последних международно-правовых решений, устанавливающих универсальные стандарты и указывающих на глобальные тенденции в сфере возврата активов, является Директива Европейского Парламента и Совета №2024/1260 от 24 апреля 2024 года (далее – Европейская директива)¹⁰.

Статья 16 Европейской директивы внедряет институт конфискации необъяснимого богатства – имущества, полученного в результате преступного поведения. Речь идет о выходе за пределы объема активов, добытых в результате совершения конкретного уголовного правонарушения.

⁷ The Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions. 21 November 1997 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0293> (дата обращения: 15.10.2025).

⁸ United Nations Convention against Corruption (UNCAC): General Assembly resolution 58/4 of 31 October 2003 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 15.10.2025).

⁹ Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. – М.: Вече, 2012. – 176 с.

¹⁰ Directive (EU) 2024/1260 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on asset recovery and confiscation [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1260/oj/eng> (дата обращения: 15.10.2025).

Имущество может быть признано национальным судом как полученное в результате преступного поведения, если (но не ограничиваясь этим): а) стоимость имущества существенно несоразмерна законному доходу; б) не существует вероятного законного источника имущества; в) лицо связано с людьми, связанными с преступной организацией.

Европейская директива ограничивается разбирательствами по уголовным делам, но не исключает принятие государствами-членами мер по конфискации в рамках гражданских дел (Преамбула, пункт (35)).

С точки зрения соразмерности мер необходимо отметить, что Европейская директива устанавливает порог серьезности и разрешает конфискацию необъяснимого богатства лишь в случаях, когда расследование касается преступления, которое наказывается лишением свободы на срок не менее четырех лет.

Общепринято, что сами международные договоры и решения содержат базовые нормы, требующие развития в производных документах, которые дают более полное и четкое понимание подходов, правил, требований. К примеру, подпункт с) пункта 1 статьи 54 Меридской конвенции указывает на необходимость создания возможности конфискации без вынесения приговора. Техническое руководство по осуществлению данной Конвенции разъясняет, что выполнение этой рекомендации зависит от того, какой характер приписывается каждым государством-участником концепции конфискации – карательный или восстановительный. Отмечается, что многие государства подходят к вопросу конфискации как к коррективной, восстановительной санкции, которая при определенных обстоятельствах применяется в качестве неуголовного средства судебной защиты¹¹.

Комментарии к Конвенции ОЭСР

раскрывают значение термина «конфискация» в пункте 3 статьи 3 как постоянное лишение имущества по решению суда или другого компетентного органа, т.е. вынесение для этого обвинительного приговора суда по уголовному делу не требуется¹².

Согласно пояснительным запискам и общему словарю к рекомендациям ФАТФ, страны могут применять гибкий подход к осуществлению конфискации, не основанной на осуждении. При этом следует рассмотреть возможность принятия мер, которые требуют от правонарушителя подтвердить законность происхождения имущества, предположительно подлежащего конфискации. Термин «конфискация» означает безвозвратное изъятие средств или иного имущества по распоряжению компетентного органа или суда¹³.

Важное значение в изучении и понимании международных стандартов имеет сложившаяся практика правоприменения, особенно судебная практика. В этом контексте Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) неоднократно подчеркивал, что государствам предоставляется широкая свобода усмотрения при выявлении проблем, затрагивающих общественные интересы, требующих мер контроля и надлежащего применения таких мер. ЕСПЧ обычно трактовал меры конфискации без вынесения приговора, в т.ч. в гражданском судопроизводстве, как осуществление контроля за использованием имущества, не возражая против переноса бремени доказывания на ответчика¹⁴.

Для ЕСПЧ важно придерживаться базовых принципов в области соблюдения прав человека, таких как, например, законность, соразмерность, предоставление ответчику эффективных средств судебной защиты.

По делу С-234/18 по обращению Софийского городского суда (Болгария) Суд Европейского Союза решил, что законодательство ЕС не ограничивает

¹¹ Техническое руководство по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/TechnicalGuide/10-53208_ebook_r.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

¹² Commentaries on the convention on combating bribery of foreign public officials in international business transactions [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/205/185f5f38-ba6b-4e35-93a8-50fa739c7005.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

¹³ Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. – М.: Вече, 2012. – 176 с.

¹⁴ Bright Line Law. Использование ареста и конфискации без вынесения обвинительного приговора [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/the-use-of-non-conviction-based-confiscation-ru-final/1680a21d75> (дата обращения: 20.10.2025).

государства-члены в установлении в национальном законодательстве механизмов специальной конфискации в порядке гражданского судопроизводства, которые не связаны с уголовным преследованием. Для этого не требуется ни установления факта уголовного преступления, ни тем более осуждения лиц, обвиняемых в совершении такого преступления¹⁵.

Что касается казахстанского опыта, то возможность применения гражданской конфискации в современном ее понимании впервые установлена Законом 12 июля 2023 года «О возврате государству незаконно приобретенных активов» (Профильный закон)¹⁶. Гражданский иск об активах необъяснимого происхождения может быть подан в случаях, когда стоимость активов лица не соответствует размеру его законных доходов или иных законных источников покрытия расходов на их приобретение.

Следует отметить, что при принятии Профильного закона учтены международные нормы и опыт, в т.ч. рассмотренные в данной работе, что позволило сравнительно быстро и эффективно внедрить новый механизм в практику. По данным Комитета по возврату активов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, на сегодня судами удовлетворены иски об активах необъяснимого происхождения на сумму более 100 млрд тенге.

Между тем, с учетом предварительных итогов правоприменения, а также сложившейся судебной практики, усматривается необходимость дальнейшего совершенствования норм Профильного закона, в чем немаловажную роль играют складывающиеся тенденции в глобальных мерах.

Заключение. По результатам изучения и обсуждения можно сделать следующие выводы:

- международные стандарты и судебная практика не только допускают, но и подчеркивают необходимость эффективного использования гражданско-правовых мер защиты для возврата активов;

- несмотря на то, что большинство подходов и механизмов все еще связано с имуществом, добытым в результате совершения конкретного преступления, и с уголовно-правовыми мерами, в мире наблюдается тенденция расширения возможностей конфискации незаконно приобретенного имущества в гражданском судопроизводстве;

- международные договоры предоставляют государствам широкое усмотрение в установлении в национальном законодательстве порядка возврата активов, в т.ч. в гражданском разбирательстве;

- наиболее дискуссионными в рамках рассматриваемой темы остаются отдельные аспекты нормативного регулирования и правоприменения, такие как, например, соразмерность мер, стандарты доказывания, сроки давности и т.п.;

- для полного раскрытия потенциала и повышения эффективности применения Профильного закона усматривается необходимость дальнейшего совершенствования его норм, в т.ч. и в особенности с учетом международных стандартов.

Необходимо обратить внимание на то, что круг лиц, на которых распространяется действие казахстанского механизма гражданской конфискации, ограничен специальным реестром субъектов, что, на наш взгляд, сужает возможности использования этого инструмента.

Кроме того, установлен денежный порог возможности применения к субъектам мер по возврату активов – по стоимости имущества (имущественного состояния), превышающей тринадцатимиллионно-кратный размер месячного расчетного показателя.

Несмотря на то, что в международной практике, например, Европейской директивой, также предусмотрен порог серьезности, столь высокая казахстанская шкала может существенно ограничивать перспективы применения гражданской конфискации как инструмента по выявлению

¹⁵ Суд ЕС разрешил гражданскую конфискацию необоснованных активов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.ua/articles/sud-es-gazreshil-grazhdanskuyu-konfiskaciju-neobosnovannyh-aktivov/> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁶ О возврате государству незаконно приобретенных активов: закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 г. № 21-VIII ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021> (дата обращения: 20.10.2025).

и возврату незаконно приобретенных активов. В этой связи предлагается дальнейшее расширение сферы действия Профильного закона с максимальным приближением к общемировой практике.

В контексте дальнейшего совершенствования законодательства Казахстана с учетом международных стандартов полагаем целесообразным также внедрение сбалансиро-

ванных подходов по стандартам доказывания и соразмерности мер с учетом соблюдения публичных и частных интересов.

В целом полагаем, что широкое применение института гражданской конфискации будет способствовать серьезному усилению глобальных мер по противодействию коррупции и незаконному обогащению в любых его проявлениях.

Список использованной литературы:

1. Капица, Л.М. Теневая глобализация / Л.М. Капица // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 3 (36). – С. 69-81.
2. Takoff, Ch. Key Issues of Civil Law in Corruption Cases in Bulgaria / Ch. Takoff // Nomos, 2009. – 280 p.
3. Young, Simon N.M. Why Civil Actions Against Corruption? / Simon N.M. Young // Journal of Financial Crime. – 2009. – № 16. – Pp. 144-159.
4. Айдарбаев, С.Ж. Правовые основы возврата государству незаконно выведенных активов: опыт Европейского Союза и Совета Европы. / С.Ж. Айдарбаев, С.Т. Турсунбеков // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 2 (36). – С. 195-204.
5. Абубакирова, Г.М. Правовые механизмы конфискации и возврата активов в Китайской Народной Республике: анализ опыта и перспективы применения в Казахстане / Г.М. Абубакирова, Г.Е. Жандыкеева // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 2 (36). – С. 187-194.

References:

1. Kapica, L.M. Tenevaja globalizacija / L.M. Kapica // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2014. – № 3 (36). – S. 69-81.
2. Takoff, Ch. Key Issues of Civil Law in Corruption Cases in Bulgaria / Ch. Takoff // Nomos, 2009. – 280 p.
3. Young, Simon N.M. Why Civil Actions Against Corruption? / Simon N.M. Young // Journal of Financial Crime. – 2009. – № 16. – Pp. 144-159.
4. Ajdarbaev, S.Zh. Pravovye osnovy vozvrata gosudarstvu nezakonno vyvedennyh aktivov: opyt Evropejskogo Sojuza i Soveta Evropy. / S.Zh. Ajdarbaev, S.T. Tursunbekov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 2 (36). – S. 195-204.
5. Abubakirova, G.M. Pravovye mehanizmy konfiskacii i vozvrata aktivov v Kitajskoj Narodnoj Respublike: analiz opyta i perspektivy primenenija v Kazahstane / G.M. Abubakirova, G.E. Zhandykееva // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 2 (36). – S. 187-194.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Нұрдәулет Мықтыбекұлы Суиндиков – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, заңтану магистрі, e-mail: 037Nurdaulet@gmail.com.

Суиндиков Нурдаулет Мықтыбекович – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юриспруденции, e-mail: 037Nurdaulet@gmail.com.

Suindikov Nurdaulet Myktybekovich – Doctoral Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: 037Nurdaulet@gmail.com.

ӘОЖ 341.24; 341.3
ХҒТАР 10.87.68

Т.А. Токтыбеков¹, С.Р. Буранбаева²

¹Тұран Университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚАРУЛЫ ҚАҚТЫҒЫСТАРҒА ҚАТЫСУШЫЛАРДЫҢ МӘРТЕБЕСІ

Аннотация. Қазіргі таңда әлемде жергілікті және кең ауқымды әскери қақтығыстар өршіп тұрған жағдайда соғыс қылмыстары үшін кім жауапқа тартылуы мүмкін деген мәселе өзектілігін жойған жоқ. Соғыс ешқашан ақталмайды, себебі ол үнемі қатыгездікпен және зорлық-зомбылықпен қатар жүреді. Дегенмен, қарулы қақтығыстар жағдайында тараптар халықаралық құқық нормаларын сақтауға міндетті, бұл жазықсыз құрбандар мен бүлінудің алдын алуға бағыттайды. Халықаралық гуманитарлық құқық соғыс әрекеттеріне қатысушыларды – комбатанттар мен бейбіт тұрғындар ретінде нақты ажыратады. Мұндай жіктеу кімнің тікелей соғысушы екенін, ал кімнің қорғалуы қажет екенін анықтау үшін қажет. Осыған байланысты мақалада қарулы қақтығыстарға тікелей қатысушылар мен бейбіт тұрғындардың құқықтық мәртебесін айқындайтын халықаралық актілерге талдау жасалды. Зерттеу аясында 1949 жылғы Женева конвенциялары мен оларға 1977 жылы қабылданған Қосымша Хаттамалар жан-жақты қарастырылды. Әсіресе, халықаралық қарулы қақтығыстардың құрбандарын қорғау үшін қабылданған Женева конвенцияларының негізгі ережелерін одан әрі дамытқан I Қосымша Хаттама ерекше назарға алынды. Бұл құжаттарда комбатанттар мен бейбіт тұрғындардың құқықтық жағдайы реттеліп, әскери қақтығыстар жағдайындағы медициналық қызметкерлер мен дін өкілдерінің мәртебесі бөлек көрсетілген. Сонымен қатар, ұсынылып отырған зерттеуде халықаралық және халықаралық емес қарулы қақтығыстардың ерекшеліктері де талданды.

Түйінді сөздер: комбатант; бейбіт тұрғын; қарулы қақтығыс; халықаралық гуманитарлық құқық; БҰҰ; соғыс; Женева конвенциялары; Қосымша хаттамалар.

Т.А. Токтыбеков¹, С.Р. Буранбаева²

¹Университет Туран, г. Алматы, Республика Казахстан

²Казахский национальный аграрный исследовательский университет,
г. Алматы, Республика Казахстан

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СТАТУС УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В современном мире, где локальные и масштабные вооруженные столкновения продолжают охватывать разные регионы, тема привлечения к ответственности за военные преступления остается крайне насущной. Войне нельзя найти оправдания, поскольку она неизбежно сопровождается жестокостью и насилием. Тем не менее, даже в ходе боевых действий противоборствующие стороны обязаны соблюдать нормы международного права, чтобы предотвратить излишние жертвы и разрушения. Международное гуманитарное право четко разграничивает две категории участников конфликта – комбатантов и гражданских лиц. Такое различие необходимо для понимания того, кто непосредственно участвует в сражениях, а кто нуждается в особой защите. В этой статье особое внимание уделяется анализу документов, определяющих статус как прямых участников вооруженных конфликтов, так и мирных жителей. Для глубокого исследования проблемы были рассмотрены Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные Протоколы к ним 1977 года. Особый акцент сделан на Дополнительном Протоколе I, развивающем ключевые положения Женевских конвенций о защите жертв международных вооруженных конфликтов. Эти документы регулируют права комбатантов и гражданских лиц, а также большое внимание уделяют статусу медицинского персонала и духовенства в условиях войны. Кроме того, в работе анализируются как международные, так и немеждународные вооруженные конфликты.

Ключевые слова: комбатант; гражданское лицо; вооруженный конфликт; международное гуманитарное

право; ООН; война; Женевские конвенции; Дополнительные протоколы.

T.A. Toktobekov¹, S.R. Buranbayeva²

¹*Turan University, Almaty, the Republic of Kazakhstan*

²*Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, the Republic of Kazakhstan*

INTERNATIONAL LAW AND THE STATUS OF PARTICIPANTS IN ARMED CONFLICTS

Abstract. In the contemporary world, where both local and large-scale armed conflicts continue to affect various regions, the question of accountability for war crimes remains highly pressing. War can never be justified, as it is inherently accompanied by brutality and violence. Nevertheless, even during hostilities, parties to a conflict are obligated to adhere to the norms of international law to minimize unnecessary casualties and destruction. International humanitarian law distinctly categorizes conflict participants into two groups: combatants and civilians. This distinction is essential for determining who is directly engaged in hostilities and who requires special protection. This article places particular emphasis on the analysis of legal instruments that define the status of both direct participants in armed conflicts and civilians. For a thorough examination of the issue, the study refers to the 1949 Geneva Conventions and their 1977 Additional Protocols. Special attention is given to Additional Protocol I, which elaborates on the principal provisions of the Geneva Conventions concerning the protection of victims of international armed conflicts. These instruments regulate the rights of combatants and civilians while also addressing the status of medical personnel and clergy during armed conflicts. Furthermore, the study considers both international and non-international armed conflicts.

Keywords: combatant; civilian; armed conflict; international humanitarian law; the United Nations; war; Geneva conventions; Additional protocols.

DOI: 10.52425/25187252_2025_38_274

Кіріспе. Өркениет пайда болуынан бастап бүгінгі күнге дейін соғыстар адамзатқа үлкен зияндар мен қайғы-қасіреттер әкелуде. Әскери қақтығыстарға қатысты аймаққа тап болған барша адамдар соғыс әрекеттерімен байланысты ауыртпалықтар мен азаптарды бастан кешіруде. Кейде бүкіл ұрпақтар ұзаққа созылған зорлық-зомбылық пен қатыгездік жағдайында бейбақ күйде қалады, әсіресе, соғыс ұзақ жылдарға созылғанда. Әскери қақтығыстар кейде батырлық хикаялар мен фильмдерде романтизммен сипатталса да, соғыстың ауыртпалығын көтергендер әртүрлі фобиялар мен психикалық бұзылуларға ұшырап, ұзақ уақыт емдеуді талап етеді.

1930 жылдардағы зорлық-зомбылыққа қарсы сөйлеген сөздерінде Махатма Ганди «ешқандай соғыс ешқандай себептермен ақталуы мүмкін емес» деп кесіп айтқан [1]. Дәл осындай ойды ондаған жылдар өткен соң 1967 жылы «Мен неге Вьетнам соғысына қарсымын» деген баяндамасында кіші Мартин Лютер Кинг «соғыс ешқашан моральдық тұрғыдан ақталмайды» деп осы мәселе бойынша өз пікірін білдірген [2].

Осыған байланысты, халықаралық гуманитарлық құқық (ХГҚ) нормалары қарулы қақтығыстар кезінде адамзаттың азаптарын мүмкіндігінше жеңілдету мақсатында әзірленген.

Бүгінгі таңда, әлемнің жаһандануына байланысты әскери қақтығыстардың бұрын белгісіз жаңа зорлық-зомбылық түрлері пайда болды. Сондықтан оларды халықаралық реттеу қажеттілігі айқын көрінді. Заманауи соғыстың сипаты мен тәжірибесі технологиялар арқылы түбегейлі өзгергендіктен, бейбіт тұрғындарды қорғау мәселесін қамтамасыз ету барған сайын маңызды міндетке айналуға [3].

Қазіргі халықаралық құқықта «әскери қылмысы» термині адамдардың жаппай қырылуы жағдайында қолданылады, бұл халықаралық гуманитарлық құқықтың айтарлықтай бұзылуын білдіреді және жеке қылмыстық жауаптылықты талап етеді.

Осы зерттеудің мақсаты – қазіргі заманғы әскери қақтығыстарды халықаралық гуманитарлық құқық тұрғысынан талдау, соғыс заңдары мен қағидаларының қандай

жағдайларда сақталуы мүмкін екендігін анықтау.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу жұмысын орындау үшін әскери қақтығыстарды жүргізу ережелері мен тәсілдерін реттейтін халықаралық құжаттар, атап айтқанда, 1949 жылғы Женева конвенциялары мен олардың Қосымша Хаттамалары негізге алынды. Тақырыпты тереңірек зерттеу мақсатында тарихи және салыстырмалы талдау әдістері қолданылды. Халықаралық гуманитарлық құқықтың нормаларын зерттеу барысында нормативті талдау әдісі және бұрын жарияланған құжаттарды жаңалармен салыстыру тәсілі орын алды. Бұл құжаттардың арасындағы айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік берді.

Нәтижелер, талқылау. Әскери қақтығыстар адамзатқа тигізетін ауыр зардаптары мен кейде болжауға келмейтініне қарамастан, олар өз заңдарына бағынады. Көбінесе, сол заңдылықтар XIX ғасырда әлемдік қарулы қақтығыстардың нәтижесінде қалыптасты. Ауыр тәжірибе әлем елдерін науқастарды, жарақат алғандарды, қарттарды, балаларды және жалпы халықты қорғау мақсатында алғашқы халықаралық конвенцияларды қабылдауға мәжбүр етті. Әлем мемлекеттерінің бейбіт тұрғындарын соғыс жағдайында қорғауды қамтамасыз ету мәселесінде бірігуі 1949 жылы төрт Женева конвенциясын қабылдауға алып келді¹.

Екінші дүниежүзілік соғыстың аяқталуының өзі аталған құжаттардың әлем мемлекеттері үшін соғыс жүргізудің жалпы қабылданған ережелері мен тәртіптеріне құрмет көрсетудің негізіне айналған кезең еді. Нәтижесінде, аталған ережелерді мойындаған мемлекеттер оларды орындауға міндетті қабылдады [4].

Сонымен қатар, «әскери қылмыстар» термині әлемдік қауымдастықта кеңінен таралды, оның мәні конвенцияларда белгіленген шарттардың бұзылуымен байланысты болды. Халықаралық соттың әскери қылмыстары бойынша бұрын орын алмаған тергеу тәжірибесі Екінші дүниежүзілік соғыс нәтижесінде құрылған Нюрнберг және

Токио әскери трибуналдарының атқарған жұмысынан басталды. Ондаған жылдар өткеннен кейін (1990 жылдары), бұл тәжірибе бұрынғы Югославия мен Руандадағы халықаралық трибуналдарда жалғасын тапты, олар Біріккен Ұлттар Ұйымының (БҰҰ) қолдауымен құрылды.

Қазіргі таңда, әсіресе, ұзаққа созылған соғыстар (Палестина, Украина) жағдайында, халықаралық реттеу жүйесі адамдар үшін аса маңызды бола түсуде, себебі олар тұрақты түрде зорлық-зомбылықтың құрбаны болып отыр². Бұл адамдар бүкіл әлемнің олардың әділетсіздікке, әртүрлі көріністеріндегі зорлық-зомбылыққа ұшырағанын мойындауын қалайды. Осы соғыстарға қатысатын сарбаздар үшін де маңызды, себебі олар әскери борышын дұрыс әрі әділетті атқарып жүргеніне сенімді болғысы келеді.

Халықаралық гуманитарлық құқықта «әскери қылмысы» термині негізінен құқық бұзушылықты білдіреді, алайда бұл құқық бұзушылықтың ауқымы, жойқын зардаптары мен адам шығындарының көптігімен ерекшеленеді, сондықтан оның нәтижесі ауырлана түседі. Әскери қылмыс – бұл әскери әрекеттерді: жоспарлап, ұйымдастыратын; әскерлерді жинап, қаруландыратын; әскери күштердің қозғалысын қамтамас ету үшін стратегия мен тактика дайындайтын; қылмыстық бұйрықтар беретін адамдардың жеке жауапкершілігін қамтиды. Әрбір қылмыс артында нақты адамдар тұрады, олар халықаралық деңгейде жауапқа тартылуы мүмкін.

Алайда барлық соғыс заңдарын бұзатын әрекеттер соғыс қылмысы ретінде қарастырылмайды. Сонымен қатар, бейбіт тұрғындардың соғыста қаза болуы әрдайым халықаралық құжаттар талаптарының бұзылуы деп танылмайды. Соғыс заңдарын қолдану және оларды сақтау механизмдері (халықаралық соттарды қоса алғанда) қандай келісімдерді қай мемлекеттер қабылдағанына байланысты жүзеге асырылады. Нәтижесінде, кейбір әскери әрекеттердің ауыр салдарлары, оның

¹ The Geneva Conventions and their Commentaries [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.icrc.org/en/document/geneva-conventions-1949-additional-protocols> (жүгінген күні: 19.05.2025).

² How the conflicts in Ukraine and the Gaza Strip are rooted in the problem of imperialism [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.alternatives-humanitaires.org/en/2024/11/27/how-the-ukraine-and-gaza-conflicts-are-rooted-in-the-issue-of-imperialism/> (жүгінген күні: 19.05.2025).

ішінде бейбіт халықтың қаза болуы мүмкін болса да, соғыс қылмысы деп саналмайды. Дегенмен, соғыс келісімдерінің бұзылмаған жағдайында да, соғысқа қатысушы тараптар бір-біріне келтірген залалдарын және орны толмас шығындарын жариялауы аса қажет. Себебі жауласып жатқан мемлекеттерді бейбіт тұрғындарға келтірген зиян үшін саяси жауаптылыққа тартуға мүмкіндік береді.

Халықаралық қарулы қақтығыстар. Халықаралық гуманитарлық құқықта әскери қақтығыстар кезінде келесі терминдер қолданылады: «бейбіт тұрғындар», «комбатанттар», «комбатанттар емес». Өткен ғасырдың екінші жартысындағы ғалымдардың халықаралық құқық саласындағы еңбектерінде соғысқа қатысушыларды екі санатқа бөлгендерін байқауға болады: комбатанттар мен комбатанттар емес. Бұл 1907 жылы қабылданған Құрлық соғысының заңдары мен әдет-ғұрыптары туралы Гаага ережесінің 3-бабына³ және 1949 жылғы Женева конвенциясының 4-бабына⁴ байланысты болды.

И. Пэнсон [5], И.Н. Арцибасов [6], В.М. Батырь [7], В.И. Лисовский [8] және басқа да бірқатар зерттеушілер «комбатант емес» тұлғалар қатарына әскери қызметте болғанымен, қарулы қақтығыстарға тікелей қатыспайтын адамдарды енгізген. Бұл санатқа әскери дәрігерлер, медициналық персонал, журналистер, дін қызметкерлері, сондай-ақ әскери және өзге де техникалық инфрақұрылымды қамтамасыз ететін мамандар жатқызылған.

Алайда 1977 жылы Женева конвенцияларын толықтыру мақсатында қабылданған I Қосымша хаттаманың 43-бабының 2-тармағы «қарулы күштер» ұғымына жан-жақты және әмбебап анықтама беріп, онымен байланысты тұлғалардың да құқықтық мәртебесін нақтылады. Осы халықаралық-құқықтық актінің күшіне енуіне байланысты «комбатант емес» термині нормативтік қолданыстан толықтай шығып

қалды.

Қазіргі халықаралық гуманитарлық құқық жүйесінде қарулы қақтығыстарға қатысатын тұлғалардың екі негізгі санаты айқындалады: комбатанттар және бейбіт тұрғындар.

«Комбатант» сөзі француз тілінен «соғысушы» деп аударылады, және халықаралық гуманитарлық құқықта бұл термин қарулы қақтығыстарда тікелей соғыс қимылдарына қатысатын тұлғаларды білдіреді. Мұндай тұлғаларға арнайы заңды мәртебе беріледі, ол халықаралық құқықтық құжаттармен реттеледі.

Қарулы қақтығыстар жағдайында комбатанттарға қарсылас тарапты өздеріне қолжетімді құралдар мен әдістер арқылы жою құқығы беріледі. Бұл жағдайда олар тек соғыс жүргізудің тыйым салынған әдістері немесе қару түрлерін пайдаланған жағдайда ғана жауаптылыққа тартылуы мүмкін [9].

Тұтқынға түскен комбатант халықаралық гуманитарлық құқық нормаларына сәйкес әскери тұтқын мәртебесіне ие болады және бұл мәртебе қарулы қақтығыстың толық аяқталған сәтіне дейін сақталады. Қазіргі заманғы соғыс жүргізу тәртібі халықаралық құқықта бекітілген «комбатантқа қарсы комбатант» қағидатына негізделеді [10]. Алайда аталған қағиданың тиімді жүзеге асырылуы үшін комбатанттар мен бейбіт тұрғындардың құқықтық мәртебесін нақты айқындау аса маңызды.

Бұл мәселенің күрделілігі қарулы қақтығыс жағдайында халықаралық құқық белгілеген шекаралардың жиі көмескіленуімен және қарсылас тарапты жаңылыстыру мақсатында құқыққа қайшы тәсілдердің қолданылу ықтималдығымен түсіндіріледі. Сонымен бірге, халықаралық ұйымдар үшін соғыс кезеңінде орын алуы мүмкін барлық құқық бұзушылықтарды толық көлемде бақылау айтарлықтай қиындық тудырады [11].

Комбатанттардың құқықтық мәртебесі халықаралық гуманитарлық құқықпен реттеледі, оның ішінде 1949 жылғы Женева

³ Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907 [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-iv-1907> (жүгінген күні: 19.05.2025).

⁴ Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 12 August 1949 [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciii-1949/article-13/commentary/2020> (жүгінген күні: 19.05.2025).

конвенциясы мен 1977 жылғы I Қосымша Хаттама бар⁵. Бұл құжаттарға сәйкес, өз мемлекетінің қарулы күштеріне қатысы жоқ тұлғалар мынадай жағдайларда комбатант болып есептелуі мүмкін:

1. Қарулы, ұйымдасқан топта қызмет етеді, оны басқара алады және топ мүшелері үшін жауапты.

2. Қарулы белгілермен айқын көрінеді.

3. Қару-жарақ қолдануға еркін және ашық түрде құқықтары бар.

4. Соғыс заңдарын және халықаралық нормаларды бұзбай әрекет етеді.

Қойылған талаптарды орындау мүмкін болмайтын соғыс жүру барысындағы әртүрлі шектен тыс жағдайларда, комбатантты дәлірек анықтау үшін жоғарыда аталған Конвенцияға I Қосымша Хаттама мен кейбір нақтылаулар енгізілді⁶. Өйткені кейде соғыс жағдайында комбатантты анықтау мүмкін емес. Мысалы, егер адам әскери киімін кимей, айырым белгілерін тақпаған болса, онда ол комбатант немесе комбатант емес екенін түсіну мүмкін емес. Алайда, егер тұлғада қару-жарақ болса және ол оны ашық түрде ұстап тұрса, ол өз мәртебесін сақтай алады.

Халықаралық гуманитарлық құқықтың негізгі қағидасы – қарулы қақтығыстар кезінде азаматтық тұлғалар мен әскери тұлғаларды айқын ажырату. Азаматтық тұлғалар – қарулы күштердің құрамында болмаған және әскери қақтығыстарға қатыспайтын адамдар.

1977 жылғы I Қосымша Хаттама (1949 жылғы Женева конвенциясының III бөлімін дамыту үшін қбылднған)⁷ «қарулы күштер құрамы» деп аталатын категорияны құқықтық тұрғыдан қорғау үшін бағытталған. Нәтижесінде, I Қосымша Хаттаманың 43, 50-баптарына сәйкес төменде көрсетілгендерге жатпайтындардың барлығы азаматтық тұлғаларға жатқызылды:

- қарулы күштердің тұрақты құрамындағы

тұлғалар;

- қарулы күштердің құрамындағы тұлғалар, соның ішінде ерікті жасақтар;

- жетекшілері өздерінің бағыныштылары үшін жауапты барлық ерікті топтар мен ұйымдастырылған бөлімдер⁸.

Соғыс кезінде комбатанттарды азаматтық тұлғалардан ажырату қиындық туғызады, өйткені:

- басып алынған аумақтарда халықаралық қарулы қақтығыстар кезінде бейбіт тұрғындар қарулы қарсылық көрсетуі, партизан соғысын жүргізуі мүмкін және т. б.;

- халықаралық емес әскери қақтығыстар халықтық көтеріліс қозғалыстарымен бірге жүріп, қарулы топтар бейбіт халықпен тығыз байланыста болуы мүмкін.

Мұндай өзгерістер (1977 жылғы Қосымша Хаттамаларда) соғыс барысында ескеріліп, соғысушы тараптардың да, бейбіт халықтың да сенімді қорғауын қамтамасыз ету мақсатында қабылданды. Осы орайда, Қосымша Хаттамаларда ұлттық азаттық қозғалыстарының қатысушылары да комбатанттардың қатарына қосылды. Сондай-ақ, I және II Қосымша Хаттамаларында – 45-бап 1-тармағы, 51-бап 3-тармағы және 13-бап 3-тармағында ерекше жағдай қарастырылған, мұнда азаматтық тұлғалар соғысқа тікелей қатысқан жағдайда халықаралық гуманитарлық құқықтың қорғауынан айырылды. Сонымен қатар, I және II Қосымша Хаттамаларында (75 және 4 баптарда)⁹ қарулы қақтығыстарға қатыспайтын немесе олардан бас тартқан азаматтық тұлғалар үшін кепілдіктер күшейтілді. Бұл ережелер, комбатанттар мен азаматтық тұлғаларды бір бірінен ажырату қағидасымен бірге, қарулы қақтығыстардың құрбандарын сенімді қорғауды қамтамасыз етті.

Осылайша, халықаралық гуманитарлық құқық қарулы қақтығыстарда тек екі

⁵ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and Relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II) [Электрондық ресурc] – Айналыс режимі: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-additional-geneva-conventions-12-august-1949-and-0> (жүгінген күні: 19.05.2025).

⁶ Сол жерде.

⁷ Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 12 August 1949 [Электрондық ресурc] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciii-1949/article-13/commentary/2020> (жүгінген күні: 19.05.2025).

⁸ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 [Электрондық ресурc] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977> (жүгінген күні: 19.05.2025).

⁹ Сол жерде.

қарама-қарсы және әр түрлі мәртебеге иекомбатанттар мен бейбіт тұрғындар болуы мүмкін екенін анықтады.

Женева конвенциясына көпшілік елдер қосылғанымен, I Қосымша Хаттама кейбір елдерде жеткілікті қолдау тапқан жоқ. Бұл Қосымша Хаттаманың ережелерінің кеңінен қолданылмауына әкеп соқты, ал әскери қақтығыстар жағдайында оларды тек I Қосымша Хаттаманы мойындаған тараптар ғана сақтауы мүмкін¹⁰.

Бұл тұрғыда, терроризмге қарсы соғыстың өзіндік ерекшеліктері бар, оның ішінде мұндай қақтығыстарға қатысушылардың мәртебесін анықтау қажет. Террористік ұйымдардың жауынгерлері қатысатын қарулы қақтығыстар да ауқымды соғыстар болып табылады. Алайда, «Әл-Каида», «Талибан» сияқты ұйымдардың мүшелері комбатанттар қатарына жатпайды, себебі олар соғыс заңдары мен халықаралық гуманитарлық құқық талаптарын толығымен сақтамайды [12]. Сонымен қатар, террористік ұйымдардың негізгі мақсаты бейбіт тұрғындар арасында кездейсоқ өлім қорқынышын тудыру болып табылады. Мұндай жағдайда бейбіт тұрғындар кез-келген уақытта қарулы террористтердің физикалық қысымына ұшырауы мүмкін екендігі білінеді.

Халықаралық емес қарулы қақтығыстар. Халықаралық емес қақтығыстарға қатысушылардың құқықтық жағдайы халықаралық қақтығыстарға қатысушылардың мәртебесінен айтарлықтай өзгеше. Бұлайырмашылық халықаралық әдет-ғұрыптар мен келісімдердің халықаралық емес қақтығыстарға қатысушыларын комбатант ретінде танымайтындығында. Осылайша, мемлекеттің үкіметімен байланысы жоқ қарулы қақтығыстар заңсыз болып саналады. Мұндай қақтығыстарда қарсыластың әскери күшін жою мақсатында қару қолдану адам өлтіру деп танылады.

Қолға түскен, кепілге алынған адамдар әскери тұтқын ретінде танылмайды. Халықаралық емес қақтығыстарда барлық қатысушылардың соғысу мен байланысты әрекеттері қылмыстық заңмен реттеледі және олар қылмыстық жауаптылыққа тартылады (заңсыз қару ұстау, қылмыстық ұйым құру, мемлекеттің конституциялық құрылымына қауіп төндіру, кепілге алу, денсаулыққа зиян келтіру, адам өлтіру және т.б.). Дегенмен, үкіметтік емес қарулы қақтығыстарға қатысушылардың әрекеттері қылмыс деп есептелсе де, Женева конвенциясының 3-бабы және I Қосымша Хаттама оларға гуманитарлық қатынас жасау әдістерін сақтауды талап етеді. Сонымен қатар, олар әділ сот процестерінің шеңберінде өз құқытарын қорғау үшін сотқа жүгіне алады.

II Қосымша Хаттаманың 6-бабының 5-тармағында¹¹ қарулы қақтығыстар болған елдерге қатысушыларға мүмкіндігінше кең ауқымды рақымшылық беруді талап етеді.

Халықаралық құқыққа сәйкес, мемлекеттер бір-бірімен келісімдер жасауда шарттар мен әдет-ғұрыптарға негізделіп әрекет етуге ерікті. Қарулы қақтығысқа қатысты басты құжаттар төмендегідей:

- 1949 жылғы төрт Женева конвенциясы және 1977 жылғы Қосымша Хаттамалары¹²;

- 1998 жылғы Халықаралық қылмыстық сот Рим статуты (бұл құжат ТМД елдерінде, оның ішінде Қазақстанда, мойындалмаған. АҚШ, Ресей де ратификацияламады)¹³;

- әр түрлі жылдары қабылданған адам құқықтарын қорғауға және белгілі бір аймақтарға арналған халықаралық келісімдер.

Сонымен қатар, халықаралық құжаттар өз мәтіндерінде әдет-ғұрыптық құқық нормаларын қамтуы мүмкін. Мысалы, Женева конвенциясына Қосымша Хаттаманың 48-бабында¹⁴ бейбіт тұрғындарға шабуыл жасауға болмайтыны туралы ереже бар.

¹⁰ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977> (жүгінген күні: 19.05.2025).

¹¹ Сол жерде.

¹² The Geneva Conventions and their Commentaries [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.icrc.org/en/document/geneva-conventions-1949-additional-protocols> (жүгінген күні: 19.05.2025).

¹³ The Rome Statute of the International Criminal Court. – 82 p. [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RS-Eng.pdf> (жүгінген күні: 19.05.2025).

¹⁴ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977> (жүгінген күні: 19.05.2025).

Қосымша Хаттама бірқатар елдерде ратификацияланбағанына қарамастан, бұл ереже қарулы қақтығыстың барлық қатысушылары үшін халықаралық әдет-ғұрыптық құқық ретінде қолданылады. Дегенмен, халықаралық құқықтың нормаларын жан-жақты орындалуын қақтығыстар кезінде қадағалау әрдайым мүмкін бола бермейді.

Сонымен қатар, соғыс басталуының заңдылығы немесе заңсыздығы халықаралық құқықпен реттеледі, яғни мемлекеттер арасындағы әскери күш қолдану туралы заңдармен. Алайда, соғыс заңсыз басталған жағдайда да қақтығысқа қатысушы тараптар соғыс заңдарын сақтауға міндетті.

Қорытынды. Қорытындылай келе, I Қосымша Хаттама негізінде қарулы қақтығыстарға қатысушылар екі негізгі санатқа бөлінеді – комбатанттар мен бейбіт тұрғындар. Қарулы күштердің құрамында «комбатант емес» санатын айрықша топ ретінде қарастыруды бірқатар зерттеушілер құқықтық тұрғыдан негізсіз әрі дұрыс емес деп бағалап, оның халықаралық гуманитарлық құқық қағидаттарына сәйкес келмейтінін алға тартады.

Біз «комбатант емес» терминін қарулы күштер құрамындағы қызметкерлерге қолдануды орынды деп санамаймыз, өйткені Қосымша Хаттама түсініктемесінде: «Гаага конвенциясының 3-бабында қарулы күштер құрамында комбатанттар және комбатанттар емес деген санаттар жоққа шығарылады» деп көрсетілген¹⁵.

Кез келген елдің қарулы күштерінің құрамында қаруы бар кәсіби әскери қызметші және әскерге қызмет көрсетуші персонал санаты бар. Түсініктемеге сәйкес олардың қаруды белсенді түрде қолдануы маңызды емес. Қарулы қызметкерлер, егер олар өз міндеттеріне сәйкес қару ұстауы қажет болса, комбатанттар ретінде танылуы тиіс, өйткені олар соғыс әрекеттері барысында күткен және күтпеген жағдайларға байланысты қару қолдануы мүмкін. Бұл санатқа медициналық және діни қызметкерлер кірмейді. Қазіргі

уақытта, медицина қызметкерлері қарулы қақтығыстар кезеңінде қатысушылардың ең осал санатының бірі болып саналады.

Осылайша, Женева конвенциялары мен Қосымша Хаттамалар негізінде келесі тұлғалар комбатанттар қатарына жатады:

- қарулы күштер, ерікті жасақтардың құрамындағы барлық қызметкерлер;

- командирлері, әскери белгішелері бар, қару ұстап, соғыс заңдары мен әдет-ғұрыптарын сақтайтын қарсылық қозғалыстары мен партизан топтарының мүшелері;

- шабуылға ұшырап, бірақ басып алынбаған, әскери бірлікке айналмаған, соғыс заңдары мен әдет-ғұрыптарын сақтайтын және білетін қаруланған тұрғындар;

- ұлттық азаттық күресіне қатысушылар, мемлекеттік зорлық-зомбылыққа және халық еркіндігін басуға қарсы тұратындар.

Халықаралық гуманитарлық заңға сәйкес қарулы күштердің құрамына кіретін, бірақ комбатант болып табылмайтын тұлғаларға ерекше мәртебе беріледі. Медициналық және діни қызметкерлер халықаралық гуманитарлық құқыққа сәйкес ерекше қорғауға ие. 1949 жылғы Женева конвенциясының «Әскери тұтқындармен қарым-қатынас туралы» 33-бабына сәйкес, егер олар қарсы тараптың қолына түссе, бұл тұлғалар әскери тұтқындар мәртебесіне ие болмайды және уақытша ұсталғандар ретінде қаралады. Бұл, өз кезегінде, ерекше қорғауда бола отырып, медициналық қызметкерлер мен діни қызметкерлер өз тараптарына кедергісіз берілуге жатады, өйткені олар шабуыл жасау объектілері бола алмайды.

Қазіргі уақытта медициналық қызметкерлерге қатысты зорлық-зомбылық әрекеттері жиі орындалуда. Осыған байланысты «Қарулы қақтығыстарда медициналық көмек көрсету» халықаралық жобасы¹⁶ әзірленді, оның аясында Халықаралық Қызыл Крест комитеті әскери қақтығыстар аймақтарынан мәліметтер жинайды. Комитеттің мәліметтеріне сәйкес, медициналық көмек көрсету көлік құралдарына, медициналық

¹⁵ Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-iv-1907> (жүгінген күні: 19.05.2025).

¹⁶ Health Care in Danger: Voices of the Community of Concern [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.icrc.org/en/document/health-care-danger-voices-community-concern> (жүгінген күні: 19.05.2025).

қызметкерлерге, әскери ауруханаларға шабуылдар жиі жасалады. Халықаралық құқықтық қорғауға қарамастан, медициналық қызметкерлер соғыс жағдайында үлкен қауіп-қатерге ұшырауда. Әрине, мұндай жағдайлар халықаралық қауымдастықты қатты алаңдатады.

Біз бейбіт тұрғындарға, медициналық қызметкерлерге, діни қызметкерлерге қатысты қылмыс жасайтын қарулы қақтығыстарға қатысушылар халықаралық қылмыстық қудалауға жатады деп санаймыз. Ол үшін тиімді халықаралық-құқықтық тетіктерді әзірлеу қажет, соның негізінде құқық бұзушылар Женева конвенцияларын және оларға Қосымша Хаттамалардың талаптарын бұзғаны үшін қылмыстық жауаптылыққа тартылуы тиіс. Әскери қылмыскерлерді қылмыстық жауаптылыққа тарту үшін Нюрнберг және Токио трибуналдары сияқты тұрақты халықаралық әскери трибуналдар құру қажет, сондай-ақ бұрынғы Югославия

мен Руандадағы әскери қылмыстар бойынша трибуналдарды құру мүмкіндігі қарастырылуы тиіс¹⁷.

Біздің ойымызша, БҰҰ қамқорлығымен халықаралық комиссия құрған жөн болар еді, онда соғыс заңдары мен әдет-ғұрыптарын білу үшін әскери қызметшілерді даярлау мен оқыту жағдайы талданып, бақыланатын еді. Өйткені бұл заңдар бейбіт тұрғындарға да, медициналық қызметкерлер мен діни қызметкерлерге де қатысты соғыс жағдайы кезінде үнемі сақталуы керек.

Сонымен қатар, медициналық қызметкерлердің соғыс қақтығыстарына қатысу үшін арнайы әскери дайындықтан өту қажеттігі аса маңызды деп ойлаймыз. Халықаралық деңгейде қабылданған нұсқауларға сәйкес, аталған дайындық оларды өздерін және басқаларды жаудың шабуылынан қорғауға, өзін-өзі қорғау үшін және қарсылық көрсетуге мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. M.K. Gandhi. Non-violence [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.mkgandhi.org/nonviolence/gstruggle.php#:~:text=Nonviolence%20is%20the%20law%20of,the%20strength%20of%20the%20spirit> (жүгінген күні: 19.05.2025).
2. King Jr., M.L. Mobilization to End the War in Vietnam / M.L. King Jr. – New York City, 1967 [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.crmvet.org/docs/mlkviet2.htm#:~:text=I%20speak%20out%20against%20this,racism%2C%20extreme%20materialism%20and%20militarism> (жүгінген күні: 19.05.2025).
3. O. Simic. “Celebrating” Srebrenica Genocide: Impunity and Indoctrination as Contributing Factors to the Glorification of Mass Atrocities [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/14623528.2024.2308326?needAccess=true> (жүгінген күні: 19.05.2025).
4. M. Sassoli. International Law Studies [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1281&context=ils> (жүгінген күні: 19.05.2025).
5. Paenson, I. Manual of the terminology of the law of armed conflicts / I. Paenson. – Brussels, 1989. – 179 p.
6. Арцибасов, И.Н. Международное право (законы и обычаи войны) / И.Н. Арцибасов. – М., 1975. – 245 с.
7. Батырь, В.М. Международное гуманитарное право: учебник / В.М. Батырь. – М., 2011. – 381 с.
8. Лисовский, В.И. Международное право / В.И. Лисовский. – М., 1970. – 400 с.
9. I. Blazhevich. Nagorno-Karabakh – a conflict lasting for more than three decades [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://hrcak.srce.hr/file/390780> (жүгінген күні: 19.05.2025).
10. K. Watkin. Warriors Without Rights? Combatants, Unprivileged Belligerents, and the Struggle Over Legitimacy [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.hpcrresearch.org/sites/>

¹⁷ Mechanism for Rwanda, Former Yugoslavia Tribunals Fully in Residual Phase, Its President Tells Security Council, Calling International Criminal Justice «Long-Term Investment» [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://press.un.org/en/2023/sc15524.doc.htm> (жүгінген күні: 19.05.2025).

default/files/publications/OccasionalPaper2.pdf (жүгінген күні: 19.05.2025).

11. B. Tahir. Lack of combatant status in non-international armed conflicts [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.dlpforum.org/2023/11/29/the-lack-of-combatant-status-in-non-international-armed-conflicts/> (жүгінген күні: 19.05.2025).

12. A. Mir. Al-Qaeda, the Taliban, and the Future of U.S. Counterterrorism in Afghanistan [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://extremism.gwu.edu/al-qaeda-the-taliban-and-future-of-us-counterterrorism> (жүгінген күні: 19.05.2025).

References:

1. M.K. Gandhi. Non-violence [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://www.mkgandhi.org/nonviolence/gstruggle.php#:~:text=Nonviolence%20is%20the%20law%20of,the%20strength%20of%20the%20spirit> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

2. King Jr., M.L. Mobilization to End the War in Vietnam / M.L. King Jr. – New York City, 1967 [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://www.crmvet.org/docs/mlkviet2.htm#:~:text=I%20speak%20out%20against%20this,racism%2C%20extreme%20materialism%20and%20militarism> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

3. O. Simic. “Celebrating” Srebrenica Genocide: Impunity and Indoctrination as Contributing Factors to the Glorification of Mass Atrocities [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/14623528.2024.2308326?needAccess=true> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

4. M. Sassoli. International Law Studies [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1281&context=ils> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

5. Paenson, I. Manual of the terminology of the law of armed conflicts / I. Paenson. – Brussels, 1989. – 179 p.

6. Arcibasov, I.N. Mezhdunarodnoe pravo (zakony i obychai vojny) / I.N. Arcibasov. – M., 1975. – 245 s.

7. Batyr', V.M. Mezhdunarodnoe humanitarnoe pravo: uchebnik / V.M. Batyr'. – M., 2011. – 381 s.

8. Lisovskij, V.I. Mezhdunarodnoe pravo / V.I. Lisovskij. – M., 1970. – 400 s.

9. I. Blazhevich. Nagorno-Karabakh – a conflict lasting for more than three decades [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://hrcak.srce.hr/file/390780> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

10. K. Watkin. Warriors Without Rights? Combatants, Unprivileged Belligerents, and the Struggle Over Legitimacy [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://www.hpcrrresearch.org/sites/default/files/publications/OccasionalPaper2.pdf> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

11. B. Tahir. Lack of combatant status in non-international armed conflicts [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://www.dlpforum.org/2023/11/29/the-lack-of-combatant-status-in-non-international-armed-conflicts/> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

12. A. Mir. Al-Qaeda, the Taliban, and the Future of U.S. Counterterrorism in Afghanistan [Jelektrondyк resurs] – Ajnalys rezhimi: <https://extremism.gwu.edu/al-qaeda-the-taliban-and-future-of-us-counterterrorism> (zhыgingen kyни: 19.05.2025).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Темир Абикенович Токтыбеков – Тұран Университетінің құқықтану және халықаралық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: toktybekov.prok@mail.ru.

Токтыбеков Темир Абикенович – ассоциированный профессор кафедры юриспруденции и международного права Университета Туран, кандидат юридических наук, e-mail: toktybekov.prok@mail.ru.

Toktobekov Temir Abikenovich – Associate Professor of the Department of Jurisprudence and International Law at Turan University, Candidate of Law Sciences, e-mail: toktybekovprok@mail.ru.

Салиман Рахмановна Буранбаева – Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің Бизнес және құқық жоғары мектебінің аға оқытушысы, e-mail: lalumanu@mail.ru.

Буранбаева Салиман Рахмановна – старший преподаватель высшей школы Бизнес и право Казахского национального аграрного исследовательского университета, e-mail: lalumanu@mail.ru.

Buranbayeva Saliman Rakhmanovna – Senior Lecturer at the Higher School of Business and Law of the Kazakh National Agrarian Research University, e-mail: lalumanu@mail.ru.

Құрылтайшы:
Құқық қорғау органдары академиясы
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс
Тел.\факс: 8 (71651) 68-100
e-mail: academy-gp.kz, vestnikacademy.kz

Басуға 2025 жылдың 25 желтоқсанында қол қойылған
Пішімі 84x60^{1/8}. Көлемі-283 бет.
Журналды басып шығарған
«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының
жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы» ММ баспасы.
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс